

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Knihovna

literárního a řečnického spolku »Slavia«
v Praze.

§ 6 řádu knihovního. Knihy belletristické půjčují se na 14 dní, ostatní na měsíc a v stejném čase toliko 4, z nichž jen 2 mohou býti z téhož odboru.

Členy, kteří v čas knih nevrátí, upomene knihovník na černém prkně. Kdo vyzvání toho neuposlechne, upomene se po 8 dnech nevyplaceným listem, a kdyby ani to nepomohlo, po 14 dnech ve veřejných listech.

INDIANA
UNIVERSITY
LIBRARY

~~A. 97. a. b.~~

2. výt. (= 77 1/3) Do skladu

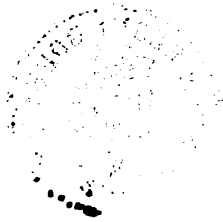
byal

Vyřazeno z přebytečných výtisků
Knihovny Musea král. Českého.

M 39.

10/95

~~M 77~~

Russkii filologicheskii vestnik

**РУССКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ВѢСТНИК.**

*Vyřazeno z přebytečných výtisků
biblioticky Musea král. Českého.*

**УЧЕНЬЙ ЖУРНАЛ,
ИЗДАВАЕМЫЙ ПОД РЕДАКЦІЕЮ**

М. А. КОЛОСОВА.

ТОМ I.

Vyřazeno

**ВАРШАВА
В ТИПОГРАФІИ М. ЗЕМКЕВИЧА И В. НОАКОВСКАГО,
Краковское-Предмѣстье N. 415 (15).**

1879.

PG 2003

.R 96

1879

Дозволено Цензурою.

Варшава, 21 Декабря 1878 года.

ОТ РЕДАКЦИИ.

I.

„РУССКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВѢСТНИК“

будет выходить четыре раза в год (в неопределенные сроки) книжками (№№) от 10 до 15 листов каждая. (Двѣ книги (два №№) составляют том). Общее число листов годового изданія—до 50.

Цѣна *семь* рублей с пересылкою.

Предметы журнала: язык, народная поэзія и древняя литература славянских племен, преимущественно русского народа.

Отдѣлы:

I. Матеріалы.

II. Исслѣдованія и замѣтки.

III. Критика, библиографія, научная хроника.

К каждому № журнала будет, сверх того, прибавляемо нѣсколько листов (IV) Педагогическаго отдѣла, в который войдут:

a) Статьи о преподаваніи русскаго языка и словесности в учебных заведеніях, по преимуществу средних;

b) Критика учебников по этим предметам;

в) Пробныя листы новых учебников по языку и словесности;

г) Разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе к преподаванію языка и словесности.

В Русском Филологическом Вѣстникѣ примут участіе своими трудами слѣдующіе русскіе ученые:

Ф. И. Буслаев. И. А. Бодуэн де Куртене. Я. К. Грот. Л. Н. Майков. В. В. Макушев. О. Ф. Миллер. И. С. Некрасов. А. А. Потебня. И. И. Срезневскій. А. И. Смирнов.

Из заграничных славянских ученых обѣщали редакціи свое соучастіе гг. Гейтлер—профессор Загребскаго университета и Крек—проф. Градецкаго (Gratz).

Приведенныя здѣсь имена могут служить достаточным ручательством за достоинство научнаго отдѣла журнала.

Что касается до педагогическаго отдѣла, то редакція разсчитывает, что гг. преподаватели русскаго языка и словесности, в интересах дѣла, которому служат они, примут в этом отдѣлѣ своими трудами дѣятельное соучастіе.

К директорам и инспекторам народных училищ, сельским священникам, учителям сельских школ и всѣм тѣм лицам, которыя находятся в частом соприкосновеніи с народом, редакція обращается с покорнѣйшею просьбою сообщать ей данныя, характеризующія народный язык, быт и поэзію. Произведенія народной поэзіи (пѣсни, былины, сказки, заговоры и пр.) должны быть записываемы с возможно точным сохраненіем особенностей народнаго говора. Даже ничтожнѣйшія по содержанію пѣсня или сказка, записанныя при соблюденіи этого условія, будут приняты редакціей с благодарностью.

Редактор-Издатель **М. КОЛОСОВ.**

Адрес Редакціи:
Варшава, Профессору Университета **М. А. КОЛОСОВУ.**

II.

Рѣшив печатать наше изданіе с исключеніем *з* в концѣ слов, мы не думали, что по этому поводу нам придется объясняться с читателями, отстаивая и доказывая законность этого исключенія. Дѣло казалось так просто: устраняется из алфавита буква, давным давно потерявшая в нем всякій смысл и значеніе. Однако, раньше чѣм была отпечатана первая книга нашего журнала, нам сдѣлано было нѣсколько заявленій словесных и письменных о вредѣ изгнанія *з* и о необходимости его сохраненія. В виду этих заявленій, считаем не лишним сказать нѣсколько слов в защиту своего мнѣнія касательно безправности этой буквы в нашем алфавитѣ. Объясненіе по этому поводу будет тѣм умѣстнѣе, что—к удивленію нашему—в числѣ защитников *з* оказалось нѣсколько ученых, из которых один посмотрѣлъ даже на изгнаніе этого значка, как на положительно вредное новшество, чуть не ересь... Конечно, люди имѣющіе хотя сколько нибудь филологическаго образованія, не смѣшывающіе понятій *буква* и *звук*, не станут доказывать, опираясь на язык, разумность употребленія конечнаго *з*; но, признавая его бесполезность, нѣкоторые из них думают, что слѣдует удерживать его из уваженія к преданію, из сохраненія принципа историческаго правописанія.

Уваженіе к преданію и по нашему мнѣнію—дѣло хорошее; безцѣльное отреченіе от форм, завѣщанных стариною, не желательно. Но когда сохраненіе этих форм теряет наконецъ вполне свой смысл и значеніе, слѣдует отречься от них. Не сохраняем же мы из уваженія к преданію букв *s, ξ, ψ, v, ж, л*; немногіе теперь употребляют уже и *ѳ*. Между тѣм нѣкоторые из этих букв древняго алфавита могли бы и в современном нам сохранить свое мѣсто с несравненно большим правом, чѣм *з*. Так сохраненіе юсов давало бы оче-

видное различіе тѣх случаев, когда, русское y = основному y , $\lambda(a)$ = основному $\lambda(a)$, и тѣх, когда тѣже звуки являются замѣною носовых. Если бы юсы удержались в нашем алфавитѣ до настоящаго времени, то исключеніе их было бы вопросом такой же важности, как вопрос об исключеніи λ . Хотя и послѣдняя буква издавна, как показывает исторія языка, не выражает особаго звука; но сохраненіе ея в алфавитѣ оправдывается основательно этимологическими цѣлями, принципом историческаго правописанія. Изгнаніе этой буквы повело бы к затемненію для учащихся корней слов, к смѣшенію их звуковых форм. Устраненіе λ имѣет оправданіе в алфавитѣ лишь того из славянских нарѣчій, в котором замѣна λ отличается от других звуков. Так в сербском употребленіе *ије* вмѣсто λ дѣлает, пожалуй, лишним послѣдній знак; но Сербы, пишущіе напр. снег, а не *сниѣг* и т. п., без нужды и без цѣли уклонились от преданія: при обученіи грамматикѣ учащіеся все равно должны же узнать, когда современное e = древнему e и когда оно = древнему λ . Так и у нас было бы, если не вредным, то все же безцѣльным новшеством устраненіе λ и употребленіе вмѣсто этой буквы одной из замѣн ея. Поэтому рѣшительно не правы тѣ, которые, — как то нам приходилось слышать, — говорят, что если изгонять λ , то пришлось бы изгнать и λ , что бы быть послѣдовательным. Устраненіе λ повело бы в школах к этимологической запутанности, устраненіе λ может лишь упростить дѣло обученія грамотѣ и письму. Что такое λ теперь? Не буква (ибо буква есть выраженіе звука), а значек твердости того согласнаго, за которым он слѣдует. Но развѣ сочетанія *дом*, *стол*, *рот*, *нос*, кто либо прочтет иначе, чѣм сочетанія *домъ*, *столъ*, *ротъ*, *носъ*? Указывают на то, что λ нѣкогда звучал и в концѣ слов. Но вѣдь самый тупой ученик запомнит без труда и навсегда древнее значеніе λ и его мѣсто в словѣ, если ему скажут, что слова, заканчивающіяся теперь на твер-

дый согласный, в древности заканчивались на *ъ*, имѣвшій свое особое произношеніе. Если в защитѣ *ъ* исходить из этимологических цѣлей, из основаній исторической грамматики, то слѣдовало бы отстаивать употребленіе его не в концѣ слов, гдѣ он без всякаго затрудненія подразумѣвается, а в *средины*; слѣдовало бы писать не *лоб*, *мох* и т. п., а *лѣбъ*, *мѣхъ* и т. п., потому что такую именно звуковую форму имѣли эти слова в древности. Однако никто не стоит за такое правописаніе. То *о*, которое=древнему *ъ*, и то, которое=основному *о*, мы в нашем письмѣ не различаем. Отказавшись же от *ъ* там, гдѣ удержаніе его имѣло бы свое оправданіе со стороны этимологіи и исторіи языка, почему, спрашивается, должны мы отстаивать его употребленіе в концѣ слов, гдѣ он большею частію исчез совершенно безслѣдно?

С другой стороны, многіе случаи употребленія конечнаго *ъ* не только не указывают на историческую основу правописанія и на уваженіе к преданію, но—напротив—стоят в рѣзком противорѣчій с ними. Так мы пишем: *идеть*, *ходятъ*, *лучъ*, *тучъ* и т. п., хотя эти слова *никогда не имѣли* *ъ* в окончаніи, а заканчивались на *ь*.

На основаніи всего вышесказаннаго мы рѣшили исключить из нашего изданія конечное *ъ*. Найдет ли наш примѣръ себѣ послѣдователей, о том мы не заботимся. Полагаем однако, что рано или поздно а вопрос о *ъ* будет рѣшен всѣми не в пользу этого безполезнаго значка. Заявленія против употребленія *ъ* начались у нас давно уже. Еще в XVIII столѣтіи за исключеніе *ъ* высказались многіе из русских писателей и ученых (См. Филологическія Разысканія Я. К. Грота Изд. 2. Т. II. 201, 202, 205, 318). Многія лица с научным авторитетом высокой степени высказывались и высказываются в том же смыслѣ и в текущем столѣтіи. Александр Гумбольдт „выразил мнѣніе о совершенном излишествѣ ера в нашей азбукѣ“ (ib. 205). Знаменитый Востоков был против употребленія *ъ* в кон-

цѣ слов (ib. 209, 236). Академик Я. К. Грот высказал надежду, „что учащееся нынѣ поколѣніе наконец освободит наши согласные от их неотвязчиваго спутника“ (ib. 318). Извѣстный лингвист Академик Бетлинг также считает з лишнею буквою в русском алфавитѣ (Грамм. изсл. о рус. яз. Уч. Зап. Ак. Н. 1852. Т. I). Не перечисляя других болѣе или менѣе авторитетныхъ противниковъ з, замѣтимъ только, что за исключеніе з в концѣ слов высказалось недавно все II Отдѣленіе Академіи Наук, какъ то видно изъ его протоколовъ (Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности. Том XVII, 1877 г.)

Чѣмъ же держится з, имѣющій столько сильныхъ враговъ? Ничѣмъ, конечно, инымъ какъ только силою привычки ¹⁾.

Между тѣмъ эта привычка стоитъ намъ не дешево. Не разъ уже дѣлались вычисленія, во что обходится з русской печати. Эти вычисленія читатель найдетъ въ вышеупомянутой книгѣ Я. К. Грота. Приведемъ два изъ нихъ. Еще въ прошломъ столѣтіи нашли, что з занимает $\frac{1}{16}$ долю всего типографскаго набора; въ пятидесятыхъ годахъ Сенковскій утверждалъ, что з „пожираетъ болѣе 8 процентовъ времени и бумаги, стоитъ Россіи ежегодно болѣе 4000000 рублей (Ф. Р. 236). (Теперь конечно, гораздо болѣе). Въ своей рецензіи Филологическихъ Разысканій берлинскій профессоръ Ягичъ, приводя эти цифры, справедливо замѣчаетъ: „Wenn dem so ist, dann wäre es gerade jetzt, wo man das Geld für etwas viel wichtigeres braucht, sehr angezeigt, z auf ewige Zeiten zu verbannen.“ (Archiv für slawische Filologie. 2-er. B. 3-es H. 1877. S. 682). И мы думаемъ такъ.

М. Колосов.

¹⁾ Только этою причиною объясняемъ слѣдующую удивительную странность: Миклошичъ въ IV томѣ своей Сравнительной Грамматики славянскихъ языковъ (Vergleich. Syntax d. Sl. Spr. 1874) пишетъ великорусскія слова латинскими буквами и однако же *удерживаетъ з*.

БЫЛИНА О СУДѢ ЛЮБУШИ.

Былину эту прочесть можно по русски так или почти так:

- Всяк отец — своей семьи воевода ¹⁾.
Мужи пашут, жены шьют одежду,
И умрет ли голова семейства —
Дѣти вмѣстѣ все владѣют сбожьем,
5. Выбрав себѣ из рода владыку,
И за них он ходит на сейм славный,
Как все кметы, лехи и владыки.
Встали кметы, лехи и владыки
Похвалили правду по закону. —
10. Ой Волтава, что мутишь ты воду,
Что мутишь ты воду сребропѣнную!
Иль подняла тебя буря злая,
Ссыпав тучу с широкаго неба,
Омочив зеленых гор вершины,
15. Взмочив глину золотопещаную?
„Как же бы мнѣ не мутить водою,
Когда въ сварѣ два родные брата,
В сварѣ злой за отчее наслѣдье,—
Лютый Хрудошь от кривой Отавы,
20. От Отавы кривой златоносной,
Храбрый Стяглав с Радбужи холодной;
Два вѣдь брата, два вѣдь Кленовича
Древня рода Тетвы Попелева,
Пришедшаго с дружинами Чеха,

¹⁾ Воевода=uoieuod^a; читали wojewodi; но в подлинникѣ при *d* видится остаток *a*, а не *i*, и притом в выраженіи *ot suei . Źeledi uoieuodi* надобно читать *uoieuoditi* управляющим дательным падежем, а это едва ли может быть допущено.

25. Из за трех рѣк в этот край богатый.
Прилетѣла ласточка подружка,
Сѣла на оконцѣ на широком,
В отчем золотом дворѣ Любуши,
В дворѣ отчем, в святом Вышеградѣ,
30. И горюет, жалуется ¹⁾ скорбно.
Услыхала братьев тѣх сестра родная,
Попросила княжну в Вышеградѣ
На суд-правду дѣло то поставить,
На суд вызвать тѣх обоих братьев,
35. И рѣшить их дѣло по закону.
Приказала княжна звать послами
Святослава от Любицы бѣлой,
Гдѣ дубравы красуются („пышно“),
Лютобора с холма Доброславля,
40. Гдѣ Орлицу пьет („сильная“) Лаба,
Ратибора от гор Корконоши,
Радована с Каменнаго мосту,
Ярожира от гор рѣки Волты ²⁾,
Стрезибора от Сазавы свѣтлой,
45. Саморода от Мжи среброносной,
И всѣх кметов, лехов и владык,
И Хрудоша и Стяглава братьев,
Сварящихся о наслѣдьи отчем.
Как собрались лехи и владыки
50. В Вышеградѣ („во дворѣ Любуши“),
Всякій занял мѣсто по рожденью,
Заняла свое княжна в одеждѣ свѣтлой,

¹⁾ Жалуется: nagisaie: нарѣкает. Ср. Чеш. narok—жалоба.

²⁾ От гор рѣки Волты — ot bred uletoresnih переводили: de montibus undifluus, von den strömigen Bergen, но едва ли на чем основываясь: слова wltorěšny нѣтъ и трудно его составить без насилія языку. Принимать же wltorěšny за прилагательное, образованное из выраженія wltá rěka—естественно. Есть вмѣстѣ с тѣм рѣка, нынѣ ручей Wlta или Wolta при селеніи Wolta в окруженіи Трутновском: она впадает в Упу при дер. Поршницѣ. См. Яросл. Шалера Topographie des Königreichs Böhmen XV 108.

- На столѣ отцовскомъ в славномъ сеймѣ,
(„Стали подлѣ“) двѣ мудрыя дѣвы,
55. Знающія витязевы вещьбы.
У одной—дски записей рѣшеній ¹⁾,
У другой—мечь, карающій кривду;
Передъ ними огонь правдовѣстный,
А подъ ними вода святосудная.
60. С золотого стола княжна молвила:
„Мои кметы, лехи и владыки,
Вотъ рѣшите дѣло ²⁾ родныхъ братьевъ,
Что сварятся объ отчемъ наслѣдьи.
По закону боговъ вѣковѣчныхъ
65. Надобно имъ или владѣть вмѣстѣ
Или раздѣлиться равной мѣрой.
Мои кметы, лехи и владыки,
Разрѣшите мое предложеніе ³⁾,
Если съ нимъ вы мнѣніемъ согласны;
70. Еслижъ съ нимъ вы мнѣніемъ несогласны,
Дайте имъ вы новое рѣшеніе ⁴⁾,
Чтобы миромъ покончили братья.“
Поклонились лехи и владыки,
Стали они тихо совѣщаться,
75. Совѣщаться тихо межъ собою,
Хвалить стали ея предложеніе ⁵⁾.
Всталъ Лютоборъ съ холма Доброславля
И промолвилъ онъ такое слово:
„Княжна наша стола золотого,
80. Предложеніе твое принимаемъ,
Собери голоса по народу.“

¹⁾ Доски записей рѣшеній — deske p̄udodatne. См. особое объясненіе.

²⁾ Рѣшите дѣло—razresite p̄idu (pravdu).

³⁾ Мое предложеніе—moie uprouedi—edicta mea. См. особое объясненіе.

⁴⁾ Новое рѣшеніе—noui nalez. См. особое объясненіе.

⁵⁾ Предложеніе—uprouedi. См. особое объясненіе.

- И собрали голоса дѣвы судныя.
Собирали их в сосуд священный,
Лехам дали их для объявленья ¹⁾).
85. Встал Радован с Каменнаго мосту,
Стал голоса числом пересчитывать,
Чтоб объявить большинства рѣшенье.
„Оба брата родные Кленовичи
Древня рода Тетвы Попелева,
90. Пришедшаго с дружинами Чеха,
Из за трех рѣк в этот край богатый!
Примиритесь так вы о наслѣдья:
Володѣйте им вы оба вмѣстѣ.“
Вскочил Хрудошь от кривой Отавы.
95. Разлилася жолчь в его утробѣ,
Затряслися лютостью всѣ члены,
Махнул рукой, взревѣл ярим туром:
„Птенцам горе, коль змѣя к ним лѣзет,
Мужам горе, коль жена владѣет.
100. Мужу должно обладать мужами.
Первенцу наслѣдье слѣдует по праву.“
Княжна встала с отчаго престола,
Молвит: „Кметы, лехи и владыки,
Слышали вы мое поруганье.
105. Обсуждайте сами правду по закону,
Ваших свар ужь я судить не стану.
Изберите мужа межь собою,
Чтобы вами правил он желѣзом.
Рука дѣвы слаба владѣть вами.
110. Встал Ратибор от гор Корконощи
И стал молвить такое он слово:
„Нехвально нам искать в Нѣмцах правду,
У нас правда по святым законам;
Принесли ту правду наши предки
115. В этот край („богатый из за трех рѣк“)...

¹⁾ Для объявленія—*pūolati*=*provolati*—прокричать.

Сохранившійся список былины о судѣ Любуши относят к IX вѣку, и готовы самую былину отнести ко времени еще болѣе древнему ¹⁾. Без сомнѣнія, оцѣнка каждаго важнаго памятника со стороны палеографической необходима; но и эта оцѣнка, как и всякая другая, ни в каком случаѣ не может быть основываема на каких бы то ни было гаданіях. К чему вели оцѣнки памятников по гаданіям, извѣстно из ошибок, дѣлавшихся у нас и на западѣ. — Припомню нѣкоторыя западно-славянскія. Рукопись, в которой найден *Bohemarius*, считали писанною в 1309 году, не замѣтив, что в выраженіи *Sub anno domin: M^o CCC^o non^o* слово *non^o* значит не *попо* а *nonagesimo*. Великолѣпную рукопись *Mater verborum* — относили к началу XII в., считая число года *M^oCCII* за 1102: оказалось, что знак над *C* надобно считать за повтореніе *C*, и отнести запись к 1202 г. Знаменитую Краледворскую рукопись относили и относят до сих пор к 1270—1280 гг., а между тѣм, в ней есть мѣсто, повторяющее почти дословно то, что читается в чешском переводѣ книги путешествія — Марка Пола, записанной с его слов в 1298 г., и слѣдовательно сдѣлавшейся извѣстною Чехам значительно позже. Такія ошибки не могут не наводить сомнѣнія и на другія палеографическія заключенія, основанныя на одних догадках. Такая ошибка может заключаться и в приговорѣ ученых о спискѣ былины о судѣ Любуши. Способы открытія ошибок со своей стороны наводят на необходимость употреблять для опредѣленія времени памятников, кромѣ палеографических пріемов, разные пріемы археологическіе. Археологическіе пріемы должны быть примѣнены и к былинѣ о судѣ Любуши. Они и были к ней прилагаемы, но только с тѣм, чтобы объяснить данныя, представленныя былинной, а это могло не столько по-

¹⁾ См. Палацкаго *Dějiny české*. I 104. пр. 29: asi z druhé polovice IX století.

мочь, сколько помѣшать независимости опредѣленія времени, когда составлена былина.

Вѣрное опредѣленіе времени, к которому должна быть отнесена былина о судѣ Любуши, тѣм болѣе важно, что от него должны зависѣть очень различныя соображенія о древнем бытѣ Чехов и вообще Славян. Не может быть оставлен без отвѣта вопрос: как должно пользоваться этою былинной в отношеніях к древностям? так ли, чтобы принимать ея показанія за вѣрныя очертанія того времени, когда жила сама Любуша Кроковна, или же так, чтобы видѣть в них болѣе или менѣе гадательное изображеніе этого отдаленнаго времени пѣвцом другаго, болѣе близкаго к нам времени, с чертами этого другаго времени, и какого именно? Рѣшеніе этого вопроса не только может, но даже и должно быть добыто без всякой зависимости от опредѣленія времени списка—как еслибы список был недавній, не приналежащій к памятникам древности, хотя и повторившій в себѣ один из них без искаженій. Уже послѣ рѣшенія этого вопроса можно обратиться к списку.

Таким путем шел я в своих изслѣдованіях былины о судѣ Любуши, и пришел к таким домыслам, которые заставляют меня глядѣть на нее, как на памятник не того очень далекаго времени, к которому ее относят, а нѣсколько болѣе поздняго.

Не считаю своих домыслов окончательно вѣрными, но сам собою не в силах и доказать их невѣрность. Поэтому представляю их суду других изслѣдователей.

При разборѣ былины о судѣ Любуши прежде всего остановили на себѣ мое вниманіе нѣкоторыя слова и выраженія, указывающія, как мнѣ казалось и кажется, на древность не чисто славянскую, или хотя и славянскую, но не исконную; а с тѣм вмѣстѣ оказались и нѣкоторыя черты быта так же не исконно славянскаго, а занятаго Славянами-Чехами в слѣдствіе их сближенія с народами запада, или хоть отчасти славянскаго, но неисконнаго. Без сомнѣнія,

нѣкоторыя частныя черты быта могли быть заняты и усвоены Славянами в очень отдаленное время, но, так же можно сказать без сомнѣнія, и усвоеніе многих и между прочимъ важныхъ чертъ быта могло совершиться только в слѣдствіе тѣснаго сближенія ихъ с другими народами, и разумѣется тогда уже, когда в бытъ самихъ этихъ народовъ явилось то, что от нихъ можно было занять; а равно и видоизмѣненіе народныхъ обычаевъ, под вліяніемъ новыхъ требованій, могло явиться у Славянъ только в слѣдствіе силы этихъ требованій.

II.

Представляю прежде всего перечень словъ и выраженій, которыя въ былинѣ о судѣ Любуши кажутся мнѣ стоящими вниманія въ означенномъ отношеніи.

— *Воевода*. Слово это, — распространившееся у многихъ Славянъ, — могло явиться у нихъ и независимо отъ какого бы то ни было другого народа, но могло нѣкоторыми Славянами быть и занято — такъ, что ему приданъ не тотъ, или не совсѣмъ тотъ смыслъ, который бы оно должно было имѣть. Слово герцогъ, безъ всякаго отношенія его къ военному быту, и передавалось и передается по чешски словомъ *wojewoda* = *wewoda*. В свое время слово *heerzog* др. верх. нѣм. *herizogo*, англ.-сакс. *heretoga*, *heretoha* значило только вождя военнаго, и могло явиться в нѣмецкомъ и в соплеменныхъ ему языкахъ, какъ переводъ римскаго *dux militum*, *dux exercitus*. Въ древ. верх. нѣм. было уже оно в VII вѣкѣ, какъ доказываетъ *Vocabularius S. Galli* (*dux herizogo*, *ducissa herizohin* *Wackernagel*, *Alt-deut. Leseb.* 28); в англосакс. употребилъ его Алфредъ в переводѣ книги Боеція для передачи выраженія *dux exercitus* (*Ettmüller Lex. Anglo-Sax.* 462). Появленіе герцоговъ нѣмецкихъ в сосѣдствѣ со Славянами, относятъ къ IX—X вѣку: таковы были — Тюрингенскій герцогъ Тахульфъ в серединѣ IX в.; за нимъ Поппо и Бурггартъ; Саксонскій герцогъ Леодольфъ в серединѣ IX в., за нимъ его сынъ Отто; в Баваріи герцогъ Арнульфъ (в началѣ X в.) и пр. При вѣнчаніи Оттона I в 936, четыре герцо-

га занимали придворныя должности (Видукинда, *Res gestae*. II 2). Переходило ли когда в жизнь слово герцог у Нѣмцев древняго времени с менѣ важным и менѣ опредѣленным смыслом, со смыслом господина, не знаю; у Англосаксов это было до XII в. Составитель сборника, известнаго под названіем *Leges Edwardi Confessoris* говорит об этом довольно ясно: *Erant et aliae potestates et dignitates per provincias et patrias universas, et per singulos comitatus totius regni praedicti constitutae, qui heretoches apud Anglos vocabantur, scilicet barones, nobiles, et insignes sapientes fideles et animosi... in quolibet comitatu semper fuit unus heretoch per electionem electus.* (*R. Schmid. Die Gesetze der Anglo-sachsen*. 510). В болѣе позднее время видим и в нѣмецком языкѣ слово *herzog* с неопредѣленным значеніем властителя, старшины: так в переводѣ Нов. Завѣта этим словом передано греч. *ἀρχηγός* — начальник (*Ер. 11:10*); Лютер называет апостолов *unsere herzogen*; употреблялось выраженіе: *der herzog des Herzens, Herzog meiner Lust* и др. (*Grimm Wörterbuch*. IV:2:1257). Как бы то ни было, у Славян Чешских слово воевода, сочетавшееся вполнѣ с словом *herzog*, не теряя коренного своего значенія. Как и у Нѣмцев, — было припимаемо и в общем смыслѣ господина, властителя (напр. как в пѣснѣ-молитвѣ: *Svaty Waczlawe wewoło czeske zemye kneze nasschie*, (=т. е. княжа наше), *gross za ny boha*. Это было, кажется, тѣм возможнѣе, что и чешскія князья, хотъ и не были по титулу воеводами — назывались однако, как и герцоги, дуками. Во всяком случаѣ в первом стихѣ былины о судѣ Любуши нѣтъ никакой возможности видѣть в воеводѣ вождя военнаго, а только господина, владыку, такого же какой упомянут и в стихѣ 5, гдѣ говорится о владыкѣ, избранном из рода, подобном тому *heritoha*, о котором говорят: *Leges Eduardi Confessoris*.

— *Лехи и Владыки*. Слово владыка в коренном своем значеніи должно было значить только властелина, господина вообще. Только уже при измѣненіи обстоятельств, при развитіи общественной жизни, имя владыка от своего общаго, неопредѣленнаго смысла, могло перейти к частному

опредѣленному. По пятому стиху былины можно думать, что владыкою назывался представитель рода какого бы ни было происхожденія; но далѣе частое упоминаніе о владыках вмѣстѣ с лехами, при их общем названіи кметами, даетъ знать, что былина говоритъ о владыкахъ какъ о представителяхъ родовъ одного изъ двухъ высшихъ слоевъ населенія, которые мы называемъ дворянскими. Клен Роскоханый в своемъ *Vocabularius* (середины XIV в.) словомъ *wladyku* переводитъ *proceres*. В *Ordo judicii terrae* (тоже середины XIV вѣка) отличается *wladyka* отъ *šlechtica*, какъ *minus nobilis* отъ *magnifice nobili* (*si minus nobilis sive wladyka, alium magnifice nobilem, id est slechticzonem magnificum, pro capite citaverit* и пр. 34 Arch. čes. II, 94; *si vero wladyka slechticzoni aut civis wladyconi vel slechticzoni alapam dare praesumserit, tunc eidem percutiendi manus mox debet amputari*; то же в чешск: *Kdyžby dal wladyka šlechtici, nebo měštěnin a sedlak wladyce, poliček, ma jemu ut'ata ruka byti*. т. ж. 44 Arch. II. 98). Такъ и в другихъ памятникахъ юридическаго быта. Лехи былины—тоже что *šlechtici* юридическихъ памятниковъ; лехи и владыки—*virī nobiles, majores et minores* памятниковъ чешско-латинскихъ XII в. и позднѣйшихъ. (Н. Jireček, *Slowanské práwo*. II, 63). Это дѣленіе не чисто славянское: на всемъ западѣ барскіе роды дѣлились на высшихъ и на низшихъ. Неисконно это и тамъ; а еще позже должно было явиться у Чеховъ, гдѣ, конечно, понятія объ отгнѣненіи слоевъ барскихъ пришли изъ чужа. Сближая показанія былины и Клена Роскоханого с другими памятниками, можно заключить, что владыками назывались и баре—низшаго слоя, и баре всѣ вообще безъ отличія, всѣ господа. Что означалось словомъ лех, опредѣлительно сказать трудно, потому что, кромѣ показаній былины, есть только одно древнее—в хроникѣ Далимила: *V srbském jazuce jest zemie jéžto Chorvati jest imie. V téj zemi biež lech, jemuž jmie diejechu Čech*. В лѣтописи Козмы Пражскаго мѣсто Чеха стоитъ *Bohemus* и названъ онъ *senior quem alii quasi dominum comitabantur*; а в нѣмецкомъ современномъ переводѣ Далимила слово *lech* передано посредствомъ

манн. Из этого нельзя вывести ничего определеннаго. Не болѣе можно вывести и из звуков слова *лех*, напоминающаго только имя собственное Лешек, да народное названіе Поляков Ляхами.

— *Кметъ*. В былинѣ о судѣ Любуши, слово это повторено пять раз и всегда на одинаковом мѣстѣ: кметы, лехи и владыки, а два раза пропущено там, гдѣ бы должно было ожидать его:

1) Как собрались лехи и владыки,
в Вышеградѣ (во дворѣ Любуши),
всякій занял мѣсто по рожденью;
а собраться должны были кметы, лехи, владыки.

2) Любуша обращаясь со словом к собранію сказала:

Мои кметы, лехи и владыки,
а когда кончила,

Поклонились лехи и владыки.

Из этих двух мѣст я позволяю себѣ заключить, что слово кметы взято в былинѣ как общее названіе лехов и владык, тоже что господа, и употреблялось особенно тогда, когда надобно было упоминать о лехах и владыках и отдѣльно. Что слово кмет, хотя и усвоенное нѣкоторыми Славянами, не славянское, это, кажется мнѣ, не для чего доказывать, или по крайней мѣрѣ я не могу доказать противное. Виднѣе для меня однокоренность этого слова с латинским Comes, Comites. И в древнем римском государствѣ и еще болѣе позже, по распаденіи имперіи и по возстановленіи ея западной части, в серединѣ западной Европы, именем Comites называемы были чиновники столь различных родов, что в этом безпредѣльном разнообразіи от comes palatinus или comes stabuli до comes civitatis или comes ordinis tertii и т. п. видим только одно общее значеніе слова и должности: это то, что всякій comes был в своем родѣ старшим, старшиною, старѣйшиною, старостой. В нѣмецком языкѣ слову comes соответствовало нѣсколько слово grave, графа, так что оба слова употреблялись одно за другое (*Гримма D. Rechtalt. 752. Савиньи, Gesch. d. röm. Rechts. 1. IV, 80; ср. Gfrorer. Zur Gesch. deut. Volksrechte*

1:13—20). И это нѣмецкое слово в своем значеніи так же растянулось, означая и важнаго правителя и сельскаго старосту (как на пр. в Саксоніи. *Гримм* 754). Как бы то ни было, латинское *comes* и чешское *kmet* в чешских и чешско-латинских памятниках употребляются одно за другое (подробности см. у *Иречка Slov. právo* I: 196, 198, II: 133—135, 186), и оба одинаково соединяют в себѣ два значенія: отдѣльно каждый был мѣстным старостою своего круга, вмѣстѣ всѣ или многіе были совѣтники, какими были и *comites* римско-нѣмецкіе.

— *Доски* — *desky pūdodatne* — доски записей рѣшеній. Не для чего, кажется, останавливаться на том, что правда и в словѣ *правдодатный*, и во всяком другом словѣ и выраженіи, означало не закон, а правильное примѣненіе закона к частному случаю, так же как кривда — неправильное примѣненіе закона или непримѣненіе. По этому я перевожу выраженіе *desky prawdodatne* — доски записей рѣшеній. Доски, в которых записаны были приговоры рѣшенія дѣла, у Чехов были в ходу долгое время, называясь по чешски *desky* = *dsky*, по латински *tabulae*. Онѣ были различнаго рода, касались преступленій, касались собственности, владѣній, наслѣдства, и т. п.; можно было: *we dsky wložiti* — *imponere ad tabulas* (*Ordo jud. ter.* 41, 52, 73), *držeti we dskach* — *in tabulas detinere* (*Книга Roz.* 75), *miti we dskách prawo dědické* — *habere tabulas* (*Ordo.* 73), *miti we dskách sbožíe* (*Книга Roz.* 68), *dědinu dětem swým wložiti we dsky* — *haereditatem liberis suis ponere in tabulis* (т. ж. 43); *ktož ma dsky žadni swědci proti dskám moci ne mají* — *tabulae in omnibus causis loco testium producantur* (*Ordo* 74). Считать, что эти доски были древним произведеніем условій славянскаго быта, мнѣ кажется, нѣтъ никакой возможности, точно так же как нельзя считать произведеніем условій быта народов германских и романских разнообразныя *tabulae*, *tabellae*, *tables*, *taffel*, *mensae*, *menses* и пр., о которых так часто дѣло идет в памятниках романских и германских. В древнем римском государствѣ употребленіе досок было так разнообразно и так

распространено во всем его окружѣи; вмѣстѣ с тѣм их значеніе в нем так сходно с тѣм, с которым их видим у народов, занявших у него многія основныя черты образованности; что средневѣковыя *tabulae* и *tabellae* нельзя не считать таким же потомством римских табул и табелл, какими были и средневѣковыя *comites* в отношеніи к комитам римской древности и т. п. Вмѣстѣ с табулами перешли от Римлян на сѣвер и *tabularii*, *tabellarii*, *tabelliones*, чиновники ими завѣдывавшіе, и люди, записанные в табулах и т. д. Объяснять бытовое значеніе досок чешских без пособія данных о табулах и табеллах романских и германских — нѣтъ возможности; нѣтъ возможности и не видѣть в чешских досках — подражанія табулам и табеллам народов сосѣдних. Нѣтъ вмѣстѣ с тѣм возможности и предположить, что это заимствованіе досок в чешскій быт сдѣлалось прежде сближенія Чехов с не-славянскими их сосѣдями, прежде укрѣпленія в них римско-христіанских условій общественнаго быта.

— *Мечь* — *kriudi karaiuci* — карающій кривду — орудіе наказанія за преступленія, как символ всякаго наказанія. Это употребленіе меча напоминает римское право меча, *jus gladii* в *imperium merum ad animadvertendum facinorosos homines*, как выразился Ульпіан (*De jurisd.* 11, 5): *Quaesitores*, как уголовные судьи, сѣдя в курульных сѣдалищах, имѣли перед собою меч *gladium* — *in signum imperii* (*J. Heines. Ant. jur.* IV. 18:14). Право меча, *jus gladii*, из Рима перешло на сѣвер и было принадлежностью не только государей, но и мѣстных правителей: так на пр. Роберт Норманскій (наз. дьявол) в одной из своих грамот называет свои владѣнія *pertinentia ad justiciam gladii mei* (*Ducange, glos. p. c. gladius*); в одной из грамот аббат Радульф Фискамскій пишет: *Philippus rex nobis et ecclesiae nostrae in perpetuum concedit placitum spadae totius terrae nostrae* (т. ж. п. с. *placitum*). Каждый *comes* является для суда всегда с мечем, а позже инвеститура свободнаго графа совершалась *per gladium et funis traditionem* (*Гримм Deut. Rechtsalt.* 167). Мечь, карающій кривду, на сейм чешскій внесен быть мог только от сосѣдей, не раньше того времени,

как и у них стал обычен в собраниях судебных. Вѣроятно, представленіе власти, вооруженной мечем, даже и тогда, когда она была и духовная церковная (*gladius spiritualis*), власти столько же сильной, как и жестокой, подало повод складателю былины сказать от лица Любуши:

uolte musa mezu sobu roupa
kibi uladl uam po selezu.

Изберите мужа межъ собою
Чтобы вами правил по желѣзу.

Тут римское представленіе о желѣзѣ в мечѣ, в кандалах и т. д. соединено с представленіем германским.

— *Стол золотой отцовскій* — *oteń zlat stol*. Что в Римской имперіи и со всяким почетным сѣдалищем, и особенно с троном императора соединялось жизненное значеніе так же, как в наше время, это извѣстно. Что с этим значеніем слово трон перешло и на сѣвер Европы, извѣстно так же. Что там употреблялось и в этом и в общем значеніи слово *stol*, *stuol* очень издревле, это доказывают памятники (*stols* Гот.; *thronus stvol*, *Vocab. S. Gall. VII v.*; *stuol hier in Vrancon. Ludivig's liet 881 г. Wackernagel 29, 105; stólesáz stolesaiz, stoleseyz, store saiz. Edict. Rothar 150; id est infertor regis vel regulis sedes. Gloss. mon. germ. Leg. IV. 916, qui ante obtutibus principis et regibus milites hinc inde sedendo perordinat. Гримма Gesch. d. Deut. Spr. 1 изд. 693*). Что у Чехов, как и у других Славян, князь правитель имѣл свой стол, это так же доказывают древнія сказанія, из которых одно (лѣтопись Викентія 1140, 1171) указывает даже на то, что писавшій сказаніе видѣл самый стол, какой был во время князя Владислава, камень стоявшій в то время среди города, за который не только тогда (1142 г.), но и издревле многія тысячи воинов падали на битвѣ. (Палацкій *Dějiny čes. 1, 196*). Тѣм не менѣе нѣтъ никаких показаній, что и у Крока и его дочери был стол. Козма Пражскій начинает ряд настоядованій Чешских князей только с Крезомысла, шестого князя по Пере-

мысль, мужъ Любуши; а Далимил еще позже; в названіи же Любушина стола золотым, можно видѣть только прихоть складателя былины.

— *Вѣковѣчные боги* — *wěkožizni bozi* (по *zosopu uesowiznih b̄gov*). Такая идея о богѣ, выраженная в тѣсном греческом словѣ *αἰώσιος*, *eternus*, свойственна понятіям христіанским; а была ли и у язычников славян, это вопрос разрѣшаемый нелегко, и скорѣе отрицательно. В данных о германском язычествѣ между свойствами божества нѣтъ вѣчности (Гримм. *Mith* 18 — 19); самое слово *éwa*, от котораго произошло прилаг. *éwig*, значит не только вѣк, но и закон (O. Schade. *Alt. deutsch. Wörterbuch* 96). Славянское слово *вѣк* знает всюду то же, что др. греч. *αἰών*, и только при христіанской переработкѣ языка могло возвыситься до идеи безначальности и безконечности времени, и то без сомнѣнія не разом. Наше слово *вѣковѣчный* образовалось из выраженія *вѣки вѣков*. Чешское *вѣкожизненный* образовалось из выраженія *wěšná žizn*, явившагося в чешском как перевод латинскаго *vita eterna* Новаго Завѣта (ср. *život wěšný*).

— *Выновѣдь* В других славянских нарѣчіях этого слова нѣтъ, по крайней мѣрѣ нѣтъ с таким значеніем, которое бы хоть сколько нибудь помогло понять смысл стиха чешской былины. В чешском языкѣ оно существует издавна и именно со смыслом сюда подходящим, с тѣм самым. Этот смысл уравнивает его с латинским *edictum* (Юнгмана *Slovník*. V, 314), и, кажется, оно заимствовано от слова латинскаго, слова, которое в средніе вѣка употреблялось очень часто в смыслѣ предложенія властителя подвластным (прип. *constitutio ex edicto regis*, *Lex. Fris.* VII, 2. *Mon. Germ. Leg.* III, 662; *edicta synodalia* Карла Великаго и пр.). В позднѣйших чешских памятниках выраженіе *edicta regia* всегда передается выраженіем чешским *wupovědi kraľovské, císařské* и т. д.

— *Nalez* — по моему переводу рѣшенье,

Ne bude te li u vas po rozumu

Ustavite ima novi nalez,

Ki bi smiril rozuadena bratri,

Если со мной мнѣніем несогласны,
Дайте им вы новое рѣшенье,
Чтобы миром покончили братья.

В былинѣ о судѣ Любуши слово *nalez* употреблено только один раз. Будучи одного корня с глаголом *nalezti* найти, оно должно бы значить находка, но употребляется в особенном чисто-юридическом значеніи, доселѣ неутраченном. Во всѣх юридических памятниках, гдѣ только говорится о рѣшеніях дѣл, встрѣчается это слово. Были такія рѣшенья королевскія: „*Ročinaji se nalezové českého krále Jana Sleského,*“ 1320 г. (Arch. čes. 11, 333). Рѣшались дѣла и рѣшеньем чиновников, или панов: — *podle nalezu úředníkůw* (Rád. prava Zem. XIV в. 42), *panským nalezem* (Wyřízení ze star. desk. 1384. Arch. čes. 1, 392). Особенно подробно говорится о налесах в объясненіи Земскаго права пана Андрея Дубскаго конца XIV вѣка. Налез панов был так важен, что от него никто отговориться не мог; в старину паны не позволяли своих налезов класть в земскія доски, не желая быть укаряемы в том, что в одинаковых или сходных дѣлах давали различныя налеса. Для положенія налеса, по старому праву, надобно было двѣнадцать панов, или по крайней мѣрѣ семь из них, больше половины, и то в дѣлах исковых; а в дѣлах земских должны были участвовать по старому праву всѣ роды, развѣ если бы кто не захотѣл по болѣзни, по неприязни или по службѣ. Такого налеса оспаривать нельзя (Wýklad 56 — 64. Arch. 11, 502 — 503). вмѣстѣ с существительным *nalez* или *nalezem* употребляем был в таком же значеніи и глагол *nalezti*: *páni nalezli za právo* (Arch. čes. 11, 337—338), *kněte nalezli* (Knih. Rozemb. 250) и пр. В записях латинских вмѣсто них Чехи употребляли *inventio*, *adinventio*, *invenire*, *adinvenire*:—*Adinventio beneficiariorum* (Ordo jud. ter. 62),—*Barones inveniunt* (Ord. 11),—*Inventam fuit et est—per barones terrae et juris peritos in judicio facto coram d. rege* (1320 Arch. 11, 333),—*D. Karolus, beneficiarii et barones, auditis et diligenter perspectis ipsis privilegiis et tabulis invenerunt* (1343, Arch. 11, 337),—*Nobiles domini et ba-*

rones regni Bohemiae invenerunt pro jure (1378, Arch. 11, 34 и 1384, 1, 371). Не в одних чешско-латинских памятниках употребляются эти слова в таком значеніи, а во всѣх средневѣковых, — и при том так, что с начала слово invenire почти остается при древнем общем своем значеніи с прибавленіем другого глагола discernere или firmare, потом употребляется в выраженіи invenire, adinvenire sententiam и т. п., и наконец отдѣльно вмѣсто discernere. Вот нѣсколько примѣров употребленія означенных слов в этих отгнѣках: Ab omnibus concorditer et unanimiter inventum atque firmatum ut factionibus cassatis (Ludovicus) imperator et dominus ab omnibus haberetur (*Annal. Bert.* 835),— Rectores invenerunt et decreverunt, ut quaedam possessiones de monasterio ad episcopatum contraderentur.... Quod decretum ab episcopo et abbate inventum placuit ambobus (*Rutperti: Casus s. Galii* 854. *Mon ger.* 11, 68),— Sententia, quam scabinus invenit, injusta est domino meo, et mihi loco ejus (*Jus municip. Sax.* LXXIV, изд. др. Даниельса. 1856, 142),— Sententionaliter fuit adinventum (*Dipl. Brem.* 1366. *Duc. glos. n. c. adinvenire*),— Domini barones adinvenerunt, quod res illa и пр. (*Decr. Magd. ib.*) Слова эти были переведены и на Нѣмецкій и на Англо-Саксонскій: judicare est jus dicere reht finden (*De sullogisuis* X в. *Wackernagel Leseb.* 120). Приведенныя данныя не могут, кажется, не ввести къ заключенію, что слова nalez и naleztі в чешском языкѣ явились, так же как в нѣмецком и англійском, как перевод латинских, и слѣд. в слѣдствіе сближенія Чехов со средневѣковым латинским юридическим бытом.

Голос=glas:

Seber glasi po narodu svemu,
I sebraste glasi dene sudne,
Sberaste ie u osudie Zuate,
I daste ie letom puolati.

Собери голоса по народу,
И собрали голоса дѣвы судныя,

Собирали их в сосуд священный.
Лехам дали их для объявленья.
Встал Радован с Каменнаго мосту,
Стал голоса числом пересчитывать,
Чтоб объявить большинства рѣшенье.

Обычай рѣшенья дѣл посредством собиранія голосов, опредѣленіем их большинства, развившійся у Греков, немнѣе был силен и в римском государствѣ. *Suffragia* подавались там прежде *viva voce*, а потом *leges tabulariae* указали собирать их посредством дощечек (*tabellae*), раздаваемых особенными лицами — *direntores* (*S. Heineccii: Antiqua jurispr.* 1, 2: IX—XI. *Pauli II*, 542, 3). В Германіи по древнему обычаю мнѣнія высказывались *clamore valido, palmis, armis*, как знаем от Тацита, и дѣла рѣшались большинством, но не были пересчитываемы а подмѣчаемы наглазно (*Гримма D. Alt.* 773—4). В собраніях народа или мѣстных правителей свѣтских и церковных утверждались законы, как видим из показаній в собраніи законов Визиготов, Алеманов, Бургундов, Франков Салійских, Лонгобардов, Саксонов, Англосаксов. Позже стали считать числом лица, подававшія мнѣнія. Мнѣніе каждаго называли голосом — *vox*, *Stimme*; право на подачу мнѣнія, *jus suffragii*, так же называли голосом (*Ducange* п. с. *vox*, *votum*). Можно ли доказать, что слово *glas* = голос в значеніи *suffragium* был в употребленіи у древних Чехов независимо от вліянія западнаго? Я думаю, что нѣтъ, и потому позволяю себѣ домысл, что Чехи перевели слово *vox* словом *глас* так же как перевели его Нѣмцы своим *Stimme*, так же как, гораздо позже, перевели его и мы. Считаю указанная слова и выраженія былины о судѣ Любуши, такими явленіями языка чешскаго, которыя сдѣлались его принадлежностью только в слѣдствіе сближенія чешскаго народа с римско-германским общественным бытом, и имѣя в виду, что такое сближеніе могло начаться не ранѣе IX вѣка, послѣ Карла Великаго, и то с начала в малом размѣрѣ, с большим успѣхом продолжалось в X — XI в., и не ранѣе X—XI в. могло наложить свою власть на язык; что в это

же время стало распространяться у Чехов и христианство, в первый раз явившееся для немногих в 845 г. с запада, потом в 874 г. с востока и утвердившееся учрежденіем епископства в Прагѣ в 973 г., впрочем и тогда еще так непрочно, что и князю Брячиславу надобно было бороться с язычеством в концѣ XI вѣка (п. 1092);— я позволяю себѣ думать, что былинѣ о судѣ Любуши надобно отнести не к IX в., а скорѣе к XI-му, или даже я позже. Есть и другія доказательства, ведущія, как мнѣ кажется, к тому же выводу. Таковы между прочим

III.

— *Прозвища по владѣнію.* В былинѣ о судѣ Любуши упомянуты девять лиц по именам с прозвищами по владѣнію:

Chrudos ot Otauí críui
Хрудошь от кривой Отавы,
na Otauí críue
на кривой Отавѣ,
Stáglaw na Radbuze chladne
Стяглав с Радбужи холодной,
Sutoslav ot Liubice bele
Святослав от Любицы бѣлой,
Lutobor s Dobrozlausca hlemca
Лютобор с холма Доброслávля,
Ratibor ot gor Crecoposi
Ратибор от гор Корконоши,
Radouan ot Camena mosta
Радован от Каменнаго мосту,
Jarozir ot bred uletoresnih
Ярожир от гор рѣки Волты,
Strezibor ot Sazaui ladni
Стрезибор от Сазавы свѣтлой,
Samorod se Mse strebronosne,
Самород от Мжи среброносной.

В первом их перечетѣ еще не видно, что это — прозвища, а не просто мѣста жительства. Далѣе, гдѣ нѣкото-

рые из них упомянуты как принявшіе участіе в сеймѣ, способ выраженія в былинѣ не оставляет уже никакого сомнѣнія, что при именах поставлены прозвища по владѣнію или по происхожденію:

Usta Lutobor s Dobrozlausca hlemca
Je se taso zlouo gouoriti...

Встал Ратибор с холма Доброславля,
И стал молвить такое он слово...

Usta Radouan ot Camena mosta,
Je se glasi cislem p(re)gledati.

Встал Радован с Каменнаго мосту,
Стал голоса числом пересчитывать...

Ustanu-Chrudos ot Otauı kriui,
Mahnu rucu, zarue iarim turem.

Вскочил Хрудошь от кривой Отавы,
Махнул рукой, взревѣл ярым туром.

Usta Ratibor ot gor Crekonosi,
Je se taso zlouo gouoriti.

Встал Ратибор от гор Корконоши,
И стал молвить такое он слово.

Даже и в выраженіи Лютобора, обращенном к княжиѣ Любушѣ, можно видѣть, что и она пользовалась прозвищем владѣнія отеческим престолом:

Zlauna cnesno s otna zlata stola
Uipouedi tuoie rozmislehom.

Предлоги *s* = из, *ot* и *na* очевидно, употреблены здѣсь в том же значеніи, как в средне-вѣковых латинских и французских памятниках употребляется предлог *de*, а в средне-вѣковых нѣмецких предлоги *von*, *iz*, *in*.

Нельзя опустить при этом из виду, что из помянутых девяти, предок двух братьев Кленовичей, Тетва или Теты назван не по владѣнію, а по роду, или по отцу—Попелевым. Прозваніе по отцу или по роду, общее у всѣх Славян, было и у Чехов. Прозваніе по роду встрѣчается рѣдко и преимущественно в лѣтописях там, гдѣ говорится о Вершевичах: Wrssevicı (см. годы: 1037, 1096, 1108, 1109, 1110: Johannes, de gente Vrssevicz, 1197: Lutek

Werzouicensis). Прозываніе сыном очень часто и в лѣтописях и в грамотах: 1061. Mstis comes urbis Belinae filius Boris и пр. 1061, 1067, 1068. Коята filius Wsseboris и т. д. Не так часто, но и не рѣдко встрѣчается ичь=іс: 1088 Vito Seliboric, 1160. Henricus Chideliz, 1187, Hermanu Marquartic, 1189. Ulricus Durciglaviz, Jurik Ujritoviz, 1196. Martin Ostretic=Oztreziz, Beneda Stibozic, Ernust Zezeniz, Milhost Milhostiz, Marquardus Zobzlawowiz, Derrich Nidameriz, Hermanus Willanowiz, 1197. Benic, и т. д. Иногда встрѣчаются прозвища и по примѣтам: 1029 Mutina Antiquus, 1107, 1126 Grdibor Niger, 1169, 1185, Bohuse Barbatus, 1182, Groznata Calvus, 1189, Groznata Crispus, Pribislaus Grossus, 1195. Petrus Superbus, 1199. Blego Magnus, Georgius Barbatus, Hermanus Crispus. Старый, Черный, Бородатый, Лысый, Кудрявый, Толстый, Гордый, Великій = Большой, суть прозвища, повторявшіяся у разных Славян, так же, как и у других народов. Что касается употребленія прозвища по мѣстности с предлогом de в памятниках чешско-латинских, то в лѣтописях до XIII вѣка нѣтъ ни одного такого случая, а в грамотах почти до половины XII вѣка употреблен этот предлог рѣдко и то почти всегда при именованіи должности: 1031 Radim castelanus de Preroue, 1053 Otto dux Moraviae de provincia Olomuc, 1107 Mutis castellanus de Uzoue. Иногда вмѣсто de с существительным употреблено прилагательное: 1031, Stibor castellanus Brunensis, Zuest castellanus Olomucensis. Три раза только до половины XII вѣка употреблен предлог de с именем мѣстности без означенія должности: 1031 Mutina de Uzoue, 1144. Jarognew de Satec, 1146. Drzlau de Gradec. За то с половины XII в. видим все болѣе частое употребленіе такого прозвища, прилагаемаго непосредственно к имени: 1169: Bleg de Trebussov, Cstibor de Chis, Smil de Udrehe, 1172: Mescio de Peruc, Gumpoldus de Buten, Otto de Dolan, Gavel de Cinan, Ztreziuoy de Hlystina, Usebor de Vinarec, 1176: Odalricus et Benada de Suaysin, Ratibor et Jaros de Scezgoic, Olricus de Sisencov, Dobrogost et

Mutina de Bukoue, 1181: Gotsalac de Olesna, Witan de Copidle. В грамотѣ 1181 г., вмѣсто латинскаго de употреблен чешскій предлог na: Lesek na Mutissowe. В этой же грамотѣ и в нѣкоторых других употреблено названіе мѣстности при имени без предлога: 1181: Radosta Sretnesna, Bogurad Checin, Stogen Schewice, Luduic Trino-wo, Zuliwoy Gromnice, Bogdan Girslice, Premil Lubine, Zlawic Tucleci, 1183: Chisse Jora, Wiske Hoita, 1193: Bohedaz Radoste. В нѣмецко-латинских грамотах встрѣчается de с именем мѣстности, как прозваніе при имени, по свидѣтельству Я. Гримма (D. Gram. IV. 872), с XI—XII в. В нѣмецком употребляется von с того же времени: старѣйшій из случаев, приводимых Вакернагелем, относится к 1070 г. (Deutsch. Leseb. I, 161—162). Ничто не позволяет думать, что употребленіе предлогов *om*, *s=из* и *na* в чешском при названіях мѣстностей в таких случаях, какковы вышеприведенные, не заимствовано с латинскаго и нѣмецкаго силой времени: таким оно и теперь кажется всѣм Славянам и самим Чехам. Всѣ Славяне, вмѣстѣ с другими и Чехи, и теперь употребляют вмѣсто этой чуждой формы свою народную прилагательную форму, на *skii*: Отавскій, Радбужскій, Доброславскій, Холмскій и т. д. Если же все это так, то нельзя, кажется, отказаться от мысли, что былина, в которой употреблены прозванія по мѣстностям с предлогами, сложена в таком видѣ, как ее знаем, не ранѣе XI—XII вѣка.

IV.

Разсматривая былинку о судѣ Любуши, как памятник, в котором отпечатались понятія того времени, когда она была сложена, менѣе всего можно опустить из виду тѣ понятія, которыя непосредственно связаны с главным предметом ея содержанія, с распрей братьев Кленовичей и ея рѣшеніем на сеймѣ, именно понятія о правѣ наслѣдства. Право наслѣдства представляется в былинѣ в трех особенных видах: 1) как право безраздѣльнаго владѣнія имѣніем всѣми наслѣдниками при управленіи им владыкою, избран-

ным из рода; 2) как право раздѣленія имѣнія между наследниками; 3) как право первородства на обладаніе наследством.

Первый и второй вид наследственнаго права, как древніе чешскіе, обозначены в стихах:

Po zasonu uecosiznih b̄gou
Budeta im oba u iedno ulasti
Ci se rozdelita rounu meru.

По закону богов вѣковѣчных
Надобно им или владѣть вмѣстѣ
Или раздѣлиться равной мѣрой.

Первый обозначен кромѣ того в стихах:

I umre li glaua celedina
Deti use tu sbosiem u iedno uladu
Uladicu si z roda uiberuce.

И умрет ли голова семейства,
Дѣти вмѣстѣ всѣ владѣют сбожьем,
Выбрав себѣ из рода владыку.

И далѣе в приговорѣ сейма:

Oba rodna bratri Clenouica,
Smerita se taco o dedini,
Budeta im oba u iedno ulasti.

Оба брата родные Кленовича,
Примиритесь так вы о наследьи:
Володѣйте им вы оба вмѣстѣ.

Третій вид наследственнаго права высказался в требованіи старшаго из братьев, оставшагося недовольным рѣшеніем сейма:

Preuencu dedinu dati p(raud)a.

Первенцу наследье слѣдует по праву.

В отвѣтъ на это требованіе один из главных членов сейма сказал, обращаясь ко всему сейму:

Ne hualno nam u nemseh iskati p(ra)udu,
U nas p(ra)uda po zasonu suatu
Iuse prinesehu otci nasi.

Нехвально нам искать в Нѣмцах правду,
У нас правда по святым законам,

Принесли ту правду наши предки.

Явно, что составитель былины считал право первородства нѣмецким.

Что право первородства не господствовало искони у Нѣмцев, на это есть указанія в книгѣ Тацита о Германіи. Наслѣдники и преемники всякаго, говорит он, — суть его дѣти, без завѣщанія (XX), — очевидно, не по праву старшинства, а по праву рожденія. Что так было у Нѣмцев и позже, и гораздо позже, это доказывают тѣ сборники законов, которые извѣстны под общим названіем *Leges barbarorum*.

Братья и сестры не отличены в правѣ на наслѣдство по древнему закону Визиготов: тѣ и другіе дѣлятся наслѣдіем по ровну, передавая свое право своим дѣтям и внукам (IV: 2: I, II, V). Дѣти разных отцев от одной матери дѣлятся наслѣдіем по матери, а разных матерей от одного отца — наслѣдіем по отцу (IV, 2: V). Мать по смерти мужа получала такую же долю наслѣдства, как и каждое из его дѣтей, но не в собственность, а в пользованіе до выхода в за мужество или до смерти (IV, 2: XIV).

По закону Аламаннов наслѣдіе по отцѣ принадлежало сыновьям, которые должны были раздѣлиться им по ровну (LXXXVIII). Если останутся сестры без братьев, то наслѣдством поземельным пользовались только тѣ из них, которыя вышли за мужъ за свободных; остальным дѣлились по ровну (LVII). Жена, оставшись вдовою без дѣтей, получала все постельное — *tota lectuaria* (Add. XXIX).

По закону Баварскому, братья по смерти отца, дѣлились наслѣдіем по ровну, хотя бы были и разных матерей (XIV:VIII). Мать получала такую же долю, как каждый из братьев, но в пользованіе до смерти или до замужества (XIV:VI). Если владѣтель умирал бездѣтным, то имѣніе дѣлилось на двѣ части: одна переходила к родным его, а другая в пользованіе женѣ до смерти или до замужества (XIV:IX).

По закону Бургундов распоряженіе отца, раздѣлившаго имѣніе между сыновьями не по ровну или передавшаго его другим лицам, признавалось противозаконным (LI:I). Если не было сыновей, то наслѣдовала дочь (XIV:I). По смерти

сына имѣніе возвращалось отцу, а по его смерти переходило к внуку или внукам от сына, а четвертая доля доставалась дочери или дочерям сына (LXXII: 1, 2). Вдова по смерти мужа пользовалась до смерти или до замужества $\frac{1}{3}$ -ю имѣнія мужа, если у нее был только один сын, или же $\frac{1}{4}$ -ю, если было их много (XLII, 1—2, LXII).

По закону Ротаря Лонгбардскаго, сыновья наследовали так, что на долю незаконных приходилась половина того, что должно было достаться каждому из законных: при двух законных пятая доля, при трех седьмая, при четырех девятая, при пяти одиннадцатая (CLIV). Если же не было законных сыновей, а были дочери, то—по закону Ротаря—онѣ получали половину наследія, незаконные сыновья одну треть, а остальное переходило к другим родственникам (CLVIII); а по закону Лиутпранда дочери и сестры покойнаго дѣлились по ровну между собою (I. 1:4). Можно было по закону Ротаря и не дѣлиться (CLXVII). Если же наследники и хотѣли раздѣлиться то—по закону Лиутпранда—дѣленіе на доли должно было происходить при судѣ вѣрно на равныя части при помощи кого нибудь знающаго и достовѣрнаго человека, и жребіи должны были быть установлены — *sortes stare debeant* (VI, XVI, XX).

По закону Салійских Франков земля Салійская должна была оставаться собственностью мужскаго пола, так что ею, по смерти отца его сыновья дѣлились по ровну (LXII 6); все другое имущество по смерти сына переходило к родителям или к братьям и сестрам (LXII. I—V).

По закону Саксов наследовали сыновья, а если их не было, то дочери (VII. I—V).

В законах Англо-саксонских до Кнута и Вильгельма Завоевателя находим только частныя распоряженія. Из них болѣе других выдается одно: по закону Етельреда, если кто владѣл землею всю жизнь непрекословно, то никто уже не мог оспаривать права на ея владѣніе у наследников (XIV). По закону Кнута, если кто умирал без завѣщанія, то его имѣніе дѣлилось между вдовою, дѣтьми и родственниками сообразно с их правом на наследіе (II, 70). По закону Вильгельма

ма Завоевателя, котораго держался до него, как сказано во вступленіи, и Король Эдуард, дѣти—*les enfans* — (мужескаго пола) должны были дѣлиться наслѣдством по ровну (34).

Только в законах Фризов и Тюрингенцев (Англоv и Вериков), не ясно выражено равенство прав сыновей, но, по соображенію статей их, нельзя не выводить, что и у этих Германцев сыновья имѣли равное право на наслѣдіе. По тюрингенскому закону умершему отцу наслѣдует сын, а не дочь; если же нѣтъ сына, то поземельное владѣніе переходит к родственникам умершаго, а деньги и рабы — к дочери, или же к сестрѣ, или к матери (VI:I—III). Послѣ матери земля достается сыновьям, а женскія украшенія дочерям (VI, VI). По закону фризскому наслѣдник получал $\frac{2}{3}$, а остальную треть—ближайшіе родственники умершаго: так в отношеніи к пенѣ, платимой за убійство (I:I); если бы кто убил отца, то лишился бы наслѣдства, которое бы должно было ему достаться; если бы кто убил брата своего, то должен был выплатить ближайшему родственнику, сыну или дочери, а за неимѣніем ни того ни той, отцу или матери его, или брату или сестрѣ (XIX:I, 11). Из этих фризских законов нельзя вывести никак права первородства.

И не только в таких древних германских законниках, но и в болѣе поздних, находим признаніе права всѣх дѣтей, а не первородства. Так в Швабском зеркалѣ и Саксонском зеркалѣ есть постановленіе, по которому по смерти отца, неоставившаго завѣщанія, всѣ дѣти, сыновья и дочери, возвратив все, что было ими прежде от отца получено, всѣм имѣніем должны раздѣлиться по ровну (*Lantrechtbuoch*, 148. *Livre I dou droit paisain*. CL). И в этом Швабском зеркалѣ и в Саксонском зеркалѣ неменѣе есть важное постановленіе: старшій из наслѣдников дѣлит наслѣдіе на части по числу наслѣдников, а другіе берут себѣ части по выбору или по жребію, (*Lantrecht*. 288. *Livre II, dou droit pais* LXIV. *Sachsen Spiegel* III, 29, *Sachs. Landrecht*. CXXV).

Об этом обычаѣ жребія говорят и лѣтописи в отношеніи к владычествующим домам. Так напр. упомянув о раз-

дѣленіи владѣній Клотаря между четырьмя его сыновьями, Григорій Турскій говорит, что они законно раздѣлились, и велѣд затѣм прибавляет, что Хариберту жребій дал — *sors dedit*—удѣл Хильдеберта и пр. (IV, 22, ср. Chron. Moisiac. Mon. Germ. Ser. I, 285). Так и Нитгард записал о Людовикѣ Благочестивом, что он перед смертью говорил своему старшему сыну Лотарю: перед тобой все твое царство, дѣли его, а выбор частей (по жребію) пусть будет за Карлом (младшим). (1, 7, т. ж. II, 654). И в грамотах ранняго и поздняго времени встрѣчается слова *sors, sortio, sortitum* в значеніи доли наслѣдства, полученнаго по жребію — *sorte* (*Ducange: Glos. n. c. sors* и пр. *Haltius Glossarium: Erb.*)

Вышеприведенныя показанія достаточны для вывода, что в Германіи всюду, издревле и долго, исключительно господствовало право дѣленія наслѣдства на равныя доли или между всѣми дѣтьми оставившаго наслѣдство, или между его сыновьями. Нѣкоторыя же постановленія дают знать, что наслѣдіе могло остаться нераздѣленным, и тогда, очень естественно, об управленіи имѣніем заботился старшій по роженію—*maximus natus*, как замѣтил уже Тацит, говоря о Тенктерах (Germ. XXII). Право старшаго в родѣ на имѣніе отца могло явиться и окрѣпить помимо старых обычаев наслѣдственнаго права силою особенных обстоятельств. Наболѣе этому способствовала феодальная система. Феоды, дававшіеся в пользованіе на время, со времени Людовика Благочестиваго, стали переходить в наслѣдство: по свидѣтельству Тегана, этот король, по неслыханной щедрости, раздавал свои королевскія, отцовскія и дѣдовскія виллы вѣрным слугам — *suis fidelibus* — в вѣчное владѣніе, закрѣпляя такія дачи подписью и приложеніем перстня (*Vit. Lud. 19, Mon. Germ. Scrip. II, 594*). С тѣх пор начали появляться дозволенія короля раздѣлять жалованья — *beneficia* — между сыновьями их владѣльца: так в 940 г. граф Уто получил от короля позволеніе раздѣлить сыновьям все жалованное имѣніе (*Chr. Regia. J. Schilteri Cod. jur. Alem. feod. II, 6*). Раздѣленіе жалованных поземельных владѣній никогда однако не было возможно без особеннаго соизволенія короля. На-

против того с XI вѣка начинается ряд постановлений о том, что феоды не должны быть раздѣляемы или как нибудь отчуждаемы цѣльно или по частям: *Liccat dominis omnes alienationes feudi factas nullo obstante praescriptione revocare. Capit. de ben Chuonc. 1037. Nulli liceat feudum totum vel partem aliquam vendere, vel pignorarē, vel quomodo alienare. Ducatus, marchia, comitatus de cetero non dividantur (Const. Frider. I. Curia Roncal. 1158. Подтвержденія в 1174, 1216, 1283. Mon. Germ. Leg. II, 38, 113, 145, 228, 442). Baronia et militum feuda non dividantur (Assise de Bret. 1187). Non dividantur feudo loricae, baroniae et serjanteriae ducis (Const. Norm. до 1245. Brunner, D. Anglonorm. Erbfolge System 31).*

Недѣлимость феолов на части предполагала с одной стороны право господина жалованных земель выбрать из наследников его васалла преемника ему, как отвѣтчика в исполненіи обязанностей, и болѣе или менѣе торжественно передавать ему права на владѣніе обрядом инвеституры; а с другой — возможность старшему в родѣ, первородному, пользоваться предпочтеніем, даже искать и находить его посредством заявленія о смерти того, кому имѣл он право наследовать, в теченіи года.

Когда именно явилось первородство, как право, опредѣлить трудно. Нельзя впрочем, кажется, отрицать, что пока еще оставалось в силѣ право всѣх братьев на владѣніе частями королевства, пока между ними не пользовался исключительным правом старшій из братьев, а это было и в концѣ IX вѣка (*Hludovicus rex partem regni Hlotharii cum fratribus Carlmano et Carlo aequa lance dividit. Annal Fuld. 877. Mon. Germ. Ser. I, 391*); пока вмѣстѣ с тѣм не было постановлений, запрещающих дѣлить феоды, вышедших без сомнѣнія, в слѣдствіе повторенія случаев их раздѣленія, — до тѣх пор, право первородства не могло быть признаваемо законным. Предположительно можно сказать, что это есть явленіе XI вѣка или немного болѣе ранняго времени. В сказаніях XII вѣка находим свидѣтельство о существованіи этого права в Бургундіи и в

других частях Франціи. В записках Оттона Фрейзингенскаго отмѣчено оно какъ обычное французское очень рѣзко: *Mos est in Burgundia, qui fere in omnibus Galliae provinciis servatur, quod semper seniori fratri ejusque liberis paternae haereditatis cedat auctoritas* (II Mon. Germ. Ser. XX...). Немного позже его жившій Петръ de Vineis называетъ право первородства правомъ французскимъ: *vivere jure Francorum* значило по его объясненію то, что *major natu exclusis minoribus fratribus et cohaeredibus in castro ipso succedat inter eos nullo tempore dividendo* (Epist. VI, 25. *Schilter. Cod. II, 29*). С правомъ первородства соединялись во Франціи обязанности братства *frairage*, требовавшія отъ первороднаго наследника заботъ объ устройствѣ братьевъ. (Ducange. *Dissert. sur l'Hist. de S. Louys. III 13—15*). Даже и в XIV вѣкѣ право первородства считалось французскимъ, по крайней мѣрѣ в Италіи, какъ свидѣтельствуемъ Алб. Муссато (*Henricus Lucelburgensis cum tribus reliquis eodem patre natis superstes mansit paternae domus major, ut primogenitus, lege Gallico. (De gest. Henr. VII, 1, Schilter Cod. II, 29)*). Свидѣтельство Оттона Фрейзингенскаго особенно важно в отношеніи къ Германіи, давая знать, что в Германіи в его время право первородства еще не признавалось, по крайней мѣрѣ не господствовало. Тоже самое подтверждается и словами Вольфрама Ешенбахскаго в его Парцивалѣ о правѣ первородства в Анжу (*Grimm. Deut. Rechtsalt. 474*):

Swer ie dâ pflac der lande
 der gebôt wol âne schande
 daz ist ein wârheit sunder wân,
 daz dez aldeste bruoder solde hân
 sines vaters ganzen erbeteil,
 daz was der jungern unheil,
 künige, grâven, herzogen,
 daz sag ich iu für ungelogen,
 daz die dâ huobe enterbet sint
 unz an daz elter kint.

Из Франціи, кажется, признаніе права первородства распро-

странилось и на сѣвер—в Англiю, и на юг—в Испанiю, и на восток—в Германiю.

Одновременно с постановленiем Бретанской ассизы 1187 года, о недѣлимости баронств и рыцарских феодалов в пользу первороднаго наследника (*Brunner* 31), является закон о правѣ первородства и в Англии. Ему дано там мѣсто в 70-й главѣ собранiя, извѣстнаго под названiем: *Leges Henrici primi* (1100 и 1135), но составленнаго, кромѣ начала, позже, при королѣ Стефанѣ I-м или Генрихѣ II-м, до 1189 г. (*R. Schmid.*, *Die Gesetze der Angel-Sachsen*. 2-е изд. LXIX—LXX). В 21-й статьѣ означенной главы этого собранiя, названной *Consuetudo Westsetae*, записано почти тоже, что и в Бретанской ассизѣ: *Primo patris feodum primogenitus filius habeat* (т. ж. 472). И в XIII в. однако право первородства надобно было защищать философскими доводами. Так Г. Брактон, в книгѣ: *De legibus et consuetudinibus Angliae*, дал мѣсто такому доводу: *jus proprietatis semper descendit ad primogenitum eo quod ipse inventus est primo in rerum natura* (*Brunner* 30).

В Германiи первыя начала признанiя права первородства должны были явиться так же в кругѣ феодальных владѣнiй; но явились, кажется, прежде во владѣнiях важных и затѣм перешли к владѣнiям менѣ важным. Старѣйшее из доселѣ найденных постановленiй, в которых могло быть дано мѣсто признанiю права первородства, есть рѣшенiе Ратисбонскаго сейма 1156 г., которым австрiйская марка признава герцогством—*Constitutio ducatus Austriae*. Извѣстное прежде из списков, не ранѣ XIV вѣка, и даже заподозрѣваемое как поддѣланное в XIV вѣкѣ или ранѣ, оно наконец найдено в подлинникѣ за золотою печатью, и не может уже возбуждать никаких сомнѣнiй. Рѣшенiем этим *de consilio et judicio principum*, за герцогством австрiйским признаны всѣ права и преимущества, признанныя за другими герцогствами. Как одно из них, признано и право владѣнiя им наследственно по закону первородства: *inter duces Austriae qui senior fuerit dominium habeant dictae terrae, ad cujus etiam seniore filium dominium*

jure hereditatio deducatur ita tamen, quod ab ejusdem sanguinis stipite non recedat, nec ducatus Ausrtae ullo unquam tempore divisionis alicujus recipiat sectionem (*Constit. d. Aust. 1156 г., Mon. Germ. Leg. II, 100 — 101*). Золотая булла Карла IV, на которую обыкновенно ссылаются по вопросу о правѣ первородства, очевидно, только подтвердила изстари введенное право, можетъ быть, и не господствовавшее исключительно, но естественно поддерживаемое выгодами первородных и возможностью младших пользоваться титулом отца и занимать важныя и доходныя мѣста виѣ родового наслѣдства. В ленных законах нѣмецких право первородства не признано исключительным, но и не отвергнуто, а напротив того поддержано. Так в норембергском законникѣ начала XIII в. находим слѣдующія статьи: XLIII, 5: Во владѣніи леном отцу не можетъ наследовать никто кромѣ сына. По смерти отца идетъ сын, в теченіи года и дня по смерти отца и господина, и свидѣтельствуемъ ему свою покорность, какъ васалл испрашивая инвеституру. LVIII, 4, 5, 6: Такойъ васалл можетъ получать инвеституру только отъ одного господина и только одинъ на одно владѣніе, такъ что его братья не могутъ просить инвеституры себѣ отдѣльно; они могутъ получать ее отъ того, кто самъ уже получилъ инвеституру, и если они невзрослы, то преимущественно пользуется старшій по рожденію. LXI: 1 и 3: Принимая инвеституру, старшій изъ сыновей васалла, даетъ обѣтъ господину, что его младшіе братья не будутъ просить инвеституры, пока онъ живъ. Во власти господина остается дать инвеституру не одному старшему в родѣ, а всѣмъ братьямъ вмѣстѣ, пользоваться владѣніемъ всѣмъ вмѣстѣ, или, за исключеніемъ старшаго, никакого права не имѣть на лен. (*J. Schilteri Cod. jur. Feod. II пр. 21 — 22, 26 — 27, 29, 30 — 31*). Тоже повторено и в книгѣ Леннаго права Епкова Репковскаго около 1250 года (т. ж. стр. 100 — 103). Нельзя оспаривать, что эти постановленія в первый разъ признаны законными не с того времени, какъ явились в означенныхъ сборникахъ, а ранѣе; какъ нельзя оспаривать и того, что они явились, какъ условія господства и по-

рядка феодальной системы. Нельзя вмѣстѣ с тѣм и отвергать, что они стали в ряду законов, которые сосѣдями Нѣмцев могли быть считаемы в числѣ особенностей нѣмецкаго права, не ранѣе утверждения в Германіи феодальнаго наследственнаго права и запрета дѣлить лены на части, не ранѣе XI вѣка.

Если же это так, то чешская былина о судѣ Любуши, в которой говорится о правѣ первородства, как о правѣ нѣмецком, слѣдовательно признаваемом или употребляемом хоть в нѣкоторых из нѣмецких земель, хоть в нѣкоторых случаях, не могла быть сложена ранѣе XI—XII вѣка.

Не находя возможности отнести былинку о судѣ Любуши по ея содержанію к тому времени, к которому обыкновенно ее относят, не вижу надобности считать ее памятником не XI—XII вѣка, а древнѣе—и по языку. В этом отношеніи она превосходно изслѣдована проф. Гатталой; но не настолько сравнительно с другими памятниками, чтобы язык ея нельзя было не считать древнѣе XI—XII в. Не повторяя выводов проф. Гатталы, ограничусь отмѣткою признаков языка, которые им и другими считаются древними, и тѣм не менѣе не уничтожают возможности глядѣть на былинку о судѣ Любуши, как на памятник XI—XII вѣка.

Цѣльных чешских памятников и этого и даже болѣе поздняго времени опредѣленных лѣтъ нѣтъ; но из этого еще не слѣдует, что нѣтъ и возможности проникнуть в положеніе чешскаго нарѣчія X—XII в. И к древнему чешскому нарѣчію примѣняется тот же самый изслѣдовательный приѣм, какой необходим для того, чтобы проникнуть в древности всѣх других сѣверо-западных нарѣчій и нѣкоторых из юго-западных. В латинских грамотах, синодиках и лѣтописях находятся в значительном количествѣ чешскія слова и нѣкоторыя выраженія. Многія сохранились в списках древних; не мало таких, которыя сохранились в подлинникѣ. Подлинныя, конечно, важнѣе, достовѣрнѣе во всѣх отношеніях; но и в списках находятся данныя не менѣе важныя, по крайней мѣрѣ для объясненія того, что нашлось в подлинных. Из этого рода памятников извлекаю показанія

для опредѣленія времени, не позже котораго могла быть написана былина о судѣ Любуши.

В отношеніи к выговору в былинѣ всего болѣе поражает постоянное употребленіе буквы *g* в тѣх словах, гдѣ в других сохранившихся памятниках, употреблено постоянно *h*, как напр. *glina*, *rognati*, *gora*, *rogubiti* и пр. В грамотах находим *g*, а не *h*, не только ранѣе, но и в XIII в. (*Gozchichi*, 1234. *Milegost*, 1234. *Boguta*, 1234. *Welegrad*, 1234. *Vmalego*, *Winganow*, *Bogobud*, 1234. *Gradez*, 1234. *Legota*, 1235. *Voko burgravius de Grudech*, 1236. *Glupetin*, 1237. *Groznata*, 1237. *Gradez*, 1238. *Gorch*, 1238. *Yglaua*, 1238. *Bonifacius de Gradisz*, 1238. *Welgrad*, 1239. *Gradech*, *Dragon*, 1239. *Mstidrug*, 1239. *Bogohinice*, *Glupenow*, *Ognichovich*, *Gneunichi*. *Glupogla*, 1239. *Grobnic*, 1239. *Gradez*, 1240. *Dolgauiz*, *Zagost*, *Gusty*, *Gusch*, 1241. *Gradek*, *Gradez*, 1241. *Boguslaus*, 1241. *Gradez*, 1242. *Wagowe*, 1242, *Igla* 1243. *Bulgar*, 1244. *Wissegrad*, 1245. *Boguhval*, 1245. *Zagradica*, 1245, 1247. *Welegrade*, 1246. *Nagrado*, 1247. *Gredic*, 1248. *Gratz*, 1248. *Raygrad*, 1248. *Gauela*, 1249. *Gnewotin*, 1249. *Groznata*, 1250. *Gradiss*, 1250. *Gradic*, 1251. *Gradizeh*, 1252. *Zagradica*, 1252). Употребленію *g* вмѣсто *h* соотвѣтствует употребленіе *h* для звука *х* (=ch) и это встрѣчается в грамотах не только ранѣе, но и в XIII в. (*Hualata*, 1219. *Hoten*, 1227. *Hotesow*, 1228. *Hotheborius*, 1230, 1239. *Hristouo*, 1233. *Hualowici*, 1233. *Huale*, 1234. *Hrustize*, 1234. *Hlumec*, *Hulmec*, 1235. *Hrusciz*, 1239. *Huoschene*, 1239. *Hrast*, *Prehod*, 1242. *Hodokowicz*, 1245. *Hreno*, 1248. *Hotesow*, 1248 и пр.).

Другой признак древности выговора так же выдержанный вполне в былинѣ о судѣ Любуши, есть не шепеляво произносимый мягкій *г*, как напр. в словах: *pride*, *prez*, *reka* и пр. И этот признак находим в грамотах даже в XIII вѣкѣ петолько древнѣе (*Presesa*, 1249. *Repsin*, *Pregem*, *Brezoua*, *Zabresten*, *Wpreroue*, 1249. *Premisl*, *Prisnobor*, 1249. *Prethosa*, 1250. *Prekal*, 1250. *Pribinicich*, 1250. *Prist*, 1250. *Brecislaus*, *Pribislaus*, *Predslao*, 1251. *Pro-*

smeriz, 1251. Predotha, 1251. Pribinez, 1252. Brezoue, 1252. Prsnaborius, 1252. Pritz, 1252. Dobrichovvicz, Priboy, Brizna, Brizina, 1253. Prykos, 1253.

В ряду признаков древняго языка должно стоять и удержаніе *a* и *u* (*a* и *u*), в мягких слогах, гдѣ послѣ стали выговаривать *e* вмѣсто *a* и *i* вмѣсто *u* (*duše* вм. *duša*, *lid* вм. *lud*). В былинѣ о судѣ Любуши выдержан вполнѣ и этот признак древности: *luta*, *tuca*, *mezu*, *burga*, *ula-stouica* и пр.; и он однако не может свидѣтельствовать об очень дальней древности языка былины: признак этот не был чужд и языку XIII—XIV² в., даже болѣе позднему.

Тѣм менѣе можно настаивать на подтвержденіи особенной древности языка былины о судѣ Любуши выдержкою грамматических условій строя рѣчи: в этом отношеніи, мнѣ кажется, былина не представляет ничего важнаго.

Основываясь на том, что указано выше, я позволяю себѣ думать, что былинѣ о судѣ Любуши в том видѣ, как она нам извѣстна по единственному сохранившемуся списку, надобно считать памятником XI—XII вѣка, если не позже; памятником, в котором передается воспоминаніе о судѣ Любуши не „по былинам того времени,“ когда жила Любуша, а „по замышленію бояню,“ гораздо болѣе поздняго времени, объяснявшему по своему, что и как было в то отдаленное время. Если же это так, то нельзя дорожить этою былиною как вѣрным отголоском времени близкаго к событію, в ней рассказанному, нельзя и пользоваться ею как историко-археологическим источником показаній о бытѣ, обычаях и понятіях того отдаленнаго времени. Былина может имѣть значеніе для изслѣдователя только с историко-литературной стороны, как один из памятников стихотворнаго пересказа преданій, лѣтописных или народных, о событіях прошедшаго времени.

Долго лежал мой опыт разбора былины о судѣ Любуши, как свод изслѣдованій, лично мнѣ нужных, никому мною не повѣряемый. Рѣшившись наконец воспользоваться им для университетских чтеній и подвергнуть его суду сочленов в засѣданіях филологическаго общества и 2-го отдѣленія Академіи наук, я все таки не рѣшался издать его — частію в надеждѣ очистить его от ошибок и недомолвок, а гораздо болѣе из нежеланія оскорбить своими выводами тѣх глубокоуважаемых мною Чехов, которые стояли безусловно за крайнюю древность былины. Теперь обстоятельства виѣшнія измѣнились: раздалось нѣсколько голосов, достойных уваженія и вниманія, о Зеленогорском отрывкѣ из рукописи, заключающем в себѣ эту былину, как о поддѣлкѣ новаго времени. Никогда я не позволяя себѣ, и теперь не нахожу возможным идти так далеко; но думаю, что теперь уже можно не таиться со своим опытом. Передавая его на суд знатоков, желал бы, чтобы они нашли его сколько нибудь достойным их вниманія.

И. И. Срезневскій.

Окт. 1878 г.

О СЛОВѢ „ШПИЛЬМАН“

В СТАРИННЫХ РУССКИХ ПАМЯТНИКАХ.

В ноябрѣ 1875 г., доцент Фогт читал в Грейфевальдском ученом обществѣ интересное сообщеніе о нѣмецких *шпильманах* (потѣшникахъ), которое в слѣдующем году напечатано отдѣльно в Галле (*Leben und Dichten der deutschen Spielleute im Mittelalter. Vortrag von Dr. Friedrich Vogt. Halle. 1876.* — 8°, 25 стр. текста и 4 стр. примѣчаній). Предмет этой брошюры не чужд и для нас, так как *шпильманъ* заходил и на Русь, и названіе их не раз встрѣчается в нашей древней письменности. В Кормчей 1284 г. говорится между прочим „о шпильманѣхъ и о глумцѣхъ“ — „Нѣмецкое слово *шпильман* дошло к Славянам, может быть, еще в X или XI вѣкѣ с приходившими от Нѣмцев скомо-рохами;“ так замѣчает Востоков в своем словарѣ, приводя еще слѣдующія выраженія: из Прол. XV в. апр. 17: „в тои^х днѣхъ страсть стго мѣеника Ардалеона шпильмана иг-реца,“ и из Златоустр. XVI в.: „аще бо быша шпильмани и^{ни} игреци видѣли свое ремество бес прибытка.“ Названіе *шпильман* для нас тѣм любопытнѣе, что оно оставило за собою слѣд в языкѣ и утвердилось в сокращенной народной формѣ *шпынь*; слово это часто является в нашей литературѣ прошлаго вѣка и еще в началѣ нынѣшняго, в смыслѣ *баллаур*, *насмѣшник*; оно дало от себя производныя: *шпынство*, *шпынять*. Академическій словарь под словом *шпынь* приводит слѣдующее мѣсто из одного документа 1636 года о прекращеніи в московских церквах разнаго рода безчинствъ: „во время же святаго пѣнія ходять по церквамъ *шпыни*, съ безстрашіемъ, человекъ по десятку и болши, и отъ

нихъ в церквахъ великая смута и мятежъ“ *Акты Археогр. эксп.* III, 402); при чемъ разсматриваемое названіе объяснено словами: *шут, балагур*. Такъ переводитъ славянскій словарь Алексѣева и самое слово *шпилман*, прибавляя изъ Кормчей еще и глаголъ *шпилманити*. Академія же, а за нею Даль, дополняютъ примѣры на слово *шпынь* пословицею: „Шут не шут, а хорошій *шпынь*.“ Даль сближаетъ это имя съ словомъ *шпень* (шпенек), *шпынь*, но едва ли справедливо, такъ какъ послѣднее, очевидно, само в родствѣ с латинскимъ *spina* (нѣчто острое, шип) и по своему значенію слишкомъ далеко отъ первоначальнаго понятія, связаннаго с названіемъ *шпынь* (=шутник, балагур). Что это слово вѣрнѣе производитъ отъ *шпильман*, можно заключить изъ попадающагося въ нашей письменности древняго сокращенія нѣмецкаго термина въ *шпиль*: оно приведено Миклошичемъ въ словарь его, с объясненіемъ: *histrion*, въ выраженіи „*ласкльвцн, шпынлеке, праздыи-словьцн*“, гдѣ второе названіе не что иное, какъ урѣзанное *шпильман*. Приспособляясь къ русской фонетикѣ, *шпиль* легко могло обратиться въ *шпынь*: даже въ коренныхъ русскихъ словахъ *и* нерѣдко переходитъ въ *ы*, а *л* и *н* могутъ замѣнять другъ друга (ср. для примѣра скрипка вм. скрипка и маленько вм. маленько) ¹⁾.

Замѣчательно, что въ русскомъ, какъ и вообще въ славянскихъ языкахъ, недостаетъ своихъ словъ для означенія людей, которыхъ ремесло—потѣшать другихъ; въ Св. Писаніи употреблено слово *смѣхотворство* (Ефес 5, 4), составленное отъ *смѣхотвор*; въ древней письменности встрѣчается еще: *лумецъ, ирецъ, лицецѣй*, но все это искусственно составленныя слова; гораздо болѣе распространены въ языкѣ названія иностраннаго происхожденія: *шпынь, скоморох, скомрач* (отъ гот. *scamari* ср. сканд. *skämta*, шутить), *балагур* (восточное или западное? ср. точить балы), *гаер* (нѣм. Geiger), *паяц* (фр. *paillasse*), наконецъ *фокусникъ, штукаръ*. Слово *шут*—повидимому наше собственное, но такъ какъ оно не встрѣчается въ другихъ славянскихъ языкахъ, то вѣроятно перешло

¹⁾ Филолог. Разысканія, II, 327, 328.

к нам от какогонибудь сосѣдняго народа. Рейф считает его персидским (shoukt), но нельзя не имѣть в виду и готскаго гл. suthjan забавлять.

Но что такое были собственно нѣмецкіе *шпильманы*? Это объясняет нам брошюра г. Фогта. Шпильманы составляли в средніе вѣка обширный класс бездомныхъ людей, которые, страствуя, забавляли народъ всякими потѣшными искусствами и жили добровольными подавнїями за свои труды. К числу ихъ принадлежали плясуны, силачи, бойцы, вожаки медвѣдей, музыканты и наконецъ пѣвцы. Еще у древнихъ Римлянъ потѣшники всякаго рода сливались в одно сословіе, *joculatores* или *joculares*, переродившееся у Французовъ в *jongleurs*, а у Нѣмцевъ в *Spielleute* (*Spil* первоначально означало забаву вообще). Сюда вошли мало по малу и національные пѣвцы, которые нѣкогда, до введенїя христіанства, занимали почетное мѣсто в обществѣ, а потомъ, подвергнувшись гоненїю церкви, потеряли свое значенїе. Не прежде XII вѣка, когда велѣдствїе крестовыхъ походовъ свѣтское направленїе сдѣлалось господствующимъ в литературѣ, образованные между шпильманами прїобрѣли болѣе выдающееся положенїе и снова стали играть нѣкоторую роль в домахъ знатныхъ и при дворахъ. Имъ поручали напр. обученїе дѣтей музыкѣ; к разряду ихъ принадлежали и стихотворцы, снискивавшїе себѣ пропитанїе своимъ искусствомъ. Они в пѣсняхъ своихъ брали сторону того, кто имъ платилъ, противъ его соперника, восхваляли заслуги или подвиги, распространяли добрую или дурную славу. Самымъ обыкновеннымъ способомъ вознагражденїя ихъ служили подарки платьемъ; лучшіе принимали только новую одежду, другїе довольствовались и поношенною. Были у нихъ также пѣсни то нравоучительнаго, то эпическаго содержанїя; особенно цѣнились небольшїе, часто комическіе рассказы в стихахъ, в родѣ французскихъ *fabliaux*, пущенныхъ в ходъ жонглерами, которые значительную часть ихъ почерпали из неисощимаго запаса восточныхъ и греческихъ сказанїй. Высшею цѣлью стремленїй шпильмановъ былъ конечно почетный прїемъ в кругу вельможъ или у владѣтельныхъ особъ, гдѣ они

играли роль в торжественных случаях и украшали пир своим пѣніем или игрою на струнах. От названія тѣх из них, которых инструментом была скрипка (Geige), могло произойти существующее у нас до сих пор, хотя с другим оттенком смысла, слово *гаер* ¹⁾. Наконец, шпильманы могли служить посредниками для любовных сношеній рыцарей с их возлюбленными, нерѣдко встрѣчавших неодолимые препятствія.

Во время крестовых походов шпильманы, в качествѣ музыкантов или вообще потѣшников, сопровождали армію в святую землю, и возвратившись, рассказывали по пути чудеса, которыя там видѣли или слышали; до нас дошли нѣкоторыя из такихъ рассказовъ в стихотворной формѣ, представляющихъ пеструю смѣсь христіанской легенды, народныхъ сказаній и вымысловъ самого поэта с цвѣтистыми картинами востока; самымъ характеристическимъ из этихъ произведеній фантазіи шпильмановъ является одинъ вариантъ извѣстной повѣсти о Соломонѣ и Мэрольтѣ. Рядомъ с избранною категоріей шпильмановъ, которые имѣли доступъ к знатымъ, стояла масса менѣе счастливыхъ служителей искусства, жившихъ такъ сказать на большой дорогѣ, принужденныхъ искать себѣ в городахъ и селахъ публики болѣе благодарной, нежели щедрой. Завися от добровольной благодѣтельности своихъ зрителей и слушателей, классъ шпильмановъ вообще не пользовался уваженіемъ: это видно между прочимъ изъ относившихся къ нимъ предписаній закона; такъ напр. за ними не признавалось право наслѣдства внѣ ихъ сословія, т. е. шпильманъ могъ наслѣдовать отцу только в томъ случаѣ, если послѣдній уже принадлежалъ и самъ къ этому званію. Само собою разумѣется однакожъ, что тѣ изъ шпильмановъ, которые выдвигались впередъ своимъ талантомъ и были вхожи в дома знатныхъ, стояли в общемъ мнѣніи выше и, благодаря своимъ покровителямъ, пользовались разными преимуществами.

Брошюра г. Фогта, по интересу содержанія и живости изложенія, заслуживала бы полнаго перевода. *Я. К. Грот.*

¹⁾ Надо помнить, что слово Geiger (скрипач) в устахъ большей части коренныхъ Нѣмцевъ звучитъ какъ Gaiger.

ЧТЕНІЯ

О СТАРОПОЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

До сих пор нѣтъ книги, в которой были бы собраны обстоятельныя свѣдѣнія о всѣх дошедших до нас памятниках старопольской письменности и представлены образцы их правописанія и языка. Свѣдѣнія о старопольской письменности, находимыя в трудах польских ученых — *Мацѣвскаго* (*Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian*, 1839, 2-й т., *Piśmiennictwo Polskie 1851—2, 1 и 3 т.*), *Вишнезскаго* (*Historya literatury Polskiej*, 1840, 1-й т.) и *Вуйцицкаго* (*Hist. lit. Polsk. w zarysach*, 1845, 1859, 1-й т.), отрывочны и в научном отношеніи неудовлетворительны; новѣйшій же труд г. *Малковскаго* (*Przeгляд najdawniejszych pomników języka Polskiego*, 1872) ограничивается только нѣсколькими памятниками XIV и XV вѣков и наполнен удивительнѣйшими фантазіями, не имѣющими ничего общаго с наукою. Что же касается изданій старопольских памятников, то только три из них можно признать удовлетворительными (*Периода* нѣсколько псалмов Флоріанскаго псалтыря, *Малѣцкаго* Библия Софіи и *Л. Малиновскаго* Молитвы Вацлава).

Желая удовлетворить всеми сознаваемой потребности — имѣть справочную и руководящую книгу по старопольской письменности, печатаю свои университетскія чтенія. Держась хронологическаго порядка, я сообщаю о каждом памятникѣ свѣдѣнія библиографическія, представляю характеристику правописанія и языка, опредѣляю вѣкъ памятников, не помѣченных годами, и привожу отрывки из них по палеографическим снимкам или, за неимѣніем их, по надеж-

ным изданіям. Не ограничиваясь памятниками изданными, я сообщаю также свѣдѣнія о памятниках XV вѣка, сохранившихся в рукописях Библіотеки Императорскаго Варшавскаго Университета, и печатаю отрывки из них.

До второй половины XIV вѣка мы не имѣем памятников польской письменности; но из того, что они не дошли до нас, не слѣдует еще заключать, что их не было: напротив, есть извѣстія, что польскій язык задолго до XIV вѣка употреблялся в церквах и школах, что на нем были проповѣди, мистеріи, церковныя и свѣтскія пѣсни и т. п. С этих извѣстій о памятниках польскаго языка до половины XIV вѣка начинаю свои чтенія.

I.

**Извѣстія о намятниках польскаго языка,
до нас не дошедших.**

(до половины XIV вѣка).

I.

1008 г.

**Проповѣди на польском языкѣ итальянских миссіонеров, Іоанна
и Бенедикта.**

В житіи основателя ордена камедулов, св. Ромуальда († 1027), написанном его учеником, Петром Даміани, около 1040 года, читаем, что Болеслав Храбрый обратился к германскому императору, Оттону III, с просьбою прислать к нему миссіонеров для утвержденія польскаго народа в христіанской вѣрѣ, что император передал эту просьбу Ромуальду и что двое из учеников этого послѣдняго, Іоанн и Бенедикт, отправились в Польшу, гдѣ прилежно изучали славянскій язык, и *на седьмой год* своей миссіи, *вполнѣ усвоив себѣ язык страны*, послали в Рим одного фратра с просьбою, чтобы Папа разрѣшил им *проповѣдывать на народном языкѣ*.

„Interea Romualdo in Pereo adhuc habitante Busclavus rex preces imperatori direxit, ut sibi spiritalis viros mitteret, qui regni sui gentem ad fidem vocarent. Mox Romualdum imperator aggreditur, et concedi sibi de suis monachis, qui illuc destinari utiliter valeant, deprecatur. Ille vero nulli suorum hoc praecipere velut ex praelationis auctoritate voluit, sed in eorum voto ponens, sive manendi, sive abeundi omnibus optionem

dedit.... Interrogante igitur eos rege et humiliter obsecrante, *tantum duo solummodo ex omnibus inventi sunt, qui se ultro ad eundem promptos offerunt. Quorum unus Johannes, Benedictus alter vocabatur. Hi itaque ad Busclavum euntes, in heremo prius, eo sustentante, manere coeperunt; et ut praedicare postmodum possent, Sclavonicam linguam laboriose discere studuerunt. Septimo vero anno, cum jam loquelam terrae plene cognoscerent, unum ad Romanam urbem monachum mittunt, et per eum summae sedis antistiti praedicandi licentiam petunt* (Aug. Bielowski, *Monum. Pol. hist.* I, 329).

Св. Ромуальд оставался в Перейском монастырѣ до конца 1001 или начала 1002 года; слѣд. седьмой год пребыванія в Польшѣ камедулов Иоанна и Бенедикта есть 1008. Нѣтъ сомнѣнiя, что папа разрѣшил им проповѣдь на польском языкѣ. Вѣроятно, что, как иностранцы, для которых польскiй языкъ былъ чужимъ, они составляли свои проповѣди *письменно*. Если же они могли свободно проповѣдывать по польски, безъ предварительнаго приготовленiя, то для *записыванiя* ихъ проповѣдей ими самими или ихъ польскими учениками были особыя побужденiя: тому самому братру, который былъ отправленъ ими в Римъ, было поручено привести в Польшу нѣсколькихъ камедуловъ изъ Итали (*Iniungunt etiam, ut nuntius ille aliquos secum de beati Romualdi fratribus duceret, qui heremiticae conversationis edocti, cum eis simul in Sclavorum partibus habitarent*), а для успѣшной ихъ дѣятельности между Поляками было весьма полезно имѣть уже готовыя проповѣди на польскомъ языкѣ; одинаково это было полезно и для польскихъ учениковъ итальянскихъ миссiонеровъ. Во всякомъ случаѣ едва ли можно сомнѣваться, что польскiя проповѣди братровъ Иоанна и Бенедикта были в свое время *записаны*.

2.

1025 г.

Пѣсня о Болеславѣ Храбромъ по случаю его смерти.

Первый польскій лѣтописецъ, *Мартын Галл* (1109—1130), говоритъ, что по смерти Болеслава Храбраго (1025) в теченіе цѣлаго года не было в Польшѣ никакихъ общественныхъ увеселеній, прекратились танцы, музыки и *двѣчи пѣсни* и раздавалась только *похвальная пѣсня умершему королю*. Эту пѣсню Галл сообщаетъ в своей латинской обработкѣ.

„*Pro nimirum anno continuo nullus in Polonia convivium publice celebravit, nullus nobilis vir vel femina vestimentis se solempnibus adornavit, nullus plausus, nullus cytharae sonus audiebatur in thabernis, nulla cantilena puellaris, nulla vox laetitiae resonabat in plateis....* Nactenus Bolezlavi magni laudibus termini metam imponemus, *eiusque funus aliquantulum carmine lugubri lugeamus* (Galli chronicon lib. I, c. 16 apud *Bielowski Monum. Pol. I, 412*).”

В обработкѣ Галла „*De mortē Bolezlavi carmina*” начинается слѣдующею строфою:

Omnis aetas, omnis sexus, omnis ordo currite!
Bolezlavi regis funus condolentes cernite,
Atque mortem tanti viri simul mecum plangite!

Что эта пѣсня была сложена на польскомъ языкѣ, видно из *Папрочкаго* († 1614), по словамъ котораго долго по слѣ смерти Болеслава Храбраго пѣли пѣсни, сложенныя в честь его.

„*Pisze Anonymos wiersze, które o śmierci jego załośnie długo śpiewane były, temi słowy, którem ci tylko propter antiquitatem położył* (Herby rycerstwa polskiego, przez Bartosza Paprockiego, Kraków 1858, str. 18).”

3.

1107.

Пѣсня о нападеніи Болеслава Кривоустаго на Колобрег.

Тот-же лѣтописецъ говоритъ, что по случаю удачнаго нападенія Болеслава Кривоустаго на Колобрегъ в 1107 году была сложена пѣсня, которая обратилась в поговорку. 6 стиховъ этой пѣсни онъ сообщилъ в латинскомъ переводѣ.

„Ex quo facto natio tota barbarorum concussa vehementer exhorruit famaue Bolezlavi longe lateque dilata procrebuit. Unde etiam *in proverbium cantilena componitur*, ubi satis illa probitas et audacia convenienter extollitur in haec verba:

Pisces salsos et foetentes apportabant alii,
Palpitantes et recentes nunc apportant filii.
Civitates invadebant patres nostri primitus,
Hii procellas non verentur neque maris sonitus.
Agitabant patres nostri cervos, aprôs, capreas,
Hii venantur monstra maris et opes aequoreas.”
(*Bielowski*, Monum hist. Pol. I, 447).

4.

1109—1130.

Польскій переводъ лѣтописи Мартына Галла.

Самъ Мартынъ Галлъ говоритъ, что его лѣтопись в польскомъ переводѣ читалась во дворцахъ и школахъ.

„Constat ex hiis superius approbatis rebus gestis Polonorum principum in vacuum non recitatis, constat quoque vestro iudicio confirmandum, vero *praesens opus interprete recitandum*.” Срв. выше: „gloriosum est in scolis vel in palatiis regum ac ducum triumphos vel victorias recitare.... militiae vel victoriae regum atque

ducum ad virtutem militum animos accendunt *in scolis vel capitoliis recitatae* (Epistola III libri ap. *Bielowski Monum Pol. I, 461, 460*)."

Срв. *Лелевеля* (Pisarze dziejów w Polsce przed Długoszem в I т. Pol. w. śr. str. 48). „Wspomina Gallus, że jego *praesens opus, interprete recitandum*, tak w szkołach jak na dworze, *in scolis et palatiis vel capitolis*, nie on sam tłumaczył, ale *interpres*, krajowiec co po polsku umiał."

5.

1194.

Диалог по случаю смерти Казимира II Справедливого.

Викентій Кадлубек († 1223 г.) приводит в своей летописи (по изданию Бѣлѣвскаго в *Monum. Pol. II, 425—8*) диалог, разыгранный польскими панамы по случаю смерти Казимира Справедливого. В этом диалогѣ выведены на сцену *радость, печаль, свобода, справедливость и благоразуміе*. Онѣ восхваляют добродѣтели покойнаго короля и стараются утѣшить себя в его смерти. Диалог сохранился в латинской обработкѣ, но что он был сложен на польскомъ языкѣ, указывают, кажется, слѣдующія слова Кадлубка: „*Et sic proh dolor! extrema, immo media gaudii luctus occupat, sicque conversa est in luctum cythara Lechitarum, dum illud unicum sidus patriae Kazimirus occubuit* (l. c. 422)."

Срв. *Мацѣвскаго* *Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian II, 63*, и *Вишневецкаго* *Historia literatury polskiej I, 404—409*.

6.

1205.

Пѣсня о побѣдѣ под Завихостем над галицким князем Романом Мстиславичем.

Длугош в своей *Historia Polonica*, написанной между 1455 и 1480 гг., говорит, что еще в его время пѣли пѣсню,

сложенную по случаю победы Поляков над галицким князем Романом Мстиславичем под Завихостем в 1205 году.

„Victoria ipsa tam sonora et famosa fuit, ut vicinarum gentium et nationum crebris celebraretur sermonibus. *Poloni*, quibus provenerat, quos quoque fama divitiis et honore extulerat, *variis illam et seriem ejus prosequabantur carminibus, quae etiam in hanc diem canora voce in theatris audimus promulgari* (J. Długosz Opera omnia, t. XI, p. 175).”

7.

1207.

Исторія.

В правленіе Лешка Бѣлаго, как видно из посланія папы Иннокентія III к Генриху, архіепископу гнѣзненскому, в церквах давались *мистеріи*, в которых принимало участіе духовенство.

„Quod autem interdum *ludi fiunt in ecclesiis theatrales*, et non solum ad ludibriorum spectacula introducuntur in eis monstra larvarum, verum etiam in aliquibus festivitatibus diaconi, praesbyteri, subdiaconi insaniae suae ludibria exercere praesumunt.”

Wiszniewski о. с. I, 409, на основаніи *Bzowii Hist. eccles.* p. 144.

8.

1257.

Толкованіе по-польски латинских авторов в школах.

Гнѣзненскій архіепископ Пѣлка (*Fulco*) на синодѣ в Лѣнцицѣ в 1257 году постановил, чтобы не допускались в учителя приходских школ Нѣмцы, не умѣющіе объяснять ученикам латинских авторов по-польски.

„Statuimus, ut omnes ecclesiarum rectores seu plebani, vel quicumque alii sint prelati per universam

dyocesis polonice gentis constituti, pro honore suarum ecclesiarum et (ad) laudem divinam, cum habeant scholas per licenciam episcoporum statutas, non ponant Teutonicam gentem ad regendum ipsas nisi sint polonica lingua ad auctores exponendos pueris et (in?) latinum polonice informati (Constitutio edita in synodo Lanciensi a. 1257, apud Helcel, Starodawne prawa polskiego pomniki, t. I. p. 358)."

Лелевель („Oświecenie i nauki w Polsce" в „Polska wiek. średn. IV, 424—5) ошибочно относит это постановление к 1237 г.: в этом году не было синода (Spis kardynałów i biskupów Polskich z dodatkiem synodów przez tychże odprawionych, zebrany przez X. P. Wł. Fabiша, Oleśnica 1860, str. 8). Столь же ошибочно Фабииш (Wiadomość o synodach, Керно, 1860, str. 29) относит это постановление к 1233 г. (первый синод Пэлка в Сьрадзь): в „constitutiones" этого синода, изданных Гельцелем (ор. с. 343—6), такого постановления не находится.

По словам Лелевеля (о. с. 426), сохранились рукописи латинских авторов с польскими глоссами.

Об архіепископѣ Пэлкѣ находим слѣдующую замѣтку у современнаго польскаго лѣтописца, Годислава Паска: „Eodem vero anno (1258) Fulco archiepiscopus Gneznensis, qui Pelka nomen proprium habebat, in Lancicia diem suum clausit extremum. Vir in moribus compositus, literatus et honestae vitae. Sub cujus regimine ecclesia polonica in omnibus feliciter triumphabat (Bielowski, Monum. Pol. II, 583—3)."

9.

1261.

ГМИ БИЧОВНИКОВ.

Годислав Пасек, писавшій свою лѣтопись во второй половинѣ XIII вѣка, рассказывает под 1261 годом о явленіи в Польшѣ новой секты Бичевников: сектанты при-

надлежали к простому народу; нагие, среди бѣлаго дня, они ходили толпами, бичуя себя; впереди шло двое с хоругвями и свѣчами и *пѣло имн*; вслѣдствіе энергических мѣръ гнѣзненскаго архіепископа Януша секта эта вскорѣ исчезла.

„Item eodem anno (1261) insurrexit quaedam secta *flagellatorum rusticorum* ita, quod alius alium nudatus, tantum linteo ad umbilicum praecinctus, sequebatur, se ipsum quilibet flagello ad torsum verberando. *Quos duo cum vexillis et duabus candellis praecedebant, quandam cantilenam praecincentes.* Et hoc bis in die, videlicet hora prima et hora nona faciebant. Janussius vero archiepiscopus Gneznensis cum suis suffraganeis, in sua provincia sub excommunicationis poena de coetero talia fieri prohibens, principes Poloniae petiit, ut sectatores hujusmodi per poenas carceris et distractionem rerum a praedicto errore compescere deberent. Quod et fecerunt: nam *rustici* haec audientes archiepiscopi et principum edicta, a praedicto errore desierunt (l. c. 586—7).”

10.

1283.

Пѣсня о насильственной смерти велико-польской княгини, Людгарды.

По словам *Длугоша*, еще в его время публично пѣли в театрах польскую пѣсню об удушеніи Людгарды, жены *Премыслава*, великопольскаго князя, и дочери *Николая*, кашубскаго князя, по приказанію ея мужа, в познанском замкѣ 14 Декабря 1283 года.

„Quarta decima Decembris die, Lukerdis Ducissa, consors Przemislai Maioris Poloniae Ducis, et filia Nicolai Kaszubitae (Kaszubitarum Ducis), in Posnaniensi castro diem obiit, a propriis familiaribus et ancillis iugulata. Quam etsi maritus suus Przemislaus Dux flevit et ducales illi celebraverit funebrias, insimula-

tus tamen est, quoniam sterilis erat, et infœcunditatis gratia, et prolis virilis et successionis desiderio, nonnullas personas in eius mortem subordinasse. Auxit quoque suspicionem dissimulata ultio et præstita autoribus indignæ necis impunitas. Sed et *carmina publica, usque in ætatem nostram decantata, testabantur Ducissam Lukertham, dum se a marito præsensisset destinatam in mortem, flebilibus obsecrationibus rogasse, ne vitam et consorti et feminae innocenti pateretur eripi; sed et pro Dei reverentia, et honore tam coniugali quam ducali, permitteret eam in paternam domum, etiam in unius camisiae tegimento deduci, æquo animo sortem quantumcunque inopem, dummodo relinqueretur vitæ, laturam. Facinus suum Dux Przemislaus occultum, perpetuoque tegendum silentio crediderat, velut a paucis consciis et obscure actum: quod tamen Deo efficiente, publico et vulgari carmine in suum dedecus auliebat cantari, quod etiam in nostram usque ætatem constat pertigisse, nostrique sæculi illud concinunt theatra (Opera, vol. XI, pp. 469—470)."*

11.

1285.

Объясненіе попольски священниками символа вѣры, молитвы Господней и Богородицѣ, а также Евангелія; чтеніе и пѣніе народом житія св. Войтѣха и исповѣди; преподаваніе на польском языкѣ в школах; исключеніе иностранцев, не знающих польскаго языка, от пользованія церковными бенефиціями.

Синод в Лэнчицѣ, под председательством гнѣзненскаго архіепископа, Якова Свинки, 6 Января 1285 года постановил: 1) чтобы всѣ священники по воскресным дням, вмѣсто проповѣди, объясняли народу попольски символ вѣры, молитву Господню и Богородицѣ, и, кто настолько знаком с польским языком, также Евангеліе; 2) чтобы послѣ поминовенія усѣбших основателей церквей народ произносил общую исповѣдь в таких выраженіях: *Kayesse Bogu* и пр.; 3) чтобы во всѣх церквах имѣлось рукописное житіе

св. Войтѣха для всеобщаго чтенія и пѣнія; 4) чтобы учителями школ назначались только такія лица, которыя могут объяснять ученикам попольски авторов и 5) чтобы церковныя бенефиціи раздавались только природным жителям и при том знающим польскій язык.

„Statuimus, ut omnes presbyteri singulis diebus dominicis intra missarum sollempnia dictum symbolum et oracionem dominicam, et salutacionem virginis gloriose, decantato simbolo, loco sermonis *exponere populo debeant in polonico*, et festa indicare. Si qui autem adeo periti fuerint, exponant Evangelium ad bona opera facienda et vicia fugienda, aut saltem ad corpus Christi videndum, populum inducentes...”

„Preterea, ut populus suas non subterfugiat ecclesias, maxime in sepulturis eligendis, sed ad eas potius ipsius deuocio excitetur, statuimus etc., ut beneficia et nomina benefactorum ecclesie cujuslibet habeantur in scriptis, et post exhortacionem hujusmodi publice recitentur; et ut pro ipsis fiat oracio specialis, et dies obitus eorum in libris et prope sepulcra parietibus innotentur, et ut eorum anni — uersarium parentibus nunciatur, qui ad eorum inuidentur exequias, talibus precipimus celebrari, *in fine autem exhortacionis hujusmodi populus generalem confessionem faciat in hec verba: Kayesse Bogu*” etc.

„Item statuimus, ut in omnibus ecclesiis nostre provincie katedralibus et conventualibus *hystoria beati Adalberti habeatur in scriptis, et ab omnibus usitentur et cantetur.*”

„Statuimus insuper *ad conservacionem et promociionem lingue polonice*, in singulis locis ecclesiarum katedralium et conventualium, et allis quibuscunque locis *non ponantur rectores scholarum, nisi linguam polonicam proprie sciant, et possint pueris auctores exponere in polonica lingua.*”

„Item statuimus, ut nullus investiatur aliquo be-

beneficio curam animarum habente, nisi natus in terra et ejusdem terre ydiomate peritus (Consitutiones Jacobi Archiep. Gnezn. apud Helcel o. c. 383—4, 387)."

В этом синодальном постановленіи особенно важно для нас упоминаніе о двух памятниках польскаго языка,— *исповѣди*, начинавшеяся словами „*kayesse Bogu*," и *польскомъ рукописномъ переводѣ латинскаго житія св. Войтъха*. Что здѣсь упоминается не о латинской Passio s. Adalberti, которую издал Бѣлѣвскій по ркп. XI вѣка (о. с. 153 sqq.), а о польскомъ переводѣ, видно из слов: „*ut ab omnibus usitetur et cantetur*."

Послѣднія два постановленія (4 и 5) лэнчицкаго синода 1285 года были возобновлены гнѣзненскимъ архіепископомъ Яниславомъ на унѣвскомъ синодѣ 16 Февраля 1326 года:

„Precipimus, quod statutum felicitis recordacionis domini Jacobi quondam Gneznensis Archiepiscopi, nostri predecessoris, de non recipiendis alienigenis in provincia Polonie ad beneficia ecclesiarum curam animarum habencia, et magistris ad regimen scholarum non assumendis, nisi linguam Polonicam scient, cum inibi se nequeant utiliter exercere, ab omnibus inviolabiliter observetur: alioquin, ad quos institutio seu dispositio pertinet eorundem, si contraverint, ingressum ecclesie fore sibi noverint interdictum (Constitutiones d. Ianislai olim Archiep. Gnezn. Ibid. 403).“

12.

До 1292 г.

Вечернія молитвы Богородицѣ в монастырѣ Сандэцкомъ при св. Кунегундѣ.

По словамъ *Вишневскаго* (Hist. liter. polsk. t. I, str. 388), акты монастыря сандэцкаго свидѣтельствуютъ, что во время св. Кунегунды в XIII вѣкѣ тамъ былъ обычай *пльть*

вечернія молитвы Богородицы на родном языкѣ (Vespere patrii cantus ad laudem B. V. Mariae a Diva Regina et Matre instituti. Acta Mss. apud Juszyński).

Кунегунда, дочь угорскаго короля Бѣлы IV, вышла за муж за Болеслава Стыдливаго в 1238 году (*Пасек* в *Mon. Pol.* II, 560), будучи 4 лѣтъ от роду (*Rocznik Traski: ibid.* 837). Сохранив в замужествѣ дѣвство и отличаясь необыкновенным благочестіем, особенно в отношеніи Богородицы, она вступила в монастырь св. Клары в Прагѣ в 1277 году (*ibid.* 844), откуда, неизвѣстно когда, переселилась в Польшу, гдѣ (в Краковѣ) умерла в 1292 году (*ibid.* 852, *Rocznik Sędziwoja: ibid.* 879). Извѣстіе сандэцких актов подтверждается слѣдующею легендою, занесенною в Траскую лѣтопись под 1277 годом (I. с. 843—4):

„Post ruinam regis Bohemorum filia ipsius domina Kinga, virgo Deo devota et beate virgini Marie, in die sancti Stephani protomartiris vidit in visione quandam virginem pulcherrimam indutam pallio mirabili, que habebat litteras insertas per totum pallium de septem gaudiis beate virginis Marie, excepta una plica pallii in qua non erant littere. Quod videns puella cepit mirari. Ad quam beata virgo: *Cur, inquit, filia, miraris?* Ad quam puella: *Admiror tuam pulcritudinem et cur pallium tuum non est per totum ornatum.* Ad quam domina: *Ego sum, inquit, mater Domini, tu autem hoc pallium meum decorasti. Sed quia hesternam die non recitasti septem gaudia mea, que solebas semper recitare, ideo pallium istud non est per omnia ornatum. Verumptamen, filia, noli conturbari, quia desiderium tuum adimplebitur, nec de patre sollicita sis, quia ad majorem gloriam perducetur quam unquam fuit perductus. Eodem anno in nativitate beate Marie virginis intravit ordinem sancte Clare in Praga cum maxima sollempnitate.*“

13.

Ок. 1330.

Пѣсни о мукѣ Господней, сложенныя аббатом Иваном Витовским, неотступным спутником Владислава Локетка, и бывшія долго в употребленіи в польских храмах во время поста.

Wiszniewski о. с. I, 391.—*Lelewel* о. с. 432.

14.

1335—1346.

Церковныя пѣсни, сложенныя познанским епископом Иваном Лодзею из Кэмпы или из Бинна.

В лѣтописных замѣтках Владиславских половины XIV вѣка под 1346 читаем извѣстіе о смерти познанскаго епископа Ивана Лодзи, который называется челоувѣком веселым, любившим и знавшим музыку и ученым; при этом перечисляются церковныя пѣсни, им сложенныя.

„Anno Domini 1346 Iohannes Lodza, episcopus Poznaniensis, obiit, qui, dum vixit, multas prosas, unam de assumptione beate Marie videlicet: *Salve salutis ianua*, aliam de purificatione: *Benedicta*, terciam de sancto Adalberto: *In laudem sacro presuli* (quilibet versus incipit per litteras sui nominis, videlicet: *Iohannes presul Poznaniensis*), item de sancto Petro: *Tu es Petrus, et super hanc petram*; item aliam de sancto Paulo, unam autem, que cantatur post ympnum in ecclesia Poznaniensi: *Lux clarescit in via* composuit. Hic erat iocundus, cytharam in domo sua causa leticie percuciebat, sed lubricum carnis ardentem agebat, bene literatus erat et bene natus (Monum. Pol. II, 945).“

По краковскому некрологу, Иван Лодзя был назначен Познанским епископом в 1335 году, по смерти Ивана Доли-

вы (Ibid. 916); а по свидѣтельству *Длугоша*, еще в его время пѣлись послѣ утрени в польских костѣлах пѣсни, сложенныя Иваном Лодзею (*quam ecclesia polonica post completionem Primae canere consuevit*).— *Вишневскій* (о. с. 391) под *ecclesia polonica* *Длугоша* понимает братство, которое в костѣлѣ послѣ богослуженія пѣло обыкновенно набожныя пѣсни на родном языкѣ, а потому допускает, что пѣсни Лодзи были сложены на польском языкѣ (*Pieśni jego, które w kościele roznańskim śpiewano, może były polskie, jeśli tu przez ecclesia polonica rozumie Długosz bractwo, które w kościele po nabożeństwie zwykło śpiewać pieśni nabożne w języku ojczystym*). Объясненіе Вишневскаго нам кажется слишком натянутым, и, по нашему мнѣнію, нѣтъ надобности прибѣгать к нему, чтобъ признать возможным, что пѣсни Лодзи были сложены на польском языкѣ: примѣры польскихъ церковныхъ пѣсенъ были уже прежде, и если в монастырѣ сандэцкомъ пѣлись установленныя св. Кунегундою *вечернія* молитвы Богородицѣ на родномъ языкѣ, если были в употребленіи в польскихъ храмахъ пѣсни о мукѣ *Господней*, сложенныя аббатомъ Витовскимъ, то нѣтъ никакого основанія допускать, чтобы в нихъ было *возбранено* пѣніе, послѣ утрени, польскихъ церковныхъ пѣсенъ, сложенныхъ епископомъ Лодзею, какъ неосновательно полагаетъ *Мащѣвскій* (*Pisn. p. I, 306—7*).

II.

Памятники польскаго языка и письма второй половины XIV вѣка.

1.

Флоріанскій псалтырь.

Ко второй половинѣ XIV вѣка относится первый из дошедших до нас памятников польской письменности, Флоріанскій псалтырь, так прозванный по монастырю св. Флоріана (в Верхней Австріи, между Линцем и Энсом), в котором он хранится.

Этот псалтырь был открыт бібліотекарем Флоріанскаго монастыря, Хмѣлем, который списал нѣсколько первых страниц и отправил свою копію к Копитару в Вѣну; Копитар же переслал ее к Бандтке, который сообщил первое извѣстіе об открытіи Хмѣля в брошюрѣ, изданной им в Краковѣ в 1827 году под латинским и польским заглавіем: „*De psalterii Davidici trilinguis, latino-polono-germanici, codice manuscripto, exstante in bibliotheca canonicorum Regularium ad St. Florianum in Austria superiori (Wiadomość o najstarszym moze Psalterzu Polskim w Bibliotece kanoników Lateraneńskich w klasztorze Ś. Floryana).*” Послѣ краткаго описанія рукописи Бандтке сообщил отрывки из нея (два пролога и 4 и 6 псалмы на трех языках), потом высказал свое мнѣніе о времени ея происхожденія и наконец сравнил Флоріанскій текст 6-го псалма с изданіями XVI и XVII вѣков, с старо-славянским текстом и с переложеніями Кохановскаго, Рыбинскаго и Карпинскаго. Узнав о важности этого памятника для польской литературы, Хмѣль переписал весь текст польскій и нѣмецкій и отмѣ-

тил отличія латинскаго от Вульгаты. В 1831 году он передал свой список графу Станиславу Дунину-Борковскому. Провѣрив список Хмѣля с подлинником, Борковскій издал польскій текст Флоріанскаго псалтыря в Вѣнѣ в 1834 г., под заглавіем „Psałterz królowej Małgorzaty, pierwszej małżonki Ludwika I, króla polskiego i węgierskiego, córki króla czeskiego i cesarza Karola IV. Najstarszy dotąd znany pomnik piśmiennictwa polskiego.” Хотя Борковскій ручался за вѣрность изданнаго им польскаго текста, сличеннаго с подлинником не только им, но и Кухарским, тѣм не менѣе впослѣдствіи оказалось, что на его изданіе полагаться нельзя, как это показал г. Бодуэн-де-Куртене в замѣткѣ „O spolehlivosti vydání Žaltáře Markéty (Sbornik vědecký musea království českého, I, 1868, str. 60—62).“ В слѣдующем (1869) году появилась в I-й книгѣ Варшавской Библиотеки за этот год статья г. Папловскаго „Rękopism psalterza Małgorzaty,” в которой он представил поправки к первым 15 псалмам и к словарю, свѣренным им с подлинником. В том-же году профессор Вроцлавскаго Университета, г. Неринг, провѣрил все изданіе Борковскаго с подлинною рукописью; а в 1871 году издал в Познани свой „Iter florianense” или „O psalterzu floryańskim łacińsko-poisko-niemieckim, w szczególności o polskim jego dziele.” Это не только самый новый, но и самый замѣчательный труд по разработкѣ Флоріанскаго псалтыря. Он начинается описаніем рукописи, затѣм изложена литература вопроса, потом опредѣлен вѣкъ рукописи и указаны составныя ея части, при чем 50 псалом приведен для сравненія по трем рукописям — Флоріанской, Парижской, и Свицзинскаго, представлена характеристика правописанія, Флоріанскій псалтырь сравнен с старочешскими — Виттенбергским и Клементинским, провѣрен текст изданія Борковскаго с подлинником и наконец составлен словарь наиболѣе замѣчательных слов ¹⁾: На стр. 39—41 напечатан 50 пса-

¹⁾ Первый опыт, впрочем весьма неудовлетворительный, такого словаря представил Борковскій, гораздо позже (в 1852 году)

лом, на стр. 42—43—отрывок из 118 псалма, на стр. 53—55—102 псалом, на стр. 63—4—147 псалом, на стр. 64—66—103 псалом; на стр. 73—83 отмѣчены ошибки изданія Борковскаго, а в приложеніи (стр. 119—126) напечатано еще нѣсколько псалмов из I и III части Флоріанскаго псалтыря. Таким образом мы имѣем теперь исправленный текст всего памятника. К сожалѣнію, г. Неринг не приложил к своему труду снимков с рукописи, что особенно желательно, потому что, по его словам, в ней замѣчаются три разновременные почерка. Этот недостаток не вполне вознаграждается двумя снимками (из I-й части стр. 53—конец 32 и начало 33 псалма и из 3-й части—136 псалом), приложенными к изданію графа Дзялынскаго „Zabytek dawniej mowy polskiej (Poznań 1857). Сообщаем по этим снимкам 136 псалом, конец 32 и начало 33, буква в букву и строка в строку ¹⁾.

Псалом 136.

Na rzekach babyło
nских тамо седзели
gesmy у plakaly gdy

Na rzekach babilo-
ńskich тамо siedzieli
jeśmy i płakali, gdy

П. П. Дубровскій напечатал в Приложеніях к I тому Извѣстій II Отдѣленія Академіи Наук (Матеріалы для сравнит. грам. и слов. т. I) несравненно болѣе полный и обстоятельный словарь к Флоріанскому псалтырю, не утратившій научнаго значенія повинѣ. Труд г. Дубровскаго был неизвѣстен г. Нерингу.

Для полноты библиографических свѣдѣній упомянем, что через год по выходѣ в свѣтъ труда г. Неринга напечатал г. Малковский в своем „Обзорѣ древнѣйшихъ памятниковъ польскаго языка (Przegląd najdawniejszych pomników języka polskiego sporządził Konstanty Małkowski. Warszawa, 1872)” обширную статью (Psalterz królowny Maryi, стр. 7—63): это—труд диллетанта, взявшагося не за свое дѣло.

¹⁾ До сих пор так был издан только нами один польскій памятник (Слав. Сб. т. III). Рядом с подлиннымъ текстомъ помѣщаемъ наше чтеніе, нѣсколько отличное отъ чтенія, предложеннаго графомъ Дзялынским (ор. с. 58—9).

wspomynaly syon.
Na wyrzbach w pos-
szrodkv gey zaweszely
gesmy organy nasze.
Bo tamo pytali nas
gysto yócee wodly naz
słowa pesny. —
A gyszto odwedly nas
pene poycze nam z pes-
ny syon. —
Kako pacz bódzemy
pene panowo w szeme
czvdzey. —
Acz zapomnały czebe
yeruzalem zapomne
nv dana bódz prawy
cza moya. —
Przylly yózyk moy
krztanv memv acz ne
zpomenó czebe. —
Acz ne poloszó czó ye
ruzalem na poczók
weszela mego. —
Pomótay na nv ⁸⁾ sy
ny edom w dzen yeru
zalem. —
Gyszto mowa zgy
naczyce zgynaczyce
asz do zaloszena w ney.
Dzcorka ³⁾ babylons
ka neózna blogosła
wony gensze oplaczy
tobe opłató twyó, ¹²⁾
yósz oplaczył gys nã.
Błogosławony gen
trzymacz bódze ypr
zymczy ¹⁰⁾ malutke swo
ge kv opocze. —

wspominali Syon.
Na wirzbach w pos-
szrodku jej zawieszeli
jeśmy organy nasze.
Bo tamo pytali nas
jiżto jęce wiodli nas,
słowa pieśni. —
A jižto odwiedli nas,
pienie pojcie nam z pieś-
ni Syon. —
Kako ¹⁾ piac bódziemy ²⁾
pienie panowo w ziemie
cudzej. —
Acz zapomniały ciebie,
Jeruzalem, zapomnie-
niu dana bódz ³⁾ prawi-
ca moja. —
Przylly język moy
krztaniu ⁵⁾ memu, acz nie
spomienó ⁶⁾ ciebie. —
Acz nie położó cię, Je-
ruzalem, na początku
wesela mego. —
Pamiętaj ⁷⁾ na ny sy-
ny Edom(skie) w dzień Jeru-
zalem. —
Jiżto mowa: zji-
naczyce, zjinaczyce,
aż do założenia w niej.
Dzcorka ¹⁰⁾ babilońs-
ka niężna ¹¹⁾, błogosła-
wiony jenże oplaci
tobie opłató twojó ¹³⁾,
jóž ¹⁴⁾ oplacił jiś ¹⁵⁾ nam.
Błogosławiony jen
trzymać bódzie ¹⁷⁾ i pr-
zymczy malutke swo-
je ku opoce. —

Конец 32 псалма.

Abi witargł ze smerczi du-
sze gich, y karmil ie w głodze.
Dusza nasza cierzpi gospo-
dna, bo pomocznik y od-
gimcza nasz iest. —
Bo w nem weselicz se bō-
dze serce nasze, y w iego
swote ymo pwali iesmi.
Bōdz miloserdze twoye
nad namy, iacosz pwaly
iesmy w czo.

Aby wytargł ze śmierci du-
sze ich i karmił je w głodzie.
Dusza nasza cierzpi gospo-
dna, bo pomocznik y od-
jimca nasz iest. —
Bo w niem weselić się bō-
dzie serce nasze i w iego
święte imię pwali jesteśmy.
Bądź miłoserdzie twoje
nad nami, jakoż pwali
jesteśmy w cię. —

Начало 33 псалма.

Chwalicz bōdō gospodna
w kaszdy czas, weszdi chwa-
ła iego w uszczeh mogich.

Chwalić bōdō gospodna
w każdy czas, wezdy chwa-
ła iego w usciech moich.

Предположения о том, для кого был писан Флоріанскій псалтырь начались с 1827 года, когда вышла в свѣтъ вы-
шеупомянутая брошюра Бандтке: он предполагал, что псал-
тырь писан для Ядвиги, первой жены Владислава Ягелло
(† 1397); по своего предположения ни чѣм не мог подтвер-
дить. Копитар ¹⁾ и в началѣ Борковскій ²⁾, на основаніи
анжуйскаго герба и буквы *M*, три раза повторенной в ми-
ниатюрах, полагали, что Флоріанскій псалтырь писан для

¹⁾ *Dzial.*: kakoć. — ²⁾ bēdziemy. — ³⁾ bādz. — ⁴⁾ *Bork.* kutany, *Nehr.*: krtany. — ⁵⁾ *Dzial.*: krtanu, *Bod.*: křtaňu. — ⁶⁾ *Dzial.*: spomie-
nię. — ⁷⁾ pamiętaj. — ⁸⁾ *Bork.*, *Dzial.*: panv, — *Bod.*: na ny. —
⁹⁾ *Bork.*: Dzweka pro dzewka. — ¹⁰⁾ *Dzial.*: córka, *Bod.*: dzcór-
ka. — ¹¹⁾ *Dzial.*: nęzna, *Bod.*: ñęzna (?). — ¹²⁾ *Dzial.*: twojō. — ¹³⁾ o-
płatę twoję. — ¹⁴⁾ jąż. — ¹⁵⁾ jeś. — ¹⁶⁾ *Bork.*: przyraszy. — ¹⁷⁾ *Dzial.*:
bēdzie.

¹⁾ Jahrbücher der Literatur Bd. 67 (1834), s. 134.

²⁾ Op. cit. V—VIII.

Мариі, дочери Людовика I, короля польскаго и угорскаго, и жены Сигизмунда, маркграфа бранденбургскаго, сына императора Карла IV; но потом Борковскій отказался от такого мнѣнія, находя неправдоподобным, чтобы в псалтырѣ, предназначенном для дочери польскаго короля и будущей королевы польской, был герб анжуйскій, а не польскій. Подыскивая в польской и угорской исторіи XIV в. принцессу, имя которой начиналось-бы с буквы *М*, Борковскій остановился на Маргаритѣ, дочери маркграфа моравскаго и первой жепѣ Людовика I, и в своем изданіи назвал Флоріанскій псалтырь „псалтырем королевы Маргариты.“ В пользу Маргариты, по его мнѣнію, говорят слѣдующія обстоятельства: 1) нѣтъ ничего естественнѣе, как допустить, что Людовик I, король угорскій, приказал украсить псалтырь предназначенный для его жены, своим гербом (анжуйским) и ея шифром *М*; 2) будучи тогда (по бракосочетаніи в 1338 году) только угорским королевичем, он не мог употреблять другаго герба; 3) но так как в 1339 году он был назначен наслѣдником польскаго престола, то в псалтырѣ, назначенном для его жены, будущей польской королевы, он должен был помѣстить польскій текст, тѣм болѣе, что Маргарита, как княжна моравская, навѣрно понимала по-польски. Неринг (стр. 11 — 12) не соглашается с мнѣніем Борковскаго, находя, что в псалтырѣ, назначенном для Маргариты, княжны моравской, слѣдовало бы ожидать не польскаго, а чешскаго текста, и что письмо Флоріанскаго псалтыря, даже в первой, древнѣйшей, части, относится не к первой половинѣ XIV вѣка, когда жила Маргарита († 1349), а ко времени болѣе позднему. Мнѣніе Копитара он считает болѣе правдоподобным, хотя и оно основано на одних *предположеніях*. Не рѣшаясь однако остановиться и на имени Мариі, он называет псалтырь по мѣсту его нахождения *Флоріанским*. Находя доводы Неринга основательными, мы принимаем предложенное им названіе псалтыря.

Копитар полагал впрочем, что только первая часть Флоріанскаго псалтыря (около 24 кватерніонов) писана для Мариі (1370—1380 г.), а что послѣдняя (с 27 кватерніо-

на) взята из рукописи гораздо болѣе древней, вѣроятно, конца XIII вѣка. Чтобы составить из этихъ двухъ частей цѣлый псалтырь, кто-то послѣ 1380 года вписал недостающее в нихъ на двухъ кватерціонахъ (25 и 26). Такое мнѣніе Копитара о времени составленія трехъ частей Флоріанскаго псалтыря основано на недоразумѣніи: третью часть онъ считаетъ самою древнею, потому только что чернила которыми она писана, болѣе блѣдны; но это, по замѣчанію Неринга, не доказательство древности, а свойство дурныхъ чернил. Напротивъ того, по палеографическимъ и лингвистическимъ признакамъ вроцлавскій профессоръ считаетъ 3-ю часть Флоріанскаго псалтыря самою позднею; но онъ согласенъ съ Копитаромъ на счетъ трехъ различныхъ почерковъ в этомъ памятникѣ. Первымъ почеркомъ писаны первыя 24 тетради (22 кватерціона и въ концѣ 2 терціона) и первыя 5 столбцовъ 25-ой, или до 2-го столбца 188 листа: характеръ письма указываетъ на XIV вѣк. Слѣдующія тетради 25 и 26 (до л. 205) писаны совсѣмъ иною рукою, иными чернилами и инымъ правописаніемъ; иною краскою написаны начальныя буквы каждаго стиха; встрѣчаются варианты въ польскомъ текстѣ: не смотря однако на всѣ эти отличія, и эта часть писана въ XIV вѣкѣ, хотя позднѣе первой. Остальную часть рукописи, по признакамъ палеографическимъ и правописанію, Нерингъ относитъ къ началу XV вѣка. Что касается времени происхожденія первой и второй части, то онъ выражается такъ: первая часть писана въ 70-хъ годахъ XIV вѣка, а вторая въ послѣдней его четверти ¹⁾. Но, вѣдь, 70-ые годы XIV вѣка, по крайности вторая ихъ половина, составляютъ также послѣднюю четверть этого столѣтія; а слѣдовательно образъ выраженія Неринга не точен. Если обратимъ вниманіе на признаки палеографическіе, лингвистическіе и орфографическіе, на которыхъ онъ основываетъ свое мнѣніе о разновременности происхожденія трехъ частей Флоріанскаго псалтыря, то увидимъ, что оно не выдерживаетъ критики. Все, что говоритъ онъ о признакахъ палеографическихъ (стр.

¹⁾ Iter florianense 21—23.

21—23), указывает на разность писцев, а не времени, и достаточно сравнить снимки из 1-й и 3-й части, приложенные к труду Дзялынскаго, чтобы убедиться, что всё три части псалтыря относятся к одному и тому-же вѣку, хотя писаны тремя разными писцами. Что касается признаков лингвистических, то сам Неринг признает „однообразный характер языка во всем польском текстѣ Флоріанскаго псалтыря относительно форм (*jednostajny charakter języka co do form w texcie polskim Psałterza Floryańskiego*, стр. 32).“ Наконецъ всю разницу в правописаніи онъ находитъ в том, что первая часть писана наиболѣе, а третья наименѣе старательно, а потому в послѣдней правописаніе не выдержано и есть много ошибок; вторая часть занимаетъ средину между ними в этомъ отношеніи (стр. 50). „Способъ выраженія мягкихъ согласныхъ и носовыхъ в 3-й части,“ по его замѣчанію, „напоминаетъ польскіе памятники XV вѣка;“ по нашему мнѣнію, это опять не признакъ времени, а особенность писца: смѣшанное написаніе носовыхъ через *on* (которое исключительно употребляется в 1-ой и 2-й частяхъ) и *an* показываетъ, что третій писецъ былъ родомъ изъ Малой Польши, в которой носовыя выговариваются, какъ *an*, а что подлинникъ, с котораго онъ списывалъ, былъ писанъ в Великой Польшѣ, гдѣ жъ произносится, какъ *on*. Что всё три части Флоріанскаго псалтыря относятся къ одному и тому-же времени, доказывается формами правописанія и языка, употребляющимися в нихъ ¹⁾. Начнемъ съ правописанія.

Долгіе гласныя, отличавшіеся отъ краткихъ еще в XV вѣкѣ, пишутся *двойною буквою*, какъ и в другихъ памятникахъ и какъ совѣтовалъ писать первый польскій грамматикъ Паркошъ (1440: *Jacobi Parcoşsii de Żorawice antiquissimus de Orthographia Polonica libellus*, ed. Bandtkie, Pozn. 1830): *nee* I, 18, 35, *zlaa* 34, *zlee* 49, *doostoyno* 7, *mōōczō* 22, *mōōczicz* 3,45; *bōōō* 101; *stōkanee*, *czlowyeczee*, *lesnaa*, *szyro-*

¹⁾ Для большѣй наглядности обозначаемъ части псалтыря римскими цифрами; слѣдующія за ними арабскія цифры обозначаютъ псалмы.

kee II, 101, — meem, chleeb, wesolee 103, ludskée 104, naas, naasz 104, 105; zostaal III, ostree 119, yósee 136.

Глухіе гласныя или вовсе не обозначаются, или-же пишутся начертаніями чистых: 1) по stdzach I, 22, na stdzò 26, stdzam 24, stdze 43, stdzam albo styeczka III, 118; lsza 4, 5, 58; lsze 58; lszwi 32, 61; lsczywi I, 11, 16, 30, 42, III, 108; szbło I, 82; drwa polna II, 103; drwa owocna III, 148; pczola III, 117; pomscza 149; — 2) vsta lsciwego albo ylsczywego III, 108; opylwiti 122, od oczecza Symb. A., grzemecz Cant. A., mene (mihi) во многих мѣстах всѣх трех частей.

Оба носовые, безразлично, пишутся знаком *ò*: mòsz, bòdze, czekòczych, w sòdze, drogò, swòtemu I, 1, ksòszòta, na gromadò, ssòd 2; ymò, ksòg 39; —zhòdost twoyò, czyrpyònczym, wzpomyonòl, pomnyò, II, 102; bòdò 103; chròst 104; seò (сжѣть) 104, 105; — yòzuka, s wòglym III, 119; wszemogòczy, swòty, poszlòczyayòcz Symb. A. — В III части носовые передаются иногда сочетаніем *an*: zblandzylly 106, zamant 141 (но и zamòt 142), zamantek 118, przisangil iest 109, na poczantkv 108, rancze 113, smeszayancz, wszemoganczy (но и wszemogòczy) Symb. A., wangle 139. Написание носовых через *òn* (czyrpyònczym II, 102; zvònky III, 106; wszemogònczy Symb. A.) считаем опіскою; формы-же на *a* и *o* (na droga 106, dusza moyò 140, swote ymo 32) объясняем невнимательностью писца, забывшаго поставить обычныя знаки при этих буквах или приписать *n*.

Широкое *y* в правописаніи не отличается от узкаго *u*: для обоих звуков употребляется безразлично то *y*, то *i*. Приведем нѣсколько примѣров: blogoslawoni, grzesznich, milosciwi — milosciwy, prawich, bila, nine I, 1; mislili, roz-targnymy 2; wisluszal prosbi moie y wiwodl me iest 39; dziwi, y (=и) 42; pucz III, 109; mylost 118.

Звук *y* передается тройко: через *u*, *v*, *w*. Примѣры: scruszene I, 13, 59, III, 146; skutek (scutek) I, 16, 18, 27, II, 105, glossu 102, sluszbye III, 103, upadzena III, 109; — vczini I, 1; vczeszila, vgotowal 22, vsliszal 39; vstawenye,

kv czynyenyv, II, 102; z strvmena III, 109; dvsza, dlvgo 119;—wboszcz I, 33, oczczw III, 107, wrodzyl 109, wczynon, od wczynkow Symb. A.

Для обозначенія *j* употребляются также три буквы — *g, i, y*: gich I, 2, gisz 22, gini 47; gelyko II, 102, gyey 104; gedno III, 118, 123, twogych 109, gesm 119, wekvuge Symb. A.; — icgo, iesm I, 2, iednako 82; iunoszka 67, III, 118; ioczstwo I, 5, 13, 52, 67, 84, III, 125; — yszby I, 9, ysze 60, II, 106, III, 118, yusz III, 108, yego II, 102, ysem 103, — neprzyuczelow III, 109, wywoyowaly, boyowaly 119.

Гортанный *g* выражается буквою *g*: roztagnoocz I, 2, nigda 12, negdi 12, 27, 58 и т. д., nagotowacz 23, rozgarczacz I, 88, II, 105, III, 118, gabacz I, 93, II, 105, ganba I, 34, 39, 82, gocz III, 107, 137, godzche II, 104, barlog II, 103. Но во II и III части иногда для выражения этого звука употребляется сочетание *gh*: zghino II, 101, droghi 102, slughi 103, zghyncze 103; noghi 104, noghy III, 120, zghyne, boghem, boghy (по bog), oghen II, 104, III, Symb. A.

Звук *k* пишется то *k*, то *c*: wszistko I, 1, kaco (kako) 8, 30, 72, III, 118, karma I, 13, 43, II, 103, III, 110, 135 и др., kazacz I, 38, 41, 43, 67, kazany III, 143, kazn I, 2, 7, 18, 77, 80, 88, II, 104, III, 110, 111, 118, 148 и т. д., zakona III, 109, krole ib.; w zacone, czsocoli, taso I, 1, crolowe, craie, iaco 2, scril, dalcco 39, naclonil se 42, crassa 25, 44, 49, cochacz se 76, 89, cosczol 26, 27, 28, 44, 64, 67 и т. д., corunuge II, 102, bysceptwo III, 108.

Для обозначенія шипящаго *ж* обыкновенно употребляется сочетание *sz*: mosz, boszem, iesz, iensze, wszda, I, 1; szelazney 2, sziwota 22, gensze, ysz, boszye II, 102, alysz, polosz, podnoszek III, 109, przedlvszyl, 119, szczz 120, szywe, wszdy Symb. A. Рѣже *ж* пишется *z* и *zh* (во II и III ч.): genze, genz, ziwot, slozenye, kazdem II, 102, bozy III Symb. A., strzeze 120 (и stzesze), ostrzezy, strzezy ib. zhodost II, 102, zhebrzycze III, 108. Еще рѣже (также во II и III ч.) — буквою *s*: slusbye II, 103, przylos III,

119, sasczyczuene 120. Наконец во II части для обозначенія тогоже звука употребляется *zz*: *czozz*, *yegozz*, *vlozzil*, 104.

Другой шипящій звук *ч* постоянно выражается сочетаніем *cz*: *czas*, *vczini*, *oblicza* I, 1, *nauczce* 2, *przez* 42, *oblicze*, *czterdzesci* 94; *czynye*, *czynyl*, *czlowyек* II, 102, *czakacz*, *zmaczayfczy*, *czlowyeczue*, *czysla* 103; *pozctek* III, 109, *mfczon* 119, *oczy* 120.

Для обозначенія третьяго шипящаго звука *ш* употребляется сочетаніе *sz*: *szaloni* I, 13, 91, *szkoda* 49, 68, III, 114, *spczni* I, 67, *skuszacz se* 76, *slusza* 64, 92, *sluszacz* 44, 80, III, 129, 141, *wszitko*, *wszech*, *wszecki* II, 102, *wszelka*, *szukaly* 103, *straszicz* III, 145. Исключеніе составляют *szczoda* I, 48, и *pokushene* III, 120, *skrussonene* 146.

Свистящій звук *з* передается через *z*: *zacon* I, 1, 49, 77, III, 118, *zadar* 34, 38, 68, 88, *zaiste* 57, *zeme* 1, *zemyfc* II, 101, *zamfc* I, 49, 65, III, 107, 142, *zamant* 141, *zawszdy* I, 18, 49, 50, 68, III, 108, *zakricye*, *zostanesz* II, 101, *zamfczacz* 105. Кроме того во II и III частях употребляется изрѣдка *sz*: *od szemye* II, 102, *w szemy* III, 109, *szema* 120, *do szarana Cant. Is.*

Другой свистящій *с* изображается буквами *s*, *z*, *ss* и *sz*: *milosciwich*, *sedzal*, I, 1, *smech*, *pastwi* 22, *czisla* 39, *se*, *sie*, *sye* II, 102, 105, *sf* (сѣ) 103, *blogoslaw*, *gest*, *swctemy*, *slutuge*, *yemy*, *siano* 103, *sgladzon* III, 108, *nas*, *slova* 136, *przfcangil yest gospodzin* 109; — *wztafc* I, 1, *pozmeie se* 2, *wzchowal* 22, *blazk* 14, 17, *zghinfc* II, 101, *ztraty* 102, *naz* III, 136, *zghyn* 108; — *sstacz* I, 39, III, 139, *glossu* II, 102, *glossy*, *wissoke*, *lessowe*, *possyly* 103, *przysfcgy* 104, *sspadzene* 105; — *zemszczy* I, 2, *cziszlo* 39, *wiszcze* 18, 67, *szfc* II, 102, *szye* 101, *sze* 102, *sznaszycz se* III, 118, *teszny* 142, *trszkawicza* 143.

Третій свистящій *ц* пишется обыкновенное *c*, *cz* и *czs*: *milosciwich*, *w nosy* I, 1, *cy* 2, *cirzpec* 24, *cyecyerza* II, 104, *s cymy* III, 119; — *stolczu*, *czekfcych*, *owocz*, *rzucza*, *oczczu* I, 1, *cze* 2, *obroczil* 22, *czakacz* 26, 36, 51, 54, 77,

II, 103, III, 118, 141, chalicz III, 117, 118, 134, 135, 137, 139, wszeczki, czebe II, 102, —prawucz III, 109; —czso I, 2, niczs, 22, czsocoli I, czsosz II, 102, czsocz III, 119, wóczse Symb. A. Кромѣ того для обозначенія звука *ц* употребляются сочетанія *tz* и *tcz* во II-й и *cs* в III-й части: mylostzwyw, myestze II, 102, tczmy 103, 104; csosz III, 119.

К особенностям правописанія принадлежат *неотмеченіе мягких слогов от твердых*: spadnena, sedzal, spadne, watr, zlich I, 1, crolowe, przepowadaif 2, w obeszrenu, swatli, miloserdze 22, chodi moie, pene, pasnkó, ofary, meszkaу 39, zema 42; ymenv, gospoduv, slutuge II, 102; dzen III, 109, pacz, pene 136. Но во второй части мягкость слога часто обозначается *y* или *i*: mnye, nyemoczy, czynye, nebya, od szemye, slyvtawa syc, sloszenye, czlowyек, siano, myesta, na nebyv, dzyala 102. Иногда и в III части для обозначенія мягкости слога употребляется *y*: syaly 106, styany 143, s cyaly Symb. A.

Мы привели всѣ сколько нибудь замѣчательные случаи правописанія. Из них мы видим, что послѣдняя часть Флоріанскаго псалтыря не отличается правописаніем от первых двух, что встрѣчающіяся в ней незначительныя уклоненія от первой части повторяются во второй и что разница в правописаніи между первыми двумя частями гораздо больше, чѣм между ними и послѣднею частью.

Переходим к *формам языка*.

Выше уже было замѣчено, что в Флоріанском псалтырѣ отличаются *долгіе* гласные от кратких.

Слѣды *глухих* гласных сохранились не только при *p* и *l*, но и при других согласных: примѣры уже нами приведены.

Обычно глухіе переходят в чистые *a*, *e*, *i* (*ы*), *o*, *y*: gardliczya I, 83, blazk 17, tarn 57, twardoscz 24, 70, karma 13, 43, 64, 68, 73, 77, II, 103. III, 106, 110, 135, barlog II, 103, martwe Symb. A.; — otemne I, 2, otewrocicz 88, chrzept 67, 68, (chrzebet 68), czerekew 21, 25, 67, 88, czescz 30, 32, 45, 53, 59, 77, deszcz 67 (deszdz III, 146),

leszcz I, 14, 35, 37, II, 104, llesz III, 115, poczestni I, 71, poczwerdzicz 36, 79, smertnoszcz 78, tegdi (tegdz) 16, 39, 50, 55, 95, III, 125, welna I, 10, III, 106, 148;—pirzwe-necz I, 88, pirzwerodzeny III, 134, swi(y)rchowany Symb. A., czirw I, 21, 77, szcwardzicz — szcwerdzicz 31, 40, 50, 63, II, 102, 103, 104, III, 118, szcwardzene I, 17, 18; — czwyrdza I, 88, III, 150, wyrzch III, 128; — przeciwo I, 2, molwicz 10, molwoczy III, 139, smolwa I, 77: — ku olta-rzowy, ku bogu I, 42, ku gospodnu III, 119, kv wecznemv zbawenv Symb. A., blizu I, 21, 84, III, 118, 144, 151, sluncze (часто).

Носовые звуки смѣшались и въелѣдствіе этого безразлично передавались на письмѣ знаком ϕ (*он*) или же сочетаніем *an*, что указывает на два говора, велико- и малопольскій. Примѣры приведены выше. Иногда носовые переходили в чистые: *prza* (*causa*) I, 9, 73, *czeladz* III, 106, *se=са* (часто).

Ѣ въговаривалось как *e* и *a*, иногда в одном и том-же словѣ даже с одинаковым значеніем: *locus*—*masto* 22, I, 30, II, 103, и *myesto* II, 103, но *awitas* — *masto* 30, 45, 47, 58; *wera* и *wara*, но *werne werzil* III Symb. At.; *syeno* I, 63 и *syano* 88. Встрѣчается также переход *ь* в *u*: *przed swytanem* III, 109, *gnywacz se* II, 102.

Е переголосуется в *u* и *o*: *cirzpi* I, 32, *cirzpecz* 5, 22, 24, *milosirdzyc* II, 102, в *woglym popvszczalym, krzyscyanska* (рядом с *krzescanska, wera*), *any* (*a nie*), *cyrpal* III Symb. A., на *wyrzbach* 136; — *blogoslawoni, szczepono* I, 1, *postawon* 2, *odwodl, dnow* 22, *z iezora* 39, *dnowe* II, 101, *dnow ib.*, *z poszrodkv* III, 136, *vczynon, stworzon, porodzon, nebosza* Symb. A. Иногда одно и то же слово употребляется в обоих формах: *nebessa* I, 52, 92, и *nebiossa* 37, 51, 56, *gezera* 65 и *gezoro* 85.

Примѣров переголосованія *o* в *u* мы нашли только три: *guor* II, 103, *synvow* и *scutkuow* 105.

Звук *p* имѣет только посредственное смягченіе и пишется *rz*: *grzesznich, drzewo, przespeie, rzucza* I, 1, *jarzmo, trzymane* 2, *grzechow, przeydze* II, 102, *morze* 103, 105,

rzekl III, 109, przylosφ, strzaly 119, przydze 120 и т. д.

Зубные *d* и *m* смягчаются в *dz* и *ц*: w radze, sedzal gospodzin I, 1, nφdze, nadzieia I, 39, dziedzictwo, ludze, dzisia I, 2, dziwi 42, milosirdzye, gospodzin, bφdze, przydze II, 102, dzyeczy 103, dziedziny 104, gospodzyn, sφdz, sφdzycz III, 199, podzwygl 120 и т. д.; mislicz, milosciwi I, dobywacz 26, 56, 77, III, 118, wyplaczuje, czebe, mloedocz, mylostzywy II, 102, szgφczy 103, w szwatloszczeh III, 109, lsczywego 119, w gyednoszczy Symb. A. и т. д.

Гортанное *z* смягчается в *dz*: na drodze I, 1, innodzi 39, w bodze 55, w barlodzech II, 103, w synagodze 105.

Замъчательно употребление *z* там, гдѣ позже *dz*: barzo I, 92, zwφk I, 9, 41, 64, 76, III, 150.

В *склоненіи* существительных отмѣтим слѣдующія особенности:

Под. ед. жен. от слов на *a* п *ь* оканчивается на *φ*, *e* *eu* (=а): rozumcy duszφ moiey I, 68, szukaif dusze moiey, 39, ostrzeszy duszφ twogey III, 120, a woley jego warg ne zdradzil ies iego I, 20, przeciwu synowi inacerze twoiey kladl ies szkodφ, czudnocz roley se mnφ iest 49, wodl gye w przystani woley gych III, 106.

В тѣх-же самых существительных *именит.* и *винит.* *множ.* оканчивается на *e* (=а): abi witargl ze smerczi dusze gich I, 32, z lichw y z lichoti odkupy dusze gich 71, y syaly sφ rolye, y sadzyly sφ wynnice III, 106, pobyl wynnycze gich II, 104.

В именах олушевленных *винит. сходен с именит.*: sercze moie y czalo moie weselila se iesta w bog sziwi I, 83, bi rozwφzal syny zagubonich II, 101, genz czynysz angely twoye duchy, a slughi twe ognym zazegayφczym 103, szemya poszarla Dathan 105.

Им. множ. муж. имѣет три окончанія—*owie*, *i*, *e*: crolowe I, 71 (krolowe II, 101), dnowe 89, II, 101, synowe II, 101, III, 143, lessowe II, 103, wroblowe 103, otczslowe 105;—*dny* yego yako kwyet polny II, 102;—*mφczyly gee* neprzyaczelee gich II, 105; wszego dna przegarzali sφ neprzyaczele mogi I, 101.

В дат. твор. и мисти. мн. мужское склонение отличается от женскаго: polosz gospodnc stroszō ustom mogym, a drzwy okolo stoyōcze wargam mogim III, 140, nauczō liche drogam twim I, 50, kaznom twoym werzyl gesm... navczy myō prawotam twogym I, 65, wekom I, 1, synom II, 102, gelynom, geszom II, 103, działom, dziwom 105, u nogam I, 56, laianam 73, duszam 77; — k nemu usti mogymy wolal iesm I, 65, nade wszemi lichotami twimy II, 102, nad syny synowymi ib., genz czynysz angyely twoye duchy 103, medzy pogany 105; — na nebesech I, 2, w uszczeh mogich 33, w gōsloch, 42, w psalmeh 94, w grzeszech, w molwach 50, w narodzech, w pokolenych III, 109, na glowach naszich I, 65, wę wszeh poganoch 66, w luboszczach III, 140, w strvnach y w organech III, 150, w stanyech II, 105, w stanoch I, 68, w dzaloch ib., w trzemych III, 133, w gōszlich 150, na gorach, w podolech II, 103, w proroczyech 104, w przebitkoch ib., we wszelkich krajoch ib., v wargach swoich 105.

Двойственное число имѣло слѣдующія окончанія: в им., вни. и зват. *a* для муж. р. и *e* (=ѣ) для женскаго и средняго, в род. *y* для всѣх родов и в дат. и твор. *ома* для муж., *ума* для средц. и *ама* для жен; напр. usta twoia oplwita bila I, 49, mowila sō usta moia 65, rōcze iego stworzile 94, rōcze twoy... uczynylesta III, Symb. A., rōkv II, 103, III, 134, 143, zkrzidlu twoiu I, 56, medzi dwema zakonoma I, 67, przed oczyma III, 108, oczyma twogyma 140, uszama I, 6, vszuma III, 142, rōkama II, 103, pod rōkama 105. Впрочем двойственное число употребляется иногда вмѣсто множественнаго и на оборот: wysluszal gospodzin glosa placzu mego I, 6, gensze kladzesz oblok wstōpyeny twoye, gensze chodzysz na skrzydlech wyetrow II, 103, pod czenem skrzydl twogich zaszczicy me I, 16.

В прилагательных замѣчательно употребленіе неопредѣленной формы: sziw jest gospodzin I, 17, podoben se vczinil iest gim 48, zbawon vczyni lud 27, vsedlona bōdō masta 68, wesolee bōdz mlowenye II, 103, blogōslawon bōdz czlowek III, 127. Но часто употребляется опредѣлен-

ная форма вмѣсто неопредѣленной, часто смѣшваются обѣ формы в том-же самом стихѣ: *czudzy uczinil iesm se braczi moiey I, 68, blogoslawoni bōdziesz III, 127; s swōtim swōt bōdziesz, a s mōszem bezwinnim bezwinni bōdziesz I, 17, z wibranim wibrani bōdziesz, a z przewrotnim przewroczon ib.*

Употребленіе двойственнаго числа в прилагательных и мѣстоименіях рѣдко: *usta twoia I, 49, — moia 6, zkrzidlu twoiu 57, rōkv twogu II, 103, oczyma mogyma III, 131, ta iesta me uczeszila I, 22.* Оно замѣняется множественным.

Сущестительный глагол имѣет в настоящем времени древнія формы: *iesm, ies, iest, ieswa, iesta, iesmi(y), iesczie, sō.* Из форм прошедшаго простаго удержалось в нем только условное (*bych, byś, by, bychwa, bychom, bychō*), а от прошедшаго совершеннаго осталось только 3 лице единств. и множ. ч.: *y ne besze w postaczoch albo w pokolyenyv gich nemoczny II, 104, ieszcze karme gich bechō w uszczech gich I, 77.*— *Причастіе настоящее действительное* от этого глагола имѣет форму *sōcz (subsistens), III Symb. A.*

В других глаголах сохранилось немного остатков прошедшаго простаго: *we slupe obloka molwasze k nim I, 98, s суму gysz sō nenasrzely pokooya, byl gesm pokogen, gdy molwych gym: wy woowaly albo boowaly przeciwio mne darmo albo za dar III, 119; — usti swimi blogoslawachō, a sercem swim poclinashō I, 61, przeciwio mne molwili sō gisz sedzeli we wroczech y we mne spewachō gisz sō pili vino 68, imachō w duszō prawego, a crew niewinnō potōpyachō 93; wszego dna przegarzali sō mne neprzyczele mogi, a gich (?) me chwalechō przeciwio mne przysōgachō I, 101, a ne rzekly sō, gyszto myyachō, blogoslawene panowo na was III, 128.*

Мѣсто прошедшаго простаго ^азанимает сложное в трех видах: 1) — *лъ + ѣсмь*, 2) — *лъ + быхъ*, 3) — *лъ + быхъ + былъ*. Приведем нѣсколько примѣров всѣх трех видов: 1) *porodzył iesm I, 2, vgotował ies 22, jest ne szedł 1, mislili sō 2, mnoszily sō se 39, wzpomyonōł gest, tako sye gest slutował II, 102, — wolal gesm y wszlyszal mō gest III, 119; 2) bich*

chodzil, abich przebiwal I, 22, kto by bil, bich widzal, bich ϕ odi ϕ li 39, bich ϕ sluszily II, 101, bych ϕ strzegly 104, bychom chwality 105, bych ϕ szly III, 106, bychom czczyly, Symb. A. 3) bi me bil pocl ϕ l, cyrzpal bich bil, scrił bich se bil I, 54. Первый вид встрѣчается очень часто в формѣ сокращенной, без вспомогательнаго глагола: rzekl, bila, zwala I, 2, odr ϕ dzil, vczinil 94, napelnył, vczynyl, odplaczyl, szcwerdzyl II, 102, wywodł III, 106, nasucyl, vsmerzylы ib.

Будущее сложное состоит из бждж и неопредѣленнаго наклоненія спрягаемаго глагола: ne b ϕ d ϕ se bacz I, 22, wlo-dacz b ϕ dziesz, molwicz b ϕ dze 2, gnywacz se b ϕ dze, grozicz sie b ϕ dze, b ϕ dze panowacz II, 102, s ϕ dzycz b ϕ dze, panowacz b ϕ dze III, 109.

Двойственное число сохранилось в настоящем времени и в прошедшем сложном с окончаніями *wa* для перваго лица и *ta* для втораго и третьяго: w domu boszem chodzyla ieswa s przilubenim I, 54, miloserdze a prawda przyezdeta oblicze twoie 87, oczı zrzita 9, miloserdze twoie y prawda twoia weszdi przymowala iesta mne 39, omdlade gesta oczy, r ϕ cze twoy wczynyl sta III, 118, wznesle gesta se oczy moge 130.

Повелительное наклоненіе оканчивается еще иногда на *i*: oteymi, powyszy, wipusci I, 42, zaszszy 25, zrzucimy, przyezdizimy 94, wypusci III, 109, otworszycze mne wrota sprawedlnosczy 117.

Встрѣчается еще хотя очень рѣдко *причастіе прошедшее дѣйствительное на въ*: ale ia wyi ϕ w od nego iego mecz, ucz ϕ l iesm glow ϕ iego I, prol. 2, obrociw se sziwyl ies me, obrocyw se uweselil ies me, 70, bosze ti obrociw se oszıwisz nas 84, otworszycze mne wrota sprawedlnosczy, wszedw w ne chalicz b ϕ d ϕ pana III, 117.

Вышеприведенные примѣры ясно показывают, что относительно форм языка нѣтъ никакого различія между составными частями Флоріанскаго псалтыря.

Итак ни признаки палеографическіе, ни формы правописанія и языка не подтверждают мнѣнія Неринта о раз-

повременном происхожденіи трех частей Флоріанскаго псалтыря; напротив того, они ясно свидѣтельствуют, что весь памятник относится к одному и тому-же вѣку. Но к какому?

На сколько можем судить по пмѣющимся у нас под руками палеографическим снимкам, письмо Флоріанскаго псалтыря указывает на XIV вѣк: оно рѣзко отличается от письма польских памятников XV вѣка, — Библии Софій, Молитв Вацлава и Проповѣдей, изданных Дзялыцким, и сходно с письмом чешских памятников XIV вѣка, — Библии Лесковецкой и Псалтыря пражской канцтулы.

Что касается правописанія нашего памятника, то в большинствѣ случаев оно сходно с правописаніем краковских и познанских рот конца XIV вѣка и памятников XV вѣка (Библия Софій, Молитв Вацлава, Слова о добрых и злых женах и т. д.); но есть и отличія (ж=zb, с=z), которыя сближают Флоріанскій псалтырь с грамотами XII—XIII в.

Представляя в языкъ много сходства с грамотами XI—XIII в., Флоріанскій псалтырь отличается от них такими чертами, которыя раньше половины XIV вѣка не встрѣчаются (переголосованіе \bar{e} в \bar{u} и \bar{o} в \bar{y}); в тоже время в нем сохранилось болѣе старинны, чѣм в памятниках XV вѣка (отличіе мужскаго склоненія от женскаго во множ. ч., двойственное число в склоненіях и в спряженіях, прошедшія простыя, повелительное наклоненіе на \bar{i}).

Принимая в соображеніе всѣ признаки, палеографическіе, орфографическіе и лингвистическіе, мы относим Флоріанскій псалтырь ко второй половинѣ XIV вѣка. Для болѣе точнаго опредѣленія времени его происхожденія нѣтъ, по нашему мнѣнію, достаточных основаній.

„Однообразный характер языка во всем Флоріанском псалтырь“ г. Неринг считает доказательством того, что наш памятник есть список с болѣе древняго польскаго псалтыря. Не допуская возможности такого однообразія со стороны пщевов разнаго времени, мы вполне соглашаемся с г. Нерингом, что Флоріанскій псалтырь есть список с болѣе древ-

няго польскаго псалтыря: это достаточно доказывается сравненіем нашего памятникка с рукописью Свидзинскаго, с парижским псалтырем князя Чарторыскаго и с Молитвами Вацлава (у Неринга стр. 39—43). Разница между ними только в том, что в Флоріанском псалтырѣ, как болѣе древнем, сохранилось больше старины в языкѣ и правописаніи (50 псалом Свидзинскаго и Молитвы Вацлава мы относим к первой половинѣ XV вѣка, а псалтырь Чарторыскаго Д-р Кэнтржинскій относит к концу этого вѣка). Очевидно, что все это списки с одного и того-же подлинника. К какому времени относится подлинник, невозможно опредѣлить. Г. Неринг, основываясь на многочисленных чехизмах в Флоріанском псалтырѣ, полагает, что подлинник „мог быть писан во время непродолжительнаго господства Чехов в Польшѣ“ т. е. при Вячеславѣ чешском, 1300—1305 г.; но с таким-же правдоподобіем можно относить его и к времени болѣе отдаленному — к времени занятія Праги Болеславом Великим в первых годах XI столѣтія или к времени Чешки Добровки, жены Мешка I, в концѣ X-го. Отказываясь от всяких гаданій о времени происхожденія подлинника Флоріанскаго псалтыря, мы признаем несомнѣнным, что *польскій переводчик пользовался чешским псалтырем*: это доказывается близким сходством Флоріанскаго псалтыря с чешскими псалтырями XIV вѣка—Виттенбергским, Клементинским и Капитульным и множеством чехизмов. Сравненіе польскаго псалтыря с чешскими приведено г. Нерингом на стр. 53—66, а потому мы ограничимся только указаніем чехизмов: brzeszdene, diliculum=brsiezdienye, bydlo, possessio = bidlo, czislo = čislo, gardiliczya = hrdlice, gyey, eum=jej, ji, lsziwi fallax = lżywy, odzew = odev, omrzecz abominari = omrzeti, pak, autem, pirzwenecz, primogenitus = prwenec, poszczela, postlane, stratus = postelie, poselkynye, ancilla = posselkinye, posledni, prokny, univērsus, omnis, prza, causa, przewal, imber = przyewal, przimroz, pruina = přimraz, přimrazi, — rarogowy, herodii, — skutek, opus = skutek, slusza, docet = slussye, stredz, mel = stred, — swada, contentio, ot vaditi sie, litigare,—sznaszycz

se, exerceri = snažiti se, tresktacz, increpare = treskati, uchwaczicz, capere = uchwátiti, vsyle, vis = ousilí, werzeia, porta = veřeje, wzniec, sonare = vzníti, ysem, sum = jsem, zglobicz, malignari = zlobiti и т. д.

Мы не сомнѣваемся также, что польскій переводчик *имѣя под руками*, кромѣ чешскаго, старославянскій псалтырь, что доказывается множеством старославянских слов и форм, вошедших в польскій перевод: blizu = близь, brzemó, tempus = врѣмя, czószczicz, sollicitum esse = частити, czerekew = чръкъвь, czirw = чръвь, чеш. čerw, czrzewa, viscera = чръво, gelyko = ѡлико, чеш. jelikož, jako, kako, tako, kamo, — isze, iesze, iasze = иже, ѡже, иже, iunecz = юнць, — lócziszcze, arcus = лжчиште, чеш. lučisče, luna, nine = нынѣ, obezrzecz, discernere = зрѣти, obiet = обѣтъ, ч. obět, obow = р. обувь, чеш. obuw, obrzim = обринѣ, ploszczycza, cinifes, рус. площадь, sczblo, stipula = стѣбло, slza, lacrima = слъза, smerni, humilis = смиренный, stdza, semita = стѣзи, szdacz, expectare = жьдати, szyzn, ubertas = жизньнь, taunicza, occultum, trzem, atrium = трѣмъ, рус. терем, welmi, vehementer = вельми, wesza, atrium = вѣжа, wnimacz, aestimare, existimare = вѣнимати, zaszczicz, protegere = зашититити, zaszczycene, protectio = зашитиштениѣ, и под., zgloba вм. zloba, iniquitas, impietas, dolus = злоба, zrzecz, respicere = зрѣти, zwók, sonus = звѣкъ.

В. В. Макушев.

с. / plastic

ЭТИМОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Начальныя сочетанія **лы-, ры-, лу-, ру-** = основными
+ал, +ар.

Здѣсь устранены частью уже извѣстные случаи образцов +*тар* = слав. *тыр-, тур-*, и +*тар* = слав. *тру*. Ср. Schmidt, Zur gesch. des ind. vocal. II, 260 сл. Ниже слѣдующіе примѣры могут служить ограниченіем положенія, что начальное +*ар*, +*ал* = слав. *ра, ро, ла, ло* (*раз—роз, ладии — лодья*), Mikl. Ueber den urspr. der worte von der form altsl. *trêt* u. *trat*, 34, сл.

Лыбедь: „Быша 3 брата, единому имя Кій, а другому Шек, а третьему Хорив, сестра их Лыбедь,“ Лавр. 4. Сестрѣ соответствует рѣчка *Лыбедь*, о которой между прочим Л. 28, под 968 г. Если, как это принимается, названіе рѣки и отсюда — лица = *лебедь*, то в *лы-* при *ле-* и *ла-* б. м. случай діалектческаго различія болѣе древняго, чѣм признаки, раздѣляющіе нынѣ русскія нарѣчія.

Лыб —: „на гнилой, улыбочатой соемкѣ,“ Барс. Причит. I, 268 = на качкой, вертлявой, обманчивой лодкѣ; вр. обл. *улыбнуть*, обмануть, недать или неисполнить обѣщаннаго;— *ся*, ускользнуть, незамѣтно исчезнуть; серб. *лыбати*, *лулати* се, *labare*, о волненіи воды, колебаньи почвы под ногами. С обл. вр. *лыбить*, усмѣхаться, *улыбаться* и серб. *лыбити* се, стидѣти се, невидно связи значеній, но эта связь видна с перм. *лаб-з-а*, *зыбун*, *трясина* (как шаткое, качкое, ненадежное мѣсто). Последнее роднит *лыб-* с рядом слов, как *лаб-з-а*, *леб-езить*; срв. *леб-д-ити* (К пет. зв. 127) со значеніем лести и т. п. Относительно связи между скользить, быть шатким с одной—и лѣстить, подлаживаться

с другой стороны, ср. на пр. в семействѣ корня *склал*, *vacillare*: лит. *klasta* хитрость обман при *sklandau* (*склал* + *o* с глагольным характером и внутри) скользить, колебаться и пр; или вр. *жлюздать* лукавить, при *жлюздать* скользить (по льду и пр.). Непосредственной звуковой связи между *лаб-з-* и *лыб-* нѣтъ, но она может состоять в том, что *лаб* = ⁺*алб*, как и *лыб-* = ⁺*улб* = *алб*. В сходных языках см. Fick. Wb. под *rab*: *lābi*, скользить, падать, *labare*, колебаться, падать. Ср. Данич. Koriēni 177.

Лъж-ька, лъж-ица, ложка. На *у* указывает новг. *музик* id, поль. *łyżka*, в коем, равно как в независимом от него костр. *лыжка* и б. м. тоже заимствованном галиц. млр. *лыжка, лижжа*, *ы* может быть не из *ъ*, что принимает Mikl. Ueber ...*trzt*, 13. Если свр. *слозить*, кушать, заимствовано и находится в связи с лит. *raganti* пробовать пищу (К ист. зв 96), то *слоз* при лит. *rag* указывают на *арг* v. *аргъ*, от коего может вести начало и ⁺*луг*, ⁺*лыи* в *лъжица* и пр. Иначе Mikl. Lex. s. v. и Ueb... *trzt*; он сравнивает, ссылаясь на Curt Gr. Et. N 549, греч. *λύζω* (*луγ-*) икаю, всхлываю, и, как предполагается, соответствующее греческому ⁺*олуг-* др. вн. *sluccan*, *schluske*. Обѣ этимологии сомнительны. Можно бы привлечь к сравненію млр. *лигати* (*лы-*), ѣсть, жрать (кажется, не глотать = *ковтати*), на пр. у Котляр.: „Еней з дороги наливався и нинвоі так нахлистався, трохи невиперсь з ёго дух.“ Остается также вопросом: указывает ли *ы* в поль. *łykaś* на корен. *у*, или же, что вѣроятнѣе, оно таким указаніем служить не может, относясь непосредственно только к *ъ* в *лък* (*роікпаś*, проглотить, *ікаś*, всхлывать), как—*сыла-* к *съл*.

Лыжа, п. *łyżwa* сравнивают с латыш. *лужес* мн. *лыжи*, которое однако же может быть заимствованіем из русс. Если вѣрно сближеніе с лит. *rogės. ragis*, дровни, полозья и с русс. *елозить, ѣлзать, ѣрзать*, млр. *ялозити* (К ист. зв. 95), то в основаніи ⁺*арг* = *аргъ*, *рагъ* в знач. бѣжать (см. у Фика). В рус. загадках полозья представляются именно бѣгущими: млр. бѣгли два пси, позадерали носи; два браті бѣжать, один одного неперегонять.

Вр. *Лыз-ло*, высокорослый, неуклюжий, верзило. Ср. *rai* в лит. *ražiūti*, гескен и *ari* в скр. *ардж-а-ти* gesken, протягивать, простирать гр. *ἀργυροί*. См. Fick Wb. arg.

Вр. *лысо*, превратно (говорить), плохо (дѣлать). Тема ⁺*алса*; ср. Fick, Wb. *arsaja*, — лат. *ergare*, гот. *airzjan* = н. нѣм. *irren*. Кажется, что „лысый чорт“ ч. бѣс, мр. лисий дидько значит не *salvus*, а вводящий в заблужденіе, хитрый, лукавый. Б. м. смѣшеніе этого *лыс* со слѣдующим *лыс*, *salvus*, заставило считать лысаго коня дурною встрѣчею. Так в русской вставкѣ поученія, приписываемаго Феодосію Печерскому: „Се бо не поганьскы ли живемъ, аще уерѣсти вѣрующе? Аще кто уерящеть чьрноризца то въз(в=)ращается, ли единецъ ¹⁾, ли свинью (ли конь лысъ). Срезн. Свѣд. и зам. XXIV, Лавр. 73. Б. м. на этом же основаніи сказка „Нелюбо — неслушай“ (Аф. Ск. II, N 7) так выставляет на вид, что у дѣда, одурачившаго двух умныхъ братьев и одураченнаго третьимъ дураком, была большая лысина. В соотвѣтствующей серб. сказкѣ (Кар. Прип. N 44, „лаж за опкладу“) вмѣсто лысаго русской сказки — безбородый (Носо).

Лыс, *salvus*, не можетъ быть отдѣлено от скр. *р'кшá*, *salvus* (= ⁺*аркса*-) и на оборот, не можетъ находиться в непосредственной связи с лит. *laukas*, лысый, о скотинѣ, из коего бы вышло слав. ⁺*лук(ѣ)*.

Вр. *Лыскать* см. рыскать.

Вр. *Лыта-ть*: „от дѣла лытаешь, пли дѣла пытаешь?“ (в сказках, и кромѣ), „от дѣла лытом,“ шататься по лытам; серб. *лутати*, шляться. Серб. *лист*, *celer* (о зайцѣ, борзой), если из *лысть*, относится сюда же; иначе Данич. Ког. 24. В основаніи *лынять*, уклонятся от дѣла, шляться—сущ. *лынь* (у Даля—лѣнтый, шатун и пр.) из ⁺*лы(т)н*,

¹⁾ Мнѣніе (Срезн. ib.), что ѣдинецъ, *areg* есть лишь буквальный перевод греч. *μονός*, кажется сомнительным. Как же было назвать одиноко, отдѣльно от стада живущаго стараго самца (т. е. кабана), как не *одинцом*? См. у Даля. Из мрусс.—в польскій: *одуниес*.

с составляющим правило опущением зубной перед *и*. Серб. *лунати*, — се, *incedere capite demisso*, при чем, кажется, выдвинулась несущественная черта значенія = *лунати*. Отсюда *лын-д-ать* = лынять. *Лыт-*. *лут-* = +алт. арт. ср. скр. рти ж. ход. Сюда через +*рат* — *реть* „вытѣчка конская“ (П. Бер.) и *ретивый* конь т. е. ходкій, быстрый, между тѣм как значенію санскритскаго *рти* ссора соотвѣтствует *реть* ссора, состязаніе и *ретиво* сердце т. е. гнѣвное.

Лыт(ъ)ка, бедро, ляжка, икра ноги, голень, задняя и передняя лопатка свишьи, ст. сл. *лысть*, *лысто*, голень (с из *т*. Mikl. Gr. II, 161). Это *лыт-* могло бы быть отнесено к предыдущему = +*арт*. Возраженія могут быть со стороны *д* в вр. *лыды*, долгія ноги и в приводимых Миклошичем (Altslov. Lautl.³ 159) малорусских (галицких?) формах *лидка*, *лидвиця*. В сторонѣ лежат вр. *лутошки*, тонкія, сухія ноги (презрит.), которое относится к вр. *лутоха*, — *ошка*, ободранная липка и вр. мр. *лу-тѣ* лыко (кор. *лу* в зн. драть).

Рыск-ать, бѣжать (о лодѣ, звѣрѣ и пр.) и *рысь*, бѣг вообще и извѣстная конская побѣжка (Trab) мвр. *ристь* (и = ы), пол. *ryś* (лит. *riszgia* — из русс.). *Ст + ь* (из *и*) может быть здѣсь таким же позднѣйшим видоизмѣненіем нераздѣльнаго *ск*, как в стсл. *ристати*, в вр. *блестѣть*, *блесоть*, (из +*блесть*), так что можно обойти предположеніе +*рис(к)-ть*. В *ристати* *ри* неимѣет связи с *ры*, но *рыск-* и *рыск* независимо друг друга = +ар-ск, скр. *р чхати* идет и пр., гр. *ἐρχομα* (из *ερ-σх*, *ер-σх*). *Ра* из *ар* в др. в. н. *rasco*, *vivaciter* = *rasch*, Pott. Et. F. 2, 1, 623.

Рысь, *lynx* и пр. Если *лыс* = *р-кшá*, то и *рысь* (независимо от тематическаго *и* = ь) = скр. *р-кшá*, медвѣдь = гр. *ἄρκτος* (гдѣ *хт* = *кш*, как в *тѣхтов* = скр. такпан), лат. *ursus* (из +*ursus* +*arcsas*). Будет ли лит. *luszis* заимствованіем из нѣм. *luchs* ¹⁾, в чем конечно нѣтъ надобности, или

¹⁾ Ср. лит. *luszis* = нѣм. *luchs*.

самостоятельным словом, его *sz=кс*, как в *aszis*, *ось*, *axis*, скр. *акш-а*.

Болѣе первообразная форма корня видна в гр. *ἄρκος* медвѣдь а, по отношенію к конечной согласной, и в лит. *lokis*, лат. *lâcis*, id. Как *аркс* имѣет при себѣ в скр. *р'кша* *Verletzer*, *Verderber*, так предположенное *арк*—скр. *арс*, *lacerare*, арса- *verletzung*, рис *laedere*, *ferire*. Согласно с этим в разсматриваемых словах хищный звѣрь (медвѣдь; рысь) назван дерущим, как и до нынѣ говорится, что медвѣдь дерет скотину, а волк рѣжет, различіе, впрочем, этимологически несущественное.

Из нѣскольких относящихся сюда мнѣній кажется наиболѣе вѣроятным то, по коему выше упомянутое *арк* *lacerare* и пр. и *р'кша*, медвѣдь не находятся в этимолог. связи с скр. *р'кша*, м. и ср. звѣзда, созвѣздіе, *ркидс* (м. р. мн. ч.), созвѣздіе большой медвѣдицы, и гр. *ἄρκτος*, л. *utga* id. Названія звѣзды—созвѣздіа образованы посредством такой же как выше или до неразличаемости сходной формы ⁺*аркс*- от другого *арк*, при коем—скр. *арка* м. луч солнца, огня и пр. и хвалебная пѣснь, *арч-ати* испускать лучи, восхвалять пѣсню. В силу ли забвенія этимологическаго значенія свѣта в названіи звѣзды—изв. созвѣздіа (М. Мюллер), или, что кажется болѣе вѣроятным, независимо от этого, в силу апіорнаго заключенія от однозвучности слов к сходству обозначаемых ими предметов (такія заключенія до нынѣ обычны на пр. у нѣкоторых русских сектантов), созвѣздіе, первоначально представлявшееся возом у Греков, Римлян, Германцев, Славян, Литовцев и, судя по нѣкоторых указаніям, Индійцев, стало представляться медвѣдем или медвѣдицей, к коим Греки прибавляли еще и вожака (*ἄρκτοῦρος*). (Ср. *Wopp. Gloss*, V. Gr. I, 28, 500; *Pott*, Et. F. 2, 1, 612-3, *Curt. Grundz* I, N. 8 и ссылки у послѣдняго).

Б. м. нѣчто подобное произошло и в славянском языкѣ. *Лос-ь*, *servus alces*, кромѣ суффина=скр. *р'с-а*, *р'с'ја*, самец антилоны (из ⁺*арс*-, ⁺*арк*-), гр. *ἄλκ-η*, лат. *alc-es* (Mikl). Корень здѣсь может быть тот же, что в 1-м *р'кша*,

но с видоизмѣненнымъ значеніемъ. Веберъ указываетъ на арс, риг-а-ти в знач. ferire, бодать (ср. арш, ршати, stossen, stechen, Zeitschr. f. v. Spr. VI, 320), такъ что лось — бодунъ. Но в вр. лось есть также названіе созв. большой медвѣдицы; послѣднее в олонецъ называється лоса. Такимъ образомъ какъ при ркша ursus, такъ и при лось находимъ рядъ словъ со значеніемъ свѣта, какъ видно изъ слѣдующаго.

вр. Лоса, пятно половою и пр., лоса, пространство воды освѣщенное солнцемъ и гладкое, неколышимое вѣтромъ (свр.), лосо на морѣ, гладко, тихо, лос-ѣха, -иха — гладкая здоровая, красивая женщина;

р. Лоск блескъ (гладкой поверхности), гладь. Откуда лос-ниться, — ниться;

Лск в ст. сл. лытатса и пр., между прочимъ в п. lsknac sie, lsnic sie, блестятъ, лосниться и с перестановкою -slnac sie (отличномъ отъ olsnac = ослынжити). Формы с ск, какъ бы ни объяснялись, неотдѣлимы отъ формъ с -с (лас-, лос-), которыя ср. с скр. лакш-а-м, лакш-ана-м, лакш-ман. цѣль, примѣта, признакъ. Эти значенія могли также развиться изъ значенія свѣта, или бѣлизны, какъ в серб. бѣлег, бѣлег бѣлега, знакъ (напр. ипоцвѣтное пятно, лысина на конѣ), мѣтка, цѣль, в которую стрѣляютъ или до которой бѣгутъ, при вр. бѣлѣи бѣлизна, пѣжина, бѣловатый знакъ (рубецъ) на тѣлѣ. Скр. лакш- = +лаг-с, а предполагаемое лаг ср. с радж-а-ти блестятъ и с +арг, что в ардж-у-на бѣлый, свѣтлый, серебряный, серебро, др-ур-с, л. arg-и-о в см. разьясняю, лит. reg-iu, вижу (Fick и др.).

Лы в польск. lusk, блескъ, лоскъ, luskac, lusknac, luskawica, не смѣтныя съ blysk, могутъ предполагать +алск. Ср. рыскать. Ст. сл. у-лык-а ти са, у-лык(в)нжти са, улыбаться, — путься, относятся не къ лыб, а сюда же, с переходомъ значенія отъ свѣта къ смѣху, улыбка. Ср. серб. „кад се смије, кан'да сунце грије“ и „господскоме емијеху и ведру небу невала вјеровати“ (жер се за часъ промијени), Кар. Посл. 44. Смѣхъ блещетъ (почему напр. flores ridet, domus ridet argento) и горитъ, почему у Гомера „ἀσβεστος γέλως“, неугасимый смѣхъ. Это наводитъ на мысль, что самое лыб

в *улыбаться* относится к тому ⁺*албн*, к которому вышеупомянутое *лыбедь* и *лебедь*, гр. *ἄλφες*, бѣлое пятно на тѣлѣ, лат. *albus*, а в силу знакомаго нам в русс. нар. пѣснях сближенія *бл* = *мл*, добр, от ф. ⁺*лабн* — лит. *labas*, добрый и милый, красивый. Можно предположить и здѣсь значеніе свѣта, т. е. значеніе *бл* первоначально неотличалось от *свѣтел*. Значеніе стыда в серб. *лѣбити се*, *стыдѣти се* (которое Данич. Кор. 177 приводит в связь с *лбати*, *labare*) было бы производным. Не ясно лит. *surpiu*, *-pt-*, *auslachen*. *Urb*?. Ср. *surpėti*—*surbėti*, хлебать, *surpoti*—*subėti*, качать (дитя).

Лунь в рус. *falco rusticolus*, в друг. слав. нарѣчіях *vultur*, *milvus*. Выраженіе „сѣд как лунь“ от цвѣта этой птицы (f. r.), а не от этимологической связи с великоруск. *лунь*—тусклый свѣт, польс. *luna* зарево. Из основаній мифологическихъ (мое соч. О миф. зн. нѣкр. обр. и пов. 98) объясняются мнр. выраженія: „вхопила лунь, Ном. 39, щоб тебе лунь вхопила, ів. 73 (чтоб ты умер, пропал), „Не люблять в пеклі жартовати... Як ніднесуть из оцтом хвиги, то зараз вхопить тебе лунь,“ Котл. Ен.; „Виходь же завтра на вкулачки, Вітдиль полізеши мабудь рачки, Бодай и лунь щоб незлизав“ ів. В последнем слизывать в смыслѣ упичтоженія приписано луню без надобности, подѣ влияніемъ выраженій другаго порядка: „нехай тебе лизень злиже“ Ном. 73; „як лизень злизав“ ів. 265 (т. е. исчезло, пропало).

Можно бы думать, как и я прежде (К ист. зв. 196), что *лунь* относится к *лѹ*, скр. *лу-на-ти*, *лу-но-тѣ*, рѣзать, разрывать и пр., откуда прич. скр. *лу-на* = лит. *lūnas*, комолый (Geitl. Fon. 34). Такое производство могло бы быть подтверждено аналогіей вр. *корш-унь*, -акъ *milvus*, который названъ потому, что „терзает и щиплет добычу“ (Лермонт.): лит. *karsz-ti*, лен чесат (собств. рвать, драть); коня чистить скребницею, скр. *карш* (-а-ти) таскать, рвать, *кѣш*(а-ти)

проводить борозды, орать (драть землю) ¹⁾. Теперь, в виду случаевъ *ар* = *ру*, предпочитаю объясненіе, которое связывает самую тему разсматриваемаго слова с такою же в сродных языках. Чередованіе рода муж. и жен., как в *путь* (мр.-жн.р), указывает, что в *лунь* — тема на *и*. Т. о. основная ф. этого слова, кромѣ падежн. суф., + *арни* — греч *ἄρνι-ς*, др. в. н. *arn* м. (тема *i*), птица вообще и орел. *Ор-ъл* — сродно. См. Fick. Wb. *arni*.

р. *Лунка* (+луна), ямка, желобок, прорубь, тоже легко может быть отнесен к *лѹ*, рѣзать, рвать; однако слѣдует принять во вниманіе сходное по значенію *воронка*, лейка лейкообразная ямка, отверстіе в сосудѣ, ч. *vrana* (отлично от ч. *vrána* = ворона, лит. *warna*), словац. *vranka*, хорут. *vraň*, относимое Миклошичем к одному семейству с *врпти claudere* (Mikl. Ueber... *trét-trat*, 33), но неотдѣлимое от скр. *врон'а* м. ср. рана (ср. русс. *проран*, пробой, прорыв), щербина, изъян (осн. ф. +варна), лат. *vuln-us*, гр. *ὄλη* (= +*Φολνη*) рубец, шрам, Fick Wb. *varna*.

В виду существующаго видоизмѣненія корней *вардh ардh, рудh* роста, *варк, арк, рук* — свѣтитъ, блестѣть (J. Schmidt Zur gesch. des ind. vocal. II, 295 сл.) *вар* (-н) в *воронка* дает возможность ожидать подобнозначащаго *ар*,-

¹⁾ В скр. и зендѣ этотъ корень является в различных словах, означающих земледѣліе, ораніе, как скр. *кршти*, *крши*. Если бы в одном нарѣчій встрѣтилось обозначеніе подобнозвучными словами хищной птицы и оранія, то мифическим умозаключеніем ораніе могло бы быть приписано птицѣ. Это дѣйствительно встрѣтилось в мр.:

„Оред поле изорав

И пшениці посіав. (Весн.).

Та зорімо поле орлами,

Та засіемо (ймо?) жемчугамп...

Костомаров Об ист. зн. рус. нар. поэзіи 78—89. В отличіе от сказаннаго в моем соч. О миф. зн. нкр. обр. 8, я думаю, что при этом нѣтъ дѣла до этимологическаго значенія слова *оред*, т. е. что здѣсь нельзя говорить о связи представленій *быстры* и *оранія*.

которое дѣйствительно дает от себя скр. *ар-ус*, ср., рана. Т. о. +луна=арна в. варна.

Лучий melior, praestantior. Исходя из связи представленій любить, хотѣть и предпочитать, считать лучшим, замѣтной в *излюбити, изволити*, выбрать, предпочесть и, в *ун-ий* лучшей при *унити*, хотѣть, желать (скр. ванати, ван-ô-ти, любить, желать), а также и в виду связи сочетанія *ар-* с одной стороны с *ра-*, с другой с *ру-*, можно принять, что *лук-* в *лучь* и *рак* в *рачити* сходятся в +арк. *Рачити*, любить, см. Mikl. Lex.; хотѣть: они же (монахи) видѣвше отрока простоту и ризами же худами облечена, перачиша того прияти. Жит. Феод. Печ. XII в. 5; азъ шедъ увѣщахъ и (т. е. повидаться с матерью), не бо рачить видѣти кого, ib. 6; конѣ дивьяя и буня.. научать.. а души бесъ чину ходящи и живуци никъто же нерачить поучитъ... Сами собѣ хулы твораше дѣлы, нерачимъ себе вѣстагнути. Златоустр. до 1200, Срезн. П. р. п.; Бог... мѣдлать полати его же просать, других же нерачить (=неблагово- лить) послушати молитвы, Изб. 1076, Бусл. Хр. 296. Безсонов Болг. П. I, 41 неточно переводит болг. *нерачи*, не хочет, через незаботится, ни во что ставит. Серб. *нерачи ми се*, нѣтъ охоты (ѣсть, пить), *рачи се* хочется. П. *гасзусъ*, благоволить, удостоить что сдѣлать. Ст. сл. *рачий melior*, пл. *гасzej* (не от *рад*) *rotius*.

Это *рак-* и +*алк*=+*лук-* можно сблизить с *алжати*, при чем *охота*, воля будут представляться алканіем, как в жадати, *жадаѣ*—жаждою.

Серб. *рѣда*, хорут *rido*, дышло, румын. *руд*, *perțica*, маляр *гѣд* (Mikl. Lex). Если это слово не есть заимствованіе из лат. *rudis*, мутовка, фехтовальная палка, значеніе коего довольно далеко, или, как думает Миклош. (Fremdw.)—из малярскаго, то оно соотвѣтствует лит-му *ard-ai* м. мн. перекладны (поперечные к основным) для сушки дѣна, *ard-amas*, поперечная к мачтѣ перекладина, к коей прикрѣпляется верхній край паруса, *arduti* дѣлать и пр. Данич. Ког. 182 относит *руда* к *ру*, рвать, в смыслѣ тянуть.

Вр. *ружь*, (откуда *снаружи*), ⁺*ружа*, (откуда *наружу*), внѣшность, вид, лицо, масть в картах. Что эти слова относятся к семейству, представляющему в славянском яз. смѣну у (или ы) и а (или о, е), в том убѣждают ф. вр. *рожа*, лицо, харя, личина и вр. *родá*, вид, образ, облик, онзиqгномя; *привиднѣ*, *призран* (тул). Последнiя значенiя — в стар. *родъ*: „дѣти бѣгають рода, а Господь пьянаго челоуѣка,“ Дан. Зат., Кал. Пам. XII в. 236. Конечно, можно сблизить эти слова по значенiю с *рости*, *родить*. Относительно *ружь* можно бы сравнить гот. *lud-ja*, лицо. *lauþa*, рост, вид при ⁺*rudh*, скр. *ruh*, восходить, *рости* (Fick *rudh*). *Род*, *привиднѣ*, могло бы означать первоначально родственника, предка, за тѣм домового и пр. и находилось бы в непосредственном сродствѣ со слѣдующими: „(иже въ) получение (толк: в получиаи вѣроуютъ) (и в) *рѣжество* и *родъсловство* (толк: в *родословнѣ*, рекъше в *рожашица*), Кормч. 1282, Бусл. Хр. 381—2; *родимец*, мр. — ець (соб. родимый, родной, прирожденный, затѣм, как и думаю, дух рождающийся с челоуѣком, его двойник, и отсюда, т. к. этот двойник представляется виновником счастья, несчастья и болѣзней, то) назв. различных болѣзней взрослых и дѣтей; в силу такого же представленiя стар. *родство* в смыслѣ болѣзни: „лѣта 7074, Февраля в 9 день простилъ Дух Святый *надную* болѣзнь, а та болѣзнь *отъ родства* (т. е. я думаю, не „от наслѣдства“ а т. ск. „от ⁺родимства,“ от *родимца*, понятаго собирательно) из Славны Юрья бобровника Кожевина,“ Новг. II, 161. Однако возможно и другое сблизенiе. В вышеупомянутой Кормч. 1282 г., нѣсколькими строками выше, встрѣчается *родъ* в смыслѣ, которой трудно вывести из *рости* или *родить*: „тацѣмъ (=ъ) запрещениемъ (=ъ) покорити подобаетъ и влачащая медвѣди или таковыя животы нѣкакы, на роуганiе и в *родъ* простѣйшимъ (толк: на глумление и прельщенiе простѣйшихъ челоуѣкъ). Бусл. Хр. 391—2. Не значит ли здѣсь *в родъ* — на показ, и не напоминает ли это лит. *rod-y-ti*, лат. *râdit*, являть, показывать, лит. — *yti-s*, казаться, притворяться, *ro-*

do-s кажется, повидимому, *rodykle*, между прочим *monstrum*, *ungeheuer*, чудовище?

Долгое *o* в лит. и *á* в лат. находит соотвѣтствіе в слав. рад-: *Радунѣца*, см. Mikl. Lex., ср. в Новг. II, под 1549: мѣсяца Апрѣля в 30 день на второй недѣлѣ послѣ (читай „по“) Велицѣ дни, в Радунѣцу. 153. В нынѣшних вр. говорах—*радунѣць* и *радунѣца*, *радовѣница* кажутся болѣе древними формами, тогда как ф. *радошница*, *радованцы*, *радованеніе*—*поминки* кажутся возникшими из стремленія приурочить вышеприведенныя, уже непонятныя слова к *радошный*, *радоваться*.

Значеніе суф. *-ць*, независимо от предшествующаго ему *-ун-*, ср. с вр *вьюнецъ* (= *вьюнишник*, *вьюнительство*) обряд поздравленія тѣхъ пар, для которых наступает первая весна послѣ брака, совершаемый в субботу на Святой, или в Воскресеніе на Фоминой, т. е. почти в одно время с радунѣцей¹⁾. Отсюда возможен переход к значенію времени этого обряда. Подобное значеніе вторичнаго суф. *ица* (время того, что указано темою): мр. *косовица*, *гребовица*, вр. *гололедица*, *безкормица* и проч. Значеніе предидущаго суф. *ун* не ясно. Основываясь на *-овница* можно думать не о суф. *-ун-ъ*, образующем им. дѣйств. лица, а о стяженіи, несходном впрочем с тѣм, которое по видимому

¹⁾ *Вьюнец*. Прежде я соглашался с мнѣніем, что это слово—к *юн*, молод, а не к *вын* (Древности. Тр. М. Арх. О. I. 2. 233—4). Теперь на первом мѣстѣ ставлю связь этого обычая с обычаем *кумиться* и *брататься*, пѣдуясь сквозь вѣнок, что у Сербов *дружичало* (во Вторник на Фоминой, вмѣстѣ с поминовеніем мертвых), с обычаем состоящим *въ избраніи предпочитаемаго* лица в подруги или побратимы до того же дня слѣдующаго года. Согласно с этим думаю, что *вьюнец*, хотя и есть видоизмѣненіе формы *юн*, но не той, в которой *j* коренное (= лит. *jaucias* и пр.), а той, в коей *j* приставное: ср. *унип*, *-нѣ*—лучшій, лучше, *унити*—лучше хотѣть того, чѣм другаго, предпочитать, скр. *ван* (-*ó*-ти, -*а*-ти), любить, желать. Т. о. *вьюн*—*вьюница*, пѣсенныя названія поздравляемых, означали бы не „молодой и молодая“ а „выбранный, предпочтенный—*ая*, как скр. *варá-*, жених, супруг, как излюбленный, предпочтенный, при *вар*, врѣдти. избирать, предпочитать, желать (*woléc*), любить.

в *осень*—*усень* (кор. *вас*-, мое соч. О миф. знач. н. обр. 21 сл., Аэ. П. В. III, 747 сл.), болѣе новым, именно из -ов-ьн-. Ср. *мед-ун-ица*, рабочая пчела и пр., *мр. полу-ница*, если из *половница* (Даль), клубника. Как бы ни было, м. б. что *радуница* не только есть время кликанія мертвых и их появленія, но и этимологически означает *появленіе* (лит. *god-*). Сюда же м. б. вр. *ражій*, дожій, красивый, видный (собств. казистый?). Этимологически неясное п. *газпу* — не сюда.

Вообще, нахожу вѣроятным, что и в слав. языках есть особое семейство *руд-*, *род-*, *рад-*, отличное от сходных по звукам особым значеніем „казать, являть,“ и что в нем чередованіе гласных указывает на какое то *ард-*.

Руно, *vellus*, с давних пор и с полным основаніем относят к *ру-* рвать (=содранное, сорванное), на что, кромѣ существующаго еще приема вырывать а не стричь шерсть, указывают и другія значенія этого слова, как вр. *руно* (гороху, хмѣлю), куст вырванный цѣликом с корнями и пр.; худая одежда, снятая с плечь, лохмотья. Но мало вѣроятности, что от значенія *vellus* идет вр. *руно* (овец, рыбы) стадо, стая, толпа, при коем стояло бы — сербс. *рула* на пр. *луди*, толпа („одоше *рулом*“), если бы это не было займствованным (нѣм. *rudel*), возможность чего допускает Даничич (Kogienі, 181). Второе *руно* могло бы быть отнесено к *ру*, ревьтъ, как это условно дѣлает Даничич с *рула*, сближая его (ib.) с серб. *рулати*, ревьтъ, о ребенкѣ, гдѣ впрочем л кажется, уменьшительное, чего однако непризнает Микл. Gr. II, 472. Дѣйствительно, есть названія толпы от крика, шума: поль. „*tam ludzi huk*,“ лит. *gauja*, толпа, стадо, стая (*ein rudel*), особенно течка собак, волков, при *гауі*, выть; поль. *gaw-iedz*, толпа в презрит. смыслѣ, сволочь (ср. арх. бранное *гаведь*, неучь, разиня, сюда же, или к другому *гу*, при коем *говно*), ряз. *гавез* (— ез?) множество, толпа, пропасть, при *гу*, при коем и *говор*, *гвар*, *гупорить*, *гавѣда*. Т. о. вѣроятно и названіе стада, стаи от рева, между прочим во время течки („свиной *рык*,“ „коровій *рев*“); только к слову *руно* 2 не слѣдует заключать от

о-рав-а (так, а не от *орать*, драть горло, как у Даля и др.), толпа, ибо здѣсь существенно значеніе предлога *о*, от коего зависит значеніе „толпа загонщиков, с криком окружающих кнею, обойденный остров, или участок (поль. *ostęp*). Аналогично с *о-рава* и стар. новг. *о-зва-дѣ*, облава и кней?, *об-лава* (К ист. зв. 199; ср. „доиде же (Мамой) до усть рѣки Воронежа и распусти облаву свою“ Сах. Ск. Р. н. I, 7, 65) и пск. *за-лава* шумная толпа. Есть однако и другая возможность, что в *руно*, стая названа не по звуку, а по движенію, как в сл. *рой* относительно насѣкомых и, рѣже, овец, в *течкль* относительно волков и собак. В таком случаѣ—тема ⁺*арна-* (скр. *арна* м. *woge, fluthstrom*), кор. *ар*, что в *рыскать*.

р. *Русло*. Вряд ли может б. сомнѣніе, что суф. здѣсь не—*ло*, а ⁺*тло* (=дло=скр. тра-м). За тѣм двѣ возможности, которыя впрочем, при неопредѣленности значенія находимых нами корней, невлиют на опредѣленіе основнаго значенія слова. *Русло* во всяком случаѣ зн. собственно орудіе теченія или орошенія, то чѣм течет вода, отсюда корыто рѣки, жолоб для стока, и самое теченіе и пр. То же—вр. *рус-т* : *рустом*, руслом, ручьем, струею.

Первая возможность—в предположеніи, что *с* перед *т* суфикса — из зубной одновременной ¹⁾. В таком случаѣ—

¹⁾ Ср. *прясло*, *пряслица* соб. чѣм прядут (см. Даль; лат. *spréslisa*, прядка — заимствовано, но с туземным начальным *s*: *spréžu*. прош. *sprédu*, *sprest*, прясать, ср. Biellenst. Let. sprg. I, 290).

Прясло. русс. 1. звено изгороди из жердей или досок (от столба до столба), в мостовой пространство от версты до версты; 2, то что замѣчается на этом пространствѣ („прясло ржи”); 3 в стар. яз. (см. Mikl. Lex.) верста в см. мѣры, степени, уровня. Микл. относит к *прат-* (прятать, ropere); я думаю — к (*с*)*прад-*: лит. *sprendžiū*, *spresti* обнимать (изв. пространство) пядью, лат. *spréžu*, *sprest*, распростирать (*strecken*), обнимать пядью, за тѣм измѣрять, оцѣнивать, изрекать приговор; лит. *sprindis*, — *džio*, лат. *sprédis*, — *ža*, пядь, вранье; лит. *splendži* расширяться. Pomm. (Wg. Wb. IV 739) присоединяет сюда др. вн. *spreiton*, *pandere*: лат. *kájas is sprédis stâw*, er steht mit aus ein ander *gespreizten* füs-

кор. *руд* = *ард*. Скр. *ард*- с предлогом *нис*- вытекать, с *тра* и в причин. ф.—заставлять стекать, *áрдра́*, сырой, мокрый, свѣжій, сочный, мягкій; гр. *ἄρσ-ειν* орошать. Сюда ли серб. *рудина*, луг, как сырое мѣсто? Данич., *Korigeni 21*, относит к ⁺*ардh*, через ф. с ж. Сюда ли лит. *rudii* осень, как дождливое время? Связь греч. *ἄρσω* с *ἄρσα*, нечистота, грязь, подтверждаемая и другими сочетаніями знач. литья влаги и *скверны* (на пр. в этом словѣ, кор. *скар*-), дает возможность предположить, что русс. *рудить* марать, грязнить может относиться и сюда, а не непременно к *руд* — *рыжь* и *руда*, кровь.

Сходно с слав. *пль-снь*, *боя-знь*, — *изна* = — *ина*, и в литовском перед *н* суфиксов является непонятное *с*, требующее ассимиляціи предыдущей зубной одновременной: *kasnis*, кусок, кор. *kand*-. Принявши суф. — *sn* — для лит. *Rusnė*, правый рукав Нѣмана, получим и для этого слова кор. *руд* = *ард* и основное значеніе *русла*.

сеп. Т. о. *прасло 2*. значит соб. то, чѣм обхвачено — то, что обхвачено.

вр. *усло*, часть тканья; „как велико усло?“ т. е. сколько наткал? лит. *aud-mi* v. *audžiū austi*, ткать, при чем тот же суфикс что и в русском словѣ (*кла-с*, как признано нѣсколькими учеными, кромѣ рода = слав. ⁺тло, дло) означает не орудіе, а произведение: *aude-klas*, ткань, холст. Зенд. *badh* — одѣваться, др. вн. *wát, gewand, rüstung* (Fick).

От шнырянья туда — сюда, как челнок при канвѣ (ср. *weben* — *schweben*) — *о вод-ѣ* (начальное *о* неясно), лит. *idas*, id. и лат. *íd-ega, íd-aga*, хвост (чѣм виляют, машут). Относительно упомянутой связи летанья насѣкомых (и нѣкот. птиц) с витьем, *снованьем*, ср. *мотыль*, мр. *метелик*, при *мотать*, и серб. загадку о пчелѣ: „*мотовило—вило* по гори се *вило*, *кући* долазило, *соли* нелвзало.“ Подобная русс. и серб. загадка о ласточкѣ („*шило—мотовило*,” „спријед *шило*, *страга* *вило*“) относится к *клюву* и *хвосту* похожему на *вилы* или на *мотовило*. Думалось бы, что подобное значеніе *витья*, *сноваща* (тканья) лежит и в основаніи вр. *па-уть*, *овод* (кор ⁺*ват*?). Сродно ли это послѣдствѣе с *па-укъ*, *рајакъ*? Не произошло ли к из *т* в *паутина*, а не на оборот? Что могло побудать обойти такое обычное сочет., как *паучина*?

При этом вспомним уже встрѣченные выше в литовском сочет. *ru* (*ru*) перед согласною, не смотря на возможность в этом языкѣ непосредственнаго соприкосновенія *r* (*r*) с согласною; *luszis, rudū* (?), к коим б. м. можно присоединить еще *rustus*, гнѣвный, сердитый, *rustai* сердито, очень, чрезвычайно, если оно вяжется с вр. *erestаться*, н. луж. *jeréšís se*, сердиться (соб. ерошиться, К ист. зв. 95). Потт, *Wz. Wb.* II, 2, 459, указывает на скр. руш-, по 1 и 4 — *laedere, interficere*, по 4 и 10 — *irasci, furere*, находя, что б. м. сюда же скр. *рѹ'кша, asper* „*horridus*.”

Вторая возможность объясненія слова *русло* в том, что зубная суффикса = ⁺*тло* измѣнилась под вліяніем конечной *свистящей* корня, как в *масло* (маз-). В таком случаѣ — корень *арс-*, тот же, что предполагается в сл. *Русь*. Тоже предположеніе возможно и для литовскаго *Rusnė* и необходимо для тѣх, мнѣ из первых рук неизвѣстных названій Нѣмана, в коих послѣ *s* стоит гласная. Во всяком случаѣ связь между Русною и Русью может быть лишь отдаленная и посредственная, а не связь заимствованія.

Из предыдущих случаев *ру* = ⁺*ар* перед согласною, к коим жожно присоединить и относительно поздній серб. стар. *русai regio, regnum*, маляр. *ország*, (Mikl. Fendw.), видно, что *Рус-ь*, *Руси-нѣ*, кромѣ суффиксов, могут соответствовать скр-му *рш-а-бѣа* бык (= ⁺*арсабѣа*) ¹⁾, зенд. *арш-ан*, *арш-ана*, самец, муж, греч. *ἄρσ-ην* (*ἄρρην*, тема — *εν*), мужескій, мужественный Т. о. *рус-инѣ* значило бы „муж,” а *рус-ь* — собирательное „мужц,” и оба слова были бы вполне туземны. За корень слова *ἄρσ-ην* и пр., принимается *арс* = скр. *арш* (*рш-*) течь, орошать, в смыслѣ изліянія сѣмени, оплодотворенія (Curt. Grundz² 307). Этот признак лежит в основаніи нѣскольких названій самцов. В другом смыслѣ тот же корень может давать названія

¹⁾ Не могу судить, на сколько случайно совпаденіе этого имени, которое могло служить почетным эпитетом мужей, с именем Половецкаго князя, убатаго в 1103: *Урусоба* (Поуч. Моном. Лавр. 104, 119).

рѣкъ, как текущих, орошающих. Сюда м. б. *Рось*, приток Днѣпра, и многія другія, связь которыхъ с *Русью*, как и этого послѣдняго с *Русною*, можетъ быть лишь посредственная, как членовъ двухъ нисходящихъ родословныхъ линій.

Кому можетъ быть на руку такое объясненіе имени Русь? Конечно тѣмъ изслѣдователямъ, которые, отчаявшись найти Русь в Швеціи и гдѣ бы то ни было, кромѣ Руси, отдѣляютъ Русь от Варягов., приписываютъ Руси, согласно с употребленіемъ этого слова до весьма поздняго времени, происхожденіе преимущественно южное, приурочиваютъ ее къ землѣ Полян, Тмуторокани, Русскому морю, а съ большими сомнѣніями и къ галицкой и угорской Руси. Знаменитое мѣсто лѣтописи „В лѣто 6370.. идоша за море къ Варягомъ къ Руси (сиче бо ся зваху тѣи (тии) Варязи Русь, яко се друзни зовутся Свое (Свее) и пр.)“ очевидно заключаетъ въ себѣ глоссу составителя лѣтописнаго свода. Возможно, что Варяги, пришедшіе на Русь, стали называться Русью, т. е. такими же мужами, воями, как и туземные, что свидѣтельство об этомъ дошло до лѣтописца и заставило его, при забвеніи этимологич. значенія слова Русь, предположить, что они называли себя такъ и у себя дома. Возможно, что „род Русскій“ за моремъ созданъ подъ вліяніемъ особаго пониманія такихъ мѣст, какъ в догов. Иг. (под 6453): „мы отъ рода Русскаго съли и гостье,“ т. е. послы (не принадлежащіе къ роду Р-а) служащіе представителями рода Русскаго. Во всякомъ случаѣ вѣроятно, что лѣтописное свидѣтельство о призваніи, какъ это принимаетъ Д. И. Иловайскій, нѣкогда звучало иначе, на пр. такъ, какъ читается въ лѣтописцѣ Никифора патріарха: „при сего (Михаила) царствѣ придоша Русь: Чюдь, Словенѣ, Кривичи къ Варягомъ“ (которые стало быть небыли Русью), „рѣша: земля наша велика..“ П. С. Р. Л. I, 251 (Иловайскій, Разысканія о началѣ Руси, 300).

По моему гаданію, напрасно однако же и на югѣ искать *племени*, носившаго имя Руси; его не было до того времени, когда многія племена объединились подъ этимъ именемъ и появился народъ русской. Русь въ смыслѣ мужей, т. е. воевъ и гостей, выходила изъ разныхъ племенъ, но преимущественно изъ крайнихъ,

болѣ сталкивавшихся с иноземцами. Переход слова Русь от значенія состоянія к значенію народа, от представителей к представляемымъ есть предположеніе, напоминающее бывшее. Так из козаков, бывшихъ первоначально людьми малыми в смыслѣ количества, но не в смыслѣ бродила, вышел в XVII в. „люди козако-русскій.“ Б. м. между козаками и Русью есть и другого рода связь: б. м. крайнія поселенія Руси, как Тмуторокань, были архаическими формами позднѣйшей сѣчи и другихъ козацкихъ общин, формами неуспѣвшими развить в себѣ семейной жизни и потому неустойчивыми. Относительно названія племен по представителямъ напомнимъ словопроизводство проф. Гейтлера: *Хърватъ* = латин. *szarwotas*, т. е. или оплит, латник (латы могли быть и не желѣзные, а роковыя или кожанья), или вооруженный, снаряженный, стало быть тоже муж, храбр, воин (ср. нынѣшнее серб. *храбар рабар*, *војно*, муж — *maritus* и молодец, как мр. пѣсенное *козак* по отношенію к *дівкѣ*). При этомъ можно поставить и другое имя: *сърбъ*, судя по скр. *sarbh ferire, laedere, occidere*, значитъ воин, боец. Какъ эти имена, такъ и Русь принадлежатъ къ корнямъ или совсѣмъ забытымъ или крайне затемненнымъ.

А. А. Потебня.

10 Окт. 1878.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ПО НАРОДНОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

В сороковых и пятидесятых годах в Императ. Русск. Географическое Общество от разных лиц, из разных, можно сказать даже из всѣх, концов Россіи поступило множество сообщений по отдѣлу этнографіи. Часть скопившагося таким образом матеріала была напечатана в шести томах изданнаго Обществом Этнографическаго Сборника ¹⁾. Остальная и при том большая часть хранится в картонах архива. Нѣкоторыми из этих архивных рукописей уже пользовались разные лица. Извлеченія из них были уже напечатаны в различных изданіях и сочиненіях ²⁾. Тѣм не менѣе, масса матеріала остается еще не тронутой.

Лѣтом прошлаго года, я, с благосклоннаго разрѣшенія Вѣще-Предсѣдателя Общества г. Семенова, ознакомился с тѣми отдѣлами рукописей архива, которыя имѣли для меня интерес, по отношенію их къ моей специальности.

Извлеченныя мною из них данныя по языку вошли в изданное мною недавно сочиненіе о русских нарѣчіях (Обзор звуковых и формальных особенностей народнаго русскаго язы-

¹⁾ Том I, 1855, VI—1864. Жаль, что прекратилось это изданіе: Извѣстія Географическаго Общества по отдѣлу Этнографіи не замѣняют его.

²⁾ См. Л. Майкова Великорусскія заклинанія, Афанасьева Народныя русскія сказки (сказки, записанныя в шадринском уѣздѣ пермской губ и нѣкоторыя другія); пѣсни Кирѣевскаго (былина о богатырѣ Суровцѣ Суздальцѣ — в приложеніи к IV вып. стр. XXVII IX) и пр. Пользовался архивными матеріалами и В. И. Даль. Многое в его статьѣ о нарѣчіях русскаго языка, что я относил (как и другіе, конечно,) на счет личных его наблюденій над народным языком, оказывается заимствованіем, цѣликом или в сокращеніи, из рукописей архива.

ка. Варшава. 1878); нѣкоторыя же, выписанныя мною из них, произведенія народной пѣззіи печатаю теперь. Всѣ они стоят вниманія читателя: одни—со стороны их содержанія, другія—со стороны языка. *М. А. Колосов.*

I.

П Ъ С Н И.

1.

Татарин и русская плѣнница.

Вазбушевали (2)
Буйная вѣтры,—
С терима верхи (2)
Пасорвали,
Бъ бѣламу шатру
Принасили.

В том бѣлѣ шатрѣ
Младой Татарин,
Бѣл да дороден,
Граить и гусли
Званчатый,
Втѣшайть дѣвку—
Краснаю Анну:

„Не плачь, дѣвна,
Красная Анна,—
Я тебе люблю;
Шупачку сашью,
Сашью шупку
С палушупкам,
Куплю вѣночки
На галовку.”

— „Мнѣ те, Татарин,
Не люби,
Мнѣ тваей шушки
Ни наенти,
А палушупка
Ни ведѣвати.

Был бы здоровой
Батюшка роднай,—
Сашьёт шупку
С палушункам,
Купить вѣнчик
На галовку.”

„Брошу я тебе
В синія мѣря,
В чистая пѣля!”

— „Ай, мине мати
Ни данасила!
Ай, в каньбели
Ни дакачала!
Ай, няньки—мамки
Ни давармили!
Ой, да даносятъ
Синія мѣря,
Ой, дакачаютъ
Буйная вѣтры,
Ой, да дакормить
Бѣлая рыба,
Бѣлая рыбаца—бялуга!”

Не знаю варьянта этой прекрасной пѣсни, несомнѣнно относящейся ко временам татарщины. Татарин, красивый собой („бѣл да дороден“), всячески старается утѣшить свою плѣнницу и заставить ее полюбить себя. Не успѣвъ в том, он от ласк и обѣщаній переходит к угрозам. Пѣсня заключается поэтически выраженным грустным раздумьем дѣвушки о предстоящей ей судьбѣ.

2.

Ой гуси вы гуси,
Бѣлаи лебедые!
А идеш вы бывали,
А и штош вы видали?
— Были пабывали
На синим на мори.—
А штош вы видали?
—Видали-навидали

Бѣлаю либедушку.—
Чаму ш вы нибрали?
—Хатя мы ни брали,
За крылья диржали,
За рѣбаи перья.—

Боѣра—боѣра,
Бальшіи дваряня!
А гдѣш вы бывали,
А штош вы видали?
—Были побывали
В Ивана на дварѣ (2)
В Алены в теримѣ.—
А штош вы видали?
—Видали-павидали (2)
Краснаю Аннушку.—
Чяму щ вы ни брали?
—Хатя мы ни брали,
За ручки диржали,
За зѣлаты перстни.—

Это пѣсня свадебная, широко распространенная и имѣющая не мало варьянтов. См. Народныя русскія пѣсни Шейна, Этнографическій сборник томы I и V и приложенія к моим отчетам Академіи (Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи в области сѣверно-великорусскаго парѣчія С.147).

3.

С сабалями Аннушка
Всѣ лѣса прашла,
С сабалями Ивановна
Лиса темнаи.
Крыла лѣса (2)
Алым бѣрхатам,
Путь катила (2)
Залатым кальцом;
Прикатила (2)
Ка синю морю,
Крикнула-гаркнула
Громким голасам:
Есть ли тут на мари
Перевощичи,

Штоб первезли мне малоду
На тые старану?
Та старана (2)
Мнѣ давно мила;
Тѣ мнѣ люди (2)
В любви пришли,
Тѣ словеса (2)
Понаравились.

Та сторона, сторона будущего мужа представляется невѣстѣ мрачною, печальною. Дѣвушка со страхом заглядывает в нее и видит в ней только бѣды и горе. Таковъ обычный мотивъ свадебныхъ пѣсен. Иное представленіе о той старинѣ дается настоящею пѣснею.

4.

По мяду — мяду,
По слаткамъ меду
Плавала чяра серебряная
Серебряная, пазалочяная.
Нихто за ту чяру
Не примицца,
За залатую
Ни вѣзмицца,
Взялеи-принялеи
Смилѣй чилавѣк;
Приносить-падносить
Аксиньи сваей.
„Друг ты мая,
Надежда мая!
Сядимъ с табою
На лавачки,
Выпьемъ с табою
Па чярачки,
Станемъ с табою
Разгаваривати:
Ты пра мене,
Да и я пра тебе. —
— Видила я нонче
Сон у ва снѣ:
Бутто у нас
На широкамъ дворѣ

Вырсла травушка
Шолкавая,
Раствѣля твѣтви
Макаван,
Ходить павлин
Да сы павушкаю.—
Друг ты мая (*има*),
Надежда мая, (*отчество*) свѣт!
Этот я сон
Тибѣ сам рассужу:
Шолкова травушка —
Люди у нас,
Маковой цвѣтик —
То дѣти у нас,
Сизай павлин —
Да то я гасподин,
Сизая павушка —
Ты у мене.

(Всѣ четыре пѣсни извлечены из сборника пѣсен, доставленных в Географическое Общество г. Сергѣевым. Записаны онѣ в Курской губерніи. Болѣе точнаго обозначенія мѣстности в сборникѣ нѣтъ).

5.

Ой чей то конь да по юлицы играя?
Ой чей вороной да по шірокой шурмуя?
Данилин конь да по юлицы играя,
Да Бондративича да по шірокой шурмуя.
Ен зарвался да к тестюшки в зелён сат:
Ен вишанья, арѣшанья паламал,
Зялёнаю мяту и с любжаю патаптал.
И тут яму Хавроньюшка смалчала,
И тут яму Ивановна не чаго.
Не смалчала Хавроньюшкина матушка:
Сламала малинову вѣтку — однолѣтку, —
Удырила варана каня по бядру,
Защанила Данильюшку по ляцу,
И с тѣх то пор Данильюшка бѣл — румѣн,
И с тѣх то пор Кандратьевич чернобров.

(Записана в Курской губерніи г. Вл. Василевским.
Фонетическое правописаніе не вполнѣ выдержано).

6.

Весёлая бисѣдушка
Гдѣ батюшка пьет(ь?).
Ен пить ня пьетъ,
Галуб(п?)чик мой,
За мной молодой шлет(ь?),
А я млада маладешинька
Замешкалася
За тою ли за пташечкой
За журушкою.
А журушка по бережку похаживала,
Бавыль травку посшипывала,
Студеною водою прихлѣ(т. е. е, а не ё?)бавала.
За рѣчущкой за быстрою
Четыре двора,
Ва тѣх ли ва двориках
Четыре кумы.
Вы кумушки-голубушки,
Пойдѣтя у зелёной сад—
Вазмите мне с сабой;
Вы савьтя по вѣньчику,—
Свейтя миня (ѣ?);
Вы пайдѣтя на Дунай рѣку,—
Возмите мене с сабой;
Вы бросятя вѣнки на быстру рѣку,—
Вы бросьте и мой.
У всѣх ли винки по свѣрх воды,
А мой утанул;
У всѣх мужья с Москвы пришли,
А мой не пришел.

7.

Выду за ворота,—
Усѣ луга болоты;
Выду за новья,—
Луга зеляныя.
Пускай люди судють,
Пускай люди рядють;
Шту я тебе люблю!
Зарастай, моя дорожунья,
Травой-муравою,
Алыми свитами.

Савыкались под бѣлой бирёзой,
Развыкались под горькой асиной.

(Из рукописи N. 46: „Этнографическія свѣдѣнія по Масальскому уѣзду.“ Правописаніе непослѣдовательное и невыдержанное).

8.

Как у сокола голова болит,
Как у яснаго платком повязана,
Не простым платком, — левантиновым.
У N (*ммя*) кудри русые,
Из кольца в кольцо завитые.
Он пошел во Божью церковь,
Во Божью церковь ко заутрени:
На ево люди заглядѣлися,
Красны дѣвушки засмотрѣлися.
Всѣ дѣяки там зачиталися.
Еще чей то сын возлюбленной,
Еще кто его воспроиздила,
Еще кто его воспоил-вскормил,
Еще кто его возделѣяла?
Ни красно солнце воспроиздило,
Ни свѣтел мѣсяц воспоил — вскормил,
Ни часты звѣзды возделѣяли;
Вспородила родна матушка,
Вспоил вскормил родной батюшка,
Братья-сестры возделѣяли,
Завела кудри врестна матушка
С правой ручки золотым кольцом.

(Поется на сватбѣ холостым, которые по родству или знакомству бывают на дѣвищникѣ).

Ср. с этой пѣсней пѣсню N. 29, напечатанную в приложениях к моему 3-му Отчету Академіи Наук (Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи и т. д., стр. 265 отдѣльнаго оттиска.)

9.

Я кому то отдам прикажу
Я свою дѣвью красоту?
Я родимой своей сестринькѣ?
Ох, тут не мѣсто, ей не мѣстичько,

Не житьё-бытьё, не красованьице.—

Я кому то отдам прикажу

Я свою дѣвью красоту?

Я отдам то ее прикажу

Запрестольной Богородицѣ.

Вот тут то ей мѣсто мѣстичко,

Ей житьё-бытьё, красованьице.

Не сдавайтесь ко, мои голубушки,

На чужія то слова ласковые,

На чужія то слова привѣтливые,

На чужую то золоту казну.

(Поется при сборах к вѣнцу).

Ср. пѣсню N. 20 в приложеніях ко 2 моему отчету.

(Замѣтки и пр. стр. 157 отд. оттиска).

NN. 8 и 9 взяты из рукописи: „Описаніе Міясскаго завода.“

10 а)

Полелѣй, Волгарѣна, круты берега,

Полелѣй славные желтые пески!

Вот тебѣ Волга рѣка

Да не долго лелѣять, —

От весны, весны вплоть до осени:

Осень то придет дождливая,

Зима то придет фуртливая, —

Выпадут снѣги глубокія,

Вымерзнут рѣчки морозами,

Вымерзнут быстрыя крещенскими. —

Полелѣй ко, матушка, свое дитятко,

Полелѣй, родимая, свое милое;

Вот тебѣ, матушка, да не долго лелѣять, —

От утра-утра вплоть до вечера:

Вечер то придет, то дѣвичник будет;

Утро то придет, то разлука твоя, —

Приѣдет Иван-сударь на добром конѣ,

Приѣдет Ефимьевич на стоялым,

Привезет разлучинку на правой рукѣ,

Разлучит Марьюшку с отцем — матерью,

Разлучит Ивановну с родом — племенем.

(Симбирской губ. Сызранскаго уѣзда; сообщено г. Орловым).

б)

Уж ты Волга, Волга матушка,
Полелѣй ты круты бережки,
Широка Волга, разливица,
Глубока Волга, пріяржста!
Уж не долго их лелѣяти;
От весны до осени
До морозов до крещенскихъ.
Ты, родимый батюшко,
Полелѣй ко свое дѣтище—
Акулину Федосьевну;
Вот не долго ея лелѣяти,—
От утра только до вечера,
До удача добра молодца,
До суда да Божьяго,
До злата вѣнца вѣнчальнаго.

(Подгородняя деревня Канова; сообщеніе г. Курлова).

11.

Вечер перепелка
В саду перепелила;
Нынче поутру рано
Не слышать ее стало:
Соколы прилетали,
Из саду еѣ взяли,
Соколу в когти дали,
Молодому вкогтили.
Ты владѣй, владѣй, сокол,
Нашей перепелкой,
Не давай ее в обиду
Не галгам, не воронам,
Не мелким птицам!
Как вечер дѣвица
По сѣням она ходила,
Она Богу молилась,
Со свѣчами, со горячими слезами.
Тут бояре пріѣзжали,
Из семьи ее взяли,
Боярину в руки дали,
Молодому вручили.

Владѣй, владѣй, молодец,
Нашей Натальей,
Не давай ее в обиду
Ни свекору ни свекровьи,
Ни деверьям ни золовкам,
Ни шабрам приближенным.

(Там же и от того же)

Ср. пѣсню N. 12 в приложеніях по 2 моему Отчету
Академіи. (Замѣтки и пр. стр. 150).

(Продолженіе и окончаніе в слѣдующем N.)

БИБЛИОГРАФІЯ.

Die Silbenanalyse als sprachliches Lehr und Lern-Mittel. Ein Beitrag zur Reform der Lexicographie, von A. Castle Cleary. In ihrer Anwendung auf das Deutsche mit Belegen aus andern europäischen Sprachen dargestellt von I. Th. Dann, Ph. D. London, 1877 (8°, 48 стр.).

Автору изданной под этим громким заглавіем брошюры и нѣмецкому ея переводчику показалось, что словари, составленные в азбучном порядкѣ, не годятся, потому что неудобны для чтенія, так как при таком расположеніи между словами нѣтъ связи: поэтому гг. Клеери и Дани предлагают другой порядок, основаніем котораго должно служить прежде всего словопроизводство, а потом извѣстныя созвучія внутри и в концѣ слов, так что словарь, по этой методѣ составленный, был бы чѣм то в родѣ словаря рифм. „Устроенный таким образом словарь,“ говорит на стр. 32 г. Дани, имѣл бы ту неоцѣненную выгоду, что фактически представлял бы словарь рифм в первоначальном значеніи (?) этого слова, а не просто алфавитный, убійственный для духа рутинный словарь.“ Несомнѣнно понятно однакож, как соединить принятый сперва принцип корнесловія с расположеніем по созвучіям. Для большей ясности сплшем с той же 32-ой стр. нѣсколько примѣров из представляемаго переводчиком, для образца, списка слов в том порядкѣ, в каком он предполагает размѣщать их:

Arg,	Arche
ragen	Rache,
fragen	Rachen,
kragen,	brach, (adj.)
prügeln	Frucht
tragen,	Krach и т. д.

Из этого видно, что мысль автора нельзя назвать особенно счастливою. Читатель, ожидающій по заглавію брошюры, рязрѣшенія важнаго вопроса, испытывает полное разочарованіе. В ней очень много слов и разглагольствія, но мало дѣла. Самая основная идея совершенно ошибочна; словари издаются не для чтенія, а для справокъ, и главное условіе их цѣлесообразности заключается в легкости отысканія каждаго слова, а этого то именно удобства и недоставало бы прежде всего словарю, составленному по мысли г. Клире. Было много опытов этимологических словарей: они имѣют свое неоспоримое значеніе, но для практическаго употребленія самый годный словарь есть конечно чисто алфавитный, что было созвано и убѣдительно высказано еще Яковом Гриммом. Брошюра г. Данна, в добавок не щеголяет и основательностью свѣдѣній; для примѣра достаточно указать на его замѣчанія о русском и славянских языках. Так на стр. 20, выписав фразу; „огонь, воздух, земля и вода суть четыре стихіи,“ он увѣряет, что „только в словѣ *воздух* удареніе падает на *коренной* слог;“ а на стр. 28-й, замѣтив, между прочим, что наша буква *г* произносится 5-ю различными способами, он говорит: „Древнеславянскій языкъ имѣет сорокъ два начертанія, и хотя нам совершенно неясно их истинное произношеніе в устах Рюрика, не нынѣшних попов (nicht in der heutigen Popen Munde), однакож мы можем по приѣмам сына судить о нравѣ отца и принять за вѣроятное, что в вѣкъ Чингисхана и Тамерлана было в этом отношеніи (?) столько же мало единства языка, как и в наше время. Польскій и чешскій находятся в нѣсколько лучшем, сербскій и кроатскій в немного худшем положеніи, и одно несомнѣнно, что во второ-

степенных языках славянской семьи фонетизизм (вѣроятно в правописаніи) имѣет так же мало простора, как и в московинском“ (!).

Я. К. Грот.

Über die weichen e-Silben in Altböhmischen von Dr. Joh. Gebauer. Wien 1878 (Ausdem Sännerhefte des Jahrganges 1878 der Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der kais. Akademie der Wissenschaften besonders abgedrückt).

Как в старочешских, так и в старопольских памятниках, мягкіе слоги рѣдко отличаются в правописаніи от твердых; но из этого не слѣдует, чтобы такого отличія не было в выговорѣ: черты правописанія часто не совпадают с чертами языка. Г. Гебауер, избравшій предметом своего изслѣдованія мягкіе слоги *e* в старочешском языкѣ, старается доказать противное т. е. что в правописаніи, как и в выговорѣ, мягкіе слоги *e* отличались от твердых. Он основывает свое ученіе на 3-й и 5-й частях древнѣйшаго чешскаго пассіонала, относящихся, как он полагает, к концу XIII или началу XIV вѣка: в них мягкость слогов (*ze, se, ce, re-rě, je, še, če, je, ne*) обозначается посредством *i* или *u* (*ie, ue*). Несмотря на обстоятельность изслѣдованія г. Гебауера, трудно согласиться с его мнѣніем: 1) не только в позднѣйших частях чешскаго пассіонала (половины и конца XIV вѣка) это правило не выдержано, но даже в двух древнѣйших частях, на которых он основывается, встрѣчаются исключенія из этого правила, как сам он сознается (стр. 5 и 9); 2) по его-же сознанию, в других старочешских памятниках мягкіе слоги не отличаются в правописаніи от твердых (стр. 3 — 4). Поэтому такое их отличеніе в вышепомянутых частях пассіонала слѣдует признать особенностью писца, которую нельзя возводить в общее правило.

К изслѣдованію г. Гебауера приложен отрывок из древнѣйшей части чешскаго пассіонала, напечатанный правописаніем подлинника (стр. 55 — 76).

В. В. Макушев.

*Das erste Buch, das in der alten tschechischen Schrift
geschrieben ist.*

Полный словарь польскаго и русскаго языка, составленный П. П. Дубровским, членом-корреспондентом Императорской Академіи Наук. Одобрен Министерством Народнаго Просвѣщенія для употребленія в учебных заведеніях Варшавскаго учебнаго округа, Т. I, часть польско русская, Варшава 1877, 869 стр. (850—863—дополненія к I части.

Словарь П. П. Дубровскаго, без сомнѣнія, лучшій и самый полный из польско русских словарей. Автор свободно владѣет польским и русским языком и знаком с литературою обоих родственных племен. Кромѣ того, у него есть филологическая подготовка, которой не доставало его предшественникам. По этому ему было легче справиться с идиотизмами языка, составляющими главное затрудненіе для лексикографа. Но при всем уваженіи к огромному труду г. Дубровскаго мы не можем признать его словарь *полным*: в нем мы не нашли многих слов, которыя встрѣчаются у лучших польских писателей поваго времени. С другой стороны есть в нем много *лишняго*, — много объясненій того, что одинаково понятно как для русских, так и для поляков. Несмотря на эти недостатки, труд г. Дубровскаго составляет важное приобрѣтеніе в нашей и польской литературѣ и будет значительно содѣйствовать взаимному ознакомленію двух родственников племен, неразлучно соединенных исторію.

В. В. Макушев.

Сравнительныя этимологическія таблицы славянскихъ языков: древне-славянскаго, русскаго, польскаго, лужицко-сербскаго, чешскаго, словенскаго, сербскаго и болгарскаго. Составилъ Ф. В. Ржигя. Спб. Вып. I, 1877, вып. II, 1878.

Г. Ржигя начинает с азбуки, употребляемой различными славянскими племенами, потом говорит о произношеніи звуков во всѣх славянских нарѣчіях (стр. 1—13) и вслѣд за тѣм переходит к этимологическим таблицам, которыя занимают оба выпуска его труда: в первом выпускѣ помѣщены

склоненія существительных, прилагательных, мѣстоименій и числительных, а во втором спряженія глаголов, нарѣчій, предлог и союз. Хотя это труд чисто механической, в котором только сопоставляются, а не сравниваются формы славянских нарѣчій, тѣм не менѣе он может быть полезен для начинающих изучать эти нарѣчія, освобождая их от справок с разными грамматиками и тѣм берегая столь дорогое для них время. Объясненій никаких нѣтъ. К первому выпуску приложено 15 страниц чтенія: отрывки из Евангелія на разных славянских нарѣчїях.

Еслибы г. Ржига изложил обстоятельно ученіе о звуках, на которое он не обращает вниманія, то труд его по крайности на двое сократился бы с пользою для него и для учащихся: на основаніи законов измѣненія звуков было-бы очень легко объяснить разнообразіе форм в славянских нарѣчїях, и осталось бы только указать на остатки старины в одних и на новшества в других, что заняло-бы очень немного мѣста. Тогда не понадобилось-бы никаких этимологических таблиц, и книга вышла-бы несравненно меньше и дешевле. При таких условїях успѣх ея был-бы болѣе обезпечен.

В. В. Макушев.

Documenta historiae chroaticae periodum antiquum illustrantia collegit, digessit, explicuit Dr. Fr. Rački, Academiae socius ordinarius. Zagrabiae 1877. XIII+544 pp.

Под этим заглавіем изданы трудолюбивым хорватским ученым г. Рачким памятники по исторіи Хорватов с 548 по 1100 год. Они составляют 7-й том Памятников, касающихся исторіи южных Славян (*Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium*), издаваемых Югославянской Академіею Наук. Весьма важные для исторіи народа, государства и церкви, эти памятники (на латинском и греческом языках) имѣют значеніе и для исторіи языка по множеству собственных имен хорватских, в них упоминаемых. Обстоятельный указатель, приложенный к книгѣ г.

Рачкаго, облегчает пользование этим богатым лингвистическим матеріалом. Кромѣ того, в ней напечатан один глаголическій памятник: надпись на книгѣ в церкви св. Луціи на островѣ Вельѣ 1110 г. В этой надписи нѣкоторыя глаголическія буквы имѣют форму, не встрѣчающуюся в других памятниках, а также с глаголицею мѣшается кириллица. Ради интереса лингвистическаго сообщаем эту замѣчательную надпись кириллицею, в чтеніи, предположенном г. Рачким.

† У. ѣ. въ имѣ отца и сѣна и сѣаго духа, азъ опать дрѣжиха писахъ се о лединѣ, юже да звънмиръ краль хрѣватъскъ, въ дни своѣ въ светую луцію исъшедъ. ми жупанъ десила крѣбавѣ, жупанъ въ луцѣ прѣбнебга, съ посла витослѣава в отоцѣ: да иже то порече, кльни и бо(гъ) и б(лаже)на б(о)г(ородица) и .г ѣваг(е)листи и сѣаѣ луциѣ. амнѣ. да иже сѣѣ живеть, моли за не бога, аз опат д(о)бревить зѣдахъ црѣкъвъ сию и своею братію съ деветію въ дни кѣнеза косъмѣта обладающаго въсу кѣраину. и бѣше въ тѣ дни мікула въ оточъци и в светую луцію въ едино.

Если г. Рачкій прочел вѣрно эту надпись, то мы встрѣчаем в ней замѣчательное слово *леди́на* = ст. слв. *лѣдина*, *terra inculta*, русск. *ляда*, *лядина*, полабск. *люндо*, рум. *lindin*, лит. *lida*, сканд. *linda*. Но чтенію г. Рачкаго мы не довѣряем: нам кажется, что по сходству в глаголицѣ букв *л* и *д* он ошибочно прочел *леди́на* вмѣсто *деди́на* (*дѣдина*) что дает гораздо лучшій смысл. Сомнѣваемся также в вѣрности чтенія имени луцкаго жупана *Прѣбнебга* = *Pirvanego*, *Pribinego* грамот.

В. В. Макушев.

Антонъ Будиловича. Первобытныя Славяне в ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Изслѣдованія в области лингвистической палеонтологіи Славян. Часть первая. Кіев. 1878. 8°. С. XXII + 264.

Сочиненіе, заглавіе котораго здѣсь выписано, представляет собою только начало труда, предпринятаго в об-

ширных размѣрахъ. Г. Будилович задумал охарактеризовать по данным славянскаго лексикона бытъ и понятія первобытныхъ Славянъ. Что сдѣлалъ Пикте (*Les origines Indo—Européennes*. Paris. 1850—63. I—II) для индоевропейскаго міра, то г. Будилович намѣренъ сдѣлать для славянскаго. В вышедшей первой части своего труда авторъ разсматриваетъ существительныя, относящіяся къ естествознанію. Онъ распредѣляетъ ихъ на слѣдующія шесть группъ: 1. слова относящіяся къ космографіи, метеорологіи, физики и географіи; 2. къ зоологіи, минералогіи, металлургіи; 3. къ ботаникѣ; 4. къ зоологіи; 5. къ анатоміи и физиологіи животныхъ; 6. къ медицинѣ. Каждое данное, подлежащее разсмотрѣнію слово, г. Будиловичъ приводитъ въ его русской формѣ (если такая есть), затѣмъ передаетъ его значеніе соотвѣтствующимъ латинскимъ терминомъ, опредѣляетъ возрастъ слова; дѣлаетъ замѣчанія объ этимологіи его, указывая на параллели ему въ языкахъ родственныхъ, и наконецъ приводитъ образцы слова по всемъ славянскимъ нарѣчіямъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ приводитъ, сверхъ того, изъ областнаго народнаго языка, слова по значенію синонимическія даннымъ. Въ концѣ каждой главы авторъ распредѣляетъ въ таблицахъ разсмотрѣнныя имъ слова на три категоріи: слова праславянскія, древно-славянскія и областныя. Эти таблицы представляютъ его заключительныя выводы касательно матеріала, надъ которымъ онъ работалъ.

Сказаннаго достаточно, чтобы судить о цѣляхъ г. Будиловича и о планѣ его труда. Полезность этого труда внѣ всякаго сомнѣнія. Многіе, конечно, будутъ за него благодарны автору, собравшему богатый матеріалъ по славянской лингвистической палеонтологіи и представившему его въ системѣ.

В строгомъ смыслѣ этого слова, книга г. Будиловича не столько *изслѣдованіе*, сколько систематическій сводъ лексическихъ данныхъ славянскихъ языковъ. Для этимологій словъ авторъ сдѣлалъ очень мало. Приводя ряды сопоставленій различныхъ звуковыхъ формъ даннаго слова, онъ рѣдко пользуется этими сопоставленіями для опредѣленія корня

слова и уясненія первоначальнаго значенія его. Он часто уклоняется от этимологических выводов даже там, гдѣ собранный им же матеріалъ представляетъ достаточно ручительствъ за возможность вѣроятныхъ заключеній о корнѣ слова и его значенія. Иногда онъ лишь предположительно высказываетъ то, что можно утверждать на вѣрное. Конечно, осторожное отношеніе к фактамъ лучше рѣшенія вопросовъ с плеча. Но,—нельзя не замѣтить,—г. Будиловичъ высказываетъ эту осторожность не всегда там, гдѣ она была бы уместна, и иногда забываетъ о ней в случаяхъ, гдѣ она была бы не лишнею. Онъ ставитъ иногда внѣ всякаго сомнѣнія такія объясненія и выводы, которые очень и очень могутъ быть оспариваемы.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ в доказательство сказаннаго здѣсь.

Мир—в значеніи *mundus* и *рах*, г. Будиловичъ считаетъ однимъ словомъ. Едва ли это такъ. Тождество *мир*=*рах* и *мир*=*mundus* сомнительно. Миклошичъ в своемъ словарѣ то и другое ставитъ в отдѣльную строку. И кажется это основательно: понятія спокойствія и пространства едва ли какимъ бы то ни было путемъ могутъ быть выведены одно изъ другаго. Слово *мьра* слѣдуетъ, кажется, отнести къ тому же корню, что и *мир*=*mundus*.

Чешск. *pramen*, польск. *promień* указываютъ на древнѣйшую форму *прамъ* и на корень *пар*. Будь это слово в русскомъ языкѣ, оно имѣло бы форму *поромень*, *поромя*. Корень *пар* можно с вѣроятностью отождествить с корнемъ *пал* (пламя, палить, поломя, *рломіеи*). Г. Будиловичъ оставляетъ корень этого слова безъ опредѣленія.

Зной. И здѣсь не находимъ опредѣленія корня. Безъ сомнѣнія, *зной*: *зни*=*бой*: *би* и т. п. *З* изъ *г*, поэтому отождествленіе по корню словъ *зной* и *гной* весьма вѣроятно; гнить—разрушаться, распадаться надъ вліяніемъ тепла; слав. *znoj*—*sudor*. Того же корня, что *зной*, лит. *зимч*.

Тнь. Соблазнительно сближеніе этого слова с *тъма* (*тънь*=*тъ*+*нь*, *тъма*=*тъ*+*ма*?) При словахъ *стнь*, *тънь* слѣдовало бы привести русское *за-сти-ть*.

Крѣс. „Слово это находится *вѣроятнo* в этимологическом родствѣ с *крѣсити*“ (8). Какое ж может быть в том сомнѣніе? Прибавим, что его слѣдует породнить с *крас* (крас-ьн-ый).

Сѣвер. Корень слова трудно опредѣлим. Но вѣроятнo в нем заключено понятіе о темпотѣ: косвенным указаніем на это слов. *siver-siverja schwarze Gewitterwolke* (Mikl. L. P.)

Ю. Г. Будилович приводит сопоставленія Фика (Vergl. Wörterbuch der Indogerm. Spr), но не высказывается ни в пользу, ни против их. Трудно между тѣм сомнѣваться, что в словѣ этом заключено понятіе о свѣтѣ. (Корень *у*, о котором см. Fick'a Wörterb. 2° Aufl. 24. 27).

Молнiя. По поводу этого слова г. Будилович замѣчает только, что „Фик роднит его с лит. *meldia — Blitz*“ (18). И здѣсь автор устранился от опредѣленія корня, за который, в виду соответствія ст. сл. *мльнии* и русск. *мълним* (молнiя) слѣдует принять *мар*, в значеніи разрушать, раздроблять.

Радуга. Г. Будилович думает, что слово это „заключает в своем составѣ слово *дуа*“ (19). Мнѣніе это высказано им положительно. Между тѣм оно мало вѣроятнo. Если радуга=ра+дуга, то какое значеніе имѣет этот префикс *ра* и в каком словѣ он повторяется? В—*радушіе*? Но слово это не должно быть разлагаемо на *ра+душіе*, как принимает Матценауер. Сам г. Будилович сомнѣвается в вѣрности такого разложенія и допускает, что *радушіе* быть может=*рад+душіе*. Считаем это мнѣніе рѣшительно не вѣроятным. Будь это слово сложено из *рад(ъ)* и *душіе*, мы имѣли бы его в формѣ *радодушіе*. Так слѣдует думать по аналогіи сотен других слов сходнаго состава. *Радушіе*, по нашему мнѣнію, разлагается на *рад-уш-іе*. Есть в народном языкѣ слово *радушa*, в котором суффикс *уш* является видоизмѣненіем суффикса *ух*=первоначальному *ус*; корень *рад*. *Радухa* (радушa) от *рад*, как *молодухa* от *молод*. *Радуга*=*рад+у+а*, т. е. в нем тотже корень

рад и суфикс *у-а*. Ср. бѣл-уг-а и т. п. В корнѣ *рад* заключено понятіе о свѣтѣ, блескѣ. Так можно думать на основаніи лат. *radius*—луч, *radiare*—блистать. Если это вѣрно, то *радуа* была так названа по впечатлѣнію свѣта, блеска, а не по впечатлѣнію со стороны ея формы. С теченіем времени смысл корня *рад* пришел в этом словѣ в забвеніе; случайное созвучіе *радуа* и *дуа* и возобладавшее впечатлѣніе формы вызвали в первом из этих слов отпаденіе слога *ра* (срб. *дуа*, чш. *duha*).

Приведенныя здѣсь замѣчанія относятся к первым двум десяткам страниц труда г. Будиловича. Слѣдить далѣе за автором мы не будем. Вѣроятно, книга его вызовет подробный разбор. В заключеніе нашей краткой замѣтки выразим желаніе, чтобы г. Будилович, продолжая свою несомнѣнно полезную работу, не ограничивался сопоставленіем слов по разным языкам и нарѣчіям, а пользовался этими сопоставленіями для выясненія, — гдѣ то окажется возможным, — первобытнаго значенія корней. Пока не опредѣлен корень слова и не указано его значенія, слово остается неясным, как бы случайным значком даннаго понятія. А вѣдь задачей автора было опредѣленіе, между прочим, и первичнаго мировоззрѣнія первобытных Славян.

М. К.

Подробная программа лекцій И. А. Бодуэна де Куртене (Bodouin de Courtenay) в 1876—77 учебном году. Казань, 1878.—80 С. 93.

В то время как педагогическая дѣятельность преподавателей низших и средних учебных заведеній болѣе или менѣе точно опредѣляется изданными министерством планами, программами, одобренными ученым комитетом учебниками; профессорам в дѣлѣ их преподаванія предоставлена полная свобода. Они могут читать предмет или в цѣлом его объемѣ, или извѣстную часть его; в томъ и другом случаѣ совершенно самостоятельно излагая свои воззрѣ-

нiя на факты их науки, или выбирая из многих мнѣнiй по данному вопросу, высказанных другими учеными, то, которое они признают за наиболѣе вѣрное или вѣроятное. Так было, так есть и так, без всякаго сомнѣнiя, будет, потому что так быть должно. Никакая определенная регламентация в дѣлѣ университетскаго преподанiя не мыслима. Можно требовать от профессора, чтоб он на ряду с общим курсом читал специальный, или наоборот; но нельзя, без вреда дѣлу, обязать его излагать предмет или отдѣл предмета в такой то, а не в иной системѣ; еще менѣе можно требовать от него такого а не иного освѣщенiя фактов. Так как каждый профессор есть, в большей или меньшей степени, специалист по данному предмету, то естественно, что каждый имѣет свою систему чтенiй и свои взгляды на частности преподаваемой им науки. Эта разность в системѣ и воззрѣнiях разных ученых, занимающих одну и ту же кафедру, может быть иногда на столько велика, что свѣдѣнiя по данному предмету двух лиц, выслушавших курсы в разных университетах, могут сильно различаться и количественно и качественно. Как именно, чѣм именно различаются по университетам чтенiя одних и тѣх же предметов,—это остается, к сожалѣнiю, совершенно неизвѣстным публикѣ. Газеты и журналы ничего не сообщают о ходѣ университетскаго преподаванiя; из отчетов Министра Народнаго Просвѣщенiя публика узнает преимущественно о научной дѣятельности профессоров; из университетских изданiй видно лишь то, какiя лица занимают какiя кафедры. Между тѣм нѣтъ сомнѣнiя, что всѣ интересующiеся судьбою русской науки желали бы имѣть свѣдѣнiя не только о том, *кто* и *что* читает в университетѣ, но и о том, *как* читает. Было бы поэтому весьма желательно, чтобы в университетских изданiях появлялись время от времени, если уж не каждый год, болѣе или менѣе подробныя программы профессорских чтенiй ¹⁾. Пусть

¹⁾ Варшавскiй Университет печаталъ въ своихъ Извѣстiяхъ ежегодно программы профессоров по каждой кафедрѣ.

эти программы и не отличаются большими подробностями, лишь бы онѣ не были безличны. Если, самыми краткими намеками, онѣ дадут хотя приблизительное понятіе о преподавательской дѣятельности профессоров, об особенностях их научных взглядов, о принятой ими системѣ чтенія, — обнародованіе их принесет несомнѣнную пользу и для публики и для самих представителей университетской науки: для послѣдних онѣ могли бы послужить средством взаимнаго обмѣна мыслей и взглядов.

Повод по всему сказанному дала программа пр. Бодуэна де Куртенэ. Программа эта представляет собою цѣлую книжку. Она дает понятіе о характерѣ чтеній этого профессора, об особенностях его научных взглядов и, сверх того, представляет свод библиографических данных по предметам, которые преподает он. (Сравнительное языковеденіе, русская грамматика, старо-славянская грамматика, Санскрит). Эти указанія, без сомнѣнія, пригодятся многим. Но, не можем не замѣтить, для нас не всегда ясно, с какою цѣлью автор дѣлал их. В одних случаях он, по видимому, желал обозначить только тѣ научные труды, которые представляют большее или меньшее научное значеніе; в других он, как кажется, заботился только о полнотѣ списка. Оттого в разных отдѣлах программы г. Бодуэна де Куртенэ замѣчается неравномѣрность библиографических перечней: то указываются мелочи, не стоящія вниманія; то опускаются явленія, не лишеныя значенія. Иногда и в одном и том же отдѣлѣ он упоминает о ничтожных статейкахъ, не упоминая о болѣе важных трудах, касающихся тѣх же вопросов; или на ряду с важными и очень важными сочиненіями отмѣчает без всякой оговорки сочиненія, лишеныя всякаго научнаго значенія. Странно поражает напр. сосѣдство Гумбольта (*Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues*) и Кудасевича (*Próbki filozofii mowy*), Штейнталя (*Zur Physiologie der Sprachlaute*) и Славинскаго (*O prawach bu-*

К сожалѣнію, этот полезный обычай оставлен уже нѣсколько лѣтъ.

dowu zgłosek) и т. п. Если бы г. Бодуэнъ де Куртенэ отмѣтил во всѣхъ отдѣлахъ своей программы на ряду с крупнымъ и важнымъ мелочное и неважное, объемъ его книги увеличился бы по крайней мѣрѣ втрое. Но заботиться а полнотѣ библиографическихъ указаній в программѣ университетскихъ чтеній, мы думаем, нѣтъ нужды. Совершенно достаточно, если составитель ея обозначитъ лишь тѣ научныя труды, которые имѣютъ руководящее значеніе, и тѣ, положенія которыхъ стоятъ быть оспариваемы. Нелишнее упомянуть и о тѣхъ трудахъ, которые, потерявъ теперь свое значеніе, имѣли его в свое время. Полезно было бы такія указанія не пришивать, такъ сказать, къ тексту программы, а вводить ихъ в него органически. У г. Бодуэна де Куртенэ библиографическія данныя стоятъ особнякомъ отъ его программы. За исключеніемъ нѣкоторыхъ, темныхъ сочиненій, отмѣчаемыхъ имъ звѣздочкой, — знакъ что они считаются в данномъ отдѣлѣ предмета наиболѣе важными, — авторъ и упоминаемымъ имъ трудамъ ничѣмъ не выказываетъ своего отношенія.

Собственно — программа г. Бодуэна де Куртенэ составлена весьма обстоятельно, подробно и точно; рубрики слѣдуютъ одна за другой и примыкаютъ одна къ другой в строгой системѣ. С подробностью обозначенія содержанія предмета в ней соединяется опредѣленная краткость выраженія. Многіе представляемые программой намеки на научное пониманіе авторомъ явленій языка сильно заинтересовываютъ читателя и заставляютъ желать, чтобы г. Бодуэнъ де Куртенэ издалъ хотя часть своихъ курсовъ.

М. К.

Малорусскія народныя преданія и разсказы. Свод Михаила Драгоманова. Изданіе юго-западнаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. (Кіев. 1876. 8°. С. XXV + 434).

Изданіе весьма интересное и цѣнное какъ со стороны содержанія такъ и языка. Фонетическій принципъ правописа-

нія в нем выдержан большею частью строго. Между различными и многочисленными изданиями памятников малорусского народного творчества, эта книга является наиболее надежным источником при изучении особенностей малорусского нарѣчія. Нельзя не пожалѣть только, что не всегда обозначена в сборникѣ мѣстность, к которой относится данный рассказ или данное преданіе. Вслѣдствіе этого читатель, встрѣчая иногда интересную фонетическую черту, остается в неизвѣстности касательно того, какому говору принадлежит она.

Большая часть помѣщенного в книгѣ матеріала является в печати в первый раз. Перепечатаны в ней рассказы и сказки лишь „из таких изданій, которыми пользоваться весьма затруднительно, особенно в Россіи.“ Так вошли в сборник г. Драгоманова важнѣйшіе из рассказов, помѣщенных Забальком в „Правдѣ“ 1874 — 75 г. и большая часть сказок, находящихся в книжкѣ Игнатія з Ніклович, напечатанной во Львовѣ 1861.

Богатый матеріал, которым располагали издатели, сведен ими в систему и размѣщен в книгѣ по слѣдующим тринадцати отдѣлам:

I. Представленія и рассказы о явленіях природы и изобрѣтеніях.

II. Примѣты и повѣрья.

III. Знахарство, молитвы, заговоры и пародіи их.

IV. Вѣрованія и рассказы о чертях.

V. Рассказы о мертвецах.

VI. Вѣрованія и рассказы о людях с чудесною силою.

VII. О кладах.

VIII. Рассказы о церковных лицах и явленіях.

IX. О явленіях жизни семейной и общественной.

X. Преданія о лицах и явленіях политических.

XI. Преданія о мѣстностях.

XII. Былины.

XIII. Сказки фантастическія, игра слов и остроумія.

Нельзя признать, чтобы установленіе таких отдѣлов, проявляло собою строгую систематизацію матеріала. Сход-

ное разнесено нерѣдко по разным отдѣлам, а несходное, наоборот, иногда соединено в один. Особенно странно соединеніе в послѣднем отдѣлѣ сказок („фантастических“) и „игры слов, остроумія.“ Г. Драгоманов говорит в предисловіи к сборнику, что „матеріал этого отдѣла представляет ничто иное как народное искусство с цѣлью часто эстетическою“ (XXII). В этом убѣждает его то обстоятельство, что „калейдоскопически переставляются подробности одной сказки в другую“ (ib.), что онѣ „комбинируются в новыя сказки, единственно по прихоти фантазіи и для развлеченія слушателей“ (ib). Странно в наше время слышать такое утвержденіе. Мотивы сказок перебиваются и переплетаются, многія подробности забываются, являются новыя черты на мѣсто старых; вообще, с теченіем времени, непрерывно совершается измѣненіе и порча народно-поэтических сказаній. Все это несомнѣнно, но несомнѣнно и то, что в этих измѣненіях, в этой порчѣ матеріала, завѣщаннаго народу праѣдами, вовсе не участвуют намѣреніе и произвол. Измѣняется и искажается не только сказка, но и тѣ народно-поэтическія сказанія, которыя существуют в размѣренной формѣ стиха. Причина измѣненій — устная передача, от поколѣнія к поколѣнію, поэтическаго матеріала и невольное забвеніе народом нѣкоторых (иногда многих) его частныхъ, а как слѣдствіе этого забвенія — смѣшеніе лиц, событій, мотивов, в древности не имѣвших между собою ничего общаго. Трудная задача науки относительно народных произведеній в том и состоит, чтоб отдѣлить в них приросты и наросты от настоящаго ядра, и, возстановляя, таким образом, основные мотивы, опредѣлять первичное значеніе их. Пришлось бы отказаться от такой задачи и не смотрѣть на сказки, как на научный матеріал, еслибы допустить, что в них совершаются измѣненія, „по прихоти фантазіи и для развлеченія слушателей.“ Как ни спутано содержаніе нѣкоторых сказок, помѣщенных в XIII отдѣлѣ настоящаго сборника, в них нерѣдко просвѣчивают еще довольно ярко основные мотивы, очевидно восходящіе ко временам отдаленнѣйшей мифической древности. Ничѣм поэтому не о-

правдывается соединеніе их в один разряд с шутливыми народными рассказами, остротами, прибаутками, замысловатыми „задачами“ и т. п., матеріалом послѣдняго, ближайшаго к нам времени, а иногда и наших дней.

Указывая на неудовлетворительность системы в рас-предѣленіи матеріала, приведенныя рубрики указывают в тоже время на богатство его. Для характеристики народнаго малорусскаго міровоззрѣнія, как в его настоящем так и в отдаленном прошлом, сборник г. Драгоманова дает многое. Приведем для примѣра из этого многаго нѣкоторыя данныя, характеризующія народныя взгляды на сверхчувственные и чувственные явленія, на лица и событія.

О сотвореніи міра у малорусов хранятся дуалистическія представленія, по всей вѣроятности, как то и допускают издатели, богомильскаго происхожденія. Мір творят собща Бог и Сатанаил. См. Отд. VIII, N 1, стр. 89. Такое дуалистическое воззрѣніе на созданіе міра, как извѣстно, было не чуждо и древней Руси. (См. рассказ о волхвах у Нестора под 1071 г.).

Грѣхопаденіе первых людей объясняется неодинаково. См. Отд. VIII, N 2, стр. 91 и Отд. I, N 1, стр. 1. Послѣдній рассказ близок к великорусскому рассказу о том же. См. Истор. Очерки Буслаева I, 438.

Преданіе о *потопѣ*, Отд. VIII, N 7, стр. 95, также сходно с апокрифической великорусской легендой. См. ib. 439. В корабль Ноя не захотѣл, по малорусскому рассказу, войти, „Ідеи тільки сильний птах, носорожець.“ Бог наказал его за гордость; он погиб: „І с того часу пропали носорожци с коріням и пасіням.“ По другому рассказу, Ной взял себи в ковчег всяких звѣрей и птиц, но, почему то, не взял сокола (Отд. VIII, N 6, стр. 95).

Святые имѣют своих любимцев между народами: Св. Николай стоит за Великорусов, а Св. Юрій — за Малорусов. (IX, 37, 194).

Черт выступает во многих рассказах и рисуется весьма опредѣленно. На ряду с вышеупомянутым дуалистическим преданіем, по которому сатанаил принимает участіе

в созданіи міра, есть у Малорусов другое, относящее появленіе чертей ко времени пребыванія Адама в раю и объясняющее сотвореніе их чистою случайностью (VIII, 2, 91). Почти во всѣхъ разсказахъ черти представляются существами матеріальными. Они смертны (IV, 1, 42). Ихъ поѣдаютъ волки (ib. 43—4) и убиваетъ (хотя и не всегда) гром (ib.). Еслибъ не гром и волки, чертей было бы несравненно больше: они плодущи (ib.). Убитый чертъ разливается смолою (ib.). Возможна связь между чертомъ и женщиной и бываетъ приплодъ отъ этой связи (ib. 17, 50). Черта можно вскормить (ѣст только несоленныя клѣцки), и онъ будетъ полезенъ въ хозяйствѣ; только передъ смертію непременно слѣдуетъ его кому нибудь отдать, „бо буде мучити такъ, що все не милии зробиться“ (ib. 28, 57). Люди иногда проявляютъ сожалѣніе къ чертямъ (ib. 34, 59). Черти способны къ благодарности (ib.). Мать черта отличается справедливостію (ib. 16, 49). Черти могутъ принимать на себя различные образы. Они являютъся въ видѣ челоуѣка — взрослога и ребенка, борзой собаки, ко-та, тучи, клубка, бузины (стр. 44—48). Чертовка принимаетъ видъ жабы (IV, 15, 49). Черти не всевѣдущи, и ихъ можно надувать (43, 55). Очевидно изъ приведенныхъ указаній, что черти, по народному воззрѣнію, не являютъся какъ страшная сила, какъ могучія злобныя существа. Это существа мелочно зловредныя, шаловливыя, пакостящія челоуѣку при случаѣ. Такими нерѣдко представляются они и въ древне-русскихъ памятникахъ. Въ житіи Феодосія, написанномъ Несторомъ, разсказывается о бѣсахъ, что они въ монастырѣ „овогда муку разсыпающе, овогда квась разливаху“ (Чтенія 1858 N 3). Въ лѣтописи Нестора говорится о нихъ, что они „не вѣдять мысли челоуѣческія.. суть бо они немощни и худы взоромъ.“ (П. С. Р. Д. I, 2 изд. С. 174). Образъ черта, какъ онъ рисуется въ многихъ народныхъ разсказахъ, безъ всякаго сомнѣнія, сформировался, совершенно независимо отъ Библіи и Евангелія, на основѣ древнихъ языческихъ народныхъ представленій. На черта русской народной поэзіи перенесено многое съ мифологическихъ и сказочныхъ существъ.

Народъ вѣритъ въ *упирей* и *вѣдьмъ*. Средство противъ упи-

ря (V, 3, 65). Средство узнать вѣдму (VI, 8 — 9, 70). Вѣдмы имѣют своего пѣтуха, который поет раньше всѣх других (ib. 8). Вѣдмы прячут зорю (ib. 3, 68). Скворода дѣлает от них человѣка невидимым (ib. 72, 395).

„Все на свѣтѣ язык свѣй має“ (ib. 20, 75). Есть люди, которые понимают *язык животных* (ib. Ср. I, 3, 5).

Смерть представляется существом матеріальным (С. 120—23).

Жизнь даннаго человѣка может быть увеличена на счет жизни другаго человѣка: Соломону назначено было жить только три года, но одна столѣтняя старуха, которой суждено было жить еще сто лѣтъ, удѣлила ему часть своей жизни (VIII. 12. 100).

Опредѣленія *рока, судьбы* не отвратимы; сам Бог не измѣняет их (VIII, 18, 112, ср. ib. 19, 20).

Доля опредѣляется человѣку при рожденіи (VIII, 21, 123. Ср. чешскую сказку о Дѣдѣ Всевѣдѣ и великорусскую о Маркѣ богатом. Ск. Аф.). Доля каждаго человѣка имѣет свое опредѣленное занятіе: у одного — это существо, занятое земледѣльческим трудом, у другаго — торговлею. Человѣкъ имѣет успѣхъ в дѣлахъ лишь тогда, когда его занятія сойдутся с занятіями его доли (IX, 19, 182).—Счастье (доля) имѣет опредѣленное мѣстопребываніе. Человѣкъ успѣвает во всем, если поселяется там, гдѣ живет его счастье (С. 410—13).

Силу можно передать, подарить перед смертью: „час мені померати, говорит богатыр, дарю я своему сыну своего копя, цѣго лева і свою силу“ (XIII. 14. 299).

Былые годы, отдаленное *прошлое* представляется обыкновенно народу как время болѣе счастливое сравнительно с настоящим. Такое представленіе однако не исключительное. Есть и обратное: „колись людім дуже погано було жити, ще гірш як тепер“ (IX. 3. 170).

Воспоминаній об отдаленной южно-русской старинѣ у Малорусов, как извѣстно, почти не сохранилось. Событія южной Руси до татарскаго періода ими забыты. Былин

владимірова цикла у них нѣт. Есть однако и у Малорусов отголоски кievской старины: сказаніе о Михайлѣ и золотыхъ воротахъ (в настоящемъ сборникѣ варьянт—XII. 3. 249), сказка о Коридѣ Кожемякѣ, который в сборникѣ Драгоманова является под именем *Ильи Швеца* (ib. 1. 248). К этимъ давно уже извѣстнымъ остаткамъ старины теперь прибавляется еще нѣсколько намековъ на нее. О князѣ *Владимирѣ* сохранилось слѣдующее отрывочное преданіе: „Князь Володимер був царь на весь свѣт. У его была хороша жінка. Як іде було з нею на возі да усе озирается на еї да любується да милується, то геть коні зараз і звернуть з дороги да и покривлять її“ (X. 2. 198). Эта прекрасная жена Владиміра — вѣроятно былевая Опраксія. К отголоскамъ кievской старины слѣдуетъ отнести и преданіе о *Бунякѣ*: „...„якись лицарь, звався він шолудивий Буняка“ (X. 5. 224). Хан половецкій Боняк и в лѣтописи называется шелудивымъ („приде второе Боняк безбожний, шелудивый“ Лавр. л. под 1096 г. Тоже и в Ип. лѣт. Изд. 2. стр. 162). По одному разсказу Буняка является людодѣдомъ; был он „навет і тілом не такій, як повинно бути людині:“ печенки и лёгкое у него помѣщались не внутри, а свѣрх тѣла, за плечами. (Стр. 324. Сходно с этимъ рисуется черт: „він може зробитися чоловіком, тільки взаду кишки висять“ IV. 2. 42). По другому разсказу, Буняк „ворожбит, Татарин“ (Стр. 225).

Татарскіе набѣги еще помнятся народом. Он сохранил представленія о тревожной жизни того времени (X. 4. 199).

Мазена является в народныхъ разсказахъ с эпитетомъ „проклятаго“ (X. II. 202). *Палій* рисуется народнымъ героемъ, богатыремъ. Он и коня выбираетъ себѣ какъ сказочные и былевые богатыри (ib. 203). Он был „знатикъ“ (чародѣй), „тіки по божому“ (Есть и вѣдьмы „на добре и на зле“ VI. 17. 74).

Былин у Малорусов нѣт. То, что названо в сборникѣ Драгоманова этимъ именемъ, — ничто иное какъ прозаическія,

по формѣ, сказки и преданія о богатырях. Из них два названы по имени (Илья швец и Михайло), третій безыменный. О послѣднем рассказывается, что он был простым человѣком; работал на полѣ, как и другіе, пока не явился к нему предназначенный ему конь: „вонн (богатыри) без коня нічого“ (XII. 4. 251).

Малорусскія сказки, — со стороны стройности разсказа, выдержанности основнаго мотива, — стоят много ниже великорусских (Ср. сказки сборника Рудченко с соотвѣтствующими сборника Афанасьева). Искаженіями, спутанностью мотивов и безсвязностью изложенія отличаются и нѣкоторыя из сказок пастоящаго сборника (См. напр. в Отд. XIII. N. 24). Но есть между ними и такія, которыя представляют собою не безинтересные варьянты к русским сказкам, напечатанным ранѣе.

М. К.

Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, собраныя П. С. Ефименком. Часть 2. Народная словесность. (Труды этнографическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при московском университетѣ. Книга V. Выпуск второй) Москва. 1878. (4^о стр. X+276).

Запимающійся изученіем данных народной русской словесности должен теперь заглядывать в изданія обществ любителей естествознанія: время от времени в этих изданіях появляется народно-поэтическій матеріал. В 1873 г. казанское общество естествоиспытателей напечатало в приложеніях к своим протоколам Святочные пѣсни, игры и гаданія казанской губерніи, — сборник составленный Можаровским (8^о. Стр. XI+114.) Московское общество естествоиспытателей не раз уже в приложеніях к протоколам этнографическаго отдѣленія печатало матеріалы по народной поэзіи. В нынѣшнем году это общество издало сборник, заглавіе котораго выше выписано. Появленіе таких сборни-

ков в изданіях общества естествоиспытателей на первый взгляд может показаться странным. Оно объясняется тѣм, что в обществах этих существуют этнографическіе отдѣлы. Можетъ быть, отдѣлы эти слишком широко поняли свою задачу, вводя в предмет своего изученія народное творчество (имѣя, слѣдовательно, цѣлью опредѣлить особенности племени не внѣшними только его признаками, но и проявленіями его духовной жизни); тѣм не менѣе, интересующемуся данными народной поэзіи остается только благодарить отдѣлы, способствующіе к накопленію и изученію этих данных.

Сборник московскаго этнографическаго отдѣла составлен г. Ефименком. В первом выпускѣ его, вышедшем в прошлом 1877 году, описан внѣшній и внутренней бытъ русскаго населенія архангельской губ.; во втором, настоящем, помѣщены: биллыны, духовные стихи, пѣсни, игры, заговоры, сказки, пословицы и словарь мѣстных слов. Сборник, слѣд., богат разнообразным матеріалом. Из предисловія к нему видно, что в рукописи г. Ефименко были, сверх того, замѣтки об особенностях архангельскаго говора. Онѣ не напечатаны, „как не дающія особенно новых свѣдѣній против имѣющихся в предисловіи к словарю Даля.“ Не знаем, что редакція изданія считает „особенно“ новым и „особенно“ важным; но думаем, что она должна была напечатать замѣтки составителя сборника, предоставивъ специалистамъ судить о том, на сколько заключающіяся в них данныя имѣютъ научнаго значенія для характеристики архангельскаго говора. Весьма возможно, что многое, показавшееся редакціи *неособенно* важным, оказались бы в глазахъ лицъ, ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ, очень важнымъ. Даже из словаря не слѣдовало исключать *всего* того, что есть у Даля и в словаряхъ Академіи: для науки не безразлично географическое распредѣленіе слов: если в существующихъ словаряхъ данное слово показано, как принадлежность юга или запада, а оно по новымъ наблюденіямъ окажется в употребленіи на сѣверѣ или востокѣ, ему слѣдуетъ дать мѣсто в новомъ словарномъ сборникѣ, хотя бы оно и употреблялось на сѣверѣ или востокѣ съ тѣмъ же зна-

ченіем, что и на югъ или западъ. Поэтому быть может и напрасно издатели сдѣлали тѣ значительныя сокращенія въ словарь г. Ефоименка, о которых они заявляют в предисловіи к изданію. Об устраненіи замѣтки об архангельском говорѣ слѣдует пожалѣть тѣм болѣе, что текст напечатаннаго матеріала почти ничего не дает для характеристики этого говора. Вина ли в том записывателей или издателей (быть может нивелировавших язык матеріала)—остается неизвѣстным. Так или иначе, а многое, без сомнѣнія, пропало для науки о русском языкѣ из того, что мог бы внести в нее сборник, о котором идет рѣчь.

Что до содержанія сборника, то он представляет много интереснаго матеріала. Особеннаго вниманія в нем заслуживают отдѣлы былин и заговоров. Из заговоров нѣкоторые отличаются замѣчательною полнотою, представляя при том не сухія молитвенныя формулы, а эпическую свѣжесть и картинную изобразительность. Таков, напр., заговор на отпуск скота. (Ср. заговор на то же в Великорусских заклинаніях Л. Майкова С. 114. 122., в Пѣснях Рыбникова IV. 262—5 и в Замѣтках о языкѣ и народной поэзіи Колосова 183—186).

Былин в сборникѣ помѣщено 10. Из них одна, под названіем „Еленинскій стих“—в отдѣлѣ духовных стихов. В стихѣ этом рассказывается извѣстная продѣлка Опраксіи с атаманом калик Михайлом. Кромѣ Михайла в значеніи старших калик, по этой былинѣ, являются Касьян и Дунай. Владимір, встрѣтившись с каликами, привѣтствует их всѣх вообще и названных трех лиц в частности. В остальных былинах воспѣваются Илья, Добрыня, Алеша, Дюк, Иван Годенов и Дунай. Былинам предпослана в сборникѣ статья о них г. Квашнина-Самарина. Между изслѣдователями русскаго богатырскаго эпоса г. Квашнин-Самарин отличается тѣм, что он стремится свести богатырскія личности не к мифической, а к исторической основѣ. Настоящая статья его отличается тѣм же направленіем, что и предшествующія. (Бесѣда N. 4 й 1871 г., Русскій Вѣстник 1874. NN. 9 и 10). В Ильѣ он видит лѣтописнаго Рагдая, в

Добрынь (совершенно, по нашему мнѣнію, неосновательно) — Андриха Добрянковича и т. д. Многія его сближенія остроумны и вѣроятны, другія — натянуты и невѣроятны. Он увлекается иногда своими историческими сближеніями по столько же, по скольку нѣкоторые другіе изслѣдователи сближеніями мифическими...

Первая былина сборника посвящена Добрынь. Он является в ней сыном Никиты Романовича, рязанскаго гостя. Живет в Рязани, куда пріѣзжает нарочно Илья, чтоб познакомиться и „потягаться“ с ним. В схваткѣ этих двух богатырей Добрыня остается побѣдителем, благодаря не силѣ своей, а ловкости. Узнав с кѣм имѣет дѣло, он просит у Ильи прощенія, и богатыри братаются. О Владимірѣ в былинѣ ни слова. Поэтому г. Квашиин-Симарин считает былинку принадлежащею суздальскому циклу. По его мнѣнію, рязанскій Добрыня замѣняет в кіевском эпосѣ древнѣйшаго богатыря Андриха Добрянковича. Считаю болѣе вѣроятным мнѣніе тѣх, которые в былевом Добрынь видят историческое лицо, являющееся по лѣтописи дядей Владиміра. Не простою же случайностью слѣдует объяснять то, что из богатырей кіевскаго цикла народный эпос роднит Владиміра именно с Добрынею, сохраняя при том между ними ту же степень родства, на какую указывают лѣтописи, только превращая дядю в племянника, а племянника в дядю.

Вторая былина — про Владимірову свадьбу не представляет ничего новаго. Это извѣстный рассказ о том, как Дунай сватал за князя Опраксію.

Третья былина посвящена Ивану Годиновичу. И в ней нового почти ничего нѣтъ. Невѣста Ивана называется Овдотьей. Соперник его — „царище Вахрамееще.“ Овдотья помогает послѣднему одолѣть Ивана и совѣтует не убивать его, а *опутать в опутыни* (=опутыны) *шелковыя* (ср. в Словѣ о полку Игоревѣ: „а самую опутоша в путны желѣзныи“). Послѣ смерти Вахрамея, она пытается отсѣчь Ивану саблей голову, но дѣлает промах и пересѣкает его пути шелковыя.

Ничего замѣчательнаго не представляет и третья былина—о Дюкѣ. Илья Муромец, как и в других варьянтах, является сторонником Дюка. Мать Дюка посылает Ильѣ в подарок „сапожки-обродочки.“

Тому же богатырю посвящена в сборникѣ еще одна былина—N. IX. В ней, сравнительно с другими варьянтами, ново лишь то, что в скаканьи через рѣку состязаются с Дюком Илья, Добрыня и Алеша, которые и гибнут в этом состязаніи. Эта постановка на мѣсто Чурилы трех главных богатырей, по нашему мнѣнію, может быть объяснена только искаженіем первоначальнаго текста былины. Вообще эта былина сборника, по ходу разсказа, далеко не принадлежит к числу лучших. Быть может и церковь *Дюковой матушки*—искаженіе. Если же не так, то смысл этого выраженія может быть тот, что церковь *принадлежит* матери Дюка, что это *ея* церковь, а не тот, что церковь эта посвящена ей, как другія двѣ—Спасу и Богородицѣ¹⁾. Божественное происхожденіе Дюка, допускаемое г. Квашниным-Самариным; сомнительно. В былинах о нем нѣтъ таких мифических черт, которыя связывались бы с его образом и его дѣятельностью. Смысл этих былин—признаніе превосходства чужаго над своим, по крайней мѣрѣ со стороны виѣшней. Представленіе о богатствѣ чужеземном могло сложиться в русском народѣ под вліяніем разсказов бывалых людей—воинов и паломников.

Четвертая былина—о первой поѣздкѣ Ильи, о его поѣздѣ над Соловьем и о пріѣздѣ его в Кіев. Концем своим былина эта рѣзко разнится от других варьянтов: Илья не убивает Соловья, а берет за него выкуп и отпускает его:

Берет Осударь Илья Муромец злата серебра,
Первую ношу кладет во Божью церковь,

¹⁾ В текстѣ былины стоит *матушка*, слѣд. дат., а не род. падеж, но род. в архангельском говорѣ, как и в нѣкоторых других, употребляется и в формѣ дательнаго, равно и наоборот.

Другую сиротам православным,
Третью во красен Киев град,
Выпускает Соловешка Рахманова,
Берет с него роту великую:
„Не сидѣть то тебѣ на семи дубах.“
Пошел Соловешко Рахманович,
Пошел к своему широку двору.

Пятая былина—про Василья Окульева. Это переданная былевым стихом одна из сказок о Соломонѣ (Ср. Лѣтописи Тихонравова. Т. IV). Василій Окулович — тот царь, который похищает жену Соломона.

В Цереградѣ служил Соломон царь,
В Новѣградѣ служил прекрасный царь Окулович.

Цари служат. В 4-й былинѣ мужики города Чиженца, освобожденные Ильей от невѣрной силы, говорят ему;

Земли русской сильный богатырь!
Поди к нам,—хоть царем служи,
Хоть королем слыви..

Хотя Василій „служит“ в Новгородѣ, но из дальнѣйшаго хода былины, оказывается, что земля, которой правит он, есть земля невѣрная. Ей, с столицею Новгород, противопологается русская земля с столицею Царьград. Василій Пустоволосович (посланец Василья Окуловича) отплывает с похищенною им женой Соломона от Царьграда. По этому поводу былина замѣчает:

И русска земля потаилася,
А невѣрна земля возвременилася.

Т. е. русская земля, гдѣ жил Соломон, скрылась из виду, а невѣрная земля, гдѣ жил Василій Окулович, стала приближаться.

Седьмая былина — лучшая из всѣх и безотносительно весьма цѣнная. Она интересна не только со стороны представляемаго ею содержания, но и по силѣ поэтической образительности. Заголовок ея—„Старина про Алешу Поповича“—невѣрен. Лишь часть ея, менѣе половины, посвя-

щена этому богатырю; другая часть воспѣвает Илью Муромца. Это двѣ былины, слитыя пѣвцем в одно цѣлое. Первая говорит о прїѣздѣ Алеши в Кіев, вторая изображает бой Ильи с сыном.

Первая былина по содержанию нова. Алеша, сын попа ростовскаго собирается с дружиной стрѣлять гусей—бѣлых лебедей. Отец дает

Своему чаду милому

Благословенье с буйной головы до рѣзвых ног.

Алеша и дружина его, садясь на коней, коням „приговаривают:“

Уж ты конь, ты конь, лошадь добрая!
Не оставь ты, конь, во чистом полѣ
Сѣрым волкам на разтерзанье,
Черным воронам на възграенье,
А сильным поленицам на восхваленье!“

По видимому, это обращеніе к коню имѣет значеніе заговора. На розстані Алеша задумывается — ѣхать ли ему с дружиною на тихія заводи к синю морю, или в Кіев, или в Чернигов. Дружина не совѣтует ѣхать в Чернигов, а указывает на Кіев. Эти два города противоплагаются один другому: первый рисуется как город приманок, соблазнительных развлеченій; второй—как мѣсто святости. Алеша слѣдует совѣту дружины и направляется к Кіеву. Оказывается, что стальной город осажден ратьею Василья Прекраснаго. Алеша освобождает Кіев. Холодно принятый Владиміром, он удаляется из города. Князь, по совѣту Ильи, посылает за ним Добрыню. Алеша, убѣжденный этим богатырем, возвращается в Кіев с дружиною:

Не ясен сокол по воздуху спускается,
А удалы добры молодцы
Со своих коней соскакивают.

Происходит пир, за которым заключается побратимство между Ильей Добрынем и Алешой. Владимір хочет наградить послѣдняго городами с пригородками, селами со приселка-

ми и золотой казной; по Алеша требует себѣ в награду свободного доступа в кабаки и трактиры. По другим вариантам Алешѣ не приписывается склонности к гульбѣ и пьянству. Кажется, в данном случаѣ на него перенесена черта другаго богатыря, быть может Потока. Переход к слѣдующей былинѣ дѣлает пѣвец так. Когда Алеша нагулялся, он вмѣстѣ с другими богатырями отправляется „водалече чисто поле.“ Стоя в этом полѣ, Илья усматривает заѣзжую поленицу ¹⁾. Она играет палицей тридцати пудов. „Занятно“ это старому показалось. Наконец посылает он Алешу узнать, кто такой заѣзжій богатырь. Алеша бойко насккивает на поленицу; но она выбивает его из сѣдла и, замѣтив ему, что он „силой не силен, да напуском смѣл,“ отсылает его к Ильѣ, с которым ей хочется „попозваниться.“ Илья посылает к поленицѣ Добрыню. С свойственным ему вѣжеством, этот богатырь обращается к поленицѣ с вопросами, но она объявляет ему, что хочет видѣть самаго Илью. Добрыня поворачивает назад. Он видимо сильно взволнован и спѣшит передать Ильѣ то, что видѣл и слышал.

И *неподъдучи* старому рассказывал. Илья отправляется, побѣждает паляницу и уже

Хочет пороть ей груди бѣлыя

Хочет смотрѣть ретиво сердце

(вѣроятно, бытовая черта варварскаго времени); но—он был „на бѣлы груди упадчивый,“ и дѣло кончается тѣм, что побѣдитель и побѣжденная мирно отправляются ко бѣлу шатру, гдѣ

...пли бѣли они кушали,

И сами двоима забавлялися,

¹⁾ Г. Квашини-Самарин думает, что *паленица* происходит от *палить* и что слово это первоначально было эпитетом какойнибудь богини, всего скорѣе Симарглы-молнии (стр. 6). Вѣроятнѣе не раз уже высказанное мнѣніе, что *паленица* вм. *поленица* (спорадическіе случаи смѣны *о* на *а* есть на сѣверѣ), а послѣднее от *поле*; ср. былевое *поляковать*.

И тайными словами занимались,
И ночи по три они проспали.

Поленица „понесла“ от Ильи. Богатырь дружески с нею разстался, и она поѣхала ко синю морю, гдѣ и родила сына, котораго назвала Подсокольником. Что Илья имѣл сына, это было пзвѣстно и раньше; но с кѣм и как он прижил его, это теперь только открывается. Мать его была—поленица удалая; живет она гдѣ то (по миѣнью г. Квашнина-Самарина в Хазаріи) у синяго моря. Сошлась она с Ильей полюбовно. В ней нѣтъ озлобленія против этого богатыря. Но сын возненавидѣл отца с ранних лѣтъ. Причиной ненависти былина выставляет то обстоятельство, что Подсокольник, как случайный, незаконный приплод увлеченія своих родителей, должен был сносить в дѣтствѣ укоризны от своих сверстников. Очевидно, что это объясненіе поздняго времени. В ту далекую пору, когда сложилось в основѣ это сказаніе, вѣроятно еще не было брака, а потому и не могли существовать представленія о законном и незаконном рожденіи. Можно думать, что сходныя преданія родственных народов, по которым сын и отец сталкиваются враждебно, *не зная* друг друга,—древнѣе нашей былины об Ильѣ и его сынѣ, по всѣм варьянтам которой сын сознательно пытается совершить отцеубійство. По былинѣ сборника Ефименко, Подсокольник, раньше чѣм убить отца, убивает мать. Мотивы этого матереубійства невыяснены.

Восьмая былина посвящена также Ильѣ Муромцу. Она, подобно предыдущей, отличается стройностью и поэтической изобразительностью. Конец ея существует и как отдѣльная былина. В нем рассказывается об извѣстной похвальбѣ богатырей и о ея послѣдствіях. Развязка нѣсколько иная, чѣм в извѣстных варьянтах: богатыри раскаиваются в своей похвальбѣ, и обступившая их сила, исчезает; они возвращаются в Кіев и там умирают в пещерах. Разсказ этот органически связан с главным содержанием былины, представляющим варьянт к извѣстной былинѣ о царѣ Калинѣ. Мѣсто Калина заступает Мамай, который вмѣстѣ

с сыном своим Васильем Прекрасным (=Василью Окуловичу) обложил Киев несмѣтною силою. Требованиями и угрозами Мамай, присланными в Киев, смущен не только князь Владимір, но даже и Илья:

И начал стырый читать (ярык) скоро на скоро,
Сам читал, а головушкой покачивал,
Даже горючи слезы покаталися,

Но Илья не потерялся, как Владимір. Он собирает богатырей и побивает вражескую силу. Картиною изображает былина боевой запал Ильи:

И добрался до своего добра коня,
Скоро старый на коня вскочил,
И затрубил старый во турій рог,
И сомутились у стараго очи ясныя,
И разгорѣлось у стараго ретиво сердце;
Не увидѣл старый свѣту бѣлаго,
Не узнал старый ночи темныя,
И расходились у него плечи могучія,
И размахнулись руки бѣлыя,
И засвистѣла у его палица боевая,
И зачихала его сабелька острая.

Замѣчательно древнее эпическое сравненіе богатырей с быками:

И наѣхали удалы добры молодцы,
Тѣ же во поли быки кормленые,
Тѣ же сильные могучіе богатыри...

Из духовных стихов — лучшей „Алексѣевскій,“ т. е. стих об Алексѣѣ человекѣ Божіем. Особенно важнаго сравнительно с извѣстными варьянтами он, впрочем, ничего не представляет. В стихѣ, „Про пьянство и скверноглавіе.“ Богородица говорит Василю Кесарійскому:

Господь молитвы твоей не примаает:
Пахнут от тебя
Хмельнаго и злаго
Кореня души.

Это напоминает слово о пьянствѣ Феодосія Печерскаго, который, обличая этот порок, замѣчает, что Богоматерь сказала Василию Великому: „аще хоцещи мя заступницу имѣти... отверзися питія всякого и не молитвуй пѣицѣ“ (Уч. Зап. Ак. Н. кн. II, в. 2. С. 198—8).

Отдѣл пѣсен богат числом номеров. Всего напечатано 267 пѣсен. Из них большая часть варьянты к давно извѣстным уже.

Сказок немного и онѣ не важны.

Из 190 загадок нѣкоторыя (очень немногія) могут послужить к пополненію (не существенному, впрочем) сборника Садовникова (о котором пѣсколько слов—ниже).

В „Словарѣ мѣстных реченій“ есть цѣнный матеріал. Многія слова останавливают на себѣ вниманіе или со стороны их значенія, или со стороны образованія. Отмѣтим для примѣра нѣкоторыя:

Вѣщатанье—лѣкарство, снадобье.

Вязба—узоры.

Вовка (*в* из *л?* волк?)—собака.

Верех—самая ничтожность. Так ли? Значеніе слова поясняется примѣром: „все до вереха выграбастал.“ Но может быть это значит—все *снизу до верха?* Верех = верех = верьх = верх = върхъ.

Гнучкой—гибкій.

Дягнуть—стасновиться лучше, здоровѣе (ср. дужій).

Зубить—спорить, отговаривать.

Игримый—игривый.

Избомытье—мытье пзбы.

Поганец—пѣтух.

Рьянить—горячиться.

Всѣх слов—около тысячи.

М. К.

Русскія народныя пѣсни, собранныя Шейном. Пѣсни былевья. 1—132. (Чтенія в Императорском Обществѣ исторіи и древностей Россійских. 1877. Июль — Сентябрь. Книга третья. Москва 1878).

Г. Шейн, как собиратель пародно-поэтических произведений приобрѣя себѣ почетную извѣстность. Им уже пзданы два весьма обширных и важных сборника: 1) *Русскія народныя пѣсни* печатавшіяся частями в Чтеніях Общества исторіи и древностей, затѣм изданныя отдѣльно (Москва 1870. 8°. 568 с.) 2) *Бѣлорусскія пѣсни*, пзданныя Географическим Обществом. (1874. 8°. С. 567).

Настоящій сборник, как по количеству матеріала так по качеству его, уступает названному сейчас. В нем помѣщено нѣсколько былин и ряд исторических пѣсен. Пять былин относятся к подвигам Ильи Муромца, в трех воспѣвается Добрыня Никитич и одна посвящена Чурилѣ Пленковичу. Былины об Ильѣ и Добрынь не представляют ничего замѣчательно новаго. В одной из них рассказывается о Добрынь, что он выѣзжает из Цареграда, похваляется стоптать конем Илью Муромца и срубить голову князю Владиміру, — но Илья побѣждает его и „предает злой смерти.“ Очевидно, это искаженіе. Имя Добрыни здѣсь — слѣдствіе полнаго забвенія пѣвцем того, что об этом богатырѣ обыкновенно рассказывается. Добрыня в этой былинѣ замѣняет собою какого то враждебнаго заѣзжаго богатыря, скорѣе всего Идолище поганое.

О Чурилѣ рассказывается, между прочим, что Катерина Микулична, посадила его в кованный ларец, желая скрыть от мужа. По совѣту доносицы-служанки Бермас Васильевич кидает ларец о дубовый пол. Ларец разбивается. Чурило таким образом открыт. Бермас срубает ему голову, но падит жену.

Историческія пѣсни сборника относятся — ко времени татарщины (три), Иоанна Грознаго, Алексѣя Михайловича, Петра Великаго, Елисаветы и Екатерины. Новаго в них мало; важнаго — почти ничего. Все это варьянты к извѣст-

ным уже историческим пѣсням (см. Кирѣевского Пѣсни, вып. 5—9). Со стороны поэтического достоинства лучшими пѣснями сборника являются пѣсни о первых наборах, в особенности N 3-й (с. 85—6). М. К.

Загадки русскаго народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. Составил Д. Садовников. С.-Петербург. 1876. 8^о С. VI+332.

Очень полный, добросовѣстно и толково составленный сборник. Прием составленія дѣлает его очень удобным для пользованія. Загадки расположены г. Садовниковым по рубрикам (жилище, тепло и свѣтъ, вода, мѣръ животных, явленія природы и пр.), что дает возможность выносить цѣльное впечатлѣніе из извѣстнаго отдѣла их; для отысканія же данной загадки служит приложенный к книгѣ алфавитный указатель. Не ограничиваясь группировкой матеріала, г. Садовников снабдил его примѣчаніями, в которых выясняет смысл нѣкоторых загадок, ссылается на другіе памятники народнаго творчества и дѣлает иногда сопоставленія их с соотвѣтствующими загадками других родственных и неродственных народов. Жаль, что г. Садовников при этих сравненіях не обратил вниманія на то, что прежде всего должно бы быть сопоставлено с русскими загадками—на загадки других славянских народов. М. К.

Српске народне загонетке. (Сербскія народныя загадки). Уредно и издао Стојан Новоковић. Белград и Панчево. 1877.— 12^о—Стр. XXIII+283.

Это наиболѣе полный и лучший из сборников сербских загадок. Сборник раздѣлен на три отдѣла. В первом—собственно загадки (праве загонетке); во втором загадки вопросительныя (загонетке питалице); в третьем—загадки с рассказом и арифметическія (загадке у опкладу (с причаѣм) и рачунске). Наибольшую часть книги занимает первый отдѣл. Загадки расположены в нем по алфа-

виту предметов. Слѣдовало бы тот же прием распределе- ния приложить и ко второму отдѣлу, но г. Новоковий не- речисляет почему то загадки этого отдѣла по порядку на- чальных букв вопроса. Так напр. под буквой *ш* являются всѣ тѣ загадки, которыя начинаются со слова *шта*; под *ч* — начинающіяся словами; *чѣга, чему, чија* и т. п. Так рас- предѣляются нѣкоторыми издателями и пословицы. Распо- рядок, очевидно, неудобный для пользованія сборником: что- бы узвать, как опредѣляется народом данный предмет в загадкѣ, приходится, при таком распределеніи матеріала, пересматривать десятки страниц.

Многія сербскія загадки оказываются, как и слѣдовало ожидать, близко сходными с соответствующими русскими. Приведем нѣсколько примѣров этого сходства.

Ходит без ног, рукава без рук, уста без рѣчи: *ръка*. Сад. 181. Нема ни погу ни руку, ни душе ни тѣјела а иде по земли как живо: *вода*. Новак. 22.

Меня мать рождает, а я ее: *лед*. Сад. 184. Ја родио моју мајку, а моја мајка мене: *лед*. Нов. 173.

Лежит дерево безпрутое, на него летит птица безкры- лая, приходит дѣвица безротая и съѣдает птицу безкрылую: *енги*. Сад. 245. Полеће лабуд без крила, паде на дуб без грана, уби га цар без рука, а изјѣде царица без зуба: *снег*. Нов. 213.

Заря ларяпица, красная дѣвица, врата запирала, по полю гуляла, ключи потеряла, мѣсяц видѣл, а солнце скра- ло: *роса*. Сад. 240. Минда миндолина клуче изгубила, на- шиво их месец, отело му сунце: *роса* Новак. 194.

Есть загадки даже тожественныя по выраженію. Так *мѣсяц* и *звѣзды* загадываются, между прочим, у Русских и Сербов слѣдующим образом:

Поле не мѣрено, овцы не считаны, пастух рогатый. Сад. 233. Поле не мерено, овце не бројене; међу нима чобан рогона. Нвк. 129.

Не рѣдко однако замѣчается и разность в опредѣленіи предмета загадками у Русских с одной стороны, у Сербов с другой. Не приводя примѣров этой разности, замѣтим во-

обще, что русскія загадки представляют болѣе мифическаго элемента, болѣе полноты, разнообразія и болѣе поэтической образности.

Так напр. в то время как у Сербов *молнія* опредѣляется лишь как *золотая нить* (Нвк. 199), в русских загадках она является огненною (вар. мѣдною) стрѣлою, очами яснаго сокола, огнем, высѣкаемым лежащей во гробѣ дѣвицей и пр. (Сад. 242).

Картинно поэтических образов, подобных слѣдующим, в сербских загадках не встрѣчается:

Шерсть черна соболя, очи ясна сокола: *туча и молнія* Сад 243. Летит орлица по синему цебу, крылья распластала, солнышко заст(л?)ала: *туча*. Там же.

Загадок в вопросительной формѣ у Сербов много; больше тѣм у русских, на сколько можно судить по сравненію сборников Новаковича и Садовникова.

Содержаніе загадок этой формы показывает, что онѣ явились позднѣе тѣх, которыя не заключают в себѣ вопроса. Онѣ большею частью представляют собою игру слов и проявленія народнаго остроумія. Напр. *На что поп шляпу купил? На деньги*. Сад. 278. Для чего пѣтух поет зажмуривши глаза? *Чтобы показать что он поет наизуст*. Там же 232.

И между загадками этого рода находится не мало сходных у русских и у Сербов. Напримѣр:

Без чего человѣку жить нельзя? *Без имени*. Сад. 274. Без чега ни Бог не може бити? *Без имени*. Нов. 247.

Когда конь ржал, что весь свѣтъ слышал? *В ковчегъ*. Сад. 275. Кад је магарац (осел) тако рикнуо, да га је цео свет чуо? *Кад је био у Нојевеј лађи* (ладѣ, ковчегѣ). Нов. 250.

От чего корова садится? *Неумьет ложиться*. Сад. 278. Што во (вол) лежи? *Што не може да седи*. Нов. 268.

И в третьем, немногочисленном, отдѣлѣ (7 NN у Новаковича, около 40 у Садовникова) нѣкоторыя сербскія загадки очень близки к русским. И Сербы знают весьма распространенную на Руси загадку о том, как перевести через рѣку волка, козу и капусту (Нов 232. Сад. 286);

сходно опредѣляется ими неизвѣстное число гусей в стадѣ (Нов. 283. Сад. 286); есть и у них загадки, рѣшеніе которых условлено соображеніем степеней родства (Шол муж с женой да брат с сестрой да шурии с зятем. Много ли всѣх? Сад. 282. Ср. у Нов. 282).

Одна из помѣщенных у Новаковича (С. 280—2) загадок, связанных с разсказом (о царѣ, предлагающем замысловатые вопросы крестьянину), близко сходна с одной из олонецких сказок о Петрѣ Великом, недавно напечатанных Е. Барсовым (Труды этнографическаго отдѣла общества любителей естествознанія при московском университетѣ. Книга IV. М. 1877. Стр. 35. Сказка N. 5: о том, как мудро бесѣдовал Петр I с народом). М. К.

Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. Obraduje Gj. Daničić. Zagreb 1878 (Ogled).

Югославянская Академія въ Загребѣ разослала специалистам пробные листы издаваемого ею Хорватскаго словаря съ просьбою содѣйствовать совѣтом и указаніями успѣху столь полезнаго предпріятія.

Как видно из программы и пробных листов, этот словарь будет обширнѣе всѣх имѣющихся до сих пор словарей славянских нарѣчій; а имя г. Даничича, которому поручена обработка матеріала, собраннаго Академіею въ теченіи десяти слишком лѣтъ, ручается за то, что и по достоинству издаваемый ею словарь будет превосходить лучшіе славянскіе словари—Линде, Юнгмана и Караджича.

Желая полнаго успѣха предпріятію Югославянской Академіи, позволяем себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу пробных листов словаря.

Он озаглавлен: „Словарь Хорватскаго или Сербскаго языка.“ Такое заглавіе нам кажется тенденціозным и непаучным. Отожествлять Хорватское нарѣчіе с Сербским тоже, что мечтать о невозможном политическом объедине-

ни Хорватов и Сербов, раздѣленных исторіею, религіею, азбукою и т. п. Такое отождествленіе можно было-бы еще допустить, если-бы в словарь Югославянской Академіи вошел только *литературный* язык; но коль скоро принят в него и язык *народный*, то отождествлять оба нарѣчія не научно; разница между ними и в словарном, и в грамматическом отношеніи весьма значительна и существенна. Но можно, и слѣдует смотрѣть на них, как на *два нарѣчія одного языка*, а в таком случаѣ, за неизмѣнимым одним общим именем, можно принять названіе *Сербско-Хорватскій язык*. По этому мы предлагаем измѣнить заглавіе словаря так: *Rječnik srpsko-hrvatskoga jezika*.

Из программы видно, что в словарь Югославянской Академіи войдут: 1) слова, употребляемыя в книгах с древнѣйших времен до нынѣ, 2) собственные имена всякаго рода, 3) иностранныя слова вошедшія в сербско-хорватскій язык и 4) „кайкавскія” слова.

О послѣдних г. Даничич замѣчает, что онѣ будут приведены в формѣ, *какую-бы имѣли в рѣчи остальнаго народа*, причем будет упомянуто, что онѣ взяты изъ кайкавскаго говора в котором имѣют иную форму, тут-же приводимую. Такой произвол в обращеніи с живою народною рѣчью он оправдывает слѣдующим образом: „*есть слова, которыя нынѣ употребляют только кайкавцы и которыя нѣкогда были в употребленіи и у остальнаго народа даже в наиболѣе отдаленных от кайкавцев краях; есть книги, в которых болѣе или меньше смѣшиваются оба говора; да и нынѣ можно видѣть людей, которые, мѣшаясь между собою, переносят слова из одного говора в другой.*” Так, по слѣдует-ли отсюда, что всѣ слова употребляющіяся нынѣ только у кайкавцев, были нѣкогда в употребленіи у всего народа? Из выше приведенных слов г. Даничича, видно, что он допускает такое умозаключеніе; но вѣдь, это „рогатый” силлогизм, посредством котораго дѣйствительно можно доказывать, что хорватское нарѣчіе тождественно с сербским.

Просмотрѣвъ перечень источников и пробные листы, мы увидѣли, что не одна кайкавщина принята въ Академическій

словарь, но что дано в нем мѣсто *всему живому языку* на всем пространствѣ, занимаемом Сербами и Хорватами; слѣдовательно, это словарь не только *книжнаго* но и *народнаго* языка.

Всякому извѣстно, что книжный и народный язык живут и развиваются независимо одинъ от другаго (взаимное их вліяніе незначительно и случайно), а потому, по нашему мнѣнію, ненаучно соединять в одном словарѣ оба языка ¹⁾. Гораздо лучше поступила бы Югославянская Академія, если-бы издала отдѣльно словари литературнаго и народнаго языка. Въ словарь *народнаго* языка, если-бы он был озаглавлен „Словарем сербско-хорватским,” вошли-бы всѣ слова, находящіяся въ живом употребленіи как у Хорватов, так и у Сербов. Историческій словарь *литературнаго* языка, ради уменьшенія сѣема, можно было-бы ограничить хорватским нарѣчіем, так как для сербскаго имѣется уже хорошій „Рѣчник из книжевних старина српских” г. Даничича (Бѣлград 1863—4, 3 т.) Правда этот „Рѣчник” ограничивается старосербским языком и не может быть назван вполне удовлетворительным (есть пробѣлы и ошибки); но пока можно и им удовольствоваться.

Югославянская Академія *смѣшала* не только народный язык с литературным, но и *грамматику с словарем*: так употреблены 24 страницы в два столбца мельчайшаго прироста на грамматическія объясненія союза и междометія *а*. Полагаем, что было-бы во всѣх отношеніях лучше и удобнѣе, если бы Академія строго разграничила словарь и грамматику и издала отдѣльно Историческую грамматику сербско-хорватскаго языка или по крайности хорватскаго нарѣчія.

Слова как хорватскія, так и сербскія, как новыя, так и старыя, напечатаны *латиницею*, *новым* правописаніем: нам кажется, что для сербских слов слѣдовало бы удержать *кириллицу*, а слова заимствованныя из старых памятников, полезно было-бы печатать правописаніем этих памятников. Что касается фонетическаго правописанія, принятаго, по

¹⁾ Редакція не раздѣляет этого мнѣнія почтеннаго автора.

примѣру Караджича, г. Даничичем, то оно, по нашему мнѣнію, непригодно в *историческом* словарѣ, какимъ есть словарь Югославянской Академіи. Кромѣ того, г. Даничич вводитъ четыре новые знака в хорватскую азбуку (вм. *dj* вм. *lj*, вм. *nj*, и вм. *dž*), что без особенной пользы и надобности затруднитъ чтеніе.

Насколько будетъ полонъ подборъ словъ в Академическомъ словарѣ, судить нельзя по пробнымъ листамъ, в которыхъ помѣщены выдержки изъ буквъ *A* и *B*: полезнѣе было-бы в этомъ отношеніи отпечатать вполнѣ одну букву. Тогда было бы видно, что есть и чего нѣтъ в словарѣ.

Толкованія словъ, за исключеніемъ излишнихъ грамматическихъ объясненій, отличаются обстоятельностью и точностію; при словахъ старинныхъ показано, когда в первый и в послѣдній разъ они употребляются, какъ измѣнялось ихъ значеніе и форма, и все это подтверждено множествомъ примѣровъ в хронологическомъ порядкѣ. Столь-же обстоятельно и точно объяснены слова живаго народнаго языка.

В. В. Макушев.

Ђуро Даничић или филологија и книжевни језик српски 1847—1877. Приликом прославе тридесете године книжевнога рада Даничићева написао Стојан Новаковић. На по се штампано из „Српске зоре“ 1878, св. 1—3. У Бечу 1878. (19 стр. в 2 столбца, съ портретомъ Даничича).

По поводу тридцатилѣтняго юбилея учено-литературной дѣятельности извѣстнаго сербскаго филолога, Юрія Даничича, г. Новаковичъ напечаталъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ статью въ „Сербской Зорѣ“ за 1878 г., вып. 1—3, вышедшую потомъ отдѣльною брошюрою.

Какъ извѣстно, г. Даничичъ началъ свою учено-литературную дѣятельность в 1847 году защитою сербскаго правописанія и литературнаго языка, предложенныхъ В. С. Караджичемъ (*Ратъ за српски језикъ и правописъ*), съ которымъ сблизился в Вѣнѣ в то время, когда слушалъ лекціи проф.

Миклошича. С тѣхъ поръ на всю жизнь свою он остался вѣрнымъ ученикомъ ихъ обоихъ. Г. Новаковичъ считаетъ главною заслугою г. Даничича то, что он далъ *научное основаніе* правописанію и литературному языку, которые сталъ вводить съ начала нынѣшняго столѣтія знатокъ своей народности, но самоучка Вукъ Стефановичъ Караджичъ. Какъ ученикъ г. Даничича и послѣдователь Вука, г. Новаковичъ слишкомъ увлекся ихъ заслугами и преувеличилъ ихъ. Мы считаемъ фонетическое правописаніе Караджича не научнымъ, а выборъ южнаго говора для литературнаго языка произвольнымъ: такое правописаніе, затрудняя изученіе языка, разрываетъ всякую связь съ старою сербскою литературою и съ литературами всѣхъ другихъ славянскихъ племенъ, придерживающихся, какъ и слѣдуетъ, историческаго или этимологическаго правописанія; а выборъ южнаго говора, какъ понималъ его Караджичъ, для литературнаго языка можетъ только льстить неумѣренному патріотизму и вести къ отождествленію Сербовъ съ Хорватами, но ничѣмъ не можетъ быть оправданъ, несмотря на всѣ доводы Караджича. Вотъ почему мы не можемъ стать на точку зрѣнія г. Новаковича и не раздѣляемъ его взгляда на заслуги г. Даничича относительно утвержденія в сербской литературѣ правописанія Караджича, о чемъ онъ говоритъ на 12 страницахъ, что составляетъ $\frac{2}{3}$ его брошюры. Напротивъ, мы ставимъ въ вину г. Даничичу, какъ ученому филологу, то, в чемъ извиняемъ самоучку Караджича. Этимъ мы не хотимъ умалить заслугъ ни того ни другаго. Заслуги Караджича, какъ собирателя и издателя произведеній народнаго творчества Сербовъ, какъ составителя образцоваго словаря сербскаго народнаго языка и наконецъ какъ реформатора сербскаго литературнаго языка, реформатора, шедшаго по стопамъ Досифея Обрадовича, который первый сталъ учить Сербовъ писать такъ, какъ говорятъ, — такія заслуги Караджича безсмертны. Имѣетъ великія заслуги и г. Даничичъ: онъ не только упрочилъ народность в сербскомъ литературномъ языкѣ, но и далъ научныя правила для этого языка („Мала српска граматика” 1850, 1863, 1864 — подъ заглавіемъ „Облици српскога језика,” 7-ое изданіе в 1874 г.,

„Српска синтакса” 1858; по особенно важны его труды по исторіи Сербскаго языка: в 1863—1864 г. он издал Рјечник из вѣжевних старина српских” в 3 томах — драгоценное пособие для изученія старо-сербскаго языка, старо-сербской письменности в исторіи Сербов до покоренія их Турками; в 1874 г. он напечатал два отрывка из исторической грамматики сербскаго языка — „Nom. sing. mase. na o i e” и Prilog za historju komparativa u hrvatskom ili srpskom jeziku (Rad Jugoslav. Akad. XXVI),” и „Историју облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII вијека” (Бѣлград); в 1876 г. изданы его „Основе српскога или хрватскога језика (там-же),” а в 1877 — „Korijeni s riječima od njih postalijem u hrvatskom ili srpskom jeziku.”

Этих трудов было-бы слишком достаточно, чтобы доставить г. Даничичу европейскую извѣстность; по ими не ограничивается его учено-литературная дѣятельность. Онъ занимался также славянскими нарѣчїями и их исторією: в 1867 г. в I кн. „Rada Jugoslavenske Akademje” напечатано его изслѣдованіе „č i h u istorji slovenskih jezika, а в 1874 г. в Бѣлградѣ издана „Диоба словенских језика.” Важны также заслуги г. Даничича по изданію старых памятников сербских и болгарских: множество их напечатано в „Гласникъ” сербскаго ученаго общества и в „Starinah” югославянской Академіи; отдѣльно изданы в Бѣлградѣ „Живот св. Саве,” написанный Феодосіем (1860), „Живот св. Симеуна и св. Саве (Доментіана, 1865),” „Животи српских кралева и архиепископа (труд архіеп. Даниїла, 1866),” Никольско јеванђеље (1864).” Умалчивая о менѣ важных трудах г. Даничича, не можем не вспомнить об его переводах Ветхаго завѣта (1864—8). Пишем о богослуженіи А. Н. Муравьева (1854) и Исторіи сербскаго народа А. А. Майкова (1858, 1876).

Обстоятельный библиографическій перечень трудов г. Даничича читатель найдет на стр. 13—18 брошюры г. Новиковича.

В. В. Макушев.

České glossy v „Mater verborum.“ Podává Adolf Patera V Pražě 1877 (vyňato z Časopisu Musea král. česk. r. 1877, I, 120—130, II, 372—390 и III, 488—513.

Píseň staročeská ze XIII století: „Slovo do světa stворěné.“
Его-же. (Гам-же 1878, вып. 2, стр. 289—294).

Das Buch der Prager Malerzucht 1348—1527. Herausgegeben von Ad. Patera u. Ferd. Tadra. Prag 1878. (97 стр.).

Каждому русскому, посѣщавшему Прагу, хорошо извѣстно имя А. О. Патеры; и слависты знают, что в портфели этого трудолюбиваго чешскаго ученаго находится много собранных им матеріалов по исторіи чешской литературы и по исторіи славистики. К общему сожалѣнію, г. Патера до 1877 года ничего не печатал, и только с этого года плоды его ученых занятій становятся достояніем науки. Прежде всего появилось в Чешском Музейникѣ (*Časopis Musea království českého*) за 1877 год, и потом отдѣльною брошюрою, замѣчательное его изслѣдованіе *о чешскихъ глоссахъ в энциклопедическомъ словарѣ „Mater verborum“ (české glossy v „Mater verborum“)*, изданное в нынѣшнемъ году нашею Академіею Наукъ в русскомъ переводѣ с замѣчаніями П. И. Срезневскаго (Прилож. к Зак. Ак. Н. т. XXXI). Эти глоссы считались однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ чешскаго языка (1202 г.), были издаваемы и комментируемы Ганкою в *Zbirce nejdnvnějšíchъ slovníků latinsko-českýchъ*, 1833, Шафарикомъ в *„Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache*, Скворцовымъ в разсужденіи *„Глоссы Mater verborum, памятникъ чешской литературы XIII столѣтія, с объясненіями и примѣчаніями,“* 1853); какъ памятникомъ вполне достовѣрнымъ, ими пользовались ученые в трудахъ филологическихъ и историческихъ, не обращая вниманія на сомнѣнія в подлинности, заявленныя Копитаромъ (в *Repertorium der gesammten deutschen Literatur Bd. XIV, 1837*, и в *Hesychii Glossographi discipulus, 1840*), хотя эти сомнѣнія были основательны, какъ показало изслѣдованіе г. Патеры — добросовѣстный результатъ одинадцатилѣтняго изученія чешскихъ глоссъ в *„Mater verborum.“* онъ доказалъ, что

на 339 подлинных глоссе приходится около 900 подложных. Эти подложныя глоссы большею частію сфабрикованы из латинских слов, подскобленных и подправленных: так напр. из *aeris* сдѣлано *denice* (*a* передѣлано в *d*, *r* в *n*, а *s* в *ce*), из нѣмецкаго *junger* чешское *jun* (*g* и знак сокращенія *er* выскоблены), из *atrox*—*němec* (*at* передѣлано в *n*, *r* в *e*, *ox* в *te*, а *s* приписано), из союза *sive* (*dea sive imperatrix*) сдѣлана богиня *Siva* и т. п. При подѣланных глоссах видны разурь и замѣтны остатки подлинных букв; чернила, часто искусственно составленныя из разных красок, отличаются от чернил, которыми писана вся рукопись. Фальсификатор был ученый славист и чешскій патриот: подѣланныя им глоссы важны или в филологическом, или в историческом отношеніи, и обнаруживают в их авторѣ знаніе не только стараго и новаго чешскаго языка, но и других славянских нарѣчій, а также знакомство с славянскими древностями; у него была определенная патриотическая цѣль — доказать подлинность Любушина суда такими словами, которыя в чешских памятниках не встрѣчаются, а которыя он заимствует из других нарѣчій (*oten*, *rodný*) или сам сочиняет (*plzný*), а также возбудить в чехах еще бѣольшую ненависть к Нѣмцам (*Němec* толкуется *barbarus*, *tardus*, *truculentus*, *immitis*). Такія заключенія дѣлаем мы из труда г. Патеры; ему же самому, как Чеху и как чиновнику Чешскаго Музея, было неудобно высказаться с пашею откровенностью. Большую услугу оказал г. Патера наукѣ, отдѣлив подлинныя глоссы от подложных; но очень жаль, что при своих знаніях он ограничился только палеографическою частью и не обратил вниманія на язык: сѣдовало-бы опредѣлить, какія слова заимствованы из других славянских нарѣчій и какія несомнѣнно выдуманы самим фальсификатором (*Děvana*, *Lětnice*, *Liutice*, *lichoplesy*, *Porvata* и др.

Второй труд г. Патеры напечатан в том же Музейникѣ, во 2-м выпускѣ за 1878 год, под заглавіем „*Staročeská píseň XIII století*“, „*Slovo do světa stvořené*“ Эта небольшая церковная пѣсня, по всѣй вѣроятности, перевод

латинской, была найдена г. Патерою в одной пергаменной рукописи на латинском языкѣ в капитульной библиотекѣ в Прагѣ. Она замѣчательна в филологическом и историко-литературном отношеніях: в ней употребляется еще непосредственное смягченіе *p*, но за то мѣсто древняго *g* занимает уже позднѣйшее *h*; перед двумя другими старочешскими церковными пѣснями, „Hospodine pomiluj ny” и „Svatu Václave,” она имѣет то преимущество, что сохранилась в списокѣ болѣе древнем, XIII вѣка, между тѣм, как онѣ дошли до нас в списках XIV вѣка. Г. Патера описал рукопись, в которой найдена им эта пѣсня, напечатал пѣсню правописаніем подлинника с приложеніем своего чтенія и представил характеристику ея правописанія. По признакам палеографическим он отнес ее к XIII вѣку; к этому же вѣку она относится по правописанію и языку, как мы старались показать в IV выпускѣ Филологических Записок за 1878 г.

Третій труд г. Патеры вышел отдѣльною брошюрою на нѣмецком языкѣ *Das Buch der Prager Malerzече (Kniha bratrstva maliřského v Praze) 1348 — 1527. Volständiger Text nebst einem Kritischen Comentar zu der von Prof. Pangerl (und Prof. Woltmann) veranstalteten Ausgabe dieses Buches in 13 Theile von Eitelberger's „Sammlung von Quelenschriften für Kunstgeschichte” etc. Herausgegeben von Ad. Patera und Ferd. Tadra. Prag 1878.* Издавшая в этой брошюрѣ „Книга братства художников в Прагѣ“ важна, как для историка, так и для филолога. Братство художников в Прагѣ, основанное императором Карлом IV, в 1348 году, имѣло большое вліяніе на развитіе искусств в Чехіи. Это братство существовало до 1783 года, когда были уничтожены в Австріи всѣ подобныя общества. Его „Книга“ или статут 1348 года с продолженіями и дополненіями до 1527 года писана сначала на нѣмецком и чешском языках, а потом на чешском и латинском. При ней приложены списки членов братства. Важная для исторіи братства, она имѣет значеніе и для исторіи чешскаго языка. Часть ея была напечатана еще в 1788 году Риг-

гером в „Materialien zur alten und neuen Statistik von Böhmen,“ а в 1877 году профессор Пангерль с двумя своими товарищами, Мартином и Вольтманом, издал всю ее в выходящем в Вѣнѣ „Quellenschriften für Kunstgeschichte,“ 13 т. Это изданіе, как видно из обширнаго введения г. Патеры; в научном отношеніи неудовлетворительнѣе: профессор палеографіи, Пангерль, не умѣл прочесть рукопись, а потому надѣлал в своем изданіи множество ошибок; кромѣ того есть пропуски; перевод и объясненія часто не вѣрны. Поэтому г. Патера рѣшился издать вновь „Книгу братства художников в Прагѣ.“ К изданію приложено описаніе рукописи. Жаль только, что чешскій текст издан новым правописаніем.

В. В. Макушев.

Из предыдущей библиографической замѣтки В. В. Макушева читатели видят, что этот почтенный славист рѣшительно высказывается в пользу мнѣнія о позднѣйшей подлѣлкѣ большей части глосс в *Mater verborum*. Иначе отнесся к вопросу о них И. И. Срезневскій. В XXXI томѣ Записок Академіи Наук (приложеніе N 4) напечатаны им, как то выше упомянуто г. Макушевом, дополнительныя замѣчанія к статьѣ г. Патеры о *Mater verborum*. (Перевод этой статьи вмѣстѣ с замѣчаніями издан и отдѣльно: *Чешскія глоссы в Mater verborum. Разбор А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. 1878. 80. С. 152*). Замѣчанія эти (занимающія почти половину книги, заглавіе которой здѣсь выписано: С. 82 — 152) могут служить образцом той осторожности, какую слѣдует проявлять, и тѣх научных приѣмов, какіе слѣдует примѣнять к дѣлу, при рѣшеніи вопросов о степени древности и подлинности даннаго заподозрѣннаго памятника.

Сопоставив особенности языка заподозрѣнных глосс с особенностями языка других незаподозрѣнных старинных чешских памятников; указав на то, что относительно свойств древне-чешскаго языка было извѣстно Добровскому и Ганкѣ, И. И. Срезневскій замѣчает, что в глоссах *Mater verbo-*

gum „видим знаніе древняго чешскаго языка, мѣшавшее поддѣльщику дѣлать ошибки — даже в тѣх случаях, когда древніе памятники, которые могли быть у него под рукою, не давали ему никаких указаній“ (С. 102). „Позволяю себѣ думать, продолжает он далѣе, что для полнаго избѣжанія ошибок поддѣльщику мало было знать древній чешскій язык болѣе, чѣм могли знать его тѣ, у которых под руками были тогда доступные памятники, по и вообще древній склад словянскаго языка. Кто бы ни был поддѣльщик, а он не мог не быть превосходным знатоком древняго славянскаго языка, каким был напр. Добровскій, едва ли даже не смышленѣе его“ (ib.).

Понятно, что такое утвержденіе заключает в себѣ прямое отрицаніе возможности поддѣлки глосс в то время, к которому можно бы отнести ее.

Представив за тѣм очерк свѣдѣній о славянской мифологіи в ту эпоху, когда жил предполагаемый поддѣльщик глосс, почтенный академик дѣлает слѣдующія заключенія, которыя мы позволяем себѣ привести здѣсь:

„Глядя на заподозрѣнныя глоссы *Mater verborum*, как на поддѣлку первой трети XIX вѣка, приходится только удивляться уму, знанію, чутью поддѣльщика, а вмѣстѣ с тѣм удивляться и возможности владѣть таким знаніем и чутьем в землѣ чешской в то время, когда и самые почтенные люди, вожаки науки и к ним близкіе ими не владѣли.

Тѣм не менѣе, если поддѣлка была сдѣлана, то значит была возможность достигнуть в ней кому нибудь того, что по силам других было невозможно.

Если же усумниться в возможности достигнуть какому то неизвѣстному знанія и чутья древности, недоступных самым уважаемым знатокам, то придется и на поддѣлку взглянуть иначе, чѣм требует палеографическое изслѣдованіе глоссы, сдѣланное А. О. Патерою.

Заподозрѣнныя глоссы написаны иначе чѣм незаподозрѣнныя и при том нѣкоторыя сдѣланы из слов, прежде написанных, подчисткою, передѣлкою букв, припискою но-

вых букв и т. п. Это дознано наблюдениями и должно быть признаваемо вѣрным.

Вѣрно ли в такой же степени и то, что всѣ глоссы, написанныя иначе чѣм незаподозрѣныя, написаны в недавнее время? Это еще вопрос..“ (С. 150).

„Не приписаны ли заподозрѣныя глоссы также в древнее время, но послѣ первых незаподозрѣваемых, тогда еще, когда не было надобности ни в каких особенных знаніях, ни в какой осторожности.

Если даже и доказано будет, что гл^ссы приписаны в XIX вѣкѣ, то все еще останется вопрос: не списаны ли они с какого нибудь утраченнаго или скрывающагося древняго памятника,—так, что списывавшій их только переписывал, и если мудрствовал лукаво, то только в подчистках и поправках“ (С. 151).

Думаем, что тот, кто ознакомится с статьею И. И. Срезневскаго о глоссах *Mater verborum*, найдет эти предположенія гораздо болѣе вѣроятными, чѣм предположеніе о поддѣлкѣ глосс в XIX столѣтіи.

М. К.

*это
вопрос*

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛ

РУССКАГО ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА

1879 года.

№ 1-й.

ПРОБНЫЕ ЛИСТЫ

О ПЫТА УЧЕБНИКА

ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

ВВЕДЕНИЕ.

§ 1. Слово *литература* (и равное ему по значенію *словесность*) можетъ получить двойное опредѣленіе, смотря потому будетъ ли оно употреблено в широком или в тѣсном смыслѣ.

§ 2. В широком смыслѣ употребленное, слово *литература* означает совокупность как устных так и письменных, как поэтических так и прозаических произведеній. Все то,—высказанное или написанное на данном языкѣ,—что представляетъ интересъ поэтическій, общественный или научный, относится къ литературѣ народа, говорящаго этимъ языкомъ.

Примѣчаніе. Исторія литературы, понимаемая такимъ образомъ, будетъ тоже что и исторія цивилизациі: как и послѣдняя, она укажетъ намъ постепенный умствешный и нравственный прогрессъ народа, смѣну в немъ идеаловъ и развитіе идей по различнымъ областямъ знанія. От исторіи цивилизациі исторія литературы, в обширномъ смыслѣ этого слова, различается только болѣе ограниченнымъ матеріаломъ, которымъ является для нея не все то, на основаніи чего можно судить о развитіи народа, а лишь разнообразныя проявленія человѣческаго слова—устныя или письменныя.

§ 3. Иной объем представляет литература, понятая в тѣсном смыслѣ этого слова. В область ея входят лишь тѣ произведенія—устныя и письменныя—на основаніи изученія которых мы можем составить себѣ понятіе об идеалах даннаго народа, об их видоизмѣненіях и развитіи.

§ 4. Так как идеальныя представленія воплощаются по преимуществу в поэтических произведеніях, то эти послѣднія по преимуществу и относятся к области литературы. К ней принадлежат, кромѣ того, и тѣ произведенія, которыя, относясь по своей формѣ и содержанію к прозѣ, заключают однако в себѣ поэтическіе элементы. Все то, слѣдовательно, в произведеніях слова, что этого элемента чуждо по самой своей природѣ, не принадлежит и литературѣ, понимаемой таким образом.

§ 5. Поэзія даннаго народа тѣсно связана и с языком этого народа и с его общественною жизнью. Тѣ идеалы, которые представляет она, тѣ образы, в которые эти идеалы воплощаются, не повторяются тождественно в литературѣ другаго народа. Поэзія есть отраженіе жизни даннаго народа и особенностей его національности. Черты, выработанныя в этом народѣ его жизнью, обуславливают и особенности его поэзіи. Поэтическое произведеніе, если только оно не безцвѣтно по отношенію к народности, не может при переводѣ на другой язык сохранить все свои характерныя особенности: при переводѣ в нем многія поэтическія частности или пропадают или, сохраняясь, получают новую краску. Иное дѣло наука. Она космополитична. Истина, выработанная в средѣ какого либо народа не носит на себѣ никаких признаков его національности. Она есть общее достояніе всего человѣчества, а не частное какого либо народа. Научныя произведенія не стоят, поэтому, в той связи с языком, в какой находятся произведенія поэтическія. Данный научный труд, переведенный на другой язык, ничего и ни с какой стороны не теряет в своем достоинствѣ. Эта космополитичность науки и выдѣляет ея произведенія из области литературы, в тѣсном смыслѣ этого слова понимаемой.

Примѣчаніе. Никто, конечно, и не думает искать проявленія національности в каком либо математическом сочиненіи, но многіе допускают, что она имѣет значеніе в науках общественных, какова напр. исторія; почему историческія произведенія, наряду с поэтическими, и вводят обыкновенно в исторію литературы. Но наука по существу своему одинакова, что бы ни составляло предмет ея изслѣдованій. То еще не наука, что связано с симпатіями личности или національности и их особенностями. Исторія, поэтому, также как и математика, не принадлежит к области литературы, в тѣсном смыслѣ этого слова; т. е. не принадлежат к ней тѣ историческіе труды, главная задача которых—уясненіе связи между событіями, опредѣленіе причин и слѣдствій фактов народной жизни, вывод законов исторических. Историческія произведенія лишь на столько относятся к литературѣ, на сколько в них входит,—чуждый им по сущности науки,—поэтической элемент, сказывающійся в картинном изображеніи событій, в художественной обработкѣ лиц. Представляя такіе элементы, историческое произведеніе будет относиться и к области знанія и к области поэзіи, в силу чего может быть относимо к литературѣ и в широком и в тѣсном смыслѣ этого слова. Тоже слѣдует сказать и о произведеніях ораторскаго искусства. Если оратор в своей рѣчи отвлеченно догматически развивает свои мысли, рѣчь эта относится к области науки и, слѣдовательно, к литературѣ, лишь в обширном смыслѣ этого слова; если же он в своей рѣчи облакает мысли свои в живые образы, рѣчь эта, как не чуждая поэтическаго элемента, принадлежит литературѣ в тѣсном смыслѣ этого слова.

§ 6. Исторія литературы (в тѣсном смыслѣ этого слова) есть наука, опредѣляющая в хронологической послѣдовательности смѣну идеалов в жизни даннаго народа по литературным произведеніям этого народа.

§ 7. Идеалы, как и идеп, измѣняются. Они не одинаковы для слоев общества разнаго образованія и развитія; неодинаковы для различных личностей, неодинаковы для

одного и того же лица, ровно как для одного и того же народа, в разные періоды его жизни. Эта измѣняемость идеалов для лица или народа обуславливается измѣняемостью идей; т. е. умственным движением, прогрессом, совершающимся в личности или народѣ. Так как задача исторіи вообще состоит не в опредѣленіи только фактов, но и в указаніи причин, эти факты вызвавших, то, слѣдовательно, и исторія литературы должна представить не только измѣненіе идеалов в жизни даннаго народа, но и условившее это измѣненіе развитіе идей. Поэтому движениіе мысли в средѣ даннаго народа, сказавшееся в научных произведеніях этого народа, не должно быть чуждо историку литературы его. С другой стороны, идеальныя представленія народа слагаются под впечатлѣніями дѣйствительной жизни и измѣняются с измѣненіями ея. Поэтому знакомство с общественным и государственным строем жизни даннаго народа в разныя эпохи его исторіи также необходимо для историка литературы. Из сказаннаго слѣдует, что исторія литературы стоит в близкой связи с исторіей народа вообще и исторіей его цивилизаціи в частности.

§ 8. Между литературою и жизнью обнаруживается постоянное взаимодѣйствіе: литература вліет на жизнь и наоборот—жизнь вліет на литературу. Послѣдовательное теченіе народнои жизни или случайныя обстоятельства производят перемѣны в государственном или общественном строѣ даннаго народа. С такими перемѣнами связываются обыкновенно измѣненія в идеальных представленіях народа, слѣдовательно и измѣненія в литературѣ, служащей отраженіем этих представленій и воплощеніем их. В этом—вліяніе жизни на литературу. Обратное вліяніе слѣдует понимать так. Ни новыя идеи, ни новыя идеалы никогда сразу не дѣлаются принадлежностью всей массы народа. В началѣ они составляют собственность только передоваго слоя его. Выраженные в литературных произведеніях, они мало по малу проникают в массу народа. Таким образом, литература может имѣть для общества и дѣйствительно имѣет воспитательное значеніе.

§ 9. Вслѣдствіе указанной зависимости литературы от жизни произведенія первой могут быть вѣрно оцѣнены только на исторической почвѣ. Масштабом современности нельзя мѣрять явленія прошлаго. При сужденіи о литературных произведеніях минувшаго, слѣдует постоянно имѣть в виду тѣ условія времени, при которых они появились.

§ 10. Вслѣдствіе общенія между народами устанавливается вліяніе литературы одного из них на литературу другаго. Это вліяніе может быть иногда благотворным, иногда вредным. Оно будет благотворно, если поэт даннаго народа, изучив великія произведенія другой народности, творит под их вліяніем не рабски подражательно, а самостоятельно, свободно; оно будет вредно, если данное литературное направленіе, явившееся в литературѣ какого либо народа, переносится в литературу другаго народа, хотя бы в жизни послѣдняго и не было причин, вызывающих или оправдывающих это направленіе. Так изученіе Шекспира писателями разных стран и созданіе под его вліяніем самостоятельных драматических произведеній — было полезно; французскій же классицизм, напр., перенесенный в другія литературы оказал на них вредное вліяніе, задержав на нѣкоторое время их органическое развитіе.

§ 11. Литература развивается органически, если органически развивается самая жизнь народа. Крутая общественная реформа, невызванная жизнію; передѣлка общественного строя на чужой лад раздвоят общество и нарушают органическій рост литературы, лишая ее на нѣкоторое время самостоятельности. Так нарушилось органическое развитіе русской литературы реформою Петра. Тоже нарушеніе происходит и в том случаѣ, когда в жизнь входит новая идея, воспринимаемая во всей ея чистотѣ в началѣ немногими. Так христіанство нарушило органическое развитіе народной литературы у нас и на западѣ. Вслѣдствіе столкновенія прежних языческих воззрѣній с новыми христіанскими, образы народной языческой поэзіи у народов новой Европы не получили того развитія, какое имѣли они у языческих народов древности.

§ 12. Литература каждаго народа начинается произведеніями народной поэзіи. Произведенія же эти по времени их происхожденія относятся к далекой доисторической древности. Поэтому начало исторіи литературы всякаго даннаго народа нельзя приурочить не только к извѣстному году, но даже к извѣстному столѣтію. Такое приуроченіе может быть сдѣлано лишь относительно книжной письменной литературы. Она начинается с того времени, от котораго дошли до нас первые литературные памятники. Так исторія русской письменной литературы должна быть начата XI столѣтіем, вслѣдствіе того что древнѣйшіе памятники ея принадлежат этому вѣку.

§ 13. Вслѣдствіе указанной выше зависимости литературы от жизни, исторія литературы может быть раздѣлена на тѣже главные періоды, на которые раздѣляется исторія народа. Поэтому в исторіи русской литературы, как и в исторіи русскаго народа, — два періода и два отдѣла: древній и новый. Грань между ними — реформа Петра.

§ 14. Эти главные періоды имѣют свои подраздѣленія. Исходная точка при дѣленіи древней и новой русской литературы на отдѣлы не одинакова. Отдѣлы в послѣдней образуются началом дѣятельности важнѣйших писателей; отдѣлы в первой условливаются органическим ходом самой жизни народа. Эта разность исходных точек дѣленія древняго и новаго періода на отдѣлы условливается: во 1) большим значеніем личности писателей в новом періодѣ, 2) подражательностью, которою отличается первая половина новаго періода.

§ 15. Хотя и в древнем періодѣ можно отмѣтить ряд литературных явленій, не отличавшихся самостоятельностью, но в нем не возникало литературных направленій независимо от развитія народной жизни. Измѣненія в характерѣ литературы древняго періода вызывались измѣненіями жизни, почему исторія древне-русскаго общества объясняет исторію древне-русской литературы; литература же новаго періода, в прошлом столѣтіи и в первой четверти

нынѣшняго, является измѣняющеюся и развивающеюся независимо от жизни. Литературныя направленія, смѣнявшія за это время одно другое -- ложный классицизм, сентиментальность, романтизм, байронизм, возникали у нас не потому, чтобы в жизни было что либо вызывающее их, а лишь в силу подражательности, — потому, что они были на западѣ. Этими направленіями, из которых каждое имѣло своего представителя, опредѣляются подраздѣленія новаго періода. Только со второй половины дѣятельности Пушкина оканчивается в новой русской литературѣ період подражательности и смѣняется періодом ея художественно-народнаго развитія.

§ 16. Древній період русской литературы подраздѣляется на слѣдующіе два отдѣла. Первый — южный заключающій в себѣ XI, XII и часть XIII столѣтій, т. е. обнимающій время от появленія первых литературных памятников до покоренія Руси Татарами; второй — сѣверный, московскій, заключающій в себѣ часть XIII, XIV, XV и XVI столѣтій. XVII столѣтіе образует собою уже переходное время от древняго періода к новому. Каждый из этихъ отдѣлов имѣет свои отличительныя особенности.

§ 17. Что касается до народных произведеній, то они должны бы представить нам два главные періода их развитія: до христіанства и послѣ него. Но так как мы не имѣем таких народных произведеній, которыя дошли бы до нас от времени язычества в их первоначальном видѣ; так как всѣ они записаны лишь в позднѣйшее время и представляют в своем содержаніи нѣсколько формаций, наслоеній; то в области народной поэзіи и нельзя разлнчать періодов. В ней можно опредѣлить лишь разряды, виды, на которые распадаются народно-поэтическія произведенія по их формѣ и содержанію. Нельзя для этихъ произведеній опредѣлить періодов и параллельно с періодами развитія народной жизни. Важныя историческія событія находят свое отраженіе в народной поэзіи; но нерѣдко случается, что новое историческое лицо, принимает давно уже сложившійся в народной поэзіи образ.

II.

Народная поэзія.

§ 18. В произведеніях художественной литературы отражается личность автора, умственная жизнь и нравственные идеалы того слоя общества, к которому принадлежит он. В произведеніях народной поэзіи отражается весь народ со свойственным ему міровоззрѣніем и идеалами. Личность ничѣм не заявляет себя в них.

§ 19. Вслѣдствіе значенія личности автора в произведеніях художественной литературы, для нас весьма важно знать, кому именно принадлежит то или другое из них. Что же касается до народных произведеній, то мы ничего не выиграли бы, еслиб узнали, что такая то пѣсня сложена таким то лицом; как ничего не теряем, не зная этого. Причина такого безразличія для нас личности автора в народных произведеніях заключается в том, что личности в темных массах народа не выдѣляются из окружающей их среды по их умственному кругозору и нравственным идеалам. Что свойственно в этом отношеніи одному лицу, то составляет принадлежность и всей массы народа; поэтому народный пѣвец, выражая себя, выражает в то же время и то, что принадлежит цѣлому народу. Только с извѣстною степенью развитія народных масс болѣе или менѣе рѣзко обозначаются в них отдѣльныя духовныя единицы. Это обособленіе личностей ставит конец поэзіи в строгом и тѣсном смыслѣ слова народной и полагает начало поэзіи художественной. То обстоятельство, что в народной поэзіи отражается не личность а народ, и дает основаніе утверждать, что народныя произведенія — созданія цѣлаго народа.

§ 20. Народно-поэтическія произведенія переживают цѣлыя вѣка, хранясь в памяти народа и передаваясь устно от поколѣнія к поколѣнію. В них отражается поэтому не только настоящее народа, но и его давнее доисторическое прошлое. Через изученіе народныхъ произведеній мы мо-

жем составить себѣ понятіе об умственной жизни народа, о его взглядах на Бога, природу и человѣка, в самой отдаленной, сѣдой древности.

§ 21. Само собою разумѣется, что народныя произведенія, хранящіяся в памяти народа и по памяти только передаваемые одним лицом другому, не дошли до нас в первоначальном их видѣ. В каждом из них есть наслоенія — слѣды вліянія, отраженіе различныхъ эпох. Позднѣйшее перемѣнено в них с древнѣйшим. Задача науки по отношенію к народнымъ произведеніям — различить в них позднѣйшіе наросты, отдѣлить от них основное ядро и объяснить его значеніе.

§ 22. По сущности народная поэзія не отличается от художественной: как послѣдняя выражает в образахъ сознаніе художника, так первая в образахъ же выражает сознаніе народа. Если эти образы народной поэзіи нерѣдко кажутся нам странными и даже безобразно уродливыми, то это недоказываетъ еще, чтобы в них не было того гармоническаго сліянія идеи с формою, которое является в произведеніяхъ художественной литературы. Это соотвѣтствіе идеи с формою, полное совпаденіе их мы найдем и в народныхъ произведеніяхъ, если только съумѣемъ стать на точку зрѣнія народа того времени, когда они были созданы.

§ 23. Не слѣдуетъ также думать как думаютъ нѣкоторые, что странность, на нашъ взгляд, многихъ образов народной поэзіи обуславливается тѣмъ, что господствующею силою духа у народовъ, находящихся еще на низкой степени развитія, является фантазія. И в глубокой древности, как и в наше время, всѣ силы духа в человѣкѣ находились в равновѣсіи; фантазія первобытному человѣку должна была быть присуща в такой же а не в большей степени, как и современному.

§ 24. Но первобытный человѣкъ не имѣлъ отвлеченныхъ идей, которыя являются как продуктъ долгаго и сравнительно высокаго умственнаго развитія. От того и знанія и вѣрованія свои он понималъ и выражалъ в образахъ. Вслѣдствіе этого по даннымъ народной поэзіи можно судить

и о взглядах первобытнаго челоуѣка на явленія природы (зародыш науки) и о его вѣрованіях (мифологія).

§ 25. Не разностью в силах духа, а разностью в пониманіи явленій отличался первобытный челоуѣк от современнаго. Не оттого объяснял он ложно явленія, что увлекался фантазіей, а оттого, что ему недоставало опыта и знанія. Вывод неизбѣжно должен быть ложным, если ложны посылки умозаключенія, как бы логически правильно мышленіе ни совершилось. Чѣм больше прочных точек опоры для нашей мысли, тѣм вѣрнѣе будет вывод из ряда наблюдаемых и обобщаемых нами фактов. Разумѣется и наоборот. Объясняя, напримѣр, грозу тѣм, что Илья пророкъ ѣздит по облакам, по небу на колесницѣ, — простой народ вовсе не фантазирует. Что бы дойти до такого объясненія он должен был совершить умственный процесс, который по сущности не разнится от умственнаго процесса челоуѣка, утверждающаго, что гроза есть явленіе электричества. Тот и другой своим объясненіем удовлетворяют возникшему в них вопросу — отчего происходит данное явленіе. Образованный челоуѣк сознает тожество явленій грозы и электричества, увидѣлъ одно и тоже в искрѣ электрической машины и в молніи, охватывающей горизонт. Первобытный челоуѣк тоже сравнивал неизвѣстное ему с извѣстным и отождествил аналогическія между собою явленія. Гром на небесах напомнит ему стук колес на землѣ; он и объяснил себѣ явленіе грома стуком колес небесной колесницы. Но представленіе колесницы вызывает собою новыя представленія — коней впряженных в нее и существа, правящаго ими. Отсюда сказаніе о божествѣ, которое время от времени ѣздит по небу на колесницѣ, отчего и происходит гром. Когда язычество смѣнилось христіанством, то, что прежде приписывалось языческим богам, было перенесено на христіанских святых; и вот, Илья Пророкъ, вознесшійся по Библии на небо в огненной колесницѣ, смѣнил в народѣ представленіе древняго бога-громовника.

§ 26. В період созданія народно-поэтических сказаній содержаніе их пользовалось полною вѣрой народа, который

за всѣми их образами признавал реальное существованіе. Аллегорія народной поэзіи вовсе не свойственна, образы ея нужно понимать буквально, а не иносказательно. Если, напримѣр, рассказывается в сказкѣ о том, как лиса обманула волка, то не слѣдует видѣть здѣсь аллегорическаго выраженія той мысли, что хитрость побѣждает грубую силу; нѣтъ,— под лисой и нужно разумѣть лису, а под волком — волка. Если поэт образованнаго общества говорит: „смерть жатву жизни косит, косит,“ при чем возникает в представленіи образ смерти, как существа, вооруженнаго косою; если другой поэт тот же образ выражает еще опредѣленнѣе, говоря: „и блѣдна смерть на всѣх глядит.. и точит лезвіе ко-сы.. как молнія косою блещет,“—то, понятно, все это ничто иное, как поэтическія уподобленія. Но когда народ поет или рассказывает, напримѣр, об Аникѣ воинѣ, что он встрѣтил среди поля смерть—страшное существо, получеловѣка, полузвѣря, с косою за плечами; то нужно признать, что именно так народныя массы и представляют или, по крайней мѣрѣ, представляли себѣ смерть. Смерть — отвлеченное понятіе, противоположное понятію жизни. Но отвлеченныя понятія необразованным массам народа не свойственны; на мѣстѣ их в народном сознаніи являются живые образы. Неподвижность трупа народ объяснил тѣм, что смерть подрѣзала у человѣка жилы. Отсюда представлено о ней, как о существѣ, вооруженном косою. Слѣдовательно, в образѣ находим здѣсь объясненіе явленія с точки зрѣнія народа. Еще примѣр разности народно-поэтическаго образа от образа художественной поэзіи. Гоголь в одном из своих сочиненій, рисуя спокойствіе ночи, говорит: „Бог один величаво озирает небо и землю и величаво сотрясает ризу: с ризы сыплются звѣзды.“ Этот грандіозный образ очевидно никогда не имѣл ни для поэта ни для читателей его реальнаго значенія: ни он ни они не вѣрили в то, что звѣзды разсыпаются ночью по тверди небесной от сотрясенія ризы Божьей. Но тот же образ в народной поэзіи является как отвѣтъ на вопрос, как объясненіе явленія: в Голубиной книгѣ народ спрашивает, между прочим: „откуда у нас звѣзды частыя?“

и отвѣчает: „звѣзды частыя от риз Божіих.“ Когда впервые сдѣлан был такой отвѣтъ, народ не сомнѣвался в его истинности.

§ 27. Как не свойственна народной поэзіи аллегорія, так несвойственна ей и дидактика. Хотя из разнообразных произведеній ея и можно в большинствѣ случаев сдѣлать утѣшительный нравственный вывод, но вывод этот условливается не намѣренным стремленіем народа поучить посредством поэтических произведеній, а его глубокою вѣрою в силу и конечное торжество правды.

§ 28. Чуждо народной поэзіи и сатирическое отношеніе к жизни. Тѣ произведенія ея, которыя отличаются сатирическим характером, относятся к очень позднему сравнительному періоду народной жизни.

§ 29. К числу особенностей народной поэзіи слѣдует отнести так же ея, так называемое, эпическое спокойствіе. Рассказывая о подвигах героя, о его удачах или несчастіях, народное произведеніе никогда не прерывает теченія разсказа лирическими отступленіями.

§ 30. Не прерывается также народно-поэтической разсказ и описаніями природы. Мѣсто дѣйствія характеризуется лишь изрѣдка, мимоходом, и при том почти всегда типическими, раз на всегда установившимися чертами.

§ 31. Также тоничны и однообразны и тѣ черты, которыми в народных произведеніях обрисовываются дѣйствующія лица. Вообще в народной поэзіи предметы характеризуются почти всегда постоянными эпитетами. Так: лѣс — дремучій, поле — чистое, берег — крутой, дѣвица — красная, солнце — красное, молодец — добрый, плечи — могучія, ноги — рѣзвыя и т. п.

§ 32. Постоянство эпитетов — одна из характерных черт народной поэзіи. Причина этого постоянства коренится в языкѣ. В настоящее время слова всякаго даннаго языка суть звуковые значки, под которыми мы разумѣем извѣстные понятія. Смысл корня большей части слов для нас давно уже затемнился, и непосредственному чувству, без научнаго анализа даннаго слова, уже не ясно, почему

это слово нами называется так, а не иначе. Всѣмъ понятно, напримѣр, что *свѣча* называется так потому, что она *свѣтит*; но в многомилліонных массах народа, произносящих слова—небо, земля, звѣзды, солнце, дерево и тысячи других, никто, за исключеніемъ людей знакомых с выводами сравнительнаго языкознанія, не скажет, почему предметы, обозначенные этими словами, должны были получить именно такія наименованія. В древнѣйшія времена народной жизни каждое слово было по его корню на столько же понятно для народа, как для нас *свѣча* и т. п. Забвеніе первоначальнаго смысла слова есть результатъ разширенія его значенія. Для нас слово есть выраженіе понятія, т. е. совокупности всѣх в предметѣ находящихся и нами в нем подмѣченных признаков; первобытное же слово было звуковым воплощеніемъ лишь одного признака предмета, именно того, которымъ этот предмет произвел на человѣка особенное впечатлѣніе. Произнося, напримѣр, слово *солнце*, мы одновременно представляемъ себѣ и его блескъ, и его теплоту, и его величину, и его форму. Первобытный же человѣкъ из этих признаков взялъ лишь один—признакъ *свѣта* и его выразил в словѣ: корень слова солнце—*сур* имѣетъ значеніе свѣтитъ, блистать; *солнце* значило первоначально, слѣдовательно,—нѣчто свѣтящее. Так как назначеніе эпитета состоит в том, чтобы охарактеризовать предметъ с его наиболѣе существенной стороны, а такую стороною в солнцѣ является, как видим, свѣтъ его, то слѣдовательно и в эпитетѣ солнца слѣдуетъ ожидать указанія также на впечатлѣніе свѣта. И дѣйствительно, солнце обыкновенно имѣетъ при себѣ эпитетомъ: *красное*. Это послѣднее слово происходит от корня *крас*=*крѣс*, откуда кресить (древнее—крѣсити)—высѣкать огонь, кресало—орудіе добыванія огня. В эпитетѣ, такимъ образом, лежитъ тоже представленіе о свѣтѣ и блескѣ, что и в словѣ, которому онъ служитъ опредѣленіемъ. И так, эпитеты в народной поэзіи указываютъ на то впечатлѣніе, которое первоначально было заключено в корнѣ даннаго слова. Оттого *земля*, как *рождающая*, *производящая* по смыслу корня (ср. греч. γῆ—земля, γῆνομαι—рождаю), называется в на-

родной поэзіи *матерью*: мать сыра земля. *Берег* называется *крутым*: берег = брѣгъ = нѣм. Berg: в самом корнѣ этого сзова заключено, стало быть, понятіе о крутизнѣ. Тождество эпитетов в словах различнаго значенія указывает на то, что слова эти происходят от корней, смысл которых первоначально был одинаков или близок. Так слово *дѣвица* (= дѣв-иц-а), постоянно имѣющее при себѣ в народной поэзіи тот же эпитет, что и солнце (красная), происходит от корня *днв*, го значенію близкаго к корню *сур*.

§ 33. Если языкъ имѣет вообще важное значеніе в дѣлѣ постиженія красот поэтических произведеній, то, как можно видѣть из предыдущаго, он имѣет особенно важное значеніе в произведеніях народной поэзіи. Яркія краски, которыя сообщает он ея образам, будут большею частью совершенно непригодны для образов поэзіи иного народа. *Красная дѣвица красное солнышко* — выраженія совершенно понятны для нас — были бы бессмыслицей при буквальной передачѣ их на другой языкъ. Одни и тѣже предметы могли на первобытнаго чело-вѣка произвести различныя впечатлѣнія. В языкѣ одного народа сказалось одно впечатлѣніе, в языкѣ другаго — другое. Отсюда — разность, по языкам, в словах и их эпитетах. Творчество народа, сказавшееся в языкѣ, аналогично с индивидуальным творчеством: как каждый поэт вносит в свои произведенія свой взгляд на мір, так и каждый народ в своем языкѣ воплотил именно ему принадлежащее воззрѣніе на явленія природы.

§ 34. Развитие народной поэзіи находится в связи с развитіем мифологических вѣрованій, так как для народно-поэтических образов и мифологіи источник один: воззрѣніе народа на явленія природы. Вслѣдствіе этой связи народной поэзіи и мифологіи, ступени в развитіи послѣдней отражаются на первой. Таких ступеней, — главных три: эпоха фетишизма, зооморфизма и антропоморфизма.

§ 35. Под эпохой фетишизма понимается то отдаленнѣйшее, доисторическое время, когда народ стоял еще на такой низкой ступени развитія, что вѣрил в жизнь предметов безжизненных, неодушевленных. От этой далекой по-

ры до нашего времени, конечно, не могло сохраниться в цѣлости ни одного поэтическаго народнаго произведенія. Имѣем только слѣды этой эпохи. К таким слѣдам относятся, напримѣр, обращенія в заговорах к неодушевленным предметам; оживленіе этих предметов в сказках, гдѣ неодушевленному придается иногда не только жизнь, но и способность рѣчи.

§ 36. Період зооморфизма есть період обожанія животных. В этот період, не одушевляя уже безжизненнаго, человек не сознавал еще своего превосходства, как разумнаго существа, над животным міром: в существах этого міра он предполагал ту же внутреннюю, разумную жизнь, какая была в нем самом. Звѣрь от человека, по представленіям той эпохи, различался только внѣшним видом: как и человек он имѣл чувства, разум, волю и дар слова. Знанія, составляющаго силу человека, у первобытных людей было мало. Лишенный природных орудій защиты, не имѣвшій искусственных, человек той эпохи естественно должен был прийти к сознанию превосходства над собою многих существ животнаго міра. Когтистый тигр, зубастый волк должны были внушать ему и страх и уваженіе. Мысль о разумности животных и сознание превосходства многих из них над собою привели первобытнаго человека к обожествленію животных и породили в народной поэзій ряд сказаній, в которых они являются дѣйствующими лицами. Сказки о животных, или так называемый животный эпос, по происхожденію относятся к этой далекой эпохѣ народнаго развитія.

§ 37. Когда человек сознал наконец свое превосходство над всѣм окружающим его міром, настала в мифологій третья, высшая и послѣдняя эпоха—эпоха антропоморфизма. В эту эпоху божества являются уже в человеческом видѣ; и в поэтических сказаніях, относящихся к этой эпохѣ, дѣйствуют или люди или, по крайней мѣрѣ, существа челоѣкообразныя. Дѣйствіями таких существ объясняются уже и всѣ явленія природы, тогда как в предшествовавшую эпоху они объяснялись дѣйствіями существ животнаго

образа. Так, напримѣр, волненіе моря имѣет в нашей народной поэзіи различное объясненіе: по одной сказкѣ, оно волнуется от храпѣнія Норки звѣря, по одной былинѣ— от пляски морскаго царя. Первое объясненіе принадлежит эпохѣ зооморфизма, второе—эпохѣ антропоморфизма.

§ 38. Между образами народной поэзіи и даже содержаніем народно-поэтических произведеній разных народов замѣчается перѣдко близкое, а иногда и поразительное сходство. Только в немногих относительно случаях можно объяснять это сходство заимствованіем одного народа у другаго, вліяніем поэзіи одного на поэзію другаго. Для большинства же случаев такого сходства должны быть приняты слѣдующіе два, одно другое не исключаютія, объясненія: 1) Сходство народных сказаній у родственных народов объясняется одинаковостью происхожденія их. Так народы индо-европейскаго племени имѣли, как извѣстно, нѣкогда один язык, и—в ту далекую пору—одни поэтическія представленія. Многое в этих представленіях, с обособленіем народностей, измѣнилось, как многое измѣнилось и в языкѣ; много явилось новаго у каждаго народа, многое забылось; но не мало углѣбло и общаго. И как слова разных, но родственных между собою языков могут быть возводимы к одному корню, так и в измѣненных народных сказаніях разных народов можно найти, через сравненіе и сопоставленіе их, общее им зерно. 2) Сходство в поэтических представленіях народов, по племени неродственных, чуждых друг другу и никогда в исторической их жизни не соприкасавшихся один с другим, объясняется тѣм, что все человѣчество, без различія тѣх подраздѣленій, на которыя оно распадается, проходило одни и тѣже фазисы развитія, и развитіе это совершалось по одним и тѣмже законам.

39. Из трех родов поэтических произведеній народной поэзіи свойственны только два: лирической и эпической. Драматическая поэзія в народной литературѣ является лишь в задатках, в зародышѣ. Элементы ея сказываются в нѣкоторых обрядовых пѣснях, в которыя иногда входит діалог.

Примѣчаніе. Словом пѣсня в народной поэзіи обозначаются не только лирическія но и нѣкоторыя эпическія произведенія: так, кромѣ пѣсен лирических по их характеру, есть пѣсни былевья (былины), историческія и, так называемые, духовные стихи.

§ 40. Важнѣйшіе виды народно поэтических произведеній— слѣдующіе:

А. Пѣсня (в тѣсном смыслѣ):

а) обрядная, б) бытовая, в) семейная.

Б. Сказка.

В. Былина.

Г. Историческая пѣсня.

Д. Духовный стих.

Кромѣ этих видов, принадлежащих или к лирикѣ или к эпосу, есть между народными произведеніями и такія, которых нельзя отчислить ни к тому ни к другому разряду. Таковы:

Е. Пословицы.

Ж. Заговоры.

З. Загадки и—сходныя с ними—снотолкованія.

(Продолженіе будет).

БИБЛИОГРАФІЯ.

Древняя русская литература (до петровскій період).— Выпуск I. Устная народная словестность.— Учебник для мужских и женских гимназій, институтов и учительских семинарій. Составил П. Евстафьев.— С.-Петербург. 1877.— 8°. С. 88.

Еще не далеко от нас то время, когда наука о народной поэзіи почти не существовала. Какихнибудь 35—40 лѣтъ тому назад, представители нашего образованнаго общества, за немногими исключеніями, были убѣждены, что „одно небольшое стихотвореніе истиннаго художника поэта неизмѣримо выше всѣх произведеній народной поэзіи, вмѣстѣ взятых.“ (Сочиненія В. Бѣлинскаго. Т. V. 32—3). Не так смотрят на значеніе народной поэзіи теперь. За послѣдніе три десятилѣтія многія недюжинныя силы трудились над разработкою народно-поэтических произведеній, собраніе которых увеличивается с году на год. По отдѣлу народной поэзіи составилаь уже цѣлая литература. В рядѣ научных изслѣдованій разработано уже много и общих и частных вопросов, касающихся народной словестности. Правда, многое в этих изслѣдованіях является проблематическим, гадательным, не точным, иногда даже прямо невѣроятным; на многом лежит печать личныя взглядовъ авторов и увлеченій с их стороны тою или другою теоріей, тою или другою предвзятою мыслию, под которыя нерѣдко насильственно пригоняются народно-поэтическія данныя. Но—с другой стороны—многое уже и сдѣлано для прочнаго научнаго объясненія этих данных. Совокупными трудами мифологов, историков и лингвистов многое в народной поэзіи разъяснено уже на столько удовлетворительно, что является возможность и даже—по нашему мнѣнію—необходимость говорить о ея произведеніях и в школьных учебниках по исторіи литературы. К сожалѣнію, даже не всѣ из тѣх трудов по исторіи русской литературы, которые имѣют значеніе не учебных руководствъ, а пособій для учащихся или—

скорѣе — для преподавателей, представляют в необходимой и желательной полнотѣ изложеніе вопросов, касающихся народной поэзіи ¹⁾. В учебниках же вопросы эти до сих пор или излагались отрывочно, поверхностно, или и вовсе не излагались. Это обстоятельство слѣдует казаться объяснять тѣми особенными трудностями, которыя, с дидактической стороны, встрѣчает автор учебнаго руководства по исторіи русской словесности при изложеніи отдѣла народной поэзіи. Многое как уже сказано, в этом отдѣлѣ исторіи литературы еще не выработано, не выяснено; сверх того, для уразумѣнія многого в нем требуются такія свѣдѣнія, которыми может и не обладать, а иногда и не может обладать, учащійся в среднем учебном заведеніи. Автор учебника по народной поэзіи должен быть не только хорошо знаком с существующими изслѣдованіями касательно ея данных, но должен, сверх того, умѣть отличить в этих изслѣдованіях вѣроятное от невѣроятнаго, истинное от ложнаго, и, руководят своим педагогическим опытом, из вѣрнаго и истиннаго выбрать лишь то, что возможно и пригодно для усвоенія учащимися в их извѣстном возрастѣ и развитіи.

Г. Евстафьев задумал книгою, заглавіе которой выше приведено, восполнить существующій в наших учебниках недостаток систематическаго курса русской народной поэзіи. Намѣреніе доброе, которому, конечно, порадовались многіе преподаватели русской словесности. К сожалѣнію, силы автора оказались слишком слабы для успѣшнаго выполненія принятой им на себя задачи. Книга его — и по выбору фактов, и по группировкѣ их, и по объясненіям — является неудачною попыткою послужить благой цѣли. Зна-

¹⁾ Из общих курсов исторіи русской литературы самый полный и обстоятельный обзор и объясненіе народно-поэтических данных представляет Опыт историческаго обозрѣнія русской словесности О. Ф. Миллера, — прекрасный труд, оставшійся, к сожалѣнію, далеко не оконченным.

комство г. Евстафьева с научною литературою предмета, который он излагает, незначительно. Многие в народной поэзии он сам представляет себѣ неясно и понимает невѣрно. Приемы его изложенія не обличают в нем педагогическаго такта. Наконец самый слог книги, язык ея страдает мѣстами неточностью и неясностью.

Имѣя в виду, что книга г. Евстафьева, как единственная пока в своем родѣ, обратит на себя вниманіе учащихся и учащихся, что многіе из тѣх и других будут ею пользоваться, считаем не лишним здѣсь, не ограничиваясь общим отзывом о ея недостатках, указать в частности на нѣкоторые, болѣе важные из них.

Во введеніи опредѣляя *словесность*, автор замѣчает, что „в частном смыслѣ словесность называется еще *литературой, беллетристикой* (belles. lettres)“ (С. 2).

Разграничивать так или иначе понятія, выражаемыя словами словесность и литература, нам кажется излишним. Тѣ разграниченія, которыя относительно их дѣлалось и дѣлаются, искусственны и произвольны ¹⁾. Это два слова, из которых одно русское другое иноземное, выражающія одно и тоже понятіе. С одинаким правом можно сказать — народная словесность и народная литература. Во всяком случаѣ то разграниченіе смысла этих слов, которое допускает г. Евстафьев, лишено всякаго основанія. Говоря, что словесность в тѣсном смыслѣ может быть названа литературой, он тѣм самым утверждает, что она же в *широком, общем* смыслѣ не должна быть так называема. Но к сло-

¹⁾ Бѣлинскій в послѣдовательном развитіи выразившагося в словѣ народнаго сознанія различал три ступени: словесность (народныя произведенія), литература (художественныя произведенія), письменность (средняя между тѣми и другими ступень) (Соч. XII, 395). Г. Миллер под словесностью тоже понимает совокупность произведеній устных, под литературой письменных, извѣстнаго содержанія. Словесность переходит в литературу, по его замѣчанію, с возникновеніем личной мысли (Опыт ист. обзор.).

вѣстности в общем смыслѣ г. Евстафьев совершенно справедливо относит не только поэтическія но и всѣ научныя произведенія. Значит, говоря о совокупности послѣдних, слѣдует выражаться *научная словесность*, и нельзя сказать *научная литература*?

Утвержденіе г. Евстафьева, что словесность в тѣсном смыслѣ называется будто бы беллетристикой, в высшей степени невѣрно и странно. *Belles lettres*—дѣйствительно произведенія так называемой изящной словесности, но у нас слово *беллетристика* давно уже получила болѣе ограниченное значеніе, сдѣлавшись одним из видовых понятій родовых *словесность*, *литература*. Державина, Жуковскаго, Пушкина никто не назовет *беллетристами*; исторія русской беллетристики значит далеко не то, что исторія русской литературы, словесности. По опредѣленію же г. Евстафьева выходит, что не только перворазрядные поэты новаго времени, но и древніе—полумифическій Боян, неизвѣстный автор Слова о полку Игоревѣ, и, наконец, даже народныя пѣвцы могут быть названы беллетристами.

Опредѣлив словесность и ея исторію и указав на періоды в развитіи народной жизни (старое дѣленіе—на мифическій, героическій и историческій періоды), автор обращается к характеристикѣ русской народной словесности. Он опредѣляет народныя произведенія по времени их происхожденія, по содержанію и его обработкѣ, по формѣ и по значенію. Остановимся нѣсколько на этих опредѣленіях, так как они составляют существенно важную часть книги, посвященной обзору народной поэзіи.

„Начало ея (народной словесности) восходит ко временам доисторическим. В то время полный простор для народной поэзіи: тогда народ еще не знаком с книгою и живет не столько *размышленіем*, сколько *воображеніем*“ (С. 7). Пора бы бросить эту безусловно ложную мысль о перевѣсѣ у первобытнаго человѣка воображенія над разумом. Между тѣм г. Евстафьев повторяет ее не раз в своей книгѣ. Так на стр. 62 он утверждает, что „по *преобладанію фантазіи*

в младенческой период развития, народ переносит на животных человеческия свойства и намѣренія.“

Говоря об особенностях народной поэзии со стороны содержания ея и обработки этого содержания, автор вовсе не останавливается на вопросѣ о разности народно-поэтических образов от образов художественной поэзии; он ограничивается общими, мало стоящими, замѣчаниями о наивности народной поэзии, чистосердечіи, простосердечіи, правдивости и т. д. (С. 7—8). Что, спрашивается, вынесет из таких замѣчаній учащійся?

Неудачно опредѣляет г. Евстафьев народныя произведенія и со стороны их формы. „Как произведенія цѣлаго народа, а не отдѣльных авторов, они не представляют тѣх особенностей и отличій, какія замѣчаются в сочиненіях *даровитых писателей* (значит, представляют тѣ особенности, которыя встрѣчаются у *недаровитых писателей*?) Слог всѣх народных произведеній *простонародный*, общенародный...“ (С. 8). Что народныя произведенія по языку народны или простонародны, об этом ученик, без сомнѣнія, мог догадаться и независимо от г. Евстафьева... Впрочем автор указывает и еще на нѣкоторыя особенности рѣчи произведеній народного творчества; в числѣ их на „удлиненныя окончанія прилагательных, ради большаго полногласія и выразительности (?) рѣчи“ (8). Но это не есть особенность народно-поэтического выраженія, а архаическая особенность народного языка—в одних случаях, особенность народной метрики—в других.

В числѣ примѣров того, что в народных произведеніях „часто один и тот же корень повторяется в разных формах слова,“ между прочим приведены выраженія: во *пути во дороженькѣ, конь — лошадь вѣрная*“ (С. 9). Конечно, г. Евстафьев не думает, чтоб конь и лошадь, или путь и дорога были только разными формами одного и того же корня, но выражается он так, как будто бы думал именно это.

Неудовлетворительно опредѣляет автор и значеніе народно-поэтических произведеній. „В своих безыскусствен-

ных пѣснях и былинах народ слышит вѣрные отголоски родной старины. Он не только наслаждается пѣсней или былиной, но и *научается* из нея *знать* свою прошедшую жизнь, любить своих богатырей, проникаться их общенародными идеалами. Из сказки своей народ поучается до добродѣтели” и т. д. (С. 11). Если все это (и между прочим то, что народ поучается из сказки добродѣтели) и вѣрно, то учащійся узнает из книги г. Евстафьева значеніе народной поэзіи для *народа* же и должен остаться в недоумѣніи касательно того, какое значеніе произведенія этой поэзіи могут имѣть для нас, почему они являются предметом изученія со стороны лиц образованнаго общества. На этот вполне естественный вопрос автор не дает никакого отвѣта.

Закончив введение в предмет и уже приступив к самому изложенію этого послѣдняго, г. Евстафьев почему то снова возвращается к вопросу об особенностях народной поэзіи и замѣчает: „Особенность содержанія народной словесности заключается в том, что в ней всякій предмет изображается *картинно, поэтически* (С. 13). Но развѣ эта картинность, образность выраженія — черта только *народной* поэзіи? Развѣ это не есть отличительная черта *поэзіи вообще*? Значит, по мнѣнію г. Евстафьева предметы в художественной поэзіи изображаются не картинно, не поэтически? Да, он думает так, и картинность изображеній в народной поэзіи поясняет тѣм, что „безыскусственная народная словесность соотвѣтствует именно тому раннему періоду народной жизни, когда у народа фантазія преобладает над прочими силами души” (Т. же).

Достаточно сказаннаго, чтоб видѣть как неудалось г. Евстафьеву опредѣлить отличительныя черты народной поэзіи. Он наговорил по этому предмету много, но не сказал ничего существенно важнаго. Им или совершенно не тронуты или едва тронуты и не рѣдко ложно поставлены тѣ вопросы, на которых должно бы сосредоточиться вниманіе составителя учебника по народной поэзіи.

В книгѣ, представляющей неудовлетворительное изло-

женіе общих вопросов предмета, трудно ожидать вѣрнаго опредѣленія частныхъ его. Можно бы поэтому и не продолжать разбора книги г. Евстафьева; но, в предостереженіе пользующихся ею, сдѣлаем еще нѣсколько замѣчаній о ней.

Разсматривая пѣсни мифическія или обрядныя, автор перечисляет языческія божества Славян. Главныхъ божествъ по его счету въходитъ 15. Это неожиданное богатство славянской мифологіи условливается тѣмъ, что г. Евстафьевъ не задумался поставить на ряду с Перуномъ, Волосомъ и другими лѣтописными божествами — Ладомъ („божество весны, радости и любви,” по его утверженію), русалокъ, домоваго водянаго, лѣшаго, даже Бабу-Ягу и Кощея (С. 14).

Говоря о пѣсняхъ колядныхъ и опредѣляя происхожденіе слова *Коляда*, авторъ между прочимъ замѣчаетъ: „Слово *Коляда* производятъ отъ латинскаго *calendae*; такъ у Римлянъ называлось первое число каждаго мѣсяца. Польское *календа* (не *календа*, а *коленда* = *kołęda*) производятъ отъ *caleo* — разгорячаюсь, горю” (С. 16). Какъ же долженъ понять ученикъ эти замѣчанія: такъ ли, что русское *коледа* происходитъ отъ латинскаго *calendae*, а польское *коленда* отъ латинскаго *caleo*; или такъ, что то и другое происходятъ отъ *calendae* а послѣднее отъ *caleo*, или не такъ и не такъ, а еще какъ либо?

Упомянувъ о праздникѣ *Купала*, г. Евстафьевъ считаетъ нужнымъ сообщить учащимся, что названіе это „иные производятъ отъ славянскаго *купать*; другіе, напримѣръ *Яковъ Гриммъ*, производятъ отъ нѣмецкаго *Naufe* или литовскаго *Каурасъ*“ (С. 22). Это упоминаніе о Гриммѣ въ учебникѣ считаемъ совершенно неумѣстнымъ, какъ и другія ссылки по нѣкоторыхъ ученыхъ, которыя иногда, хотя и рѣдко, встрѣчаются въ книгѣ г. Евстафьева. Кого имѣлъ онъ въ виду при этихъ ссылкахъ? Если преподавателей, то ссылокъ черезъ чуръ мало; а для учащихся онѣ не нужны. Имъ нѣтъ дѣла до того, что такой то ученый о данномъ предметѣ думаетъ такъ, а такой то иначе. Изъ учебника должна быть совершенно устранена разногласица. Составитель учебнаго руковод-

ства должен или из нѣскольких спорных мнѣній выбрать одно и выставить его как дѣйствительную или вѣроятную истину, или обойти вовсе тѣ вопросы, по которым еще не выработалось даже вѣроятнаго рѣшенія. Сверх того, педагогическій тактъ должен бы остановить г. Евстафьева от сопоставленія в его учебникѣ *Haufe* и *Купала*: вѣдь ученики средняго учебнаго заведенія не слушаютъ курса сравнительнаго языкознанія, им не извѣстен закон перебора звуков (*Lautverschiebung*) в нѣмецкомъ языкѣ; они не поймутъ, слѣдовательно, какъ можно отождествлять по корню два на столько—для них—различныя слова, какъ *Haufe* и *Купало*!

Столь же неумѣстнымъ считаемъ мы и ссылку на санскритъ, которую дѣлаетъ авторъ на стр. 27, говоря о корнѣ слова богатырь.

„Богатырями, говоритъ онъ, именуется тѣ исполнины фпической и нравственной (?) силы, которые составляютъ главное содержаніе былин (*богатыри* составляютъ *содержаніе* былин — такихъ неточныхъ и неправильныхъ выраженій в разбираемомъ учебникѣ не мало).“ „Слово *богатырь* производятъ (напр. профессоръ Буслаевъ) отъ слова *бог*... Другіе ученые (почему же здѣсь нѣтъ примѣра, если онъ уже нуженъ былъ разъ?) производятъ названіе *богатырь* отъ монгольскаго *багатур*, *батур*, *батырь*. Если, какъ видно изъ книгц, г. Евстафьеву кажется вѣроятнымъ (маловѣроятное) мнѣніе пр. Буслаева, то не зачѣмъ было и говорить о мнѣніи противоположномъ; но онъ не только привелъ эти два мнѣнія, но и попытался примирить ихъ: „Впрочемъ, говоритъ онъ, корень у всѣхъ этихъ названій одинъ и тотъ же, именно древнеиндійскій (санскритскій): *bhata*“ и пр. (С. 27—8). Если ученики не знаютъ того, что монгольскіе языки не принадлежатъ къ индо-европейской семьѣ, то они безъ труда повѣрятъ сказанному г. Евстафьевымъ; а если знаютъ, то будутъ в недоумѣніи, — какъ это санскритскимъ корнемъ объясняются монгольскія слова. Ужъ если г. Евстафьевъ не счелъ излишними вышешприведенныхъ замѣчаній о словѣ богатырь, то ему слѣдовало бы точнѣе передать слова источника, на который онъ ссылается. Ссылка сдѣлана имъ на книгу г. О. Миллера

„Илья Муромец.“ В книгѣ этой по вопросу о корнѣ слова богатырь приводится, между прочим, мнѣніе Шотта, который думает, что слово это индо-европейскаго происхожденія, что оно от Персов перешло к Монголам, а от Монголов к Русским; что слѣд. у Монголов оно не коренное, а заимствованное.

О языкѣ былин г. Евстафьев выражается так: „язык былин всегда простой, тот самый, который ежедневно употребляется народом“ (С. 39). Это невѣрно. Можно, наоборот, утверждать, что язык былин, как и вообще пѣсен, отличается нѣкоторыми чертами от живой обыденной рѣчи народа. Одни из этих черт суть архаизмы, другія условливаются мѣрною рѣчью былин. Г. Евстафьев напрасно думает, что „слова, выраженія и приемы устарѣвшіе (в былинах) не удерживаются, а замѣняются тѣми, которыя принадлежат живой рѣчи послѣдняго поколѣнія“ (30 — 31): в былинах можно отмѣтить не мало слов, которыя давно уже вышли из употребленія. Пусть г. Евстафьев вспомнить хотя бы слово *иридня*, столь часто встрѣчающееся в былинах. Былевые пѣвцы употребляют иногда даже такія слова, с которыми сами не соединяют уже никакого смысла; употребляют лишь потому, что „так поется“ (см. Онежскіе былины Гильфердинга).

„Всѣ старшіе богатыри своими дѣйствіями олицетворяют первобытный, звѣроловный, бродячій, період жизни русскаго народа, період смутнаго сознанія своих сил, не сложенных еще ни в какое стройное цѣлое“ (С. 29). Сомнительно, чтоб такое опредѣленіе дѣятельности старших богатырей показалось учащимся достаточно ясным. Что значит, спросят они, смутное сознаніе своих сил? Что значит несложность народных сил ни в какое стройное цѣлое? Полагаем, что и преподавателю будет не легко разрѣшить по этим вопросам недоумѣніе учащихся.

„Силы у Святогора непомѣрно много, но дѣятельности никакой; не выяснилось (кому?) еще цѣли. Оттого и самый образ этого богатыря громаден, но не ясен“ (С. 35). Не естественнѣе ли и проще было бы сказать, что образ

Святогора не отличается ясностью и определенностью потому, что, по времени его происхожденія, он относится к очень отдаленной эпохѣ народной жизни: чѣмъ старѣе данный антропоморфическій образъ в народной поэзіи, тѣмъ онъ отдаленнѣе от типа обыкновеннаго чловѣка и, слѣдовательно, тѣмъ неопредѣленнѣе.

То обстоятельство, что *тма земная* оказалась не под силу Святогору, авторъ объясняетъ такъ: „тутъ проглядываетъ та идея, что земля, какъ стихія уступаетъ первенство землѣ, какъ основѣ земледѣлія“ (С. 35). Будь это такъ, былина о Святогорѣ и сумкѣ переметной представляла бы весьма хитрую аллегорію, чего, конечно, нѣтъ и быть не можетъ.

Говоря объ Ильѣ Муромцѣ, г. Евстафьевъ не упоминаетъ вовсе объ одной изъ замѣчательнѣйшихъ былинъ, касающихся этого богатыря—о боѣ его съ сыномъ. Читеніе и разборъ этой былинны тѣмъ болѣе слѣдовало бы ввести въ курсъ, что она представляетъ данныя для сравненія съ повѣстью о Рустемѣ и Зорабѣ, съ которою и могутъ и должны ознакомиться учащіеся по прекрасному переводу Жуковскаго.

Былину о Царѣ Калинѣ авторъ отнесъ къ историческимъ пѣснямъ. Онъ послѣдовалъ въ этомъ случаѣ Галахову, по напрасно: и по внѣшней формѣ—по складу стиха, и по именамъ дѣйствующихъ лицъ, и по образамъ, и по полнотѣ разсказа, и по содержанію, и по многихъ частностяхъ—пѣсня объ Ильѣ и царѣ Калинѣ на столько же принадлежитъ былевому эпосу, какъ и другія пѣсни объ Ильѣ.

Характеристика Алеши Поповича у г. Евстафьева не полна и не точна. Говоря, что „онъ смѣлъ до дерзости“ (С. 44), слѣдовало бы добавить, что смѣлость эта скорѣе нахальство чѣмъ храбрость: онъ дерзко смѣлъ почти всегда лишь тамъ, гдѣ не чуетъ для себя большой бѣды; въ минуты же серьезной опасности, онъ проявляетъ болѣе изворотливости чѣмъ храбрости. Онъ старается обыкновенно побороть врага не открытою силою, въ честномъ бою, а взять подъ нимъ перевѣс хитростью.

Михайлѣ Потоку Ивановичу народный эпосъ отводитъ в

ряду других богатырей весьма почетное мѣсто. Слѣдовало бы по этому упомянуть о нем, чего г. Евстафьев не дѣлает.

Из пѣсен о Грозном пропущена автором одна из характернѣйших—об осужденіи царем на смерть своего сына.

Статья о народных сказках в разбираемом учебникѣ изложена слабо и неудовлетворительно. Автор не понимает ясно характера сказки и ея основнаго значенія. От былины, по его мнѣнію она „отличается тѣм, что представляет несравненно болѣе простора воображенію“ (С. 57). „Сам народ, добавляет он к этому, отозвался (о чем?) так: пѣсня—быль, сказка—складка“ (Т. же). Это народное опредѣленіе г. Евстафьев поясняет так: „Другими словами: пѣсня передает бывшее в том видѣ, как оно происходило, а сказка вносит в свой рассказ вымысел за вымыслом, а иногда украшивает этот рассказ такими лицами, характеристиками и дѣйствіями, какія нигдѣ и никогда не были и не могли быть“ (Т. же). Но во 1-х, такія лица и такія дѣйствія являются, как то признает сам автор (С. 58), нерѣдко и в былинах; во 2-х, если сказка представляет—что несомнѣнно—болѣе чѣм былина необычнаго (того, что автор не совсем удачно называет вымыслом), то нужно бы выяснить, почему это так, выяснить из опредѣленія отношеній этих двух видов народнаго творчества. Сказать по этому поводу лишь то, что „в сказкѣ болѣе простора воображенію“, значит еще ничего не сказать опредѣленнаго.

Г. Евстафьев знает об отраженіи в сказках „древних, наивных преданій о природѣ, ея чудных силах и явленіях“ (С. 59). Тѣм болѣе неумѣтно то, что им сказано о сказкѣ на стр. 57. Автора как будто смутило народное опредѣленіе сказки, ея противопоставленіе пѣснѣ, как складки—были. По поводу этого опредѣленія слѣдовало бы замѣтить, что сказка сдѣлалась в глазах народа складкою, вымыслом с тѣх пор, как народ утерял вѣру в возможность дѣйствительнаго существованія представляемых ею образов; но что такую вѣру он имѣл нѣкогда и что слѣдовательно было время, когда сказка также как и пѣсня была в его глазах—*былью*, повѣствованіем о том, что дѣйствительно

было, что дѣйствительно нѣкогда совершилось. И г. Евстафьевъ находитъ необходимымъ оговорить слова „сказка-складка,“ но его оговорка выражена такъ многословно и не ясно, что учащейся едва ли доберется в ней до опредѣленнаго смысла: „Названіе сказки складкою надо понимать в том смыслѣ, что в этой формѣ народная фантазія, не стѣняясь ни временемъ ни пространствомъ, создаетъ безконечно разнообразныя картины изъ всего запаса мыслей, чувствъ, практическаго опыта и идеальныхъ стремленій, какія выработались в народѣ во всю его жизнь, начиная с эпохи доисторической“ (С. 58).

Языкъ учебника долженъ быть простъ, точенъ и ясен. Никакъ нельзя сказать чтобъ такими качествами отличался языкъ учебника г. Евстафьева.

Непродолжая нашего разбора содержанія этого учебника, замѣтимъ в заключеніе, что самая система в какой авторъ излагаетъ свой предметъ, неудовлетворительна. Народныя произведенія разсматриваются имъ в такомъ порядкѣ и послѣдовательности: пѣсни мифическія или обрядныя, былины, пѣсни историческія, сказки, пословицы, пѣсни лирическія. В отдѣлѣ пѣсенъ мифическихъ, говоря о купальскихъ пѣсняхъ, авторъ некстати говоритъ о Голубиной книгѣ (С. 24—5). Еще болѣе странно то, что в одномъ отдѣлѣ с пѣснями говоритъ онъ о народныхъ легендахъ. (Замѣтимъ, что выборъ легенды о Св. Касьянѣ и Николаѣ для учебной книжки едва ли можетъ быть названъ удачнымъ).

Ясно изъ всего предыдущаго, что учебникъ г. Евстафьева представляетъ много неудовлетворительныхъ сторонъ. Тѣмъ не менѣе, за авторомъ остается заслуга перваго почина в дѣлѣ систематическаго изложенія курса народной поэзіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Желательно, чтобъ примѣръ г. Евстафьева нашелъ себѣ возможно большее число подражателей: только рядомъ опытовъ можетъ выработаться удовлетворительный учебникъ по этому отдѣлу исторіи русской литературы. Одинъ изъ такихъ опытовъ предлагается в этомъ N Русскаго Филологическаго Вѣстника на разсмотрѣніе

и оцѣнку гг. преподавателей и других компетентных по предмету лиц.

Учебник теоріи поэзіи. Для V класса мужских и женских гимназій. Составил И. Бѣлоруссов, преподаватель Архангельской гимназіи. Архангельск. 1877.—12°. С. II+53.

По теоріи словесности вообще, по теоріи поэзіи в частности, у нас нѣтъ такого учебника, который удовлетворял бы потребностям и желаніям преподавателей и учащихся. Не является таким и учебник г. Бѣлоруссова. Автор при составленіи его имѣл цѣлью „сообщить ученикам V класса основныя и самыя важныя свѣдѣнія по теоріи поэзіи.“ Преслѣдуя эту цѣль, он думал, что учебник его может, сверх того, „служить памятною и справочною книжкою и в дальнѣйших классах.“ Как „памятная и справочная книжка“ учебник г. Бѣлоруссова может дѣйствительно быть не бесполезен для учащихся; но как руководство для V класса он, по нашему мнѣнію, требует многих измѣненій и дополненій. Составить хорошій учебник теоріи поэзіи для средних учебных заведеній вообще—задача не легкая, составить же его удовлетворительно для V класса гимназій—задача положительно трудная. Мы думаем даже, что трудности этой задачи частію даже неодолимы. Дѣло в том, что в теоріи поэзіи есть не мало такого, что едва ли и при самых лучших условіях (хорошем преподавателѣ, хорошем учебникѣ и счастливом составѣ класса) может быть вполне сознательно воспринято и усвоено учащимися. Хотя г. Бѣлоруссов, на основаніи собственнаго своего педагогическаго опыта, и говорит в предисловіи к своей книгѣ: „что касается того, возможно ли ученикам V класса усвоить сообщаемыя (его учебником) свѣдѣнія, то я могу отвѣтить утвердительно,“—мы все-таки сомнѣваемся, чтоб это усвоеніе было у них сознательным и прочным. По мнѣнію самого автора ученикам должны даваться теоретическія опредѣленія родов и видов поэзіи, как *выводы из чтенія и разбора*

образцев. Но вѣдь если так, то, слѣд., ученики V класса должны непосредственно познакомиться и с такими, между прочим, видами поэтических произведений, как роман, трагедія, драма и комедія. И дѣйствительно: автор требует чтобы ученики прочитали на дому Евгенія Онѣгина Пушкина, Макбета Шекспира, Ревизора Гоголя и даже (что совсѣм уже неумѣстно) Грозу Островскаго. Спрашивается: можно ли ожидать, что бы нашелся хоть один 14—15 лѣтній ученик, который был бы в состояніи усвоить себѣ должным образом названныя произведенія? Не очевидно ли, что в данном случаѣ от учеников требуется то, что далеко не соответствует их возрасту, умственным силам и степени их развитія? По нашему мнѣнію, с учениками того возраста, в каком, по общей нормѣ, они вступают в V класс или переходят в слѣдующій, можно изучать по образцам только лирическія произведенія и простѣйшіе виды эпоса (пидиллія, сказка, басня, баллада, былина и так называемая героическая поэма); изученіе же романа и драмы слѣдует отнести к одному из высших классов—VI и даже VII. Только к концу гимназическаго курса может преподаватель требовать от учащихся сознательнаго отношенія к таким произведеніям как Евгеній Онѣгин Пушкина или драмы Шекспира; рассчитывать же, что произведенія эти будут поняты и оцѣнены учащимися, только что перешагнувшими дѣтскій возраст,—значит сильно заблуждаться, не без серьезнаго вреда для педагогическаго дѣла.

И так, полный, цѣльный (хотя бы и самый краткій) курс теоріи поэзіи для *пятого* класса гимназіи невозможен. Уже одно это обстоятельство должно было условить собою неудовлетворительность нѣкоторых сторон учебника г. Бѣлоруссова, назначеннаго именно для V класса. Сверх того, есть в нем недостатки и независящіе от цѣли, с которою составлен он. Нерѣдко замѣчается в нем краткость в ущерб ясности и необходимой полноты в опредѣленіях; о многом не сказано из того, что слѣдовало бы сказать. На вопросы: что такое идеалы, что такое литературные типы, что такое прекрасное, что такое поэтическій образ и чѣм он разнится

от олицетворенія, что такое художественность, какое значеніе имѣютъ поэтическія произведенія, и на многіе другіе учебникъ г. Бѣлорусова или не даетъ отвѣта вовсе, или даетъ отвѣты недостаточно полные и опредѣленные.

Между тѣмъ такіе общіе вопросы в учебникѣ теоріи поэзіи должны быть, такъ или иначе, не только затронуты, но и по возможности выяснены. На частностях учебника останавливаться не будемъ, замѣтивъ вообще, что онъ представляетъ собою небезполезное явленіе в нашей учебной литературѣ: роды и виды поэтическихъ произведеній опредѣлены г. Бѣлоруссовымъ, за немногими исключеніями, правильно и толково. Странно, что в своемъ учебникѣ авторъ ничего не говоритъ о народной поэзіи. Это—важный, ничѣмъ неоправдаваемый пробѣл. Необходимо было бы не только опредѣлить виды народно-поэтическихъ произведеній, но и указать, гдѣ это возможно, на ихъ отношенія къ видамъ поэзіи художественной. Кстати о послѣднихъ: почему г. Бѣлоруссовъ называетъ поэмы, подобныя Шильонскому узнику, *повѣствовательными стихотвореніями*? Терминъ ненужный и неудачный. Неудачно и принятое г. Бѣлоруссовымъ подраздѣленіе эпической поэзіи на—1) поэму, 2) эпическое повѣствованіе, 3) романъ и повѣсть. Развѣ первый и третій изъ этихъ видовъ не представляютъ собою эпическаго *повѣствованія*? Почему же отнести къ послѣдней рубрицѣ только идиллію, басню, балладу и такъ называемое авторомъ повѣствовательное стихотвореніе? Еще вопросъ: на какомъ основаніи г. Бѣлоруссовъ *историческую повѣсть* Гоголя Тарас Бульба относитъ къ числу поэмъ, говоря о ней в той же рубрицѣ, гдѣ идетъ рѣчь объ Иліадѣ и Одиссеѣ?..

Разныя извѣстія и замѣтки.

Комиссія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящая при московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Иностранныхъ дѣлъ, издала недавно пѣсни Кирши Данилова. Это изданіе—третье—есть точная перепечатка втораго, сдѣланнаго Калайдовичемъ в 1818 г. (первое—Якубовича 1804). Изданіе Калайдовича давно уже стало библиографическою рѣдкостью. Теперь, благодаря означенной Комиссіи, является возможность приобрести „Древнія Россійскія стихотворенія“ по умѣренной цѣнѣ (2 р.). Конечно, этою возможностью воспользуются преподаватели словесности и училищныя бібліотеки.

Еще важнѣе для преподавателей русскаго языка и словесности переизданіе Толковаго Словаря Даля, предпринятое книгопродавцемъ (петербургскимъ) Вольфомъ. Подписная цѣна на все изданіе, имѣющее выходить выпусками, назначена очень умѣренная—15 р. В первомъ изданіи словарь стоилъ 21 р., а в послѣднее время цѣна на него, по объявленіямъ нѣкоторыхъ антикваровъ, доходила до 50 р. и болѣе. Трудно сомнѣваться в томъ, что книгопродавецъ Вольфъ будетъ имѣть успѣхъ в предпринятомъ имъ дѣлѣ. Желательно только, чтобы оно было выполнено какъ слѣдуетъ. К сожалѣнію, публикѣ ничего неизвѣстно изъ объявленій Вольфа о томъ, кто руководитъ дѣломъ изданія.

Давно уже требуетъ перепечатки востокое изданіе знаменитѣйшаго изъ памятниковъ древне-русской письменности—*Остромирова Евангелія*. В 1874 г. в Филологическихъ Запискахъ (вып. VI) напечатано было объявленіе отъ редакціи 2-го изданія *Остромирова Евангелія*. Объявленіе это, приглашая къ подпискѣ на изданіе, обѣщало многое: сверхъ перепечатки того, что даетъ изданіе Востокова, оно

сулило новые снимки, расширение грамматических объяснений к тексту памятника и новую обработку словаря к нему. При этом подписная цена объявлена была самая низкая — три рубля. Что бы усилить подписку, объявление гласило, что памятник будет напечатан в количестве экз., соответствующем числу подписчиков, и что ни один экз. не будет затѣм пущен в продажу „ни в каком случаѣ, ни за какія деньги.“ Кто составлял редакцію предпринятаго изданія, заявлено не было; подписчики приглашались посылать свои затребованія в Петербург в редакцію 2 изд. О. Е., адрес которой „почтамту извѣстен.“ Без всякаго сомнѣнія, объявленіем соблазнились многіе и взносов в „редакцію“ должно было поступить не мало. Что же случилось с предприятием? Вот уже *четыре* года прошло со времени напечатанія упомянутого объявленія, и не только не появляется обѣщанное изданіе, но нѣтъ даже и слухов о том, появится ли оно когда либо. Желательно, чтобы почтенная редакція Фил. Записок, напечатывшая это объявленіе, обратилась в таинственную „редакцію 2-го изд. О. Ев.“ с запросом—ждать или не ждать подписавшимся этого изданія.

Вышел V том „Русской бібліотекп,“ издаваемый г. Стасюлевичем. Он содержит в себѣ сочиненія А. С. Грибоѣдова. Как и при других томах, при нем приложены: портрет автора, его fac simile, біографія (составлена А. Веселовским) и выдержка из критики Бѣлинскаго. „Горе от ума“ напечатано не только вполнѣ, но с добавленіем вариантов, из которых нѣкоторые еще не были изданы. Кромѣ Горе от ума, в книгѣ помѣщена переписка Грибоѣдова и нѣсколько мелких его сочиненій. V том Русской Бібліотеки отличается от других тѣм, что заключает в себѣ не выборку, не выдержки из сочиненій писателя, которому посвящен он, а перепечатку их в цѣлом их объемѣ. Он не имѣет поэтому характера христоматіи, как прочіе томы того же изданія. (Для кого составляются и печатаются эти христоматіи—недоумѣваем. По содержанію отрыв-

ков, помѣщенных в изданных томах Р. Б., видно, что изданіе это назначается не для дѣтей, не для учащихся. Но кому же из взрослых придет в голову составлять себѣ бібліотеку из христоматій? Даже в школах художественное произведеніе должно быть, по нашему мнѣнію, изучаемо не иначе как в его цѣлости. Можно составить выбор, антологію из мелких лирических произведеній даннаго поэта или нѣскольких, но едва ли для кого могут быть пригольны сборники отрывков из романов и драматических произведеній...)

В одной из петербургских газет, мѣсяца два—три тому назад, мы встрѣтили извѣстіе, что задумано учрежденіе общества, цѣль котораго—удешевленіе учебных руководств и пособій. Если это извѣстіе и невѣрно, то все же оно свидѣтельствует, что существующія цѣны на учебники кажутся иногда высокими и что желательно возможное пониженіе их. Укажем на весьма, по нашему мнѣнію, дѣйствительное средство к значительному удешевленію учебных книг, независимо от дѣйствій предполагаемаго общества. Это средство—возобновленіе при учебных заведеніях *книжных магазинов*. Почему они уничтожены — не знаем, а что они были полезны и могут быть полезны для карманов учащихся—не сомнѣваемся. Тѣ 25—30%, которые авторы учебников уступают в настоящее время книгопродавцам, они конечно охотно уступали бы и учебным заведеніям; послѣдніе могли бы из своих книжных магазинов продавать учащимся книги по той цѣнѣ, по какой онѣ ими приобрѣтены. Таким образом, авторы учебников оставались бы при том же вознагражденіи за свой труд, какое получают они теперь; а учащіеся приобрѣтали бы учебныя пособия на 25—30% дешевле.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБ ИЗДАНИИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ЗАПИСОК“

в 1879 году.

Г О Д XVIII-й

(Журнал одобрен Ученым Комитетом Министерства Народ. Просв. и рекомендован учебным заведениям, также Советом Женских Учеб. Заведений и Управлением Военно-Учеб. Заведений.)

Издавая столько лѣтъ „Филологическія Записки,“ мы не можем умолчать, что нам пришлось выдержать много препятствій и борьбы с разными обстоятельствами веденія изданія. Только одна любовь к дѣлу, которому мы посвятили себя, только интересы науки двигали нашу энергію— итти вперед смѣло, не останавливаясь, а сочувствіе к нашему изданію, лестные отзывы компетентных лиц и наконец одобреніе и предложеніе администраціей высшаго начальства пріобрѣтать оное для библіотек учебных заведеній укрѣпили в нас увѣренность, что дѣятельность наша не бесплодна. Благодаря доброму сочувствію учебных заведеній к нашему изданію, мы употребим и в будущем всевозможныя усилія, чтобы наше изданіе по возможности удовлетворяло разным педагогическим и научным требованіям и запросам, а потому надѣемся, что наличные наши подписчики поддержат наше изданіе своею выпискою и в слѣдующем году.

При этом мы не можем не выразить своей глубокой благодарности нашим почтенным сотрудникам за их живое участіе в трудах Редакціи. Такое сочувственное отношеніе

к интересам науки налагает на Редакцію обязанность продолжать свое изданіе в 1879 году с большою энергіей и неуклонно слѣдовать тому-же направленію, какое принято нами как в изслѣдованіях по языку и словесности вообще, по Русскому в особенности, равно и славянским нарѣчіям, так и по сравнительному языкознанію и сравнительной грамматикѣ. Особенное вниманіе обращено будет на разработку грамматических вопросов по русскому языку; при чем будут сообщаться библиографич. свѣдѣнія о трудахъ заграничныхъ ученыхъ славистовъ по разработкѣ грамматическихъ данныхъ языка, каковое знакомство с подобнаго рода изслѣдованіями можетъ представить другой интересъ для преподавателей. Прислушиваясь вообще к современнымъ требованіямъ науки, мы, на сколько это возможно, будемъ откликаться на научные запросы.

Что же касается тѣхъ учебныхъ заведеній (разныхъ вѣдомств), которыя не состоятъ в числѣ нашихъ подписчиковъ, мы не думаемъ, чтобы педагогическими совѣтами оныхъ не сознавалась надобность в подобномъ періодическомъ изданіи, в которомъ разрабатываются научные вопросы по языку и литературѣ и излагаются разныя изслѣдованія, если бы совѣты эти вполнѣ были ознакомлены с нашимъ спеціальнымъ изданіемъ, — преподаватели языковъ и литературы увидѣли бы, что в немъ принимаютъ дѣятельное и живое участіе многіе изъ профессоровъ и преподавателей, к трудамъ которыхъ нельзя не относиться с сочувствіемъ в дѣлѣ разработки науки. Достаточно сказать, что такіе труды, из числа многихъ другихъ, помѣщенные в Филологическихъ Зап. за послѣднее время, как напр.—проф. Потебни—„Изъ записокъ по русской грамматикѣ,“ „Слово о полку Игоревѣ. Текстъ и примѣчанія,“ „Малорусская народная пѣсня по списку XVI в.;“ проф. Макушева—„Изъ чтеній о старочешской письменности;“ Смирнова—„О словѣ о пол. Иг.“ Лебедева—„О Шекспирѣ;“ Дмитревскаго—„Практическія замѣтки по русскому синтаксису“ (новый взглядъ на предложеніе и части его);—„Автобіографія Андерсена“ (перевод) и мн. др.—не могутъ не интересовать каждаго изъ препода-

давателей и вообще челоуѣка просвѣщеннаго, слѣдящаго за движеніемъ науки. Полагаемъ, что интересующіеся наукой найдутъ в нашемъ изданіи и нужный матеріалъ для своихъ кабинетныхъ работъ.

Постояннымъ нашимъ читателямъ извѣстны имена сотрудниковъ Редакціи какъ из корпораціи гг. профессоровъ, такъ и преподавателей гимназій. На будущее время, кромѣ печатающихся интересныхъ лекцій проф. В. В. Макушева „Изъ чтеній о старо-чешской письменности,“ намъ обѣщали свои новыя вклады в наше изданіе: Ф. И. Буслаевъ, академикъ Я. К. Гротъ, проф. И. А. Бодуэн-де-Куртешъ, А. А. Котляревскій, А. А. Кочубинскій, И. Ю. Некрасовъ, А. А. Потебня и др.; ожидаются (и частію уже получены) труды преподавателей: Е. В. Бѣлявскаго, Н. И. Карѣева, В. А. Лебедева, И. И. Мейера, Н. М. Комарова, Г. А. Миловидова, и другихъ. Вновь получены: „О современномъ состояніи языка и литературы у Словаковъ“ Арк. Соколова (*pro venia legendi*); — переводъ „Объяснительной и сравнительной Этимологіи Церк.-Слав. языка. Соч. Д-ра Ав. Шлейхера,“ с пополненіями и поясненіями Н. Я. Громова.

Обращаясь ко всѣмъ любителямъ просвѣщенія, для которыхъ дороги интересы науки, мы просимъ удостоить наше изданіе своимъ вниманіемъ и выпиской.

„Филологическія Записки“ издаются в Воронежѣ; выходятъ безсрочными выпусками, — по шести выпусковъ в годъ.

Цѣна годовому изданію шесть руб. с перес.

Подписка преимущественно принимается в Редакціи „Филологическихъ Записокъ,“ в Воронежѣ; желающіе могутъ подписываться также в извѣстныхъ столичныхъ и другихъ книжныхъ магазинахъ.

В Редакціи имѣются слѣдующія отдѣльныя из Филологическихъ Записокъ изданія:

Э. Ренана. „О происхожденіи языка.“ Ц. 1 р.

Макса Мюллера. „Наука о языкѣ.“ Вып. I и II. Ц. 2 руб. 50 коп. за оба с перес.

О юморѣ в сравненіи с сатирой. Цѣна 35 к.

Сборник классических иностранных произведений в переводах русских писателей, под редакцией А. Н. Чудинова, I том котораго составляют: „Образцовыя произведенія Скандинавской поэзіи.“ 1875 г. Сборник этот удостоен высокой чести посвященія Имени Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны и рекомендован Ученым Комитетом Мин. Нар. Пр. для приобрѣтенія в библіотеки Гимназій и ученическія. Цѣна 2 р. за экз.

Редактор-Издатель А. Хованскій.

ОБ ИЗДАНИИ УЧЕНАГО ЖУРНАЛА
„КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.“

С января 1879 года будет издаваться в Москвѣ, под редакціей нижеподписавшихся, без предварительной цензуры журнал для научной критики и библиографіи в области наук историко-филологических, юридических, экономических и государственных под названіем:

„КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.“

Журнал будет выходить два раза в мѣсяц выпусками от 2-х—4-х листов.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Критическія оцѣнки русских и иностранных сочиненій и журнальных статей по всеобщей и русской исторіи, исторіи всеобщей и русской литературы, языковѣдѣнію, классической и славянской филологіи, этнографіи, мифологіи, исторіи искусств, философіи, психологіи, гражданскому и уголовному праву, каноническому праву, общественному или полицейскому праву, международному праву, исторіи русскаго и славянскаго права, исторіи иностранных законодательств, праву государственному, статистикѣ, политической экономіи и наукѣ о финансах.

II. Библиографія русская и иностранная по вышеупомянутым наукам. Отчеты о засѣданіяхъ в ученых обществахъ и об университетских диспутахъ. Библиографическіе слухи, замѣтки, мелочи и т. п.

Подписная цѣна:

На год: без доставки 6 р., с пересылкой 7 р., с пересылкой за границу 8 р.

На полгода: без доставки 4 р., с пересылкой 4 р. 50 коп., с пересылкой за границу 5 р.

Подписка принимается в Москвѣ в книжных магазинах: Соловьева (Страстной бульвар), Ланга и Мамонтова (Кузнецкій мост), в Центральном книжном магазинѣ (Никольская) и Салаева (Мясницкая). Гг. иногородных подписчиков просят обращаться исключительно в Редакцію (Покровка, Машков пер., д. Миллера).

Редакторы-издатели:

Всеволод Миллер и Максим Ковалевскій.

Подписка на „Русскую Старину“ изд. 1878 г. продолжается. 12 книг, с портретами: Н. В. Гоголя (отпечатан красками в Парижѣ, снимок с портрета, писаннаго А. А. Ивановым в Римѣ, в 1841 г.), кн. В. Л. Долгорукаго и кн. И. А. Долгорукаго (обезглавлены в 1739 г.), Александра I-го (1802 г.) и проч. Цѣна восемь руб. с пересылкою.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛ, ИЗДАВАЕМЫЙ В ПЕТЕРБУРГѢ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1879 г.

ДЕСЯТЫЙ ГОД ИЗДАНІЯ.

„Русская Старина“ в 1879 году будет выходить на тѣх же основаніяхъ, как в первыя девять лѣтъ изданія (1870—

1878 г.), ежемѣсячно, без предварительной цензуры, с приложеніем, время от времени, гравированных портретов русских достопамятных дѣятелей.

Годовое изданіе из двѣнадцати книг составит три тома, каждый не менѣе 40 листов убористой, четкой печати, т. е. всего в год не менѣе 2000 печатных страниц.

При книгах „Русской Старины“ изд. 1879 г. будут прилагаться: портреты достопамятных и замѣчательных в исторіи нашего отечества дѣятелей. Гравюры будут исполнены, как исполнялись в теченіе девяти лѣтъ, лучшим отечественным гравером: академиком Л. А. Сѣряковым и нѣкоторыми другими. Также время от времени будут помещаемы: снимки с замѣчательных документов, рисунки исторических памятников и зданій, родословія замѣчательных фамилій, снимки с рѣдких медалей.

Каждая книга „Русской Старины“ выходит ежемѣсячно 1-го числа, и одновременно разсылается подписчикам.

Цѣна за 12 книг „Русской Старины“ 1879 г.:

С доставкою на дом, в С.-Петербургъ и в Москвѣ, и с пересылкою в прочіе города имперіи:

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

О ПОДПИСКѢ НА „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1879 г.

Лица, проживающія за границей, приплачивают к восьми рублям за доставку: в Германію, в Бельгію, Францію два рубля; в Англію, Швейцарію и Италію — три рубля.

Подписка принимается для городских подписчиков в С.-Петербургѣ, в Конторѣ „Русской Старины“ при книжном магазинѣ Н. И. Мамонтова (Невскій проспект, против Гостиннаго двора, N 46); в Москвѣ — в книжных магазинах И. Г. Соловьева (на Страстном бульварѣ, д. Алексѣева) и Н. И. Мамонтова (на Кузнецком мосту, д. Фирсанова).

Гг. иногородные обращаются исключительно в редакцію „Русской Старины“, в С.-Петербургѣ, Большая Подъячская, д. N 7.

Третье издание „Русской Старины“ 1870 г. (год первый) — 12 книг, в трех больших томах, с портретами, снимками, и 65-ю рисунками—цѣна 8 руб. с перес.

„Русская Старина“ 1876 г., 12 книг, с портретами: Лжедмитрія I, Екатерины II, Михельсона, Емельяпа, Пугачева, князя Платона Зубова, А. П. Ермолова, Кругену, В. Г. Бѣлинскаго, со снимками и виньетами—8 руб. с пересылкою.

„Русская Старина“ 1877 г., 12 книг с портретами: Княгини Дашковой, графа А. Мамонова, кн. Голенищева-Кутозова-Смоленскаго, Московскаго митрополита Филарета, М. О. Орлова, княгини Жаннеты Лович, кавказскаго имама Шамиля, Н. Н. Муравьева (Карскаго), К. В. Чевкина, И. А. Яковлева. — Рисунки: Галера Екатерины II; памятник Архипу Осипову.—Снимки с рѣдких медалей и подлиннаго письма Александра I.

Цѣна ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ с пересылкою.

ЕЖЕДНЕВНАЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОБЗОР

будет издаваться в Тифлисъ в 1879 году, по той же программѣ, в том же направлѣнїи, в тѣ же сроки и в тѣх же размѣрах, как издавалась в 1878 г.

Подписная цѣна с пересылкою или доставкой: на год 15 р., на полгода 8 р., на три мѣсяца 4 р. 25 к., на один мѣсяц 1 р. 50 к. Желающіе подписаться с разсрочкою на цѣлый год вносят по пяти р. к началу января, апрѣля и августа.

Подписка принимается: в конторѣ газеты в г. Тифлисъ, на Головинском проспектѣ, д. № 7. Иногородные адресуют

свои требованія просто: в г. Тифлис, в редакцію газеты-
Обзор.

Редактор Н. Николадзе.

О ПОДПИСКЪ

НА

„РУССКІЙ МІР“

В 1879 г.

„Русскій Мір“ будет выходить в 1879 году по прежнему ежедневно, листами большого формата, с еженедѣльным воскресным „Литературным Прибавленіем.“

Твердо придерживаясь раз принятаго направленія, „Русскій Мір“ остается и будет оставаться и впредь органом чисто народным, земским, одинаково далеким и от лжелиберальнаго верхоглядства и от бюрократическаго якобы „консервативнаго“ пустословія.

„Русскій Мір“ открыт для каждаго честнаго и правдиваго голоса, для всякаго искренняго проявленія общественной совѣсти и для каждаго положительнаго, трезваго взгляда.

Редакція проводит свою программу в предѣлах возможности, сообразуясь с существующими условіями русской печати. Сочувствіе лучшей части общества к положенію, занятому „Русским Міром,“ помогло нам и, надѣмся, поможет еще привлечь в состав сотрудников наиболѣе талантливых и выдающихся предсавителей той новой общественно-литературной школы, которая ближе всего подходит к направленію нашей газеты при нынѣшней редакціи.

Особенное вниманіе обращено редакціею на полноту и содержательность отдѣлов: внутренняго, политическаго и литературнаго.

Еженедѣльное „Литературное прибавленіе,“ составляю-

щее в сущности особый журнал объемом в 52 листа в год, будет значительно улучшено в будущем году, сообразно с желаніями подписчиков. Романы, повѣсти и рассказы будут печататься не только в „Прибавленіи,“ но и в самой газетѣ, смотря по количеству матеріала.

Новым годовым и полугодовым подписчикам разосланы будут напечатанныя уже главы романа „На наших глазах,“ продолженіе котораго уже появилось в номерах „Литературнаго Прибавленія,“ послѣ невольнаго перерыва со стороны автора.

Новые подписчики годовые и полугодовые, получают, сверх того, в видѣ преміи, новую повѣсть Н. Н. Каразина: „Варвара Лѣпка и ея семья,“ помѣщенную в „Литературном Прибавленіи“ и издаваемую нынѣ отдѣльною книжкою.

Прежніе подписчики, при возобновленіи подписки на будущій год, могут требовать высылки им, в видѣ преміи, или „Рассказов капитана Кириллыча,“ или „Виконтессы Жермены,“ или же книжки Н. Н. Каразина „Варвара Лѣпка.“

Подписная цѣна „Русскаго Міра“ с „Литературным Прибавленіем“ ниже цѣны других большх газет.

С доставкою и пересылкою в Россіи:

На год . . . 14 руб. | На полгода . . . 8 руб.

За границей:

На год . . . 25 руб. | На полгода . . . 14 руб.

В Варшавѣ подписка принимается у П. И. Ядовипа, Вейская ул., дом N 1, кв. N 10.

Гг. иногородные благоволят обращаться исключительно в главную контору газеты „Русскій Мір,“ в С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. N 11.

В книжном Магази́нѣ Карла Риккера в С.-Петербургѣ на
Невском просп. д. № 14.

поступило в продажу

ВЕЛИШСКАГО, Ф.

„БЫТЪ ГРЕКОВЪ И РИМЛЯНЪ.“

с 557 рисунками в текстѣ.

Сочиненіе это удостоено одобренія Ученаго Комитета
Минист. Нар. Просвѣщенія.

цѣна в бум. обл. 6 руб., в изящном переплетѣ 7 руб.—На
пересылку за 4 фунта.

ОБ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

периодической литературы, учебных пособій и книг по педагогикѣ и
училищевѣдѣнію

в 1879 году.

(IV-й год).^а

Условія подписки:

На год без доставки и пересылки	5 р. 50 к.
„ полгода „ „	3 „ 50 „
„ год с доставкой и пересылкой	6 „ — „
„ полгода „ „	4 „ — „

Допускается разсрочка для годовых подписчиков на
слѣдующих условіях: 2 руб. при подпискѣ, 2 руб. в концѣ

Марта и 2 руб. 1-го Юля. Народные учителя и школы пользуются уступкой на оба означенные срока в размѣръ 1 рубля.

Подписка принимается в главной конторѣ редакціи при книжном магазинѣ „Новаго Времени“ (С.-Петербург, Невскій, д. 60) а равно и у всѣх извѣстных книгопродавцев, столичных и иногородных.

Желающіе приобрести полные экземпляры „Педагогическаго Музея“ за прежніе годы обращаются исключительно в редакцію (С.-Петербург, Фурштатская д. 42). Пониженная цѣна за 1876 год 2 р. без пересылки; 1877 и 1878 года по 5 руб. каждый. Для средних и низших учебных заведеній всѣ три года 10 руб. с пересылкой и доставкой.

Издатель *Ц. Офросимов.*

ОТ РЕДАКЦИИ.

Подписка на Русскій Филологическій Вѣстникъ продолжается.

Цѣна *семь* рублей с пересылкою.

Отсрочка и разсрочка во внесеніи подписной платы для *частныхъ лицъ* не допускаются. Учебнымъ заведеніямъ (казеннымъ) журналъ высылается немедленно по полученіи на него редакціею затребованія (на бланкѣ, за подписью начальника заведенія), хотя бы к затребованію и не было приложено подписной платы.

Подписчики, желающіе имѣть извѣщеніе редакціи о полученіи ею подписныхъ денегъ высылаютъ восьмикопеечную марку.

Важнѣйшія опечатки 1 № Р. Ф. В.

а) В статьѣ „Суд Любуши:“

<i>Стрц.</i>	<i>Стрк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
1	2 (снизу)	читать	считать
8	21	значенія. Как	значенія, — как
—	23	Waclawe	Waclawe,
—	24	zemye	zemye,
--	26	чешскія	чешскіе
—	32	heritoha	heritoh'y
13	20	Ludvig's liet	Ludevig's lied
—	23	Leg. IV. 916	Leg. IV. 316.
14	4	po zosonu	po zosonu
—	13	знаит	значит
—	31	Leg. III. 662	Leg III. 664.
15	6 (снизу)	62	64
—	5 (снизу)	inventam	inventum
16	2	34.	340
—	16	Galii	Galli
—	23	De sullogisuis	De sullogismis
—	25	ввести	вести
—	5 (снизу)	dene	deue
—	4 (снизу)	Zuate	zuate
—	3 (снизу)	letom	lehom
17	9	tabelariae	tabellariae
—	22	suffragii	suffragii
20	6	Hermanu	Hermann
—	7—8	Stibozic	Stiboric
—	9	Nidameriz	Nedameric
—	23	1058	1062
—	24	1107	1167
24	3	LXXII.	LXXV.
25	4—5	Вериков	Веринов
—	8 (снизу)	неменѣ есть	есть неменѣ
26	21	XXII	XXXII.
27	5	Chuonc	Chuonr
—	9 (снизу)	Carlmanuo	Carlmanno

Стрц.	Стрк.	Напечатано:	Должно быть:
28	19	lege Gallico	lege Gallica
—	28	cin	ein
—	31	unheil,	unheil.
29	12	Westsetae	Westsexae
30	1	hereditatio	hereditario
—	2	Ausrtiae	Austriae
—	15	XLIII, 5	XLII, 2 и 5
—	7 (снизу)	Feud и пр.	Feod. стр.
—	5 (снизу)	Ренковскаго	Ренкавскаго

На стр. 31 между строками 11-й и 12-й опущена обозначающая главу цифра V.

б) В статьѣ „О словѣ шпильман.“

31	1	Грейфевальд	Грейфсвальд
----	---	-------------	-------------

г) В статьѣ „Этимологическія Замѣтки.“

76	1	склал,	скһал,
—	2	(склал	(скһал
—	7	сходных	сродных
—	14	сложитъ	елозитъ
—	15	raganti	ragauti
—	16	слов	елоз
—	19	λόζω	λόζω
—	24	шинноі	шинноі
—	32	rogés. ragis	roges, rages
77	3	όρίγ-νομι	όρέγ-νο-μι
—	4	(дѣлать)	(дѣлать)
—	13	въз(в=)	въз(в)
—	33	μονός	μονός
78	4	сюда	сюда
—	4	Лыт-. лут- = +алт.	Лыт-, лут = +алт
—	27	έρχ-ομα	έρχ-ομαί
79	35	суффина	суффикса
—	36	антилоны	антилопы
80	9	неколышимое	неколышемое
—	21	иноцвѣтное	иноцвѣтное
—	29	не смѣстныя	несмѣсимых
81	10	surpēti—surbēti	surpēti—surbiti
—	10-1	subeti	subōti
—	14	как лупь“	как лунь“
—	15	птицы (f. r.)	птицы
—	22	Вітдиль	Відтіль
—	35	крш(а-ти)	крш(а-ти)

Стрц.	Стрк.	Напечатано:	Должно быть:
82	16	скр. <i>врон'а</i>	скр. <i>врана</i>
82	24	<i>кѣшти, кѣши</i>	<i>кѣшти, кѣши</i>
83	9	<i>в лучь</i>	<i>в луч-ий</i>
—	12	<i>перачиша</i>	<i>нерачиша</i>
84	6	<i>призраи</i>	<i>призрак</i>
—	16	<i>в родословиѣ</i>	<i>в родословиѣ</i>
—	18	<i>как и думаю</i>	<i>как я думаю</i>
85	9	<i>радованеніе</i>	<i>радованіе</i>
—	31	<i>въюнеи</i>	<i>въюнеѣ</i>
86	21	<i>рѹда</i>	<i>рѹда</i>
87	29	<i>замѣчается</i>	<i>помѣщается</i>
—	35	Потт.	Потт
88	3	<i>ѣрс-ев</i>	<i>ѣрд-ев</i>
—	6	<i>ѣрш с ѣрса</i>	<i>ѣрдш с ѣрда</i>
—	24	<i>Зенд. vadh</i>	<i>Зенд. vadh</i>
—	26	<i>канвѣ</i>	<i>тканвѣ</i>
89	6	<i>ерестаться</i>	<i>ереститься</i>
—	21	<i>можно</i>	<i>можно</i>
—	22	<i>поздній</i>	<i>позднее</i>
—	23	<i>Руси-нѣ</i>	<i>Рус-инѣ</i>
90	15	<i>друзни</i>	<i>друзни</i>
—	36	<i>русской</i>	<i>русскій</i>

д) В статьѣ „Архивные Матеріалы:“

93	18	<i>Граить и гусли</i>	<i>Граить в гусли</i>
—	19	<i>Званчатый</i>	<i>Званчатый</i>

е) В отдѣлѣ „Библиографія:“

103	3	<i>гон</i>	<i>von</i>
—	11	<i>Клеери</i>	<i>Клири</i>
105	2-8	<i>московинском</i>	<i>московитском</i>
—	5	<i>Sannerhefte</i>	<i>Jännerhefte</i>
121	4	<i>Корилѣ</i>	<i>Кирилѣ</i>
129	20	<i>слышал.</i>	<i>слышал:</i>
131	30	<i>скверноглавіе</i>	<i>сквернословіе</i>

ж) В педагогическом отдѣлѣ:

11	25	<i>представлено</i>	<i>представленіе</i>
13	1	<i>это слово.</i>	<i>данный предмет</i>

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ПО НАРОДНОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Окончаніе).

12.

На синѣм морѣ Хвалынскіем
Сѣры утушки купалися,
Бупалися-полоскалися;
Сизый селезень косички вьет,
Сѣра утка ухорашивает,
Ухорашиват-углаживат.
С стороны утки дивуются.
„Не дивуйтесь вы, утушки,
Моему ли сизу селезню.
Ище я ли(ь) ддя него утушка
Подымалася с сinya моря,
С сinya моря Хвалынекаго;
Отставала я, утушка,
Прочь от теплаго завода,
От воды ли от ключевыя;
Приставала я, утушка,
Ко холодному заводу,
Ко водѣ ли ко болотинѣ,
Ко травѣ ли ко осокинѣ

За столом ли за дубовым,
За скатертью за браною,
За яствами за сахарными;
За питьями за медвяными,
Перед зеркалом нѣмецкіем
NN (*жених*) кудри вьет,
NN (*невеста*) ухорашивает,
Ухорошиват-углаживат...

(не окончена)

(Из рукописи „Описаніе города Василя“ св. Павловекаго).

13.

Вы бисѣдуйте, гости прихожетыѣ,
Ты бисѣдуй, мой родимой сударь батюшко,
Со ивтим гостям прихожетыим.
Вы скажитесь ко пожалуйста,
Што за гости прихожетыѣ,
Из которово гости городу,
С какиѣм товаром наихали?
Не с дѣвицьим ли красотам?
Я купила бы себѣ дѣвицьи красоты.
Мошно мнѣ знати,
Да лестно и видати,
Мошно в горѣ догадаться:
Ивти гости прихожетыѣ
С цужѣ дальни стѣроны.

(поется на „рукобитьи“)

14.

Стать было менѣ становитися,
Спросить было менѣ сусидѣй приближенныѣ:
Свит мой сусѣди приближенныѣ!
Вы скажите красной дѣвиц(ь)ѣ:
Я жила то у родима батюшка,
У своей родимой матушки, —
Так не видила душа красная дѣвица,
В коѣм мисти сходит красно солнышко,
Утренняя заря занимается.
В зорѣ билой динь зараждается,
От зори красно солнышко выкатается,
Из за темнова лису подымается.
Я слыкала душа красная дѣвица:
На сходимѣ то стоит церква соборная,
За пристолом стоит Присвятая Богородица.
Помолилася бы я, душа красная дѣвица, Господу Богу:
Уж я пѣрвой поклон поклонюсь за царя благовирнаго,
А другой — за царицу благовирную,
А третій, душа красная дѣвица, поклонюсь
За царевых малых дѣтушек,
За все войско государево,
За всѣх солдат новобранныѣ,
За батюшка отца духовнова,
За родимаго батюшка
И за родимую матушку,

За подруг поллюбовныѣ,
За сестрицъ за голубушек,
За свою ту быину голову, —
Слободил бы мене Господь
Цюжій дальни стороны;
Пуще мене горюшици —
Цюжова то цюженина,
Цюжей то дальней стороны.

(Поют подруги невѣсты, выведя ее послѣ бани („паруши“),
под руки, на улицу).

15.

Свит корминеч сударь-батюшко!
Вы послушайте души красной дивици,
Вы в останнее во послѣннїе!
Што исть ли у вас у ворот приворотницки,
У двирїй то исть ли придвирьницки?..
Уж я на цюжей то дальней стóронѣ:
Цюжіе люди сподоблеются,
Своею бодростью поносятся:
Как съидем мы на цюжую сторону,
И тот дом на роззор возем,
И ту красну дивицу
Во полон возем!..
Гди у мене сокол милой брат?
Ты послушай души красны дивици!
Возми ружья то военныѣ,
Што поди, мой сокол-милой брат,
Во цистó полѣ,
Из цистá поля — во темны лисá!
Ты сядись, мой сокол — милой брат,
Не под билую бирѣзыньку,
Не под горькую осинушку,
Не под иль суковатую,
Не под ивину свилеватую;
А сядись, мой милой брат,
Под святое дириво, под верез!
Ты гледи, сокол милой брат,
Как пойдут цюжи люди незнамыѣ, —
Которой конь подобряе всѣѣ,
Молодечь на конѣ поснареныѣ;
У которова коня доброва

Из оц(ь)ей ¹⁾ по́ломё пышет,
Из ноздѣр ево искры сыплются,
Из ушій ево дым столбом валит!
Первова коня про́пусти,
Другова коня про́пусти,
А во третьева коня доброва выпали,
Што ивтому добру коню во бѣлу грудь,
А баському молодцю в ретиво сердце; —
Назад бы цюжи люди воротилися,
Штобы прошла про ивту путь — дороженьку
Славушка не добрая:
Нельзя ни пройти, ни проихати...
Не шумите вы, люди добрыё,
Дайте поразслушать красной дивицѣ:
Как на нашей на широкой улицѣ
Не волна взволновалася,
Не синѣ морѣ всколышалося,
Наихали злодѣйски цюжѣ людѣ,
Што с цюжѣ то дальней стороны.
Уж свит ты мой, родной батюшко,
Исть ли у ворот приворотницья,
У двирѣй то исть ли придвирьницья?
Хоцю то я стану,
Хоцю нѣ стану,
Хоцю по́клонюсь,
Хоцю не по́клонюсь.
Хоця стану, душа красна дивица,
Не ради дружка с подружьем,
Ради молитвы Исюсѣвой,
Креста животворещова!

(Поют подруги невѣсты, когда жених приѣзжает в ея дом,
перед вѣнчаньем).

Пѣсни и причеты №№ 13, 14 и 15 записаны в селѣ
Захарынѣ Моложскаго уѣзда Ярославской губерніи г. А.
Преображенским (вѣроятно тѣм самым, котораго интерес-
ныя статьи о Ситской волости и о Станиловском приходѣ
на Сити помѣщены в I томѣ Этнографическаго Сборника).

¹⁾ (b) здѣсь и выше означает мягкое произношеніе пред-
шествующаго ему ч.

16.

Как шол перешол по небу свѣтцол мѣсяц,
Он и цол перецол за собой цасты звѣзды,
Одной он не доцылся звѣзды истошницы.
Не таль моя звѣздыца за облаццо зашла?...
Уж как шол перешол по царству добрый молодец,
Он и цол перецол красных дѣвушек,
Да уж одной он не доцылся,—
Сестрицы Марьюшки, родзимой Ивановны.
Не таль моя сестрица на высоком теремѣ,
Ширинку шьет золотом, крупным жемцугом?
Ширинка (2), шириница накациная,
Кому ты шириночка, кому ты достанишься?
Старому достанишься—я тебя в пець сожгу,
А младому достанешься—я тебя еще украну
И цыстым золотом и крупным жемцугом.

17.

А мы сѣцы цыстили, цыстили,
Ой диди ладо цыстили, цыстили!
А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой диди ладо сѣяли, сѣяли!
А мы просо вытопцем, вытопцем,
Ой диди ладо вытопцем, вытопцем!
А мы коней выпустим, выпустим,
Ой диди ладо выпустим, выпустим!
А мы коней переймем, переймем,
Ой диди ладо переймем, переймем!
А цѣм то будет вам перенять, перенять,
Ой диди ладо перенять, перенять?
А мы дадим сто рублей, сто рублей,
Ой диди ладо сто рублей, сто рублей!
Не нада нам тысяцу, тысяцу,
Ой диди ладо тысяцу, тысяцу!
А мы дадим дивицу, дивицу,
Ой диди ладо дивицу, дивицу!
А нам дѣвица надобна, надобна,
Ой диди ладо надобна, надобна!
А нашево полку убыло, убыло,
Ой диди ладо убыло, убыло!
А нашево позку прибыло, прибыло,
Ой диди ладо прибыло, прибыло!

Весьма распространенная *шрочал* пѣсня. См. варьянты в сборникѣ Шейна, в Этнографическом сборникѣ том I, в приложеніях ко 2 моему отчету Академіи и проч.

№№ 16 и 17 записаны в селѣ Красном, Арзамаскаго уѣзда Нижегородской губерніи.

18.

Позади города царева
Ходил гулял царевичъ,
Смотрѣл глядѣя царевны.
Не моя ли царевна
Середь города гуляетъ,
На рукѣ перстнем сіяетъ,
Золотой(ым?) драгой(им?) блистаетъ?
Сѣки, руби ворота—
Я иду смотрѣть царевну.—
Подойди, сударь, поближе,
Поклонись, сударь, пониже,
Выбирой себѣ по мысли!
Не нашел себѣ по мысли

Поется 3-ды; в третій раз заключается словами:

Нашел себѣ по мысли

(Нижег. губ.; пѣсня доставлена архимандритом Макаріем).

Ср. варьянты: у Рыбникова т. I, 441, у Шейна 120 и 388, в приложеніях ко второму моему отчету (Замѣтки и пр.) № 2-й игровых пѣсен (стр. 162).

19.

На Иванѣ шапотчика
На тчшичыре углышка,
На пять сот на нем золота,
На две тысячи серебра.
Приставали к Ивану свѣт
Книзья и бояры,
Ваводы крѣпкіе:
Ты скажи, Иван государь,
Кто тея шапкой дарил,
Бто тея ка жаловал,—
Ни тесь ли, ни теща ли,
Ни шурья ли привѣтавы?

Дари мнѣ жалова
NN (*имя помѣщика*)
За мою ли за выслугу.

20.

Ни долга мнѣ у батюшки
В гостях гостить:
Ни год ни недѣлюшку,
Адин час и минутычку.
Што ка мнѣ, матушка,
Ни падшатнишься, ни падвернишься?
Падайди ко мнѣ злыдарки горькой,
Падумай са мной думу крѣпкую.
Всѣ та я думушки придумала,
Адна думушка с ума нийдет:
Уж как та мнѣ угадать будит
На чужих людей,
На чужих людей, на незнамых?
Куды то мнѣ, матушка,
Свою красоту дивать будит?
Пустить в зелены луга—загуляйтча,
В темных лисах—заплутайтча...
Пустить то мнѣ, знать, ее па красным дѣвушкам,
Па любимым подруженькам

(Сергачскій у. Нижегород. г.)

№№ 19 и 20 заимствованы из статьи Архим. Мака-
рія: „Этнографическія замѣчанія в уѣздах: Ардатовском,
Арзамасском, Васильевском, Лукояновском и Сергачском.“

21.

Наварю я пива,
Зеленава вина,
Ой диди ладо,
Зеленава вина!
А что у нас будет
В эвтим пивѣ?
Ой диди ладо,
В эвтим пивѣ?
В эвтим пивѣ
Мы всѣ соберемся.
Ой диди ладо,
Мы всѣ соберемся (*собираются*).

Наварю я пива

и т. д.

(повторяются первые девять стихов)

Мы вси разоидемся (расходятся).

Наварю я пива

и т. д.

(повторяются первые десять стихов)

Мы вси посадим (садятся).

Наварю я пива

и т. д.

(повторяются первые десять стихов)

Да вси мы повстанем (встают).

Наварю я пива,

Зеленава вина,

Ой диди ладо,

Зеленава вина!

А что у нас будет

В евтим пивѣ,

Ой диди ладо

В евтим пивѣ?

В евтим пивѣ

Мы и опять всѣ встанем,

Ой диди ладо,

Мы и опять всѣ встанем.

Ср. Черняк, игровую пѣсню № 5 в приложеніях ко 2 моему отчету (Замѣтки и пр. стр. 164. отд. оттиска.)

22.

(Дѣвушки и молодки образуют друг против друга двѣ шеренги. При каждом куплетѣ пѣсни сходятся).

1 партія. А кто с нами, дѣушки,
А кто с нами, красныя,
На вой воевать?

2 партія. А мы с вами, дѣушки,
А мы с вами, красныя,
На вой воевать.

1. Есть ли у вас, дѣушки,
Есть ли у вас, красныя,
Бонь добра лошадь?

2. Есть у нас, дѣушки,
Есть у нас, красныя,
Бонь добра лошадь.

1. Есть ли у вас, дѣушки,
Есть ли у вас, красныя,
Уздечка тесмяна?
2. Есть у нас, дѣушки,
и т. д.
1. Есть ли у ва, дѣушки,
Есть ли у вас, красныя,
Сѣдельце чернаско?
2. Есть у нас, дѣушки,
и т. д.
1. Есть ли у вас, дѣушки,
Есть ли у вас, красныя,
Плеточка шелкова?
2. Есть у нас, дѣушки,
и т. д.
- Садитесь вы, дѣушки,
Садитесь вы, красныя,
На добрых коней;
Поѣдьте, дѣушки
Поѣдьте, красныя,
На вой веевать.

№№ 21 и 22 заимствованы из статьи „Этнографическія свѣдѣнія о селѣ Гавриловѣ, Никольское тож, Лукояновскаго уѣзда Нижегород. губ.

23.

Во миру веселым
Во теремѣ высокомъ
Четыре ноги подходят,
Четыре руки поднесят,
На золотомъ блюдѣ
Чару зелена вина.
Изволь чарку выгнать,
Изволь вперед выступить,
Изволь посмотришь,
Какъ нашъ князь с княгиней
Бьютъ тебѣ челомъ.
Прими челобитье,
А самъ положи
Золотую гривну:
Они люди на новѣ,
Имъ нужны деньги

На шильце на мыльце,
На тонки полотенца,
На кривыя веретенца,
На бѣлилы на румяны,
На синіе сарафаны;
Надо им коня купить,
Надо им его кормить,
На нем воду возить:
Вода то хоть близко,
Да ходить то склизко.

(Так поют гостю. Вызванный пѣснею встает, берет рюмку, медленно пьет, произнося по временам: „горько.“ При этом словѣ молодые, которые лежат у его ног, поднимаются и цѣлуются. Выпивши рюмку, гость дѣлает *отдарье*, т. е. кладет на поднос нѣсколько денег).

(Записана в сѣлѣ Ульяновѣ Лукояновскаго уѣзда Нижегород. г.).

24.

Выходила же дѣвушка
Из навых варот на улицу,
Вынасила же саловушка
На траваньку на мураваньку,
На цвѣтики на лазоревы.
Ты вaspой, вaspой, саловушка,
Ты вaspой, вaspой, малоденькай,
Красным дѣвушкам на смѣх,
А малодушкам на слезы,
Старым баушкам на оханья.
Вы не смѣйтесь, красны дѣвушки:
Вы сами в люди выдите (2),
Вы сами эдаки будите (2), —
Красота ваша минuitся (2),
Лице грязью замарантца (2),
Цвѣтно платья зарудантца,
За старым мужем живуцы (2),
На хороших глядюцы, —
На бѣлых кудреватых,
На халостых не женатых.

25.

Шло солнышка за лѣсам за темнаим,

Шло ано, закатилося;
Шла Марьюшка за дубовой стол,
Паканец стала астанавилася,
Бросила залаты кляуцы на стол:
Я тибѣ, батюшка, ни кляушница,
Тибѣ, матушка, ни ларешница;
Кляушница цужому батюшкѣ,
Ларешница цужой матушкѣ.

Пѣсни №№ 24 и 25 и нижепомѣщаемые пять причетов заимствованы из статьи учителя Вердицкаго: „Этнографическое описаніе села Азрапина Лукояновскаго уѣзда.“

26.

Ни ней ко ты, мой батюшка,
Зилено вино,
Ни бери залату казну:
Зилино та вино,
Гарькоханька,
Залата казна
Абманчива.

(Так причитает невеста во время „запоя“).

27.

(Я) Сидѣла день да вецьра,
Всѣ я думушки пиридумала,
Всѣ я крѣпкіи пиргадаjala;
Адна у мина думушка
Нійдет с ума разуму.
Государь ты мой батюшка,
Што ты на мина больна прогнѣвался,
Чѣм я тибѣ больна дасадила,
Што ты мина атдаеш ва цужи люди?

(Причет невесты на другой день послѣ „запоя“).

28.

Пашли ты, мая матушка,
Сваѣ слугу вѣрнаю,
Пашла скорова,
Штобы он зашол
Ка матушкѣ ка Бажьей церкви,

Ударил бы трижды в колокол
Разбудил бы маво кормилицу батюшку!
Прилетѣл бы мой кормилиц батюшка
На этот часок временица,
Поглядѣл на мой на горемыннай нпр,
Сабрал бы миня горькаю — горемышную
Ва пужи люди,
Ва пужи люди, ва незнамы.
Знать ты, кормилиц мой,
Аб нас ни стаскуешся,
Ни разгарюшся аб нас,
Аб сиротах горьких — горемычных.
А мы аб тибѣ стаскавалися,
Больна сгаривалися;
У нас у сирот толька была и мадежыньки,
Толька и застоюшки,
Великай загорадушки,
Што радимай батюшка!
Никто нас биз батюшки
Ласкавым славечушкам ни примолвит.
Со вѣх старон витра ти халодны,
Никаторай ни пригрѣет.

(Причет невѣсты, не имѣющей отца).

29.

Либѣдушна ты мая, матушка,
Либѣдушна бѣлая!
Вавейся, мая матушка,
Бѣлаю либѣдушнай,
Прилети ка мнѣ горькаю!
Сядь ты, мая матушка,
На переднія аюпицко,
Паслунай ты, мая матушка,
Пѣсин маих горьких!
Што у меня у горькаю горемышную
Горюшка больна много:
Пасадил миня батюшка мой кормилиц
(Посадил миня мой кормилиц батюшка)
Ва балбшую ниволюшку,
Запаруцил маю буйнаю гажовушку!
Ни так бы мнѣ бѣла ташнехынька,
Ни так бы была мнѣ груснехынька,

Кабы у меня была радная матушка:
Ана собрала бы миня горькаю.
Я еще больна маладехынька,
Ище зеленехынька:
Ни знай, как мнѣ горькаю горемышнаю
В пужих людях жить,
На каво будет угаживать.

(Причет невьѣсты, не имѣющей матери).

30.

Либедушки маи, падружиньки,
Либедушки вы маи бѣлыи,
На дварѣ свѣт била заря:
Вставайти ка, умывайтись свѣжой водой,
Утирайтись ка шилкавой фатой,
А я горькая умылась горющими слезьми,
Утерлась горюшкам виликими.

(С этим причетом невьѣста обращается к подругам, рано утром, в день вѣнчанья).

(Всѣ пять причетов в рукописи переданы прозой.)

II.

Прозанческіе образцы народной рѣчи.

(Из вышеупомянутой статьи Архимандрита Макарія).

А. *Ардатовскій уезд.*

а) *акаюціе.*

Шабѣр Дьемка бакулял с Ярмаком, Јогорій, бат, на дварѣ, пара приниматча за саху. А Јогорій, старики бают, лѣнива саха. Нѣт, парь, и ранней пашни не обрадуешься: вишь как падыливат¹⁾ на дварѣ та. Сматри—завернет, что и эги, Божьей не взвидишь²⁾.

¹⁾ падыливат (=падыливаает)—изрѣдка падает снѣг.

²⁾ Ср. у Дая в статьѣ О нарѣчїях стр. 39 отдѣльнаго оттиска (В той же статьѣ при Словарѣ стр. XL). Даль видоизмѣнил кое гдѣ правописаніе Архимандрита Макарія.

б) употребляющие литеру и ¹⁾.

Ну, парнюга, беда. Вусетта дядуха Калина баил с зарѣшным Першай ²⁾, что таво и гляди пажар: сабаки войма воют ноцью, инда страшна слышаць. И впрямь, братисца, и у нас сабацонка завувоит, да и ну пад передним углам рытча. Матка Аксёныха баит, што эта к пакойнику. Ну, да рази ты не знашь у Фомки засыпка на мельничъ? ³⁾.

в) окающие.

Ну, нешто: не даром сват Афоня бал, што добру, слышь, не быць. Вишь вецор не даровым матом крычал лѣшій по лѣсу—ау да ау, и го, го, го. Пріѣзжам, знаш, мы в дзереvню, ан староста Панфил и бат: бѣгице, бат, робята, скорѣ на плотсину,—её, бат, прорвало. А народ то на ней кишит, ну словно муравы, друг дружку так и давют. А знаш, Мишутка, с цово все это дѣлатча? Гдѣѣ цеѣ знатсь! Вишь набольш-о-т наш, ну управитель, при ком строилась плочина, был из бусурман,—вѣлашь Нѣмчов? Перед началом плотсины и молебна, бают, как водитча, не отслужил. Вот Восподь спорный и не дает. Провалѣтча (*божба*)! И старики так бают ⁴⁾.

Б. Арзамасскій уѣзд.

Разговор двух крестьян:

—Здорово, Василій Иваныць!

„Здорово, куманек, Павелій Петровиць!

¹⁾ Выраженіе автора статьи—Архимандрита Макарія.

²⁾ Перша—Парфирій.

³⁾ И в этом отрывкѣ измѣнено нѣсколько Далем правописание автора, и не всегда при том кстати: так Даль форму завувоит помѣнил на завуваиць, вѣроятно на основаніи формы слышаць. Но основаніе это не вѣрно: из того, что неопр. наклон. оканчивается на смягченное *т(ц)* еще не слѣдует, чтоб тоже окончаніе было и в 3 лицѣ наст. времени. В говорѣ, характеризуемом приведенным отрывком, 3 л. наст. вр. оканчивается на твердое *т*, как и в сѣверно-великор. нарѣчій.

⁴⁾ И этот отрывок в сокращеніи есть у Даля. См. *ib.*

—Куды тея Бог носил?—

„Да на базар: пуда два муцки оржаной огорил“.

—По пом ныне была мука на базарѣ?

„Да по рублю с алтыном“.

—А гожа мука та?

„Кесь, гожа: така бѣла да мелка. Да цово, куманѣк, со мной повстрѣчалось безвременье—цолковой денег обронуил.“ —

—Да не мимо ль зепи ты ево положил?

„Што ты баш, мимо! Вѣдь я цай, не пьяной был. Уж такой знать грѣх помянулся!“

—Хоша и не пьяной, а не руйайся за себя: цасто случается, что и церѣзвыые в обмѣшулках кладут мимо зепи.

„Нешто: грѣх да бѣда на ково не живет!“

В. Васильскій уезд.

Воспоминаніе о Пугачевщинѣ (1)

Вот мы стрѣчали енерала Михерсона, когда была пугачевщина. Священник наш с дьяками, а мы всё міром стрѣтили ево у полевых ворот,—поп с крестом и святою водою, а мы с хлѣбом и солью. Все это он, батюшка, при нял, да и спросил: кому вы вѣруете—Катеринѣ ли Лексѣвнѣ или Петру Феодорычу. Мы, поклонясь, сказали: ма тушкѣ Катеринѣ Лексѣевнѣ. Он сказал, что вы вѣруете законно, да и прошел от нас далѣе со всей своей командой тихо, смирно, как на масляницѣ с горы. А там то далѣе, кор Емелька Пугачев повѣсил, бают, прикащика, да и такую надѣлал кутерьму,—Боже упаси!

Г. Лукояновскій уезд.

Воспоминаніе о Пугачевщинѣ (2)

Калды был здись Пугачев,—тому де, чай, будет голов с восимдсят — в ту пору я был ни болѣ как лѣт восьми. Уж память та у миня состарилась, многава и пиризабыл. Как таперѣ глижу: в поли за нашим силом стаяли рели.

Народ коннай и пѣшай так и снавали друк за дружкой взат и вперѣт. Серганске, черновске и ище кдѣ откудова мужики прирались к Пугачеву. А катца в нашем силѣ самому яму быть не случилось. Помню только и то—на здѣшних релях ни повѣсили ни одново чалѣка. Во всѣх сѣлах стричали Пугачева са звоном, а папы с цырковниками выхадили встричь к нему в ризах с христами и каруовьями. Па дарогѣ с низу Пугачев все спрашивал народа—какавы васпада и папы. А если на каво пажалутца, тѣх он вѣшал и рѣзал. Была ва всѣх мистах така тривога, што ни привиди и Восподи. Гдѣ только Пучачева ждали, там не аставалась ни аднаво васпадина, ни аднаво бурмиста,—всѣ выищали в дальни стораны и увазили все сво добро.

Д. Сергачскій уѣзд.

См. вышепомѣщенныя пѣсни—№№ 20 и 21.

Из сказки Татарин и свинья.

У одново Татѣрина на гумново свиня приплѣа да и давѣай горѣох тухтѣйт. Вѣот Татѣрин глядѣйт на свѣинью. Не зѣам, говорѣйт, вѣст чуртова: скотѣйна: абажрѣотца да околѣит. Свиня нажралыася, поплѣа на клѣуч да исплязѣа. Испившѣй, опѣа приплѣа к ворохѣу вѣст; поплѣа да у невѣо жѣа в омеѣот в солѣому зарѣылась да и лѣглѣа.

Это образец заволжскаго говора нижегородской губернии. Болѣе точнаго обозначенія мѣстности в рукописи нѣт. Рукопись, весьма объемистая, составлена дьяконом Васильевскаго уѣзда села Петровка Орловым. Название ея: „Памятники словяно-русской старины в народѣ и бытѣ крестьян нижегородской губернии.“ Способ передачи г. Орловым звуков заволжскаго говора для меня не ясен. Автор говорит, что „перед звуком *а* (в этом говорѣ) кратко, чуть слышно произносится звук *э*; перед *е* и *ь*—звук *и* и иногда *ю*; перед *и*—*е*; перед *о*—*у*; перед *у*—*ы*; перед *ы*—*э*; *ю* в концѣ слов (и в срединѣ послѣ согласных?)=*йу*, *я*=*йа*.“ Едвали такое опредѣленіе точно. Не выражают ли при-

нятыя г. Орловым сочетанія $\bar{y}o$, $\bar{z}a$ и пр. долготы звуков o , a и пр? По всей вѣроятности, так ¹⁾. Если же так, то приведенный отрывок можно бы передать слѣдующим образом.

У одново Татѣрина на гумно свин'а пришла да и давай горох тухтитъ. Вот Татѣрин глядит на свинью. Не зам, говорит, ѣст чѣртова скотина: обожрѣтся да околбит. Свин'а нажралас'а, пошла на кл'уч да испила. Испивши оп'а(ть?) пришла к вороху ѣсть. Поѣла да у нево жа в омет в солому зарылась и легла.

И так,—гласные звуки являются долгими независимо от того, падает или не падает на них удареніе.

Архангельское преданіе о богатырѣ Павлѣ.

(село Пыское Арханг. губ.)

В древнее время приходил сюда разбойник лодкой и ходил по Пысѣ верст до 50. Он был убит богатырем Павлом на берегу рѣки Мезени, там, гдѣ послѣдній строил огромную церковь—в Юримском селѣ. Когда разбойник плыл мимо этого села, Павел пахал землю. Конь его остановился и ничѣм нельзя было заставить его двинуться. Павел догадался, что явился противник ему. „Коли конь стал, и лодка стой!“ сказал он, увидѣв лодку. Взяв лук и стрѣлы, стал он стрѣлять в лодку, а с лодки—в него. Послѣ перестрѣлки разбойник ушел по Мезени и зашел в рѣку Пезу. Павел пошел горою доганять его. Разбойник готовил ужин и замѣтил в щях, в котлѣ кровь: признак, что за ним есть погоня. Павел стал стрѣлять (стрѣлы его летѣли на 3 версты), и попал разбойнику стрѣлою в самое брюхо. Разбойник стал бѣгать вокруг лѣсины, а желудок его выходил раною и спутался за лѣсину, отчего и погиб разбойник. Павел сжег его труп.—Каждый проходящій мимо того мѣста бросает сучек или палочку, чтоб мертвец не „блзнил.“

¹⁾ Ср. мои замѣчанія о долготѣ гласных в Вятской губ. (Замѣтки и пр. стр. 219).

III.

СНОТОЛКОВАНІЯ.

- Арестованным быть во снѣ означает неблагополучіе.
Архіерея или Архимандрита видѣть -- нездоровье.
Базар — хлопоты.
Бакшу с овощами видѣть означает хорошій урожай овощей.
Бал — похороны.
Безволосым видѣть себя — несчастіе.
Безобразным видѣть себя — неблагополучіе, нездоровье.
Блины — получение письма.
Блохи — корысть.
Богу или угодникам молиться — благополучіе.
Больным себя видѣть — знак здоровья.
Бороду обриту ю имѣть во снѣ — несчастіе.
Бороться — здоровье.
Босым видѣть себя — неприятность.
Бочву видѣть — путь.
Бѣжать во снѣ — путь.
Веселым быть во снѣ — несчастіе или болѣзнь.
Вино видѣть или пить — быть обвиненным.
Воду мутную или теплую пить — нездоровье.
Воду чистую или холодную пить — здоровье.
Война или войско — пожар.
Волк — корысть.
Волка в дорогѣ видѣть (во снѣ) — неприятный разговор.
Волосы большіе — счастье.
Волосы идущіе видѣть во снѣ — несчастіе.
Волосы подрѣзывать, стричь — несчастіе.
Волосы сѣдые видѣть — честь, здоровье.
Волосы чесать — благополучіе, иногда дорога.
Ворон — мертвец.
Воши у себя видѣть — получение денег.
Выстрѣл слышать — новая вѣсть, неожиданная скорбь.
Вѣять хлѣб — неприятный разговор.
Гадать — неприятность.
Голуби — пожар.

- Голубя или голубку упустить из рук—разлука жены с мужем, мужа с женой.
- Голым себя видѣть—неприятность.
- Горох—появленіе оспы.
- Гребень закладывать в голову—корысть.
- Гроб—удовольствіе.
- Гром слышать—новыя вѣсти или сильная скорбь.
- Гром над своею головою слышать—гнѣвъ старших.
- Груши—грусть.
- Гуси—пожар.
- Деньги—слезы.
- Деревья—прибыль.
- Дождь—урожай хлѣба.
- Досадовать—здоровье.
- Драться—путь.
- Дым—неудовольствіе.
- Дѣвиц видѣть—удивленіе.
- Жать хлѣб—урожай хлѣба.
- Жениться—смерть.
- Женщины—смѣх.
- Зайцы—неудовольствіе.
- Замуж выходить—смерть.
- Засуха—неурожай.
- Звон колокола—новыя вѣсти.
- Звѣзды—счастіе, почести.
- Змѣя—враг.
- Зуб выпавшій—смерть родственника.
- Идти по дорогѣ—путь.
- Испугаться—неудовольствіе.
- Качаться—нездоровье.
- Квас пить—здоровье.
- Клад найти—богатство.
- Колодезь—слезы.
- Кольцо—брак или рожденіе ребенка.
- Кольцо переломленное—смерть кого либо из супругов; смерть жениха, невѣсты или друга.
- Копать землю—придирки, подкопы.

- Корова—понуженіе к исполненію объѣта.
Корова отелившаяся—прибыль в домъ.
Коровы жирныя—урожаи хлѣба.
Коровы худыя—неурожай.
Косить—смерть.
Косу плестъ—дорога.
Кошка—враг.
Красный пѣтух—пожар.
Крест—честь.
Кровь—свиданіе с близким родственником.
Крыть дом или другое строеніе—благополучіе.
Купаться в мутной водѣ—болѣзнь.
Купаться в чистой водѣ—здоровье.
Курица с циплятами—прибавленіе семейства.
Куры—(лѣтом) пыль; (зимою) вьюга или неудовольствіе в семействѣ.
Ладан—покойник.
Лежать в постели—нездоровье или дорога.
Лен или пенька—урожаи прядева.
Летать—прибавленіе в ростѣ.
Лисица в домъ—корысть.
Лисица в дорогѣ—неудовольствіе.
Лошади—ложный обговор.
Лук—слезы.
Лѣс—прибыль.
Мазать—пустые разговоры.
Матерія бумажная или шелковая—пріятные разговоры.
Матерію купить или получить в подарок—корысть.
Медвѣдь—начальник.
Мед—покойник.
Мертвец—непогода; выходить с мертвецем из дома—смерть.
Милостыню раздавать—прибыток.
Молнія—гнѣвъ старших.
Молотить—прибыток.
Монахи—нездоровье; иногда—пожар.
Мост мостить—прибыток.
Мотки мотать—дорога.

- Мочить что либо в водѣ—непріятный разговор.
Музыка—пріятныя вѣсти.
Мѣняться чѣм либо—спорный разговор.
Мѣрять что либо аршином или саженью—дорога.
Мѣсяц—счастіе.
Мясо видѣть или ѣсть—болѣзнь.
Мятель—смуты.
На гору идти—горе.
Наряженным себя видѣть—несчастіе или нездоровье.
Находку найти—нечаянная прибыль.
Неопрытным себя видѣть—неблагополучіе.
Непрілично одѣтым себя видѣть—непріятность, неблагополучіе.
Новое платье—новыя вѣсти.
Новый дом—новыя вѣсти; иногда—смерть.
Новый дом строить—получить пріятное извѣстіе.
Образ (икона)—необыкновенный случай.
Обритым быть во снѣ—убытки, нездоровье.
Обѣд—полученіе письма.
Овцы—прибыль.
Огонь—невѣрное извѣстіе.
Огород с овощами—прибыль.
Оред—смерть родственника.
Остриженным быть—нездоровье, убыток.
Отдавать что либо—изъян.
Отдѣляться от родных на житье своим домом—смерть.
Париться—здоровье.
Пасхи—корысть.
Пасѣка—корысть.
Пахать—прибыток.
Печь—печаль.
Печь подтапливать—поджигать кого либо на ссору.
Печь развалившаяся—освобожденіе от печали.
Пир видѣть—видѣть покойника.
Плакать—счастіе.
Платок найти или получить—полученіе письма.
Плевать—здоровье.

- Платье чинить—быть в дурном мнѣніи у других.
Плетень—попасть в какія либо сплетни.
Плетень плестъ—участвовать в событіях.
Плясать—имѣть неудовольствіе.
Подарок получить—прибыль.
Под гору идти—избавленіе от горя.
Пожар—(лѣтом) зной, (зимой) мороз; раздор в семействѣ.
Полным себя видѣть—прибыль, благополучіе.
Полотно—дорога.
Получать долги—прибыток.
Полю мести или мыть—убыль в семействѣ.
Полю мостить—прибыль.
Похудѣть—болѣзнь.
Присидѣваться ¹⁾—ссора.
Просвиру получить—прибыль, радость.
Прясть—дорога.
Птицу поймать—беременность, брак.
Пчелы—прибыль.
Пыль—смуты.
Пьяным быть—нездоровье или обвиненіе в чем либо.
Пѣніе слышать—слышать новыя вѣсти.
Пѣть пѣсни—слезы или неблагополучіе.
Работать во снѣ—удовольствіе.
Раки—нездоровье.
Раны на себѣ—прибыль.
Раскрывать свой дом или другое строеніе—разстройство в домѣ или разореніе.
Рваться—здоровье.
Рои видѣть или поймать—слезы.
Ружье—неудовольствіе.
Рыба—болѣзнь.
Рѣка—разговоры (слышать или имѣть).
Сад—прибыль в домѣ.
Сани видѣть или на них ѣхать—видѣть мертвеца или слышать о нем.

¹⁾ Готовить кушанье.

- Свадьба—суета, шум; иногда—похороны.
Свинья—неудовольствіе.
Свинья с поросятами—прибыль в семействѣ.
Свѣчи восковыя—видѣть покойника.
Свѣчи ставить перед образом—корысть или радость.
Священник—нездоровье.
Сердиться—неудольствіе.
Смѣяться—нездоровье или несчастіе.
Собака—враг.
Солнце—счастіе и почести.
Ссориться—неудовольствіе.
Стадо животных—пріятный разговор.
Стол накрывать скатертью—покойник в домѣ.
Страдать—нездоровье.
Стрѣлять—неудовольствіе.
Стук слышать—имѣть или слышать непріятный разговор.
Суетиться—радость.
Сундук—покойник в домѣ.
Сыпь имѣть на тѣлѣ—прибыль.
Сѣно гресть—урожай на корм.
Сѣять хлѣб—прибыль.
Телѣгу видѣть или на ней ѣхать—видѣть мертвеца или слышать о мертвецѣ.
Телята—родины или корысть.
Ткать—покойник.
Торговать—прибыток.
Тужить—неудовольствіе.
Уж—(для дѣвицы) жених, (для женщины) беременность.
Умершим кого видѣть—долгая тому жизнь.
Умирать—долголѣтная жизнь.
Упасть в ров или в воду—несчастіе, смерть.
Утки—пожар.
Утопать—напасть от злодѣя.
Хлѣб в зернах—слезы.
Хлѣб в снопах или растущій в полѣ—урожай хлѣба.
Хлѣб печеный—успѣх в предпріятіи.
Хлѣб ѣсть—корысть.

Ходить по болотистому мѣсту—сильная непріятность.
Ходить по грязи—прибыток.
Худое платье на себѣ видѣть—несчастіе.
Цвѣты—радость.
Церковь видѣть или быть в ней—прибыль или удовольствіе.
Цыгане—пожар.

Эти толкованія снов записаны в Обоянском уѣздѣ Курской губерніи г. Машкиным.

Снотолкованія стоят, как вид народной словесности, в ближайшей связи с загадками и примѣтами. Они почти не тронуты наукой. Кромѣ дубочных изданій, нѣтъ ни одного сборника толкованій снов. Нельзя не пожалѣть о том. Весьма желательно, что бы печатаемый здѣсь маленькій сборник послужил поводом к составленію и обнародованію болѣе полнаго. Будет матеріал—явится и изслѣдованіе.

На основаніи ничтожнаго количественно вышенапечатаннаго матеріала можно о снотолкованіях сдѣлать слѣдующія, между прочим, немногія заключенія:

Причины, по которым образы, видимые во снѣ, получают в народѣ то или иное объясненіе, неодинаковы. В нѣкоторых случаях толкованіе сна коренится, по видимому, на древних мифических воззрѣніях. Так гром в дѣйствительности понимается народом как проявленіе гнѣва Божьяго; гром и молнія во снѣ—гнѣвъ старших. Сюда же слѣдует отнести и толкованія видимых во снѣ образов животных. Эти толкованія сходятся с объясненіями примѣт. Так, видѣть зайца во снѣ—неудольствіе; заяц, на яву перебѣжавшій путнику дорогу, означает несчастіе, неудачу. Тоже и у нѣмцев: встрѣча зайца несчастіе ¹⁾. Видѣть волка во снѣ—корысть; у нѣмцев—встрѣчи с волком—счастіе, удача ²⁾ и т. п.

¹⁾ Grimm. Deutsche Mythologie 1079 стр.

²⁾ ibid. 1080 стр.

Иногда образ, представляемый сном, понимается как символ: см. кольцо, сани. Ср. древне-русский обычай отвозить мертвецов на санях, хотя бы и лѣтом.

Нерѣдко сон толкуется по *подобію* явленій: бѣжать— путь, лежать—быть нездоровым; выстрѣл, звон, музыка, пѣніе—вѣсти; пожар—зной и т. п.

Но гораздо чаще толкованіе сна основано на *противоположеніи* явленій: бал—похороны, гроб—удовольствіе, больным видѣть себя—здоровье, веселым быть—несчаствіе, женитьба—смерть, плакать во снѣ—счаствіе и т. п.

Очень не рѣдко толкованіе снов коренится в языкѣ, основываясь на дѣйствительном или кажущемся тожествѣ корней; на сходствѣ звуков двух слов, из которых одно обозначает явленіе, данное сном, а другое—явленіе, долженствующее соотвѣтствовать ему в дѣйствительности. Вот нѣсколько примѣров такого рода толкованій: вино—быть обвиненным, груша—грусть, дѣвица—удивленіе, лошади—ложь, печь—печаль, гора—горе, мятель—смути, рыбка—рыльи, куры—мятель (Ср. областн. *курá* в значеніи вьюги, мятели) и т. п.

Причина многих толкованій—непонятна. Почему, например, орел во снѣ предвѣщает смерть родственника?

Для уясненія подобных толкованій требуется прежде всего накопленіе матеріала, обиліе варьянтов.

С Т И Х

Об Алексѣѣ человѣкѣ Божіем.

Во славном во римском во царствѣ,
Во славном во римском государствѣ,
Да при царѣ были при Анорѣи,
Да при патриархѣ Ниганорѣ,
Тут жил был князь Ефиміане ¹⁾

¹⁾ В рукописи, несовсѣм грамотной, Ефимьянъ. Так и ниже.

Со своею обручною княгинею,
Со княгиною Соломонидою.
Не вмѣли у себя единого дѣтища;
Молилися Богу со слезами,
У Господа милости просили:
Ты, свѣтъ Пресвятая Богородица,
Возри на наше моленіе,
Создай нам единое чадо,—
При младости князю на потѣху,
При старости князю на презрѣнье ¹⁾,
При послѣдней кончины на помин души.
По Божію было повелѣнію,
За князіе было умоленіе,
Дает Бог единое чадо.
Великій Князь Ефиміане
Священника в дом призывает,
Имя младенцу нарекает;
Нарекли ему имя Алексія,
В крещеную вѣру приводили,
Чюден крест наложили.
Стал Алексій седмилѣтен,
Великій князь Ефиміане
Поизволил сына грамотѣ учить:
Скоро ему грамота далася,
Скорѣе того рукописаніе.
Стал Алексій лѣтъ 17-ти,
Стал Алексій на всем ростѣ,
Великій князь Ефиміане
Поизволил сына младаго женить:
Избрал ему младую княгиню
Из той же из царской из породы,
Именем княгиня—Екатерина.
Ко Божіей церкви приводили,
Под значеными вѣнцами предстояли,
Значеными перстыми обручилися,
Заздравную чашу испивали,
Божій закон принимали.
Пошел Алексій от Божіей церкви,
Во свой дом—бѣлокоменны полаты;
Садился Алексій за трапезу—

¹⁾ В рукописи: прѣзренье.

Хлѣба и соли воскушати,
Медвеннаго питья испивати, —
Алексѣй хлѣба и соли не вкушает,
Медвеннаго питья не испивает,
Горячими слезами уливается.
Второга часу было темной нощи,
Ставал Алексѣй из за трапезы,
Он Господу Богу помолился,
Со отцом и со матерью простился,
Пошел Алексѣй спочивати
Во свою во теплую лежну,
На мягкія пуховыя перины.
Седьмага часа темной нощи
Ставал Алексѣй со постели,
Снимал с себя шелковой пояс,
Со своим со злаченым перстнем;
Подает он обручюю княгини:
Ты, младая княгиня,
Возьми мой шелковой пояс,
Со моим со злаченым со перстнем,
Спусти меня Богу помолитися,
За младые лѣта потрудитися.
Княгиня против него умолчала,
Ни отвѣту ни привѣту не сказала,
Уливается горячими слезами.
Святый Алексѣй человекъ Божій
На ей слезы невзирает:
Снимал с себя цвѣтное платье,
Надѣвал на себя ризу власянную,
Походил во дальнюю пустыню,
Становился в малый кораблик.
По пути ему погода становилася,
Без работы корабль уносило,
Приносило ко городу Едесу,
Пошел Алексѣй с корабля (со корабля?),
Приходил ко Божіей церкви,
Становился у церкви у паперти,
По правую руку у притвору.
Великій князь Ефиміане
Хватился любимаго сына,
Любимаго сына Алексія, —
Послаников князь разсылает;
Повелѣл по градам всѣм, по всѣм пустыням,

По всѣм по святым монастырем,
Спровѣдывать сына Алексія.
Посланники его приходили
По всѣм по градам, по всѣм по пустыням,
По всѣм по святым монастырем, —
Негдѣ Алексія не взыскали;
Приходили ко граду Едесу;
Нашли Алексія — не узнали;
Святую ему милостыню подавали.
Он милостыню свѣтъ принимает,
Сам Господа Бога прославляет.
Святой Алексій человѣкъ Божій
Молился он Господу трудился
В Едесѣ во градѣ лѣтъ 17;
Каждую недѣлю исповѣдывался,
Каждую субботу причащался,
Бул на трапезѣ сукромом (?).
Богородица гласом прогласила:
Ты, Алексій человѣкъ Божій,
Поди взат(д)ь во римское царство, —
Отец тебе мати не узнает,
Не(и) твоя обручная клягиня.
Святой Алексій человѣкъ Божій
Приходит ко синему морю,
Становился во малый кораблик.
По пути ему погода становилась,
Без работы корабль уносило;
Приносило под римское царство.
Пошел Алексій со корабля,
Приходит ко Божіей церкви.
Он милостыню князь раздавает,
Любимаго сына поминает.
Алексій отцу поклонился:
Великій князь Ефиміане!
Поминай своего сына за здравіе.
Создай мнѣ убогому милостыню,
Ради Спаса и Причистою
И ради душ многогрѣшны(и)х.
Построй мнѣ убогому келью
Подлѣ своей бѣлокаменны полаты,
Для ради любимаго сына Алексія.
Тут Ефиміане князь остановился,
За рѣчи его ухватился:

Почему ты моего сына знаешь,
Да имя ему называешь?
Речет ему нищій убогой:
Потому твоего сына знаю,
Да имя ему нарекаю, —
Мы вмѣстѣх с ним грамотѣ училися,
Мы вмѣстѣх Господу молилися.
Тѣ рѣчи князю полюбилися;
Повелѣл взять убогаго в полату,
Повелѣл накормить хлѣбом и солью;
Построил убогому келью
Подлѣ своей бѣлокаменны полаты,
И дал ему младаго келейника, —
Кельи топити, вода носити,
И нищаго странна сберегати.
Великій князь Ефиміане
Которые ясва воскушает
Он труднику Божію присылает.
А злы были рабы его:
Не(и)чего ему ясвы не доносят;
Блюда, сосуды обмывают,
Помойма келью поливают.
На то Алексій не гнѣвался,
Срадостію нужду принимает,
Сам Господа Бога прославляет,
Молился он Господу трудился
В Едесѣ во градѣ лѣтъ 17,
Во римском во градѣ лѣтъ 17,
Всего стало 34 лѣта.
Повѣдал Алексій житія кончину,
Брал он бумагу и чернило,
Писал он свое рукописаніе:
В котором он городѣ родился,
В которой странѣ Богу молился;
Писал Алексій умоленіе,
Писал Алексій претерпѣніе,
Писал, сам представился.
Во славном во римском во царствѣ,
У Ефиміана ладаном запахло,
По всему по римскому по царству.
По трижды святыи глас явился
У святой у Божіей церкви:
Ищите человекѣна вы Божія

У великаго князя Ефиміана.
Царь Анорій подымался
Со святѣйшимъ патріархомъ
И со всѣмъ вселенскимъ соборомъ.
Ефиміянъ къ мощамъ приступаетъ:
Мощи вы, мощи святые,
Вы, мощи, отдайте рукописаніе!
Рукописаніе Ефиміяну не далоее.
Царь и патріархъ приступаютъ:
Мощи вы, мощи святые,
Вы, мощи, отдайте рукописаніе!
Онъ рукописаніе отдал.
И дали еродиакону читати
Житіе Алексія Божія книгу.
Дождался любимаго сына,
Любимаго сына Алексія!
Тутъ Ефиміянъ князь прослезился,
Власы со главы своей срывааетъ,
И ризы на себѣ раздираетъ.
Ты милое мое чадо, святой человѣкъ,
Алексій человѣкъ Божій!
Чего ради в плоти не сказался,
Пришелъ изъ великія пустыни?
Кабы ты мнѣ ранѣе сказался,
Построилъ бы келью не такую,
Еще бы не в такомъ мѣстѣ.
Повѣдала матушка родная,
Идетъ ко святому, сама плачетъ:
Ты свѣтъ рожденное мое чадо,
Святый Алексій человѣкъ Божій!
Чего ради в плоти не сказался,
Пришелъ изъ великія пустыни?
Кабы ты ранѣе сказался,
Имѣла бы в каменной полаты,
Поила и кормила своей трапезой,
Часто одежду перемѣняла,
Всегда бы передъ лицомъ тебя держала.
Повѣдала обручная княгиня,
Идетъ ко святому, сама плачетъ:
Увы, увы! моря и рѣки,
Дайте очамъ моимъ слезы!
Сегодняшній день прослезитце,
Горячими слезами облится!

Ты свѣтъ мой жених обручной,
Святой Алексій человѣкъ Божій!
Чего ради во плоти не сказался,
Пришел ¹⁾ из великія пустыни?
Бабы ты мнѣ ранѣе сказался,
Я (б) к тебѣ в тай приходила,
Святую милостыню приносила;
Я бы вмѣстѣх с тобой Богу молилась,
Промежду нами был бы Сватою Дух...
Алексія Божія человѣка
В камни его свѣта снарядили,
На оный его свѣтъ положили,
Понесли его свѣта погребати.
Народом блис князя не допустят
До любимаго сына Алексія ²⁾;
Тут князь казну свою расточает ³⁾.
Мір на казну князя не нагнулся:
Ко святым мощам прилагался.
Дает Господь Бог изцѣленіе:
Хромым — хожденіе, глухим — прошлышаніе,
Нѣмым — отвердѣніе,
Скорби всѣм болящим изцѣленіе.
Алексѣя Божія человѣка
Выносили в соборную церковь,
Лица восписали на икону,
Житіе Алексія в Божію книгу вписывали,
Со славою свѣта погребали
Во славном во римском во царствѣ,
В Нифонту свѣту чудотворцу,
Алексія Божія человѣка.

Ему же слава и держава, тому же честь и поклоненіе всегда, нынѣ и присно, во вѣки вѣков. Аминь.
(Записано в Архангельской губерніи; № рукописи XXXI).

¹⁾ *Пришел* здѣсь и выше по значенію = пришел, пришедши.

²⁾ Безличное предложеніе. Смысл тот, что из за народа князь близко не мог подступить к тѣлу своего сына. Народом — творительный причины; блис, т. е. близ употреблено здѣсь в значеніи нарѣчія.

³⁾ Разбрасывает деньги, думая тѣм отвлечь народ от тѣла Алексѣя.

Настоящій вариант стиха об Алексѣѣ челоѣкѣ Божіемъ принадлежитъ къ числу лучшихъ и наиболѣе полныхъ. Ср. Калики переходящія Безсонова с. 97—154; Сборникъ духовныхъ стиховъ Варенцова с. 218; Русскіе народныя стихи Кирѣвскаго (въ Читеніяхъ Общества исторіи и древностей 1878 г.) № 9. Сравненіе стиха об Алексѣѣ челоѣкѣ Божіемъ съ житіемъ этого святаго сдѣлано И. И. Срезневскимъ. См. его Свѣдѣнія и замѣтки о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ. Выпускъ IV. стр. 1—19.

М. Колосов.

ПѢСНИ И ПРЕДАНІЯ,

записанныя в селѣ Іудинѣ, Александровскаго уѣзда, Владимірской губерніи.

А. Н. Смирновым ¹⁾.

1.

Шолковая ниточка к стѣнкѣ льнёт,
Ёгор Агрофенушку к сердцу жмёт,
Скажи, Агрофенушка, кто из роду мил?
Мил то мнѣ милѣшинею родной батюшка.
Агрофена моя! не правда твоя.
Не правду баишь, не рѣчь говоришь,
Все меня гнѣвишь.

Шелковая ниточка к стѣнкѣ льнет
(и слѣд. два стиха)

Мила мнѣ милѣшинька родна матушка.
Агрофена моя! не правда твоя.
Не правду баишь, не рѣчь говоришь,
Все меня гнѣвишь.

Шолковая ниточка и пр.
Мил то мнѣ, милѣшинею,
Мнѣ сердечный друг, Егор Архиповичь.
Агрофена моя! правда твоя.
Правду баишь и рѣчь говоришь,
Меня веселишь.

2.

Рѣна ли моя рѣченька,
Рѣка ли моя быстрая!
Что ты течешь не колыхнешся,
Со желтым песком не взмутитца?
С чего же мнѣ взмутитца:

¹⁾ Всѣх пѣсен в сборникѣ, доставленном нам г. Смирновым, около 50. По недостатку мѣста, помѣщаем из них лишь нижеслѣдующіе 12 NN.

Ред.

Нѣтъ ни вѣтру, нѣтъ ни вихерю,
Ни часта дожда осенява.
Ты голубушка подруженька,
Степанидушка Яфимовна,
Что ты сидишь не улыбнешься?
На что же мнѣ смѣяться,
На что глядя радоватися:
У мово то ли у батюшка
Полон двор вороных коней,
У моей то ли у матушки
Полна горница чужих людей,
Уж и все люди незнакомые,
Не неданные (?) и незваные;
Дорогой то гости нѣтутка,
Что моей то хрестной матушки.

3.

При вечерѣ, вечерѣ
При Степанидином дѣвишникѣ
Прилетает млад — ясен сокол;
Он садится на окошечко,
На серебряну прицѣлилку,
На позолочену приборинку.
Увидѣла его, узрѣла родимая матушка.
Дитя ли мое — дитятко,
Дитя мое милое,
Степанидушка Яфимовна!
Приголубь ка яснава сокола,
Яснава сокола залетнава,
Добрава молодца заѣзжава!
Родима моя матушка,
Я бы рада приголубила,
Мое сердце не воротитца,
Оно кровью то-обольетца,
Скоры ноги подгосилися,
Бѣлы руки опустилися,
Головушка с плеч свалилася.

4.

По садику, садику,
По зеленому виноградику
Тут ходил — гулял добрый молодец,

Добрый молодец — Алексѣй сударь,
Алексѣй Васильевич.
Он чесал свои кудерьки,
Чесал приговаривал:
Прилегайте, кудри русья,
Ко моей буйной головушкѣ;
Привыкай ка, свѣтъ Аннушка,
Аннушка Григорьевна,
Ко мому уму разуму,
Ко обычаю молодецкому:
Слѣси, гордости убавитца,
Уму — разуму прибавитца!

5.

Вздил Егор-а-т мимо тестева двора
Он ударил копьем об ворота:
Дома-ль тест-я-т или теща моя,
Дома-ль ласкова свояченица,
Дома-ль гордая боярыня моя —
Аграфена то Митревна?
Если спит, так не будите вы ее,
А проснетца вы скажите про меня:
Брала бы она золоты ключи,
Отпирала бы дубовы сундуки,
Вынимала бы турецкое сукно,
Она сшила бы Егору та тулуп —
Не долог и не короток бы ему,
Чтобы был он порострубистѣ;
Не долог и не короток бы ему —
Чтобы можно на коня ему вскочить,
Чтобы можно было плеточкой махнуть.

(№№ 1 и 3 поются на дѣвичникѣ, 4 и 5 послѣ вѣнчанья).

6.

Мы думу думали,
Копань копали,
Просо сѣяли.
А мы просу вытопчем,
А чѣм же вам вытоптать?
Коней выпустим.
(А мы?) Коней перейдем.
Чѣм (вам?) перенять?

Шелковым поясом.
А мы пояса изорвем.
(А мы?) выкупим:
Дадим сто рублей.
Нам не надо тысячи,—
Нам надобно дѣвушку.
Мы дадим дурочку.
А мы дуру выучим,—
Мы дадим шелком шить.
Вашего полку убыло,
А нашего прибыло.
Мы вечера плакали,
А мы вечер плясали.
Мы горьки пьяницы,
А мы добрые молодцы.
Мы вечер пили да выпили,
А мы пропили.
А что в торгу дорого?
Вздорожались красны дѣвушки:
Перва дѣвушка—сто рублей,
Друга дѣвушка—тысячу,
Третья дѣвушка—смѣту нѣт...
А то в торгу дешево?
Вадневелиса добры молодцы:
Первый молодец—копейка,
Другой молодец—денежка (полушка),
Третій молодец—лыи пучок.
Дѣвки подите к нам!
Мы боимся!
Бово вы бонтесь?
Мы боимся короля.
Короля дома нѣт:
Наш-а-т король в городѣ.
Что он дѣлает?
Мост мостит.
Про кого он мост мостит?
Про дѣвок про красных.

7.

Вдоль по улицѣ по широкой
Красно золотце разгоралоса,
В тѣ поры я млада разыгралоса.
По меня молоду песом за послом,

Гонец за гонцем:
Пойди, невѣстуха!
Пойди, голубуха!
На тебя свекор распрогнѣвался,
Хочет бить — журить,
Твою кровь пролить,
Попятам пустить.

Вдоль по улицѣ по широкой и т. д.
На тебя свекровь распрогнѣвалась
Хочет бить-журить,
Твою кровь пролить,
По пятам пустить.

и т. д.

Вдоль по улицѣ по широкой

и т. д.

На тебя милой распрогнѣвался,
Хочет бить-журить

и т. д.

8.

В чистом полѣ вербу вѣтром раздувает,
Вѣтром раздувает — к сырой землѣ приклоняет.
Что наша невѣстка, что наша голубка
Не весело ходишь, не смѣло ступаешь?
Или тебя невѣстка, или тебя голубка,
Свекор батюшка не любят?
Уж так он меня любит, словно сърую собаку,
Ворчит — не укусит, к себѣ не подпустит.
(*Потом тоже поется о свекрови и молодом.*)

9.

По морю, по морю,
По синему по морю
Плавала, плавала
Лебедушка бѣлая.
Плакала, плакала
Душа красна дѣвушка:
Как же мнѣ, как же мнѣ
Идти во чужи люди?
Как же мнѣ чужова отца звать будет?
Со горем, со горем,
С кручиной великою
Назову чужова отца батюшку:

Батюшка — батюшка,
Чужой отец, батюшка!
Как же мнѣ как же мнѣ
Чужу мать звать будет?
Со горем назову чужу мать матушкой:
Матушка, чужа мать, матушка!
Как же мнѣ как же мнѣ
Чужово мужа звать будет?
Назову чужово мужа ладою:
Лада, лада милая, муж молодой.

10.

Из лугу лугу
Из за лужечку
Ходили гуляли
Красныя дѣвки,
Рвали, щипали
Со травы цвѣточки
Види свивали
С 'городу вѣночки,
Свивши надѣвали,
На буйну головку,
Вокруг становились
Супротив старова:
Как старой о-т взглянет,
Вѣночек завянет,
Вокруг становидсь
Супротив ровни:
Как ровня-т взглянет,
Вѣнок не завянет,
Мое то сердечко
Оно взвеселитца.

11.

Не радуйса дубник — кленник
Радуйса бѣлая березынька!
К тебѣ дѣвки идут,
К тебѣ красныя идут
Со яшницами,
Со дрочонами,
С пирогами со пшенисными.
Уж как туча то с громом соговаривалась:
Ты пойдем ка, туча — гром,

Погуляем со мной
Что под то ли под село
Под Парфеново.
А парфеновскіе то дѣвушки
Хваленныя,
А Іудинскія дѣвушки хуленныя.
(поется в Семик).

12.

На улицѣ сильной дождик поливает,
Братец сестрицу по головкѣ гладит:
Рости, моя сестрица, рости большая!
Выростешь больше, отдам тебя за муж
В чужую деревню, в несогласную семью.
Взойди взойди, солнышко, не низко и не высоко,
Не близко и не далеко, чрез чисто поле,
Супротив мово подворья!
Приди приди, братец,
Ко сестрицѣ в гости.
Здорова, моя сестрица
Здорова, моя родима!
Родимой мой братец,
Не очень то я здорова!
Есть четыре горя,
Пятая кручина:
Первое горе — свекор батюшка грозливый
Другое то горе — свекровушка хлопотлива,
Третье горе — деверечик вор насмѣшник,
Четвертое горе — золовки смутьянки,
Пятая кручина — муж жену не любит.
Потерпи, моя сестрица, потерпи родима.
Если перетерпишь
Наживешь ты радость:
Свекор-о-т грозливый
В сыру землю пойдет,
Свекровь хлопотлива
Добра тебѣ желает,
Деверечек вор насмѣшник
Сам он в людях возмет,
Золовка смутьянка
Сама в люди пойдет,
Сама в люди пойдет,

И ей тоже будет,
Муж и жену не любит,—
Другую не возьметъ
Тебя не минует.

Село Іудино находится на большой углицкой дорогѣ в 15 в. от Троицкой лавры, в 10 в. от рѣки Дубны. Оттуда я выѣхал в 1863 г. и небыл там до 1877 г. В эти 14 лѣтъ произошло много переменъ в народном говорѣ. До шестидесятих годов слышалось в говорѣ довольно широкое *о*, хоть и не такое, как у Ярославцев, заѣзжавших туда; теперь оно сдѣлалось значительно уже; прекращенія *а* в *о* (стокан, торокан) почти не встрѣчается. Также почти исчезло теперь постоянное сочетаніе *к с я* вм. *а* в концѣ слов (Ванькя, дайкя). Цваканье, которое тогда составляло принадлежность всѣх стариков и частію людей средняго возраста, теперь вовсе не существует.

На моей памяти, в теченія 30 лѣтъ, цваканье, (цотыре, цорт, цово) смѣнилось чваканьем (чарь, чарича, чово), а последнее уступило мѣсто правильному литературному употребленію *ц* и *ч*. Эта перемѣна произошла частію вслѣдствіе болѣе частых за последнее время сношеній народа с жителями Московской губерніи, но болѣе всего по вліянію хоровадных запѣвал, какими всегда были церковные пѣвцы (грамотность там — рѣдкость). Совершились нѣкоторыя измѣненія и в лексическом отношеніи: прежде постоянное почти—*баить* замѣнилось посредством *говорить*, вм. *наши* хлѣб говорят теперь *рѣжь* хлѣба, вм. *рушь* убойну—*кроши* убойну, говядину.

Пріѣхавши в Іудино, я прежде всего поинтересовался судьбою преданій, связанных с мѣстностью *Молохово* (луг на возвышенности близ рѣчки *Вокси*).

В дѣтствѣ я слышал множество разсказов о пребываніи там черта, о бабѣ, сидѣвшей в лунныя ночи в соснинѣ и покрывавшей волосами весь луг, и о вырываніи кладов. Тогдашним расказащикам хватало матеріала на нѣсколько

вечеров, но их теперь нѣтъ в живых. Мнѣ указали на одного семидесятилѣтняго старика, который слывет колдуном и будто бы знает всѣ рассказы, но в его памяти сохранились лишь кой какіе обломки от прежних эпоей. С его слов я записал слѣдующее:

„Ощо до панщѣны ¹⁾ жили на Молоховѣ розбойники; туды был подземной ход, там рыли клады и не нашли ничего. Пришли один раз утром, а в ямѣ та лягушки, змѣи, мыши и всякіе гады. Придут другой раз, сам выдет и всѣ розбѣгутца; а то вышел бык бѣлой, рожишны по сажень, — перекрестились, бык россыпалса. Клад тут положон с проклятьем. Рыл и мой отец, рыл весь причт, и из монастыря с молебнами приходили: узнали о кладѣ по книгам. Один раз в ямѣ было явленье Божіей матери с лампадой. Яма была большая, сажень 15. Мужиков оттуда судом выгоняли. Около этого мѣста рыл Мамай ис Шубина. Мамай-а-т говорил, ёво Пѣтром звали, открыл плити со стол, стукнулі, как зазвенят!..

Послѣ он в Григоровѣ нашол под камнем серебро; нащемши, умер, потому — на смерть кладетца. Когда строили колокольню, привезли камень из Вокси, а на нём подпись: под камнем денег на весь Переславской уѣзд, но не нашли — како мѣсто. На Кузнецах (пустышь) нашли погреб с рожью, — это от панщѣны. У Ёгона Иваныча Протихина была книга, по книгам и отгадывали клады.

Один раз Мѣлка пошел к Дряжлихѣ (луг); глядит, а ему на стрѣчу сам — вода брызжет, на трех лошадах ѣдет по Воксѣ к Молохову. А то я сам пас лошадей на врагѣ. Как звѣзды пропали, он взялся из болота и летит, искры сылет с хвоста, руки держит сложа, летит ниско, с ружья достать...

Гѣрмячи (лужок на горкѣ у рѣчки) была деревня, давно... Литвѣ сколько годов, как паны воевали? Рыли у Кондратя у Лужина на огородѣ, это было недавно, обры-

¹⁾ Война 1612 г.

ли жорнов. Начали ночью жорнов подымать,—сосночид, свѣчу задуло, а на утро и ямы нѣту. Один раз шли в Мишутино,—на дорогѣ заец бѣлай; сказали: Господи благо-слови, он и пропал; взяли сучек, ткнули на том мѣстѣ, ан котелок с крышкой, а в нем золотѣ и серебро..

Эти клады все от Литвы. Семь годиков она у нас стояла. Населеніе было густое,—што вѣрста, те жило... Топерича на мѣстѣ жил—куліга¹⁾. Оди осѣлочки оста-лись послѣ Литвы,—все погубила; лѣс жгла, народ в нем губила, што бѣжал от неѣ. Павы выстроили и церкву Деулинскую (10 верст), но Бог все их наказал, что погу-били всю Росею,—онѣ ослѣпли. Француз тоже был у нас, но жил не жог и народа не губил, народ не боялся бѣжать в лѣс, при Литвѣ жа—уйдет туды, а она и лѣс зажжот...

А. Смирнов.

¹⁾ Куліга—луг. Недалеко от Мѣлохова есть луг, который называется и теперь—*халуа*, он на низменном мѣстѣ, и слѣдов изгороди (см. Слов. Дала) нѣт на нем; тут воегда был один сѣнокос.

ЧЕРТЫ НАРОДНАГО ГОВОРА

Щигровскаго уѣзда Курской губ.

Щигровскій народный говор по своим особенностям принадлежит к южно-в. русским.

1) Всякое неударяемое *о* в нем измѣняется в *а*: *ю-лас*, *цѣркав*; *далѣна*, *касѣть*, *карѡва*; *юварю*, *галавѣ*, *таргавѣть* и др. В качественном отношеніи нѣтъ никакой разницы между *а*, образовавшимся из *о*—основнаго и—*о*, происшедшаго из *ѡ*. В количественном отношеніи—всякое *а* произносится одинаково—протяжно. Вообще, у народа этой мѣстности замѣтна склонность к плавному, протяжному произношенію слов. Неударяемое *а*, стоящее во 2, 3 слогѣ от ударяемаго несокращается (как напр. в Тамб. г., в Обоин. у. Кур. г. и др). Напротив, иногда—в случаях сочетанія плавной *е* какой либо другою согласною—вставляется *а*; напр. говорят—*салѣфѣтка*; поют: *на тарѣву зялѣнаю*, *шалаковая* и др. Исключеніе составляет только гл. *говорить* (гаварить), который в разговорной рѣчи имѣет слѣд. значительно сокращенныя формы: 1 л. ед. ч. наст. вр. *я грю*; 2—ты *гриш*; 3—он *гртъ*; 1-е мн. ч. *мы грим*.

Вслѣдствіе всеобщности измѣненія неударяемаго *о* в *а* необходимо должны были произойти измѣненія в окончаніях существит. и прилагат. Дѣйствит., всѣ существит., оканчивающіяся на удар. *о*, имен. пад. имѣют в наст. время на *а*, подчиняя также общему правилу всѣ другіе падежи. Поэтому—*акнѡ*, *сукно*, *памялѡ*; но *мѣста*, *тѣста*, *лѣта*, *прѡса*, *стуна* и пр. Твор. пад. ед. ч. *акнѡм*, *памялѡм*; но—*прѡсам*, *стѡлам*, *лѣтам* и пр. Тому же правилу слѣдуют и всѣ другія существит., имѣющія в косв. пад. *о* неудар.; напр. *анбѣр*,—твор. *анбарам*, род. мн. *анбарас*; *лес*,—твор.

лѣсам, но род. мн.—*лѣсовъ*; *патсѣлнух*, *патсѣлнухам*, *патсѣлнухав*; *дом*, *дѣлам*, но *дамѣвъ*; *хѣта*,—*хѣтаю*; *дѣра*—*дѣраю*; *вашишна*—*вашишнаю* и др.

Членныя прилагательныя измѣнили свое окончаніе *ый*—неударяемое в *ай*, ударяемое в *ой*: *краснай*, *дѣбрай*, *чѣрнай*, *авсянай*, *мядѣвай*, *паласѣтай*, *гарнитѣравай* и др.; но—*аржанѣй*, *мяснѣй*, *румянѣй* и др. Вмѣстѣ с именит. измѣнились окончанія прочих падежей: род.—*ава*, дат. *аму*, мѣстн. *ам*—для муж. рода; род. *ай*, твор. *аю*, мѣст. *ай*—для женскаго. Во множ. ч. для всѣх род.—им. ан. твор. *ами*; окончанія прочих падежей остались неизмѣненными. В пѣснях встрѣчаются окончанія именит. п. мн. ч. прилаг.—*ыя* и *ія*; в разговорной рѣчи послѣдняго окончанія нѣтъ, а первое принадлежит только прилагат. на *ой*; напр. *шѣрстянѣя чюлкѣя*, *залатѣя кѣльцы* и пр. Эти послѣднія прилаг. (на *ой*) оканчивают им. ед. ч. на *яя*, вин.—*ѣя*: *залатѣя гривну*, дат. *ой* и т. д. Оконч. дат. *ой* принадлежат, как извѣстно, между прочим, нѣкотор. мѣстоименіям и числительным; в этом говорѣ—слова—*тот* и *одѣя* отступают от этого правила: оба слова получают в род. ед. оконч. *ыѣ*, в дат. *ѣя*: *тыѣ*, *адныѣ*; *тѣя*, *аднѣя*; мѣстн. сходен с дат.: *у тѣя ямя*; творит—*тѣю*, *аднѣю* и *аднѣя*, *тѣя*. В пѣснях встрѣчается и—*адноѣя*.

Переходы неудар. *о* в *а* так глубоко вкоренились в этом говорѣ, что часто в нем *а* измѣняется в *о*, как скоро на него падает удареніе; напр. *варѣть* но *вѣря* (3 л. ед. ч. наст. вр.), *дарѣть*—*дѣря* и пр. Здѣсь дѣйствовала аналогія: такіе случаи, как—*сарѣть*—*сѣря*—совершенно согласные с законами этого говора—увлекли за собою такіе, как—*варѣть*—*вѣря*, *бранѣть*—*брѣня* и пр.

2) Ударяемое *е* измѣняется в *ѣ* в том же самом положеніи, как и в друг. ю. в. рус. говорах: *тылѣнак*, *бабѣнка*, *авѣс*, *дурѣн*, *нѣба*, *кулѣк*, *тѣтка*, *свѣкла*; но—*мѣля*, *узѣчка*, *варажѣя*, *кисѣль* и др. Встрѣчаются, впрочем, такіе случаи, когда удар. *е*, несмотря на то, что слѣдующій за ним слог твердый, неизмѣняется в *ѣ*; напр. *купѣц*, *кузнѣц*, *хрест*, но *хрѣстик*; в иностран.—*кульѣр*, *бишмѣт*, *жилѣт*, *жилѣтка* и др.; в окончаніях—2 л. наст. вр. и 1-го множ. глаголов:

найдеши, найдём; найдёшь, найдём; вазмёшь, вазмём; умрёши, умрём. Равным образом в 3 л. ед. ч. н. вр. удар. *е* — совершенно согласно с указанными правилами, но в противоположность современ. литерат. языку и значительной части ю. в. р. говоров — неизмѣняется в *ѣ*: *идѣть, нясѣть, умрѣть* и др.; встрѣчаются и *иде́, нясе́.* Формы *идѣть, нясѣть* болѣе свойственны пѣсенному языку.

3) *Неударяемое е* в одних случаях измѣняется в *и*, в других — в *я*: а) если оно стоит непосредственно пред или послѣ ударяемаго слога, то переходит в *я*: *бярѣза, яловай, збарѣх, кремѣнь, зямлѣя, стьяклѣ, лядашай, чярнѣла, мядѣвай, тьялѣа, бялѣк* и др.; *чѣмяр, бѣрях, кѣчят, вѣсял* и др.; б) *е* втораго или третьяго слога от ударяемаго измѣняется в *и*: *чилавѣк, чибатарь, криндялѣк, зиялѣнѣй, пиялѣа, чиряпѣк, чирявѣчки* и др. — *ь*, не отличаясь по произношенію от *е*, подвергается одинаковым с ним измѣненіям: *твяты́, хряновай, сляпой, бядѣ; у лѣся (мѣст.), на мѣстя; симяна́, тистьянѣй, билѣватѣй* и др. Встрѣчаются случаи, когда удар. *ь* переходит в *ѣ*; напр. *аслѣп* (вм. *ослѣп*), *пабѣх, прибѣх* (вм. *прибѣы*) и др.

Совершенно правильно измѣнены *е* и *ь* в окончаніях существительных. Им. п. всѣх существ. на *е* оканчивается на *я*: *пѣля, гѣря, няшишѣстья* и др.; твор. на *ям* — *пѣлям, гѣрям.* Существ. на *а* (неудар.) с предшеств. *ж, ш, ц* творит. имѣют на *аю* вм. *ею*: *лѣжа, — лужаю, тѣшиша, — аю, патаница, — аю* и др. Относительно мѣстн. над. существует. в этом говорѣ должно замѣтить слѣдующее:

а) Неудар. *ь* мѣстн. пад. сущ. муж. р. на *ъ*, сущ. ж. р. на *а*, на *а* из *о*, на *я* из *е* переходит в *я*: *на дивѣня, у дѣмя, на стѣля, у стакѣня; на берѣзя, у ваградя, на нявестя, у шлятя; на мѣря, у пѣля* и пр.

б) Всѣ имена жен. р., имѣющія в именит. ед. ч. перед *а* *г, к, х, ж, ч, ш*, имена на *я* (основн.), а также имена на *ь* — женскаго рода оканчивают мѣстн. пад. на *и* (которое послѣ шипящих слышится как *ы*); напр. *у мужѣи; у вѣрьш, на бумаим, на тьялѣи; на мужи, у рубѣхи; на рѣжы;*

у *кѹчи*, у *ванѹчи*; у *калѹшы*, но *тѹшы*; у *тѹря*, у *ѡблѹ*, на *мялѹ* и др.

с) Ударяемое *ь* мѣстн. пад. имен, конч. на *ъ* и *о*, измѣняется в *у*; напр. на *Данѹ*, у *дамѹ*, аб *мяшкѹ*, на *дубу*; на *акнѹ*, у *лѹцѹ* и др. Встрѣчаются случаи, когда неудар. *ь* в мѣст. пад. имен на *ъ* переходит в *у*: на *пальцу*, на *ножьбу*; на *мѣчику*; наоборот, есть случаи, когда в такого же рода словах *ь* естается: на *столѣ*, у *васѣ*, хотъ встрѣч. и—у *васѹ*.

д) Имена муж. род. на *ь* и сред. на *е*, которое в говорѣ является в видѣ *я*, с предшествующим *ь*—мѣст. пад. оканчивают на *ю*; напр. на *каню*, аб *лѹшастю*, на *пахмѣлю*, на *хмѣлю*, на *пню* и др.

е) Имена жен. рода на *а* и *я* — *ь* мѣстн. пад. неизмѣняют: у *жанѣ(ѣ)*, на *землѣ(ѣ)*, у *кранивѣ(ѣ)*, не у *кранивѹ*, на *палѣ(ѣ)*, на *горѣ(ѣ)* и пр.

ф) Имена на *а* из *е* с предшествующ. *шш* мѣстн. пад. имѣют на *у*: на *клад'бишш*; на *тапаршш*, на *ржѣшш* и др.

Говоря вообще, для мѣстн. пад. в этом говорѣ существуют слѣдующія окончанія: *я*, *ь(ѣ)*, *и*, *ю*, *у*; но опредѣлить точно,—какія слова принимают одно и какія—другое окончаніе, трудно; так как нѣкоторыя слова имѣют по два и по три окончанія для мѣстнаго: у *карманя* и в *нарманѹ*; но *моря*, на *морю* и на *морѹ*; у *пѡлю*, у *пѡля* и в *пѡлѹ*; аб *авѣ* и у *авѣ* и др.

Прилагательныя на *ай (ый)* в сред. р. ед. ч. оканч. на *ая*: *красная лѹцѡ*; на *ой—ѡя*: *златѡя калѹцѡ*. Прилагат. на *ий* измѣнили свое оконч. в *ий*: *зим'ний*, *лѣт'ний*, *юрьмѣй*, *слѣпильмѣй*. Падежн. оконч. прилаг. на *ий* слѣд: род. *ява*, дат. *яму*, тв. *им*, мѣст. *ям*; ударяем. оконч. мѣст. *ѣм*: на *симѣм морю*. Ж. р. им. *яя*, род. дат. и мѣстн. *ий*; винит. и тв.—*ю*. Сред. р. им. *яя*; прочіе пад.—как в мужском. Оконч. множ. для всѣх род. им.—*и*, твор. *ями*; прочіе падежи—как в совр. литератур.

В глаголах с гласною пред окончаніем неопред. наклон. неударяемое оконч. 3 л. ед. ч. наст. вр. измѣняется в *я*: *гаркаѹ*, *марѹя*, *лѹпя*, *ѡря*, *нося*, *мѡя*, *брѡня*, *балѹкаѹя*, *кѹря*, *шрѹя*, *кукѹя* и пр. Ударяемое же оконч. 3 л. ед. ч. наст.

вр. глаголов, как этого, так и второго разряда, неизмѣняется: *нясѣть, сварить, идѣть, но идя*. Глаголы 2 спряженія во множ. ч. от *ять, ать* ударяем. отбрасывают—*ть: жууж-жа, пишиа, малчи, говоря, вяртя* и др.

Указанныя выше правила относительно измѣненій неуд. *е* допускают слѣд. исключенія:

а) Неудар. *е(ѣ)*, стоящее возлѣ слога ударяемаго в нѣкотор. словах неизмѣн. в *я*. Сюда прежде всего относятся мѣстоименія личныя. Они здѣсь измѣняются слѣд. обр: от *я* род. *мине*, дат. *мнѣ* и *минѣ*, вин. *минѣ*; от *ты* род. *имбѣ*, дат. *табѣ*, вин. *тибѣ*, твор. *табою*, мѣст. *табѣ*; от *себя—сибѣ*, дат. *сабѣ*, твор. *сабою*, мѣст. *сабѣ*; прочіе надежи не представляют особенностей. В нѣкот. случаях *и*, стоящее возлѣ слога ударяем. переход. в *я*; напр. *караулять, красять* вм. *караулить, красить* и др.

б) Если в словах встрѣчается два *е* по обѣим сторонам *р* и если они по мѣсту составляют третій и четвертый слоги от ударяемаго, то по правилам оба измѣняются в *и*, но при произношеніи *и* ближайшее к ударенію выбрасывается, слѣд же свой оставляет в том, что смягчает *р*; напр. *пир'синул, чир'салоукай, чир'с алитѣнь, пир'бжаал* и др.

с) Если слово сложно с *пере*, причем удареніе стоит не посредственно за ним, то *е* ближайшее к ударенію во многих мѣстоюстях щигр. у. переходит в *а*: *пиранѣсть, пиранусть, пираѣтал, пирасялал, пиранѣлочка* и др.

(Ср. в бяр. *биражѣстый, жирабца* и др.)

Гласныя *и, е, о* неподвергаются другим измѣненіям в этом говорѣ. Из прочих гласных—

4) *я* только в нѣкоторых словах измѣн. в *е*: *румѣны, румѣнитца, мечик*. Послѣ *ж, ш, ц* оно слышится как *а*, *тѣшшаю, рукавицаю, рожая*; в 3 л. ед. ч. наст. вр. глагол. *дѣша, утѣша, ляжа* и др.

5) Гласная *а* в нѣкотор. словах перешла в *ы*: *куды, суды, кык, сымародина*, в оконч. им. сред. рода на *о* удар. им. надежа, мн. ч. *кальцо—кѣльцы, акно, вокны, стьякло—стѣклы* и др.

6) Гласная *у* во многих словах переходит в *е* и наоборот: *взял* и *узял*; *удал* и *вдал*. В некоторых словах — и замѣняется *е* — *у* и опять здѣсь же вставляется для благозвучія: *уваржѣ*, *увавсѣ*, *уваддѣля*, *увавсѣм* и др.

Замѣна *у* посредством *е* встрѣчается в пѣснях; в разговорной же рѣчи — наоборот — *е* замѣняется *у*.

7) Гласная *ы* в словѣ — *висок* перешла в *и*; других случаев такого перехода не встрѣчается; за то *и* послѣ — *ж*, *ш* произносятся как *ы*: *жымши*, *бымши*.

8) Гласная *э* в словѣ — *этот* слышится как *э́*: *этат*, *ектат*; в некоторых случаях возникла вновь; напр. — *чалѣк* вм. *члавѣк*, *атцѣда*, *атцѣда*, *цѣлай* и пр.

9) Глухіе звуки перешли в чистыя гласныя: *ѣ* в *о* и *а*; *ь* в *е*, *я*, *и* сообразно с положеніем относительно ударенія. На концѣ слов они исчезли. Впрочем, в предлогах звучныя согласныя иногда непереходят в отзвучныя. Это бывает, если они сочетаются с словами, начинающимися — а), на звучную же согласную, б) на какую либо гласную и с) на — *р*, *л*, *н* и *м*.

Так. обр. из всѣх гласных — *о* и *е* подверглись большему измѣненію в этом говорѣ. Гласныя *а* и *я* произносятся здѣсь *открыто*. Впрочем, послѣднее мы должны ограничить: болѣе или менѣе открытое произношеніе *а* и *я* зависит от того, какая гласная стоит в слѣдующем слогѣ — твердая или мягкая¹⁾; если за *а* и *я* слѣдуют — *и*, *я* или *е*, то они произносятся болѣе сжато, чѣм, когда за ними стоит твердая гласная; сравн: *падѣ* и *падѣ*; *манѣ* и *манѣ* и *маня*; *блѣ* и *блѣ*; *тянѣ*, *тяня* и *тянѣ*; *пльѣ*, *пльѣ* и *пльѣть*; *тапѣ* и *тапѣ*; *маладѣть* и *маладой*; *пльѣть*, *пльѣть* и *пльѣтѣ*. Если за *я* слѣдует *ѣ*, то оно в некотор. случаях произносится почти как *и*; напр. *чярѣмуха*, *зьяленай*, *грябенка* и др.

Гораздо менѣе измѣненій произошло в области *согласных*.

1) Из гортанных — только *к* утратило свой характер

¹⁾ Грот, Фил. Раз. 271.

оно может дѣлаться небным. Это происходит, когда в словѣ ему предшествуют *й* или *ь*. Небность *к* выражается в этом случаѣ слѣдующ. обр.: непосредственно слѣдующія за ним *а, о, у* переходят в *я, ё, ю*; напр. *байка, китайка, пунька* (клѣть), *кудѣлька*; *кулькѣм, кулькѣв, криндялькѣв, сабалькѣвскі*; *чликю, кудѣлькю*, и др.

Также, *к* пред *ё* и *е* в оконч. 3 л. н. врем. глаголов неизмѣняется в *ч*, напр. *тикетъ* и *тикѣтъ*, *атсакѣтъ* и др.

2) Из шипящих—*ж* и *ш* тверды, но *ч*—произносится мягко; вмѣсто *щ* звучит в наст. время—*ши*: *шшаваль, шшогаль, шшабол, пшшша, пшшша, лядшшшай* и др. Иногда *щ* и *ч* переходят в *ш*; напр. *кузнѣшшшай, вѣшшшай, ямишшш* и др.

И в области согласных мы встрѣчаемся с явлениями регрессивной ассимиляціи, как и в области гласных: послѣдующія мягкія слоги измѣняют предшествующія твердыя согласныя в небныя; так—*свят'личка, пад'нял, силяз'нѣм*; в предлогах—*пад'ним, с'мирам* и др.

Отмѣтим еще двѣ особенности в этом говорѣ:

1) Извѣстно, что в глаголах сложных с предлогами иногда между первыми и послѣдними вставляется *и*; напр. *обнимать*, вм. *об-имать* и пр.; в этом говорѣ—это *и* выбрасывается, а послѣдующее *и* успливается (?) на *й*, *йй*: говорят—*абаймать, пирйймал, уваймать*; но *падытъ, падыми*.

2) В именах ж. р. на *а* произошла замѣна родит. падежа дательным. Напр. говорят—*ат избѣ, ат жанѣ, ат канюстя, с лѣсай руке, кумѣ маей дѣма нету* и пр. вмѣсто *ат избы, ат жаны* и т. д.

М. Халанскій.

ЗАМѢТКА

0

Д В У Х П Ъ С Н Я Х.

Смежность населеній великорускаго и малорускаго, напр. в харьк. и курской губ., как извѣстно, не осталась без вліянія на пѣсенность того и другого. Неговоря об исконном сродствѣ и о явныхъ заимствованіяхъ, есть пѣсни, которыя до дальнѣйшаго изслѣдованія могутъ быть отнесены к третьему разряду, непредставляющему несомнѣнныхъ признаковъ ни исконнаго сходства, ни заимствованія. Изъ этого разряда иное можетъ быть со временемъ отнесено к первому, иное — ко второму (к заимствованіямъ буквальнымъ), но кое что и окончательно сочтется образованіемъ промежуточнымъ, заимствованіемъ не буквы, а духа, возникшимъ именно на сумежьи.

Встрѣчаются ли другіе, болѣе западные варіанты мр. пѣсни, записанной мною лѣтъ 15 тому отъ женщины изъ с. Рубижни (Рубежное, Рубежная) Волчанскаго у. Х. г.?

Як не женився, то й не журився,
Як оженився, то й зажурився.
Та узяв жону не до любви,
Не до любви, ні до розмови,
Ні до звичаю, до йобичаю,
Ні до чорнихъ брив, до ласкавихъ слів,
Ні до шалности (?), ні до жалности.
„Запрягай, малий, та пару коней,
„Та поїдемо у Китай-город,
„У Китай-город та на ярмарок.
„Та куплю жоні карабѣль новій,
„Карабѣль новій ще й веселечко.
„Утішай, мила, своє сердечко!
„Посади милу в карабѣль новій,
„Та пусти карабѣль на синє море,
„Та не дамъ весла, щобъ вода знесла.
Карабѣль пливє, йаж вода реве,

Я мила седить, як свіча горить,
Я милий ходе, як зоря сходе.
„Ой вернись, мила, поголуй сина,
„Та що найменший, та що найгірший!“
— Невернись, друже, що побив дуже!
Ой бив рублем ще й гребінкою,
А тепер назива своєю жінкою!
Ой бив рублем щей качалкою,
Я тепер називаєш коханкою!

(Каждый стих, кроме первого, может повторяться, причем в первый раз он заключает собою предыдущий куплет, во второй — начинает следующий. В мотиве 8 тактов в $\frac{3}{4}$, по 2 на полуступище. Характер мотива малорусский, соответственно содержанию, трагический).

Для сравнения — пѣсня, записанная г. Кохановскою (Соханскою) в Корочанском у. Кур. г. („Нѣсколько русских пѣсень“ 128. Рус. Бес. 186) без соблюдения звуковых особенностей говора:

Оженился молодец, оженился удалой,
Да и взял жену нелюбимую:
Не до хайности ¹⁾, не до жалости,
Ни до словечка, ни до дѣлечка,
Ни до чорных бров, ни до милых слов.
„Ты съдай, молодец, коня ворона,
„Поѣзжай, молодец, в Китай-города,
„Да купи ты себѣ мал караблечек,
„Мал караблечек и веселечко,
„Посади жену свое сердечко,
„Да недай весла, чтоб вода снесла.“
А вода ревет и корабль плывет,
А жена сидит, как свѣча горит,
А дитя кричит, всѣ лѣса глушит.
Как взошел молодец на круту гору,

¹⁾ *Охайность*, опрятность. Серб. *xajati* за што, заботиться о чем.

Закричал молодец громким голосом:
„Ты возьми, жена, вот веселечко,
„Воротись, жена, мое сердечко!“
— Невернусь, друже, что побил ложе;
А и бил рублем и каталкою,
Еще хвалишься бить ногойкою.
Поживи, мой друг, с молодайкою!“

Сокол и Конь.

Слѣдующая п. записана Студ. М. Халанским в Красной Полянѣ Щигровскаго у., Кур. г. от семидесятилѣтней старухи. (Я ставлю *е* вм. *е* (= *е* и *ь*), употребляемого в этом смыслѣ записывателем. *г* = *h*; *и* в *си* (билси) должно быть тверже *и* в *ти* (лятить). Полустигиія соединяю в стих. Размѣр испорчен. Первоначально он, по видимому, тот же, что и выше: 5 и 5.)

Сокол с канѣм об заклѣт билси,
Он ни *ў* руп, ни *ў* два и ня во-ста рублѣй¹⁾,
Ап сваѣй ап буйнай галавѣ:
Каню бяжѣть вакрѣх лясѣ,
А сакалѣ лятѣть чиряс тѣмнай лѣс
Да таво мѣста да урошнава,
Да калодизя да студѣнава.
Прибѣхшы конь он вадѣ испил
() и лѣх апачил.
Глядѣть, сматрѣть, ап сакол дятить:
„Конь ты мой, коць, ты добра лошаты!
„Нисяки ты мнѣ буйнай галавѣ,
„Атсяки сакалѣ прѣвая крылѣ
() сы правѣльным пярѣм,
„Штаба мнѣ саколѣ сидеть нидятѣть.“

¹⁾ *ў* руп, *ў* два = 0 рубль, 0 два; *во-ста* = 0 сто. Переход предлога *о* через *во* в *е*, *у* ср. с мдр. *ни е* чим незнаещи (Чубинскій Труды III, 408, Ушицкій у.), *ни в* чим недбаещи (ib. 423).

В сакала крыльа залятуці,
А глазушки завидушшан:
Ляте́л сакóл чиряс тёмнай лес,
Напалась сакалу ста́да либядёй,
Убил, задрáл лебидя белава,
Затём сакóл замешкалси.

Обьясненіе, почему соколъ замѣшкался, ср. с тѣм, что
в бр. п. про жепидьбу щегла. Щегол
Паслау орла, послау арла усёптаство збираци,
А арол папау гуси, давай мардаваци.
Этн. Сб. III, 24.

Хотя в этой пѣснѣ нѣтъ ничего исключительно малорусскаго, но сравнивая ее со слѣдующею малорусскою, тоже до сих пор, кажется, единственною в своем родѣ, я думаю, что, если тут есть свободное заимствованіе, то скорѣе вр. пѣсня предполагает мр-ю, в коей заклад коня и сокола находится в связи с другим мотивом, именно смертью козака, чѣм на оборот:

Сидит козак на могилі,
З оружини огонь вреше,
Скалки ломить, розкладає,
В свої рани заглядає:
Пострілені к серцю прийшли ¹⁾,
Порубані кровью зійшли ²⁾.

Закладався орел з конем,
А за тії криниченьки:
„Ой чи скорійш ти добіжиш,
Мені крильця повтинаєш.“
— „Ой ти скорійш да долетиш,
Мені ноги повтинаєш.“

¹⁾ Прийшли, т. е. прошили?

²⁾ За тѣм прерыв; предполагается смерть козака.

Ой кінь біжить—земля дрижить,
Орел летить—перо дзвенить.
Ой кінь біжить все ярами,
Орел летить все лугами.
Кінь до води прибігає,
Орла брата виглядає:
Орел летить і несміє,
Коня брата непізнає.
„Даруй, коню, крилечками,
А хто ходить ніжечками“ (?).

Максимовичь, Укр. н. п., I, М. 1834, стр. 148—9.

Кажется, что конь и орел служат здесь послами умирающего или убитого; что из этого поручения, а не независимо от него из обычного сравнения коня и птицы („у Ильи конь бѣжит, как сокол летит,“ Кир. П. I, 81) вытекает своеобразный мотив: заклад коня и орла или сокола, заклад, котораго, кромѣ двух приведенных пѣсен, мнѣ неслучалось встрѣчать нигдѣ. Премиссы этого мотива широко распространены и, судя по этому, глубоко древни.

1) То, с чѣм жил богатырь: оружіе, конь, ловчая птица (сокол или орел), собака, то окружает его и при смерти, а судя по нѣкоторым указаніям, нѣкогда слѣдовало за ним и в гроб или сожигалось вмѣстѣ с ним.

(Матери Юговичей)

Бог јој дао очи соколове
И бијела крила лабудова,
Она лети над Косово равно,
Мртви нађе девет Југовића
И десетог стар' Југа Богдана,
И више ни девет бојна копља,
На копљима девет соколова.
Око копља девет добри кона
А поред ни девет лути лава.
Тад завришта девет добри кона,
И салаја девет лути лава,
И заклекта девет соколова.

Карадж. Пјес. II, 304—5.

Львы (лающіе!) замѣна собак. У русскаго богатыря—собака и орел, Гильф. Был. 1081, 1125. Вообще весь образ фантастичен, сравнительно напр. со слѣдующим:

Саранише војводу Каицу:
Чело главе копле ударише,
На коплѣ му сокола метнуше,
За копле му коня привезаше,
По гробу му оружје простреше,
Од Маджара унку начинише ¹⁾,
Обградише гроба Канчина,
Да Маджари к нему недолазе. ib. 489.

Относительно копья в головах ср. „Аче Богъ отца моего понялъ,“ говорит Ярослав Володимирович Галицкій, „а (=то) мене Богъ на его мѣстѣ оставилъ, а полкъ его и дружина его у мене суть, развѣ одно копіе поставлено у гроба его, а и то в руку моею есть.“ Под 1152, Ип¹. 73. Согласно с этим мы видим еще и теперь на могилах малороссійских козаков копейца с „короговками,“ прикрѣпленныя ко кресту. Ср. также Котлярев. О погреб. обр. 240; Кир. П. VII. 48, 159.

У Марка Королевича есть свой сокол, за котораго он жестоко мстит Туркам (Кар. П. II. N 70, 476); но в слѣдующем ему служит вольная птица из благодарности за услугу:

Лежи Марко крај друма царева,
Покрио се зеленом доламом,
По образу—срмајли марамом,
Чело главе копле ударио
За копле је шара кокиц свезан,
На коплу је сура тица орле:
Шири крила, Марку чини лада,
А у влуну носи воде ладне
Те запаја рањена јунака...

Кар. II. 328, тоже о соколѣ ib. 327.

2) Свой сокол служит Марку послом, отнести его

¹⁾ Из тѣх убитых—унку=хумку, tumulum.

письмо из темницы (ib. 383). Марко из темницы пишет письмо

Па дозивле сивога сокола:

(Своего, как Илья в серб. пѣснѣ у К. I, N 648 и как Стоян в болг. у Безс. I, 122—3, а не вольную птицу).

„О соколе, пуст ми не остало!
„Носи книгу ка граду Солуну,
„Ка Дојчилу богом побратиму
„Нек избави мене из тамнице.“
Узе Соко ону ситну книгу,
Па се изви небу под облаке
Право оде ка Солуну граду...
Паде соко на бијелу црвју,
Пишти соко, до бога се чује.
Познаде га Дојчило војвода...
...К нему дође сив-зелен соколе
Испод крила ситну книгу пушти.

К. Пјес. II, 383.

Такой мотив может существовать без всякаго заимствования и в мр. пѣсенности. Ср. колядку у Ант. и Драгом. Ист. п. I. 36—7, гдѣ „Соколик“ посаженнаго в темницу княженяти Иванка „квилит, головойки хоче,“ т. е. хочет чтобы цан опять носил его на головѣ, как прежде. Но возможно, что сербская пѣсня напомнила сидѣвшему в неволѣ в землѣ турецкой козаку родной мотив. Ср. невольницкую думу о посылкѣ сокола с просьбой о выпускѣ у Ант. и Драг. Ист. п. I, 95—6.

К слову замѣчу и другое подобное совпаденіе. Марко рассказывает своей матери, как он семь лѣт сидѣл в темницѣ у короля Арапскаго:

„Нит' ја знадох, кад ми лето дође,
„Нит' ја знадох, кад ми зима дође,
„Осим једно, моја стара мајко:
„Зими би се грудале ђевојке,
„Пробаци ми по груду снијега,
„По том знадем, да је дошда зима;

„Лети баце стручак босока,
„По том знадем да је лето, мајко.

К. Пјес. II, 377.

В мр. п. о плѣнѣ и тюремном сидѣннѣ Левенченка ¹⁾
мать спрашивает у него:

„Та по чѣм, сѣнку, сеє літо знати?
А потім, мати, літо знати,
Що йшли дівочки по ягодочки
Та вирвали квіту червоного цвіту
Та вкинули та у темницю
У вішнюю пропасницю,
Ой по тім мати сеє літо знати.

(Молодик па 1843 г. изд. И. Бецким. II, Харьк. 1843,
138).

На плечѣ умирающаго Стояна сидит сокол. Стоян кор-
мит его своим мясом, поит своими слезами, чтобы через
него получить вѣсть из дому. Сокол и приносить ему эту
вѣсть, Безсонов Болг. п. I, 122. Там же и сооветствующій
мотив Серб. пѣсни, Кар. I. N 648. В вр. былинѣ Бори-
ско в смертной опасности посылает своего сокола за совѣтом

„Ты охота, охота молодецкая,
„Полетай-ко, охота, к моей матушкѣ
„Спроси-ко у ней, как с Ильей перевѣдаться.“

И сокол приносит отвѣт (Кир. П. I. 10).

¹⁾ М. б. самое прозвище героя в этой пѣснѣ неслучайно.
Несомнѣнно, оно пришло к нам с юга:

Левенець, извѣстная мр. фамилія, имѣет при себѣ нарица-
тельное значеніе: а) мр. гайдамака, собств. удалец, молодец (Ап-
тонович, Послѣд. врем. козачества, 132; б) мр. *левенець*, большой
рослый человек, костр. *левенець* высокорослый, дубина, болван.
Болг. *левен*, *левента*, серб. *левента*, *juvenis elegans*, и гр. *λεβέντης*,
fortis, pigrata, что по Мпкл. б. м. в связи с *Levante* (Mikl. Fremd
wört. Matzenauer Cizí sl. 240). Отсюда же маляр. *levēnta*,
рыцарь, молодец и *legény*. От послѣдняго мр. буквнн. *леинь*,
лединь, молодец.

Вышеприведенныя черты, т. е. ухаживаніе за умирающимъ и посольство от него, соединяются в мдр. п.:

Вітер гуде, трава шумить,
Козак бідний (?) убит лежить
На купині головою,
Накрив очи осовою,
Кінь вороний у ніженьках,
Орел сизий в головоньках,
Він козака доглядає,
На кучери поступає....

„Сизий орле, побратаймось!
„Як ти, брате орле, станеш
„З лобу(-а?) очи видирати,
„Дай же моїй нещці знати....

Максим. Укр. п. М. 1834. 152; Чубинскій Труды V. 944—5.

Другой, схолий с этим образ—ворон или орел—вѣстник, приносящій с побоища бѣлую руку с золотым перстеном (Кар Пјес. II. 318; Кар. П. VII. 196; Чуб. Труд. V. 957; Nesselm. Lit. volksl. 22—3), приносящій вѣсть матери убитого (Чуб. Тр. V. 953; Метл. 283—4).

Третій мотив, являющійся только запѣвом из разряда „птица с высоты видит то, что составляет содержание пѣсни“ (Моя ст.: Мр. нар. пѣсня по сп. XVI в. 37—41)—встрѣча орла и сокола:

Сокіл з орлом купається,
Сокіл орла питається:
„Чи був, орле, на Дунаю,
„Ой чи чував про Михайла?
—Ой я нечув, я й сам бачив:
Ишли ляхи на три шляхи и пр.

Ср. Метл. 450, гдѣ сокол спрашивает у орла о самом себѣ: „Ой чи чув ти орел об моїй голові? Ой чи журиться отець—мати по мені?“ Затѣм рѣчь объ убитом козакѣ, посылающем своего коня с вѣстью. Ср. также:

Сокіл з орлом та й злітається,
Сокіл орла та й питається:

„Чим же той світ закрашається?

„Чи горами, чи долинами,

„Чи великими могилами?

На могилі козак вбитий лежить...

И далѣ, как в предыдущей пѣсни.

(Чубин. Тр. V. 943). Сюда примыкает встрѣча орла и лебеди, дающей вѣсть (в моей ст. Сл. о п. Из. 153—4). Показавшаяся мнѣ сомнительною (ib. 155) пѣсня:

Не метіль з моря піднімалася,

А то гуси сірі, лебеді білі,

А за ними вслід сиз орел летить,

А за орлом вслід та ясний сокіл:

„Постій, сизий орле, постій!

„Я не бити мічу, роспитати хочу,

„Чи небачив ти вбитого козака?

— Ой небачив, а тільки прочув:

Лежать ёго рученьки край крученьки,

А ніженьки край доріженьки,

У головоньках росте травиця

Ніхто до тіла ненатрапиться...

(Чуб. V. 939).

дѣйствительно есть неумышленное искаженіе. Незвѣстный записыватель введен в заблужденіе своею или чужою невѣрною памятю. Можно попытаться возстановить первоначальный смысл на основаніи стихотворенія Л. Боровиковскаго „Черноморець” (Ластовка, Сборн. Е. Гребенки, Спб. 1841, 20—2), представляющаго передѣлку именно этой пѣсни: за гусями—лебедями летить орел:

Я не бити *лечу*, роспитати хочу,

Чи ни бачили ясного сокола?

Этот сокол (козак) убит лежит, „его рученьки на три штученьки,” (головонька на четверо?), „Кріз реберця трава пробивається.” Никто к тѣлу неприступится, только прилетѣло три ластовки: мать, сестра и жена. Мать плачет как рѣчка течет, сестра..., а жена—как роса падет.

Убитый посылает с вѣстью своего коня:

Ой кінь біжить (?), трава шумить,
Да вжеж (?) козак убит лежить;
На купині головою,
Прикрив ноги осокою,
Жовте тіло рокитою,
Білі руки хустиною,
Ясне личко китайкою ¹⁾.
В головоньках ворон криче,
9 А в піженьках коник плаче,
10 Копитом землю вибиває,
Свого пана він питає:
„Ой пане-ж мій, пане конитане!
„Ой кому мене в(у)ручаєш...
...Чи Турчину, чи Татарину?
—Ой біжи, коню, темними лугами,
Біжи, коню, битими шляхами.
Та прибіжи, коню, до двору,
Та вдарь копитами в (о)болону,
А вийде до тебе ньенька старенька
.
.
.
Да не кажи, коню, що я убився,
А скажи, коню, що я оженився...

Максим. Укр. Н. П. 1834. 152—3.

Великорусская передѣлка этой пѣсни у Сахарова, Ск. Р. Н. Кп. III, 240 № 13, принадлежит, я думаю, не Сахарову, хотя нѣкоторыя стихи и черты подѣльны. В малорусском подлинникѣ было между прочим нѣчто соответствующее стихам:

Бѣги, мой конь, все не стежкою...
...Куда травушка ковылушка лежит,
Там *холодная криниченька бѣжит* ²⁾,

¹⁾ Ср. выше о смерти Марка: „покрио се зеленом доламом, по образу срмаїли марамом.“ Вѣроятно: личко-хустиною, тіло (и руки) китайкою, т. е. китаевим жупаном, „заслугою козацькою.“

²⁾ Криница бѣжит! Или это фигура, означающая то, что в мр. „криниченька, з неї вода протікає?“

Злодѣй(!) Турчин непоймае тебя
И Татарин неосѣдлает тебя...

Эта криница, как мы видѣли, встрѣчается и в пѣснѣ о закладѣ коня и сокола.

Варіанты млр. пѣсни:—Метл. 450 („коник... копитом землю пробивае, холодной води та ѣ доставае. А виі свого пана та ѣ напувае,“ как в серб. п. сокол—королевича Марка; ср. также кашуб. „Stoji kónjik njezeveho, Czesze nożką koło njeho, Veczoseł doł ró kólana Żalejąci sveho pana. Póki jo mjel sveho pana, Jodeł jo to gołe zorna, A teros nji pęcзка słome; Vóbjedzą mje kreсе vrone.“ (Приб. в. Изв. II отд. А. Н. 1853, 108).

Из подобной млр. пѣсни—бѣлорусская в Этн. сб. III, 207; Чубин. Тр. V 939 (13), 941 — 5 (в нѣскольких из этих вар. конь „пробужае своего пана,“ т. к. козак убит лежит; мать спрашивает у коня о своем сынѣ: „Чи ти ёго в морі втопив, чи ти ёго в війську згубив“ чему соотвѣтствует у Сахар. плохой стих „Не убил, не утопил ли ты его.“) Конь убитаго, как вѣстник смерти своего господина, в эпосѣ Герм., Франц., Тюркском — О. Миллер. Илья Муром. 115.

А. Потемил.

ЧТЕНІЯ

О СТАРОПОЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

2.

1386—1399.

Ротъ

Rota слово древнее, общеславянское. Оно значит клятва, присяга, *ῥωσ*, *ῥωσ* *jusjurandum*, *juramentum*, *adjuratio*, *giuramento*, *Schwur*. В таком значеніи оно употребляется в древнѣйших письменных памятниках Славян; такое значеніе до сих пор сохранилось за этим словом у всѣх почти Славян. И у Поляков, утративших нынѣ это слово ¹⁾, оно значило *juramentum*, а не *formula juramenti*, как неосновательно толкует Линде.

Распространенность этого слова у Славян доказываетъ многочисленностью производных: *ротити*—*jurejurando adigere*, *ротити сѧ*, *jurare*, *adjurare*; *ротитель*, *ротъникъ*, *adjurator*, *ротънъ*, *adjuratus*; — *порота*, суд присяжных, *Schwurgericht*, *Geschwornengericht*, *поротъникъ*, *поротъцъ*, присяжный, *adjurator*.

Слово *рота*, по объясненію С. П. Микуцкаго, происходит от корня *ar*, *ra*—звучать, издавать звук. С ним родственно старославянск. *рѣти*, говорить, и *лаити*, а также русск. *орать*.

¹⁾ В нынѣшнем польском выраженіи *rota przysięgi*, присяжный лист, слово *rota* иностраннаго происхожденія (средне-вѣковое латинское *rotulus* или *rotula*).

—Из древних славянских памятников, в которых употребляется слово *рота* и производные от него, укажем только па болѣе важныя:

Остромирово Евангеліе: *рота*—*jurjurandum*, *ротити се*—*jurare*, *ротъникъ*—*qui jurat* (Слов. Восток. и Миклош.);

Фрейзингенскіе отрывки: *рота*, *adjuratio*;

Русская правда: *рота*, *juramentum*; откуда прилагательное *ротнии* (оурочи *ротнии*);

Винодольскій закон 1280 г.: *рота*, *juramentum*, *ротити*—*adjurare*, *ротникъ*—*juratus*, *поротникъ*—*conjurator*; *роћени*, *adjuratus*;

Сербскія грамоты: *ротъ* (с первой 1/2 XIII в.)—*jurjurandum*=*рота*, *ротити*—*jurejurando adigere*, *ротити се*—*jurare*, *ротъникъ* (с начала XV в.)—*juratus*—*порота* (с конца XIV в.), *поротъникъ* (с 1/2 XIV в.);

Законник Душана: *порота*, *поротъць*¹⁾;

Из старочешскихъ памятниковъ слово *rota* в смыслѣ *juramentum* употребляютъ *Kniha pawa z Rozenberka*, *Řád zemského práva* и др., а глаголъ *rotiti se*, *schwören*, встрѣчается в *Пассіональ*: „*Petr se poče kleti i rotiti, nechťe tu svého života ztratiti* (Starobylá skládanie, d. III, str. 46, ř. 400).”

Что в старомъ польскомъ языкѣ слово *rota* означало *juramentum*, а не *formula juramenti*, какъ у Линде и Юнгманна, доказывается самими польскими ротами, в которыхъ *rota* переводится полатыни *juramentum* и чередуется с нимъ; такъ напр. в Сѣралзскихъ ротахъ 1398 г., изданныхъ Мацѣевскимъ (*Hist. prawod. Słow. t. VI, wyd. 2, str. 10—11*) читаемъ: „*Quia dum testes super dictas granicies penes Adam produxisset, quorum testium juramentum erat tale: Tako nam pomozi bog*

¹⁾ *Даничић* (Рѣчникъ изъ книжныхъ старина српскихъ) не вѣрно толкуетъ слова *порота*=*judices selecti*, и *поротъникъ*=*поротъць*=*judex selectus*: первое слово обозначаетъ *суд присяжныхъ*, а второе и третье—*присяжный* (не судья, а свидѣтель).

etc. Iako ti granicze czso ije Adamek pokazuje szø prawe granicze i s prawa wisli: tunc unus testis mutavit *rotam* in hec verba: Tako mij pomozì bog etc. Iako ty granicze czo ije Adamek ukazuje szø prawe ij po prawe nasz one (?) wedze..... Tandem visum fuit nobis cum ceteris nobilibus nobiscum regali iudicio presidentibus, ut predicti testes coram nobis *rotam* de novo reservaverint etc. Из этих слов очевидно тожество выражений *rota* и *juramentum*. Такое тожество подтверждается также слѣдующим постановленіем Сѣрадзскаго земскаго суда 1399 г. (ibid. 16): „Secundo (quia) si aliquis de homicidio vel vulneribus fuerit accusatus, illam *antiquam consuetudinem* amputaverunt, quia illum, qui tunc in hereditate vel in civitate seu in via fuerit, illum de homicidio pridem vel vulneribus questus iusto proprio *juramento*, condemnaverunt.” etc.

В живом употребленіи слово *rota* с производными находится у слѣдующих славянских племен:

— *Сербов:* *rota*, *juramentum*, *poheue*, *adjuratio*, *potumti se*, *jurare*; *urota*, *conspiratio*; *uromituse*, *conspirare*, *uromitici*, *conspiratores*; *rotan*, *meineidig* (*Каpaћuh*, *Veselić* и др.)

— *Хорватов:* *rota*, *giuramento*, *jusjurandum*, *dejurium*; *rotan*, *rotni*, *corroborato con giuramento*, *juramento firmatus*; *rotiti*, *rotiti se*, *corroborare*, *affirmare con giuramento*, *juramento firmare*; *rotnik*, *giuratore*, *jurans*; *rotnica*, *giuratrice*, *quae jurat* (*Stulli*);

— *Словенцев:* *rota*, *Schwur*; *rotišće*, *Schwurplatz*; *rotiti*, *rotiti se*, *schwören*; *rotnik*, *Geschworne*; *porota*, *Schwurgericht*=*porotnija*; *porotnik*, *Geschworne*; *zarotiti*, *beschwören*; *zarotiti se*, *schwören* (*Ianežič*—*Kleinmayr*);

— *Чехов:* *rota* eine *Rotte*, *Eidesformel* (?*Eid*?); *rotář* *Sektierer*, *Rottenstifter*; *rotba*, *dauerndes Fluchen*; *rotitel*, *der Rottenstifter*; *rotiti*, *fluchen*, *schimpfen*, *rottiren*; *rotiti se*, *sich rotten*; *rotnik*, *Rottenstifter*, *Rotgesell* etc. (*Rank*);

— *Сербов—Лужицан* (Верхних): *ročet so, ročovat so* freiwillig schwören, schwörend betheuern; *zarócić nekoho při něčim*, Jemanden bei etwas beschwören (*Pful.*);

— *Русских*: *ротà, ротьбà, роченье*—божьба, клятва, обѣт, зарок; *ротить, бранить, ругать, клясть, ротиться, бо-житься, кляться* (*Даль*).

Извѣстному знатоку сравнительнаго языкознанія, С. П. Микуцкому, мы обязаны объясненіем происхожденія слова *рота*. Родственное санскритскому *rat* (heulen, brüllen, rauschen, schreien, reden), оно происходит от корня *ar—ra*, *sonage, sonum edere*, а потому собственно значит слово, произносимое громким, торжественным голосом. Отсюда — же русск. *орать* и ст. слав. *ръти* (серб. *ријети*)—говорить и *лашти* *latrage* (санскр. *rājāti*). Вторичныя формы: *rak, lak*, откуда ст. слав. *рекж* и греч. *ἔλαχον*. По значенію, *рота* и *ротити(ся)* тождественны с нѣмецк. *schwur, schwören*, указывающими на санскр. *zvar, sonage*, откуда русск. областн. (гродненск. губ.)—*швероб, швороб*—воробей. Замѣчательно, что слов. *рота*, по происхожденію и значенію, тождественно с осетинским *art* или *ard*, присяга.

Древность и общераспространенность слова *рота* и его производных доказывает, что *порота* или *суд присяжных* существовал искони у всѣх Славян, как юридическій институт *народный*, а не заимствованный у чужестранцев. Довольно обстоятельныя свѣдѣнія об этом общеславянском институтѣ находим в старосербских памятниках—грамотах и Законникѣ царя Степана Душана.

Порота была *великая* и *малая*; послѣдняя имѣла еще два подраздѣленія по степени важности дѣл. Великая порота состояла из 24 поротников, малая из 12 и наименьшая из шести (*Законн. Душ.* по изд. Новаковича ст. 20, по изд. Зигеля ст. 153; *Миклошича Monum. Serb.*: грам. Степ. Остои 1400, № ССXXXVII, р. 248, грам. Владислава, сына герц. Степ. 1451 г. № ССCLXI, р. 444). По-

ротниками могли быть только лица, принадлежащія к тому-же сословію, из котораго происходи тяжущіеся (*Зак. Д.* у Новак. ст. 21, у Зиг. ст. 154 и 106). В тяжбах между сербскими и иностранными купцами поротники были на половину из Сербов, на половину из иностранцев (*Зак. Д.* у Новак. 22, у Зиг. 155). Родственники и личные враги тяжущихся не могли быть поротниками (*ibid.* Нов. 21, Зиг. 154). Поротники могли только *обвинять* или *оправдывать*, отнюдь-же не мирить тяжущіяся стороны. *Порота* совершалась торжественно в церкви: священник в полном облаченіи приводил поротников к *ротъ*, и они *ротились* на *честномъ крестѣ Господнемъ и на четвероевангеліи*. Приговор присяжныхъ рѣшался *большинствомъ голосовъ* (*Зак. Д.* у Новак. 20, у Зиг. 153; догов. Дубровчанъ с Степ. Остоичемъ 1420 г. у *Микл.* № ССLXX, р. 295, грам. Радича Санковича 1399 г., № ССXXIX, р. 243, *ibid.*). Если поротники несправедливо оправдывали виновнаго и если послѣ этого оправданія оказывалось у оправданнаго поличное, то с каждаго поротника взыскивалось в пользу царской казны тысячу перперов (500 дукатов), они теряли всякое довѣріе, и никто из них не мог выходить замуж, ни жениться (слѣдовательно поротниками были как мужчины, так и женщины. *Зак. Д.* у Новак. 196, Зиг. 156).

Винодольскій закон 1280 г. сообщает слѣдующія любопытныя свѣдѣнія о паротномъ судѣ у Хорватов.

Ротники собирались на *обычномъ мѣстѣ*, перед княжескимъ дворомъ, и в присутствіи *дворскаго челоуька* произносили *роту* (§§ 69 и 73 по изд. А. Мажуранича в III кн. *Kola*). В случаѣ обвиненія ими подсудимаго, они должны были в теченіе трех дней представить *знатенѣ за кривину*: иначе не слѣдовало им *вприть* (§ 41). Число *ротниковъ* или *поротниковъ* зависѣло от степени важности преступленія: в дѣлахъ об убійствѣ ротился подсудимый *самъ 50-й с своими поротниками*; в случаѣ-же, если он не мог собрать такого их числа, присягал сам за всякаго недостающаго поротника (§ 68). Обвиняющій в ранѣ, причиненной ему, должен был показать *кровь* (*krv*) и, если у него

не было *свидѣтелей* (*svedoci*), должен был подтвердить свое обвиненіе *ротою* (§ 64). *Позовники* (*rozovníci*) должны были также *присяжные* (*rošeni*). Ими могли быть и *кметы* (*поселяне*). Они собирались там-же, гдѣ и *ротники* (573).

О поротном судѣ у Чехов говорит *Палацкій*: „Кромѣ земскихъ судовъ, бѣльшихъ и меньшихъ, у старыхъ Чеховъ былъ особый институтъ *разсудный* или *раздѣльный* (*rozsudní čili rozdílný*), и при томъ въ двухъ видахъ: одинъ въ бѣлье важныхъ дѣлахъ, называвшійся *поротою* т. е. судомъ по *ротѣ* или *присягѣ*, и другой въ менѣе важныхъ дѣлахъ, называвшійся *полюбовнымъ судомъ* (*slubný súd*). Различіе между ними заключалось въ томъ, что судьи, избранные обѣими тяжущимися сторонами, въ опредѣленномъ числѣ, при *поротѣ* торжественно слагали присягу при алтарѣ, а при *полюбовномъ судѣ* обязывались только подачею руки во имя чести и вѣры произнести приговоръ правый и справедливый. Какія тяжбы подлежали поротному суду и какія полюбовному, мы не можемъ опредѣлять нынѣ. Поротники не могли примирять тяжущіяся стороны, а только подъ присягою объявляли, *виновен* или *невинен* подсудимый. Тотчасъ послѣ ихъ приговора приставъ или отпускалъ подсудимаго на волю, или-же арестовалъ его. Отъ поротниковъ не требовалось единогласія: тяжбы рѣшались большинствомъ голосовъ. Только со второй половины XIII столѣтія въ Чехіи и Сербіи было постановлено, чтобы поротники принадлежали къ тому-же сословію, изъ котораго происходили тяжущіеся.“ Съ этого-же времени, подвліяніемъ нѣмецкаго права и патримоніальныхъ судовъ, начинаютъ исчезать въ Чехіи какъ порота, такъ и полюбовный судъ. При Карлѣ IV нѣтъ уже почти и слѣда ихъ. (*Dějiny národu českého*, d. I, č. 2, str. 276—277.—Срв. его-же *Srovnání Zákonův cara Srbského Stefana Dušana s nejstaršími řády zemskými v Čechách: Radhost II, 240—244, и Г. Иречка, Slovanské právo v Čechách a na Moravě II, 213—214*).

Поротный судъ у Русскихъ существовалъ только въ мало-важныхъ дѣлахъ, на сколько можно судить по *Русской Правдѣ*.

Так в главѣ *Юже съвержетъ виру* в болѣе важных случаях—до двою гривною—опредѣляется очищеніе желѣзом и водою; „*аже мыль, то ротъ ити юмоу по своѣ коуны*. (Русск. Достоп. ч. I, стр. 32).“ По главѣ *Юже придетъ кзравѣтъ мужь*, в случаѣ если Варяг или Колбяг прибѣт Русскаго, дѣло рѣшается ротою двух свидѣтелей: „*Или пхнеть мужь мужа, любо к собѣ, любо шт себѣ, любо по лицу оударить, или жердью оударить, а видока два выведоуть, то г. гривны продаже. (Юже боудеть Варягъ или Колбягъ, тѣ полная видока вывести, и идела на роту* (стр. 33—4).“ По главѣ *ш татѣль* полагается рота на рынкѣ двух свободных мужей или мытников, если купившій на рынкѣ краденное не может указать, у кого он купил: „*Паки ли боудеть что татѣбно коупилъ въ тѣргоу, или конь, или пѣртъ, или скотиноу, то выведеть свободьно мужа два или мытника; аже начнетъ не знати оу кого коупилъ, то ити по немъ тѣмъ видокомъ на тѣргоу на роту, а истыцю своѣ лице взяти; а что съ нимъ погигло, а того юмоу желѣти, а шномоу желѣти своих коунъ, зане не знаеть оу кого коупилъ* (стр. 35).“ По главѣ *ш мьсяцьнѣмъ рѣзъ рота* полагалась также в исках о незначительном долгѣ, если не было свидѣтелей: *послужовѣ ли не боудеть, а боудеть коунъ г. гривны, то ити юмоу про своѣ коуны ротъ* (стр. 40).“ В главѣ *оурочи ротниши* читаем слѣдующую любопытную таксу ротных платежей: „*А се оурочи ротнии: шт головы л. коунъ, а шт бортьной земли л. коунъ бес треи коунъ; также и шт ролейной земли и шт свободы Ѡ. кунъ* (стр. 46).“¹⁾

О поротном судѣ у Поляков находим весьма важныя свѣдѣнія в *Книжь обычнаю права польскаго*, написанной в XIII вѣкѣ неизвѣстным Нѣмцем и изданной Гельцелем в 1870 году во II томѣ *Starodawn. prawa polsk. pomników*.

¹⁾ Для незнакомых с русскою нумизматикою считаем полезным сообщить, что *гривна серебра* или *золота* равнялось греч. литрѣ, германск. маркѣ, *гривна кун* = $\frac{2}{15}$ гривны серебра или $\frac{1}{50}$ гривны золота и что *куна* в XI вѣкѣ = $\frac{1}{25}$, а в XIII — $\frac{1}{50}$ гривны.

Подсудимый мог оправдаться от взводимого на него обвинения посредством показанія присяжных свидетелей т. е. поротников. Когда он приводил этих свидетелей, судья спрашивал истца, согласен ли он принять их или нѣтъ, и каждого принятаго свидетеля приказывал записать, послѣ чего объявлял отвѣтчику, что через 14 дней он должен привести „записанных“ свидетелей. Писарю, записывавшему имена свидетелей, он должен был заплатить 6 пфенимов. Если через 14 ночей отвѣтчик приходил с свидетелями и доказал посредством их свою невинность, то считался по суду оправданным; но должен был заплатить за крест, на котором присягают, 2 пфенинга, или же болѣе, или менѣе, смотря по требованію того, на попеченіи котораго находится крест. Если же истец, принявшій сначала свидетелей, потом говорил, что всѣ они подкуплены, или который—нибудь из них, то должен был сказать эти слова: „свидѣтели подкуплены, я их не хочу, я хочу поединка.“ Тогда отвѣтчик должен был биться с ним. Когда же отвѣтчик имѣл присягать, тогда должен был произносить слѣдующія слова: „я невинен в том, в чем меня обвиняет N; так да поможет мнѣ Бог и св. крест.“ При этом он должен положить два пальца правой руки, именно второй и третій, на нижнюю оконечность креста: иначе присяга считалась не дѣйствительною. Сначала он должен произнести слова присяги, а потом прикоснуться к кресту. Точно также поступали и свидѣтели; но они говорили: „N невинен в том, в чем его обвиняет N; так да поможет мнѣ Бог и св. крест. Если не явится какой свидѣтель, или произнесет ложную присягу (unrecht swure), или же будет отвергнут, то отвѣтчик теряет тяжбу и за каждого свидетеля должен заплатить 6 гривен пени. Пени уплачивается в теченіи 14 ночей; не уплатившій ея в это время подвергается уплатѣ вдвойнѣ, а на третій раз личному задержанію (V, str. 16—17).

Число поротников зависѣло от степени важности дѣла. Отвѣтчик входил в их число, а потому Книга обычаю польскаго права выражается сам 12, сам 9 и т. д. до сам 1.

Высшее число было *сам 12*. Оно встрѣчается в одном только случаѣ — обвиненія в пособничествѣ к бѣгству разбойника, вора, поджигателя и убійцы (XII, 20). *Сам 9* требовалось в слѣдующих случаях: 1) когда кто обвинялся в кражѣ из погреба или кухни короля, или вообще из его дворца (XII, 20); 2) в случаѣ обвиненія в убійствѣ рыцаря, шляхтича и купца на большой или проселочной дорогѣ (XV, 22—23) и 3) если кто похитил и изнасиловал дѣвицу или замужнюю женщину (XVII, 24). В трех также случаях было обязательно число *сам 7*: 1) если кто нанесет рану, защищая свою жизнь (VII, 18); 2) если кто поносит другаго безчестными словами (XVI, 23) и 3) если кто поймает бѣглаго крестьянина или служанку (XXXIII, 33). И еще в трех случаях пужно было ротиться *сам 6*: 1) если кто украдет у *бездомнаго неженатаго* слуги (*luźnego raschoła bezżennego*) что имѣется в его карманѣ или торбѣ (XII, 21); 2) если кто украдет пчел из *улье* (XIII, 21) и 3) если кто убьет кмета на большой дорогѣ (XV, 22). Чаще всего встрѣчается число *сам 3*: 1) если отвѣтчик не явится в суд по болѣзни, личному задержанію или по королевской службѣ (IV, 16, XI, 20); 2) если кто украдет у рыцаря или крестьянина *не бездомнаго* что у него есть в карманѣ или торбѣ (XII, 21); 3) если кто украдет сѣна в вязапках из стога (XIV, 22); 4) если кмет нанесет побой рыцарю на проселочной дорогѣ, не причинив ему смерти (XV, 23); 5) если кто нанесет побой рыцарю на рынкѣ, не причинив ему смерти (*ibid.*); 6) если кто нанесет побой управляющему или эконому *до вечерни* в карчмѣ, гдѣ он мог быть по дѣлам своего пана (*ibid.*); 7) если кто назовет другаго дураком или нанесет ему кровавую рану (XVI, 23); 8) если кто изнасилует дѣвушку или жену кмета в лѣсу или на полѣ, куда она пошла за ягодами, яблоками или другими вещами (XVII, 24) и 9) если пастух утверждал, что пропавшій скот не был пригнан под его стражу, то владѣтель или владѣтельница скота должны были *сам 3-й* или *сам 2-й* *взять на свою душу*, что они сами или их челядь с их вѣдома пригнали к пастуху скот (XXVI, 31).

Почти столь-же часто встрѣчается число *сам 2-й*: 1) если кто найдет и украдет пчел, которыя от другаго *улетѣли и усѣлись* на известном мѣстѣ (XIII, 21); 2) если кто украдет сѣна, прѣхавши с этою цѣлью на *своей телѣгѣ* (XIV, 22); 3) если рыцарь на проселочной дорогѣ нанесет побой кмету, не причинив ему смерти (XV, 23); 4) если будет побит на рынкѣ кмет так, что не угрожает опасность его жизни (*ibid.*); 5) если кто нанесет побой в карчмѣ рыцарю, кмету или ксендзу, не причинив им смерти (*ibid.*); 6) тоже относительно управляющаго *послѣ вечерни* (*ibid.*); 7) если кто изнасилует дочь кмета в лѣсу или на полѣ, куда она пошла за яблоками или другими вещами, *не смотря на запрещеніе* родителей (XVII, 24) и 8) если кто в первые дни жатвы, нуждаясь в хлѣбѣ, сожнет свою пшеницу на хлѣб, *без спроса* сборщика десятины (XVIII, 24). Наконец в двух только случаях допускалась *рота сам 1*: 1) если кто повредит пограничную межу (XIX, 24) и 2) если кто, быв по очереди пастухом, *связал* вола, корову или лошадь кого-нибудь из кметов, котораго он был врагом, и *не дал жрать*, что нужно (XXVI, 31—32).

Показанія *Книги обычнаго польскаго права*, важныя сами по себѣ, приобрѣтают еще болѣе важности по сравненію с показаніями других славянских памятников о поротном судѣ. Так из нея лучше объясняется, как происходила порота, какія преступленія были ей подвѣдомственны, как измѣнялось число поротников сообразно с важностью дѣла, в каких отношеніях находился отвѣтчик к поротникам и т. п.; но особенно важны ея показанія для объясненія нѣкоторых мѣст Законника Душана: так из XXVI главы ясно видно, что роту могли приносить не только мушны но и *женщины* и потому вѣрно истолкованы нами выше слова: „*ни да се кто шть ниль ни моужи, ни жени,*“ — слова, смысла которых совершенно не понял *Мацѣвскій* (*Hist. prawod. Słow. t. III, str. 195, wyd. 2: Wtedy unikał każdy tych sędziów, i nikt familijnych z nimi nie zawierał związków, czyli, jak się statut wyraził, nikt z nich ani męża dla swój córki, ani żony dla swego nie brał syna!*); а выраженія той-же

самой главы“ — *uf ere truwe nemen* (на duszę swoją wziąć)“ и *Doch ist etlich man zo irsam, das man zo getan ding zcu sinas zelbes truwe wol loset. Alzo is ouch etlich wip* (Са пречеież нектѣрзу так засни лудзіе, а не мнїеј і кобіету, із на іч самыч тылко wierze porzestać можна)—вполнѣ удовлетворительно объясняют значение сербских *душников* или *душевников*, о которых говорит Законник Душана (ст. 190, 191 и 193 по изд. Зигеля), и чешских *помощников* или *очистников*.

Из *Книги обычаев польскаго права* мы узнали устройство поротнаго суда у Поляков в XIII вѣкѣ; в XIV и XV вѣках оно значительно измѣнилось, как видим из дошедших до нас *рот* этого времени.

На сколько нам извѣстно, до сих пор издано 337 *польских рот* 1386—1434 г. На важность рот для исторїи права и языка первый обратил вниманіе В. А. *Маульевскій*. Еще в 1839 году он нанечатал в Приложенїях к II тому своих *Pamiętników o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian* (str. 331—349) 55 *Сьрадзских рот*, из которых 26 относятся к 1386 году, 3 к 1390, 1 к 1391 и 25 к 1417. К сожалѣнію, издатель иногда не умѣл прочесть рукопись, а иногда ошибочно толковал подлинный текст. Так напр. в 4 ротѣ, стр. 332, читаем безсмысленное слово *winiłzo*, которое издатель принимает за *peniłzo*(?) и толкует *pieniędzy*(?); — в 10 ротѣ, стр. 334, вмѣсто в рапа *Maczkowa wedzona* слѣдует, по нашему мнѣнію, читать: в рапа *Maczkowa wedzon* (=wiedza), а на стр. 335 *s moiŃ wedzon* вм. *Smasu wedzenim*, в толкованїи-же (tłómaczenie) *Wankowych kmięci* (в подлинникѣ: *Wancowuch kmeszi*) вм. *Wankowi kmięci*;—в 11 ротѣ, стр. 335, нанечатано *Swansek* (а в скобках *Iwanek*?) вм. *Swantek* (срв. р. 21, стр. 337: *Testis Swanskonis* вм. *Swantkonis*);—в ротѣ 19, стр. 337, читаем в текстѣ слово *wsdŃ*(=uzdo), которое издатель объясняет *zwađ* или вмѣсто котораго предлагает читать *msdŃ*; в ротѣ 36, стр. 343, нанечатано *wedzay* і *swathczay* вм. *wedzan* і *swathczan*, *silay moczay* вм. *silan moczan* (в в нѣкоторых других мѣстах издатель читал у

вм. *n*¹⁾; напр. в 9 р. стр. 334, *sway sinowφ* вм. *swan sinowφ*, — в р. 11, стр. 335, *o wol tey* вм. *o wol ten* и т. д.). Есть забавныя толкованія: так *scoth* (монета) толкуется *bydło* (стр. 334 и др.), *obesil prawe człowieka* т. е. *obiesil prawie człowieka* передано *podweręzył prawa człowieka* (стр. 337) и т. п. Есть роты до того испорченныя, что невозможно добраться в них до какаго-нибудь смысла, несмотря на объясненія издателя; таковы напр. 17 рота на стр. 336 и 26 на стр. 338. По этому как филолог, так и юрист должен пользоваться этими ротами с величайшею осторожностью.

В дополнение к этим ротам г. Мацѣвскій напечатал в 1858 г. в Приложениях ко 2-му изданію своей *Historyi prawodawstw Słowiańskich* (стр. 8—15) еще 42 *Сьрадзскія роты* 1398 и 1400 г. Издан только подлинный текст с немногими объясненіями, но за то несравненно лучше, чѣм прежде. Сомнительных или непонятных мѣст в текстѣ мало. К таким принадлежат: „*eze w Janow dom nareszono Barthłomeow szeczi* (1 р., стр. 8—9); — „*tako ti granicze... sφ prawe granicze ij prawe wysła* (4 р., стр. 9)“ вм. *i s prawa wisli* (срв. р. 12, стр. 10); — „*po prawe naszone (naszeu?) wedze* (р. 12, стр. 10); — „*liczerij* (? р. 18, стр. 13);“ — „*eze pani Margarzotha pana Spitkowi dzewki kowana perel rucha sdzila* (? р. 24, стр. 13). — Из толкованій не вѣрны или произвольны слѣдующія: *perzemetczonφ* толкуется *nie przemuszonaφ* вм. *nie przemęczonaφ* (р. 3, стр. 8), — *kegdy czczen* объясняется „*niegdys czytany*“ (р. 33, стр. 14) вм. *kiedy był czytany*, — *zadz(?)* — „*znaczyż to co zbyć, zastąpić, spłacić* (р. 23, прим. 2)?“ — *pani M. p. Sp. dzewki kowana perel rucha sdzila* истолковано: *pani Margorzata dla dziewczki (córki) pana Spytka sprzedała kowano (oków, sznur) perel obszytych wokolo sukni* (? р. 24, стр. 13) и т. п.

Итак всего г. Мацѣвскій издал 97 Сьрадзских рот. Кромѣ того им изданы двѣ роты Орловскія 1397 г. (*Hist. praw. Słow. VI*, 8).

В 1861 году в Познани г. О. Пржиборовскій издал

¹⁾ В рукописи *n* должно быть написано *η*.

162 *Великопольскія* (Гвѣзенекія, Познанскія, Пыздренскія и Костецкія) *роты* 1387 — 1434 г. (*Vetustissimain adjectivorum linguae polonae declinationem monumentis ineditis illustravit Iosephus Przyborowski*, pp. 5—25). Из них 1 относится к 1387 года, 3 к 1391, 1 к 1393, 1 к 1394, 1 к 1395, 1 к 1396, 2 к 1397, 2 к 1398 и 3 к 1399 г.; остальные же XV вѣка. Это, без сомнѣнія, лучшее и самое надежное в филологическом отношеніи изданіе польских рот. Жаль только, что в чтеніи, приложенном к подлинному тексту, издатель обозначил носовые так, как они употребляются в нынѣшнем литературном языкѣ, а не так, как они записаны в ротах. Встрѣчается, хотя рѣдко, невѣрное чтеніе: *byzely* слѣдует читать *biżeli* (переголосованіе *ь* в *и*), а не *bieżeli* (стр. 6), *uczadzal—uciądzal*, а не *uciązał* (7), *wczognol—wciognol*, а не *wściagnął* (9), *bela dostala—bela* (переголосованіе *ы* в *е*), а не *była* (11), *wlek tone na yeszerze popowske tone—wlek tonie na jezierze, popowskie tonie*, а не *wlekl tonie na jezierze popowskiem* (12), *nycał—nie jał*, а не *nie jechał* (14), *potozi—potozi*, а не *potoży* (часто), *wuczurpiał—wucirpiał* (переголосованіе *е* в *и*), а не *wucierpiał* (21), *k naschey stare przischadze — k naszej stare przysiadze*, а не *k naszej starėj przysiędze* (22). Имѣя в виду только филологическую цѣль, он опустил, за исключеніем 2 — 3 случаев, перед каждою ротою перечень полатыни тяжущихся и овидѣтелей, перечень весьма важный для юристов.

В 1870 г. А. С. Гельцель во 2-м томѣ *Starodawnych prawa polskiego romników* напечатал три *Краковскія роты*, из которых двѣ относятся к 1398 и одна к 1399 году (*Wyciągi z najstarszych ksiąg sądowych dawniej ziemi krakowskiej*, №№ 119 и 121, стр. 54, и № 465 стр. 90). Эти роты изданы точно, но без всяких объясненій.

В 1875 г. г. Р. Губе издал 73 *Краковскія роты* конца XIV вѣка (*Roty przysięg¹⁾ krakowskich z końca wieku*

¹⁾ Такое заглавіе безсмысленно: *Roty przysięg* в русском

XIV, стр. 3—14: оттиск из Варшавской Библиотеки): 2—1397, 29—1398, а остальные 1399 г. Издание вообще удовлетворительное. В подлинном текстъ возбуждает недоумѣніе только одно слово *uesz* (5 р., 4 стр.), которое толкуется *jestci* (?), а в чтеніи *oto ji*, соответствующее подлинному *oto meji* (6 р., стр. 4). Иногда встрѣчается невѣрное чтеніе: *dzierza* вм. *dierza* (*dersza*, № 34, стр. 8), *wiodł* вм. *wiedł* (*wedł*, № 71, стр. 13), *wszystko* вм. *wszytko* (*wschithko*, № 72, стр. 13). Текстѹ ротъ предшествуютъ краткія библиографическія свѣдѣнія, а за ротами слѣдуютъ юридическія объясненія и свод юридическихъ данныхъ изъ самихъ ротъ.

Наконецъ в том-же году в *Rozprawach i sprawozdaniach z posiedzeń wydziału historyczno-filozoficznego Akademii umiejętności* (t. III, Kraków, 1875, стр. 84—85) были напечатаны 2 *Краковскія роты* 1397 года. Эти роты вошли и в изданіе г. Губе под №№ 1 и 2. Изданіе г. Губе вѣрнѣе, какъ видно изъ сравненія обоихъ изданій (отмѣчаемъ *ese*, чѣмъ они между собою разнятся):

Губе.

Rozprawcy.

№ 1. <i>prawe — casznar — przedanym — porambono.</i>	<i>prawe — casznarz — przedanym — porombano.</i>
№ 2. <i>Mscziwoyow — dzerszi — silanmocza — ijlozem — dostalo — Swantochne.</i>	<i>Mscziwoyow — derszi — silanmocza — ilozem — dostala — Swantoczne.</i>

Роты записывались в книги земскихъ судовъ. Передъ каждою ротою помѣщался перечень на латинскомъ языкѣ тяжущихся сторонъ и присяжныхъ свидѣтелей, иногда с обозначеніемъ предмета тяжбы. Приведемъ нѣсколько образцовъ¹⁾.

переводъ значитъ *Присли присли*. Очевидно, издатель не зналъ, что *рота* в старопольскомъ языкѣ синонимъ *присли*. Онъ былъ введенъ в заблужденіе словаремъ Лиде и нынѣшнимъ польскимъ выраженіемъ *rota przyiąg*. О словѣ *рота* г. Губе на 1 стр. замѣчаетъ: „Wyraz *rota* jest polski. Znaczy *towe*, czego ślad zachował się w języku gawrujskim, gdzie wyraz *rol* znaczy *usta*.”

¹⁾ Рядомъ с подлиннымъ текстомъ ротъ помѣщаемъ наше чтеніе нынѣшнимъ польскимъ правописаніемъ.

—Testes Nicolai dicti Luka contra Iacobum de Podstolicz, Iacussius Kobelka (et) Mathias de Bestricow jurabunt:

Tako gim bog pomoz(i) etc. Jaco Jacub imal win polowiczø zaplaczi(cz), iako jednacze scazali, a on procz sbezał, i mussil ge Nicolaj zaplaczicz.

—Testes Nicolai de Gulimowo contra Czeskonem de Slonkowo: Petrus de Mroczkow, Blasius Burgrabius Siradiensis qui presens fuit, Jacobus de Falanczicze, Wszeboryus de Domanowo, Zawisius de Gacz, Bernardus de Moczkwicze.

Tako mu pomozi bog etc. Jakom bil przitem cegdi szø Lheszek Sulimowski vijednol o wszitki rzeczi ijego dobrø wolø, a ne przemøczønø, y zaklad zalozon.

Alii in testimonium:

Tako nam pomozi bog, iako wedzø y szwaczø czo szø

Свидѣтели Николая прозвищем Лука против Якова из Подстолиц, Якуш Кобелка ¹⁾ и Матвѣй из Бестриков ²⁾ ротились:

Tako im bog pomozi etc. Jako Jakub imal win polowiczø zaplacić, iako jednacze skazali, a on procz sbiezał, i musil je Nikolaj zaplacić.

Сградзская рота 1386 г. (Pamięt. o dziejach etc. II, 331).

Свидѣтели Николая из Гулимова против Чешка из Слонкова: Петр из Мрочков, Владей бургграф Сградзский, бывший на лице, Яков из Фаланчицы, Вшебор из Доманова, Завиша из Гач, Бернард из Мочковицы.

Tako mu pomozi bog etc. Jakom był przy tem kiegdy siø (=ca) Leszek Sulimowski wyjednol o wszitki rzeczy jego dobrø wolø, a nie przemøczønø, i zaklad zalozon.

Другие свидѣтели:

Tako nam pomozi bog, iako wiedzø i świadczø co siø

¹⁾ У Мацѣвскаго не вѣрно: *Кобылка*. Переход ы в е— черта мѣстнаго говора.

²⁾ У него-же также не вѣрно: з *Бустрzykowa*.

Sulimowski s Czeszkem vi-
jednal o wszitki rzeczi ijego
dobro wolę neprzimoczónę.

—Princeps monasterii Sc-
ti Andree de Cracovia ducit
testes contra consortem Mi-
lothe de Dombrowicza.

Rota.

Jaco prave wedzan i swa-
czan esze pani Miloczina geij
casznan i gey ludzi przeda-
nym porambono yest na pol-
torasta drzewa w rokitne za
graniczan szutan.

— Andreas de Medhnow
ducit testes contra Mszczugi-
woyum et uxorem ipsius
Claram propter hereditate,
uidelicet area et domo cum
orto, quam tenet violenter
ex diuisione.

Rota.

Jaco prave wemy i szwa-
czimi esz Mszczivoyow cum
uxore Clara dzerszi silan
mocza to czo se dzalem ij
lozem sze dostalo Swantoch-
nezene Andree nayman dom,
szedlisco y ogrod.

— Testes Nobilis Laszcz
de Bieganowo ad instantiam
Illustris principis domini ac
domini Alexandri ducis Ma-

Sulimowski s Czeszkem wy-
jednal o wszitki rzeczy jego
dobro wolę nieprzymoczónę.

Тоже 1398 г. Hist. prawod.
Słow. VI, 9.

Аббат монастыря св. Ан-
дрея в Краковѣ приводит сви-
дѣтелей против мужа Милоты
из Домбровицы.

Poma.

Jako prawie wiedzą i
świa(d)czą żeże pani Miło-
cina jej kaźnią i jej ludzi
przedanim porąbiono jest na
poltorasta drzewa w rokitnic
za granicą sutą.

Андрей из Меднова приво-
дит свидѣтелей против Мсти-
воя и его жены Клары из-за
наслѣдства т. е. поля и дома
с садом, которым насильствен-
но владѣет по раздѣлѣ.

Poma.

Jako wiemy i świa(d)dzi-
my, żeż Mściwojow (с женою
Кларою) dzierży siłą mocą
to, co się działem i losem
się dostalo Swątochnie żenie
Andree naimią dom, siedlis-
ko i ogrod.

Объ Краковскія роты 1397
г. (Hube o. c. 3).

Свидѣтели шляхтича Лаща
из Бѣганова по жалобѣ Ма-
зовецкаго князя Александра:
1-й—Николай Парушовскій,

soviae: primus Nicolaus Pa-
rusowski, secundus Zemanta
Gunicki, tertius Boguslaw de
Wola, quartus Iohannes Slu-
necki, quintus Albertus fi-
lius Zemantae de Gunice,
sextus Iohannes de Grabio-
nowice.

Rotha.

Iako tho swyadczo, yako
pan Lascz nye yal samo—
scwarth s dobrimi, yako sam,
a szescio podlejszimi na
ksandza Alexandrowo dzie-
dzynio, a nye dal gego kme-
czu dwu ran.

—Nobilis Dobrogostius de
Ludom debet statuere Ma-
thiam tabernatorem, qui tunc
sedebat pro locato sculteto,
qui jurare debet erga Agne-
tam de Dąbrowa.

Rota.

Taco my pomosz bog—
Iaco tedy kedym szedzal
szoltischem zazedzonym, kye-
dzysz mala Jagnieszka s Dam-
browsky szoltischem pra-
wem cynycz, tedis tam przed
gayonym veczem nye sza-
lowala schama, any prze
swego procuratora o polos-
my grziwny any tesz o nye
cupowala prawa.

Et etiam tres scabinos ad-
ducere debet de Ludom: Ja-

2-й—Земанта Гуницкий, 3-й—
—Богуслав из Воли, 4-й—
Иван Слунецкий, 5-й—Аль-
берт Земановичъ из Гуницы,
6-ой Иван из Грабеновицы.

Rota.

Iako to swiadczo, iako pan
Łascz nie jał samoczwart
s dobrymi, iako sam, a sze-
scio podlejszimi na ksiadza
Alexandrowo dziedzinio, a nie
dal jego kmeciu dwu ran.

Wydrzenka z ryma 1420 r.
(Przyborowski o. c. 14).

Шляхтич Доброгость из Лю-
дома должен заставить трак-
тирника Матвея, который в
то время был солтысом, ро-
титься по дѣлу Агнесы из
Дамброва.

Rota.

Tako mi pomoz bog—Ia-
ko tedy, kiedym siedzial sol-
tysem zasiedzonym, kiedyz
miala Jagnieszka z Dąbrow-
ki soltysiem prawem czynic,
tedy tam przed gajonym
wiecem nie zalowala sama,
ani prze swego prokuratora
o polosmy grzywny, ani tez
o nie kupowala prawa.

Людомский должен также
привести трех ласликов, Шну-

nussium de Dambrowka, Andream Iadro, Petrum Woyewodka, qui debent accipere super antiquum juramentum ipsorum et jurare erga eandem Agnetham secundum jus.

Rota.

Bierzem to k naszey stare przischadze, iszesmy schedzeli w szagayonyem veczu tedy, kedzisz mala Jagneszka s Dambrowky soltissiem prawem czynycz, tedis tam przed gaionim veczem nye szalowala o polosmy grziwny, ani teaz o nye kupowala prawa.

ша из Дамбровки, Андрея Ядро и Петра Воеводку, которые должны припести древнюю присягу и присягнуть по дѣлу Агнесы, как предписывает право.

Poma.

Bierzem to k naszej stare przysiadze, izęsmy siedzieli w zagajonem wiecu tedy, kiedzyz miała Jagneszka z Dambrowki soltysiem prawem czynić, tedyz tam przed gajonem wiecem nie żalowała o polosmy grzywny, ani też o nie kupowała prawa.

Познанскія роты 1430 г.
(Ibid. 22).

На выраженіи послѣдней роты „naszej stare przysiadze“ и „antiquum juramentum“ видно, что *порота* в это время (1430 г.) выходила из употребленія и что *поротники* стали замѣнять *лацники* (*scabini*), члены суда *солтыса* или *войта*. И дѣйствительно, послѣднія из извѣстных нам *рот* относятся к 1434 году. Итак мы должны принять, что *поротный суд* исчез в Польшѣ во второй четверти XV вѣка. Само собою разумѣется, что он исчез не вдруг, но что мало-по-малу приходили в забвеніе или пренебреженіе самыя существенныя обычныя постановленія, касающіяся числа поротников, преступленій подсудных *поротъ*, размѣра пеней, срока явки в суд и исполненія судебного приговора и наконец самой процедуры поротнаго суда. Процесс постояннаго паденія этого юридическаго института можно прослѣдить по ротам конца XIV и начала XV вѣка. Не входя в неумѣстныя здѣсь подробности, ограничимся нѣсколькими указаніями. Число поротников не превышало 6 — даже в такихъ важныхъ случаях, когда владѣтельный князь Мазовіи

жаловался на наѣзд на его дѣдину (см. выше). Тоже самое число находим и в других менѣ важных случаях— напр.— побоев, нанесенных подконюшему (Сѣрадзск. р. 1386, *Rotniki II*, 335), а также в гражданских процессах (Сѣрадзск. р. 1398, *Hist. praw. Słow. VI*, 8—12). Из этого слѣдует, что преступленія не были так строго разграничены, как прежде. Чаше встрѣчается число 4, а еще чаще 3, 2 и 1. *Порота* была судом *всесословным*: между тяжущимися находим панов и шляхту, мѣщан и простой народ; даже владѣтельные князья и высшее духовенство (епископы, аббаты) не брезгали этим судом. Самыя разнообразныя преступленія были подвѣдомственны поротному суду: убійства, нанесеніе ран и побоев, наѣзды, похищеніе людей, разбой, кража, противузаконное владѣніе чужою собственностью, личное оскорбленіе, долговыя обязательства, и всякаго рода гражданскія дѣла (об арендѣ, о принадлежности к извѣстному сословію, о подсудности нѣмецкому суду и т. п.) О судебных пенях находим любопытныя свѣдѣнія в постановленіях Генеральнаго суда в Петровѣ 1398 г.: за вызов в суд платилась противной сторонѣ гривна, называемая „*potworzna*“, королю „*poncznadzescza* (15)“, и судѣ также „*poncznadzescz* (*Hist. prawod. Słow. VI*, 15).“ По рѣшенію Сѣрадзскаго суда тогоже года Спытко из Вронской обязывался заплатить 5 гривен пени, если *через три недѣли* не уплатит своего долга в 50 гривен (*ibid.* 13). Обыкновенно же срок исполненія судебного приговора назначался не в три, а *два недѣли* (*infra duabus septimanis*); а иногда *до слѣдующаго собранія суда* (*terminus ad primos terminos*). Рота приносилась *на крестъ*, как можно заключать из слов, которыми она начиналась: „*Tako mi (nam или im) pomozі bog і swіąty krzyż.*“ Показанія поротников основывались на их *убѣжденіи* или же *личнои наблюденіи*, а потому есть двѣ формы *рот*: 1) *яко wiemy* и 2) *якошту пры тѣм были*. Их показанія ограничивались кратчайшим заявленіем извѣстнаго им факта.

Поротники происходили из разных мѣстностей польскаго государства; и их показанія записывались с дипло-

матяческою точностью; роты помѣчены годами. Таким образом находимыя в них черты языка относятся к строго определенному времени и к известной мѣстности: в этом заключается важность рот для исторіи польскаго языка с его нарѣчіями и говорами. Важны также их отличительныя черты правописанія: онѣ могут служить пособіем для определенія вѣка памятников, не помѣченных годами.

О ротах XV вѣка будет сказано на своем мѣстѣ; а здѣсь мы ограничимся характеристикой правописанія и языка рот XIV вѣка — в хронологическом порядкѣ и с указанием мѣстностей, в кѣторых онѣ записаны. Общее их число простирается до 187.

1386 г.

26 рот *Сьрадзских* (Pamiętniki o dziejach и т. д. т. II).

Правописаніе.

— *Твердые слои* не отличаются от мягких: imal 331, wlodica, zene, Lutoslawice, Kobilka 333, wemi, schwathczimi, Wancowich, grziwni 335 и т. д.

— *Носовые звуки* обозначаются ϕ , *an*, *on*: polowicz ϕ 331, quitaci ϕ , mai ϕ (=mając), p ϕ cz (пять) 332, kop ϕ 333, sino-w ϕ 334, t ϕ lank ϕ , mocz ϕ , w t ϕ dzelnicz ϕ , na dzerzaw ϕ , glow ϕ 336 и т. д.; — penądze 337; — ranczil 333, penandze 336, Swantko, sesczdzessanth 337, Swantoslaw, rankoiemstw (u) 338; — s pana Maczkowoy wedzon 334.

— *И*=i, ij, y: i, mussil, ani, porussil, mi 332 и т. д.; — Przdrosseijowskijni, ij (союз) 336, na wekij 335; — ygral 334, y (союз) 335, 337.

— *J*=g, y: gim, ge 332, gest 333, gijm 335, strig (stryj) 336, gemu 337, wykugluges, gych, ginich 338; — yey 333, yest 335.

— *V*=u, w (в началѣ слов): wolu, zakladu 332, uzithka 334, rzeczu 335, zarzuczil 336); — wczinil 335, wsd ϕ (uzd ϕ) 337.

— *B*=w: wyn 331, newinowath, wolu 332 и т. д.

— *K*=z, s, ss, sz: sbezal, uzithka 332, zene 333, ze

334 — 5, eze 332, 335, 336, zalował 335, zytó 336; — prosna 336, iakos 338;—tess, iacosse 336;—tesz 336.

—*З=z, s, sz*: pomoz(i) 331, zaplaczicz 332 и т. д.; — s gego kasnó 334, wsdó, wsala, 337;—pomoszi 334—5—6.

—*K=k, c*: Kobelka 331, iakom 333, Falkowi, lankó 336 и т. д.;—Bestricow, Jacussius, taco, iaco, Jacub, scazali 331, neucradzone 332, ucradl 338, copi (копу), con 332, wlodica, cleyhothnik, na Crobanowe 333, Wancowij, scotha 334, wycupil 336.

—*C=s, ss, sz, sch*: scazali 331, stal, Podolski 333 и т. д.;—Jassek, mussil 332;—contra Jaszkonem 333, Paszek 334;—schwathczimi 335.

T=t, th: taco 331, trzsi, ten 332, stal, Lutoslawiec 333 и т. д.;—newinowath, uzithka 332, cleynothnik 333, 337, cleynotha 333, brath 333, 337, szczith 333, scotha 334, Thomcow 335, tho, oth, zitha 337, Swanthoslawa, Thomek 338.

—*Ц=c, cz, czs*: quitació 332, Lutoslawice, Zdzeclaw 333;—Podstolicz, zaplaczi, polowiczó 331, oczecz 332, 335, w coniczi, Luthcze 333 и т. д.;—czso 332, 335, 336.

—*Ч=cz, czs*: iednacze 331, procz 332, ranczil 333, Mroczkowski 334, zauczono 338 и т. д.;—czsloweka 337.

—*Ш=s, ss, sz*: nas 336, sesczdzessanth 337, wykugluges 338;—Cassowij, porussil 332, pass 333, nasse 336, wyssedl 337;—groszow 333, nasz 337.

Язык.

Звуки.

—*Носовые*. ж выговаривался обыкновенно, как *on*, — рѣдко как *an*; л — как *an*, — рѣдко, как *on*. На концѣ слов носовые переходили в *o*, *y* и *e*, хотя очень рѣдко: *tó lanko*, на *nasse dzerzawó 336*, — *chózebno rzeczu 325*.

—*А* переголосуется в *o* в словѣ *Olexi 333*.

—*Е* переголосуется в *u* и *o*: *wedzenim 335*, *neucradzono*, *wedzon 332*, *nezapsoczono 334*; но *zene*, а не *zonie 333*.

—*Ы* переголосуется в *e*: *Kobelka 331* (но *Kobilka 333*), *Bestricow (Bystrikow) 331*.

—*Д* смягчается в *dz*: *wedzon* 332, 334, *Zdzeclaw* 333, *dzelniczó*, *dzerzawó* 336, *nesdzal* 338 и т. д.

Только один раз встрѣчается непосредственное смягчение *d* в словѣ (*Derlaus*=*Dzierzslaw*) 334.

—*Р* обыкновенно смягчается в *rz*, что передается на письмѣ сочетаніями *rz*, *rzs*, *rzrz* и даже буквою *s*: *przi* 333, 334, *trzemi* 332, *grziwnami*, *grziwen* 332, *wzrzucili*, *zrzucil* 336, *trzimal* 337, *Baldrzichowa* 338;—*trzsi* 332;—*trzrzy* 338. Но встрѣчается еще и непосредственное смягчение: *de Kobericzko* = *z Koberzyczka*, *de Kostrewice* = *z Kostrzewic* 334, *de Strelce* = *ze Strzelec* 337, *Bestricow* = *Bystrzykow* 331.

Формы.

—Склоненія. *Род. жен. ед.* от сущ. на *a* имѣет окончаніе *ej*: *ot paneij Alleni* 337, *ne ucradl wolu raneu* 338.

Винит.=*именит.* в имен. одушевл.: *wczinil Kwatlacowskego prosna o ten con* 336.

Имен. мн. муж. на *e*: *jednacze scazali* 331.

Двойств. ч.: *dwa kora* 335.

Вин. мн. от мѣст. личн. 3 л.: *ge*=*je* 332.

—Спряженія. От глагола *имѣти* встрѣчаются слѣд. формы: *imat* 335, *ima* 332, 334, *imal* 331 (но и *tal* 334, *ne taió* = *таіаc* 332).

Прошедших простых нѣт. Они замѣняются *сложными*: *iaком bil* 333, *iacom ne казал*, *yest obróczil* 335, *zastawil bil* 336. Обычнѣе употребляется *сокращенная* форма: *scazali* 331, *sbezal*, *mussil*, *porussil* 332, *ranczil*, *neucradl* 335, *wucupil*, *dal*, *robbral* 336.

Повелит. накл. на *i*: *romozzi*=*romozii* 334, 335.

Слова.

conicza (*konica*)=*koniarnia* 333.

wlodica (*włodyka*) 333.

cleynoth (*klejnot*=*herb*) 333; *cleynothnik* 333, 337.

szczith (*щит*, *герб*) 333.

kazn (*kazń*=*rozkaz*) 334.

rez (*reż*=*zboże*, *рож*) 335.

oczecz (ociec=ojciec) 332; *oczczisna* (occizna=dziedzina, dziedzictwo) 335.

kugłowacz=truffare 338.

1387.

Познанская рота (Przyb.)

Правописание.

— *Твердые слои* не отличаются от *мягких*: не *slubowal*, *kedi*, *posselswe*, *slal*.

— *Носовой звук* (ж) обозначается буквою *a*: за *skoda*.

— *J=g*: *gi* (ego).

— *У=u*: *slubowal*, *Jacubowi*.

— *B=w*: *slubowal*, *Jacubowi*, *posselswe*.

— *З=z*: за *skoda*.

— *K=c*, *k*: *iaco*, *Jacubowi*, *skoda*, *kedi*.

— *C=s*, *ss*: *slubowal*, *posselswe*, *slal*.

— *Ш=s*: *skoda*.

Язык.

Прошедшее сложное: *iacosm* не *slubowal*, *kedism* *stal*.

1390.

3 роты Сьрадзскія (Mac. Ram.)

Правописание.

— Не отличие *твердых* и *мягких* слогов: *wemi*, *szwathczemi*, *szana* 338, *odpowedzal*, *bili*, *weki* (но и *wieki*) 339.

— *Носовые*=*φ*, *an*: *czφszcz* (часть), *swanthi* 339.

— *И=i*, *ij*, *y*: *mi*, *bili* 339, *ij* 338, *y* 339, *ym* 338.

— *J=g*, *y*: *gym*, *gy*, *yest* 339.

— *B=w*, *v*: *wemi* 338, *odpowedzal* 339, *swanthi* 339, *wieki* 339.

— *Ж=sz*: *Derszek* 338, *esz* 339.

— *З=z*, *sz*: *zabit*, *zayφgl*, *wszdal* 339.

— *K=k*, *c*: *Derszek* 338, *iako*, *keydy*, *wieki*, *tako* 339;
— *iaco*, *Micolay* 339.

— *C=s, sz: s* tog szana 338, swa czószcz 339, swanthi 339, szwathczemi 338, szwo 339.

— *T=t, th: tog* 338, zabit 339; — szwathczemi 338, swanthi 339.

— *Ц=cz, czsz: w roczech* 338, bycz, Choczemirzowi, czszo 339.

— *Ч=cz: szwathczemi* 338, czószcz 339.

— *Ш=ss, sz: przekrossone, masz* 339.

Язык.

Звуки.

— *Долгота: kiedy=kiedy* 339.

— *Носовые* выговариваются, как *on* и *an* (примѣры выше), а на концѣ слов переходят в чистые *a* и *o*: swa, szwo (=своиж) 339.

— *И* переголосуется в *e*: szwathczemi 338.

— *Д* имѣет двоякое смягченіе: Derszek=Dzierzek 338, odpovedzal 339.

— *Р* также смягчается непосредственно и посредством: Andrey и Andrzej, Choczemirowi, przekrossone 339.

Формы.

— *W roczech=нынѣ: na rokach* 339.

— Прошедшее сложное сокращенное: odpovedzal, wdal, wszdal, bili 339. Полная форма: yest zaуógl 339.

1391.

1 Сьрадзская рота (Там-же, стр. 339).

Правописание.

— Не отличеніе твердых слогов от мягких: swati, wejimi, swathczimi.

— *л=a: swati.*

— *И=i, ij: mi, pomosci, ij* (союз), Gumbertowij.

— *Ј=i, y: iako и yako.*

— *В=w: swati, wejimi, Potrowi.*

— *Ж=sz: uszithka, krzisz.*

— *З=sz: pomosci.*

— *K=k*: tako, iako, ukradli, uszithka.
— *C=s*: swati, swathczimi.
— *T=t, th*: tako, swati, Potrowi, Gumbert, swanthczimi, uszithka.

— *Ч=cz*: swathczimi.

Язык.

— *Домота* гласной: wejimi.
— Переголосование *e* в *o*: Potrowi.
— Имен. мн. муж. р. на *e*: ludze.
— Прилагат. неопред.: Gumbertowij (ludze).
— 3 л. ед. наст. вр. от *имѣти*: ма.
— Повелит. наклон. на *i*: pomoszi.
— Прошедшее сложн. сокращ.: ukradli.

3 Познанскія роты (Przyb. стр. 7).

Правописание.

— Не отличие *твердых* слогов от *мягких*: swantim, iakosmi viranczili, mimi, skodi, po krolowe coronouanu.

— *Носовые*= ϕ , *an*: $s\phi$ =*ca*, sedmdzess ϕ t, V ϕ czenczewo, r ϕ cogemstwo;— Wanczlaw, swantim, vczandzal, viranczili.

— *И=i*, *y*: mi, gi—gy, poclonil, dzeczmi, wiranczili, y.

— *Ж=g*, *j*: gi—gy, r ϕ cogemstwo, jako.

— *У=u*, *v*: coronouanu, vczandzal.

— *В=v*, *w*, *u*: viranczili, grziven, dve, V ϕ czenczewo, wlodarza, Wanczlaw, swantim, r ϕ cogemstwo, coronouanu.

— *К=k*, *c*: iako, skodi, skot, krolowe, poclonil, coronouanu.

— *С=s*, *ss*: $s\phi$, swantim, tosm, sedmdzess ϕ t.

— *Т=t*, *th*: Swantim, tosm, przeth (swantim, *t* в м. д).

— *Ц=cz*, *czs*: Wanczlaw, Marczinem, vczandzal, dzeczmi, V ϕ czenczewo, Maczey; Wanczslaow, czso.

— *Ч=cz*: viranczili.

— *Ш=s*: skodi.

Язык.

— *Носовые* выговаривались, как *on* и *an* (примѣры выше).

—*D* и *p* имѣют только посредственное смягчение: *dzeczmi, sedmdzesŏt;—włodarza, przeth, grziven.*

Замѣчателен переход *i* в *дж* вмѣсто обычного *ж* в словѣ *vczandzal.*

—Прилагательныя неопредѣленныя: *skot Wanczslaow, Vŏcszenszevo rŏcogemstwo, po krolowe(m) coronouanu.*

—Вин. п. ед. мѣстоим 3 л. муж. р.: *gi* (его).

—Прошедшее сложное: *otosm vczandzal, iakosmi viranczili.*

Сокращенныя формы: *poslonil, viranczili, pobral.*

Наст. вр. 1 л. ед. ч. от *имѣти*: *там.*

1393.

1 Познанская рота (Przyb. 7).

Правописаніе.

—Не отличеніе твердых слогов от мягких: *Borzislauovim, dzesancz, bidlo.*

—*I=j*: *iaco.*

—*B=w, v, u*: *swąto (=wsanto), grziven, Borzislauovim.*

—*C=s*: *Borzislauovim, poslanim, dzesancz.*

—*Ц=cz*: *dzesancz.*

—Носовой *а* выговаривался, как *an*: *swąto, dzesancz.*

—*Д* и *р* имѣют только посредственное смягчение: *dzesancz, Borzislauovim, grziven.*

—Перестановка звука: *swąto=wsąto (wzięto).*

1394.

1 Костенская рота (ibid.).

Правописаніе.

—Не отличеніе твердых слогов от мягких: *vgeszdze, wolne.*

—*И=i, y*: *isz, przizŏgŏ, —my, pomozy.*

—*У=u, v*: *puszczal, Ianusza, vgeszdze.*

—*Ж=i, g*: *Ianusza, gy.*

—*B=w*: *Wawor, wolne wybrala.*

—*Ж=sz*: *isz.*

—*З=z, sz*: *pomozy, vgeszdze.*

—*K=c*: *taco.*

—*C=s, z*: *sobe, przizogof.*

—*Ц=cz*: *czo.*

—*Ч=cz*: *puszczal.*

—*Ш=sz*: *puszczal, Ianuszu.*

Язык.

—*Носовые* выговариваются как *он*: *przizogof.*

—*Р* имѣет смягченіе переходное: *przizogof.*

—*Е* переголосуетъ в *о*: *sobe.*

—Повелительное наклоненіе на *і*: *pomozy.*

—Прошедшее сложное сокращенное: *puszczal, wybrala.*

1395.

1 Костенская рота (ibid.).

Правописание.

—Не отличеніе *твердых* слогов от *мягких*: *nigdi.*

—*И=i*: *Katharzina, trzimala, trzi, nigdi.*

—*І=g*: *ge, s pocogem.*

—*У=u*: *mofsu.*

—*Ж=s*: *mofsu.*

—*К=k, c*: *Katharzina, s pocogem.*

—*Т=t, th*: *Katharzina, trzimala, trzi lata.*

—*Ч=c, cz*: *Scepan, Rogaczewo.*

—*Ш=s*: *Scepan.*

Язык.

—*ж* выговаривается как *он*: *mofsu.*

—*Р* смягчается только в *rz*: *Katharzina, trzimala, trzi.*

—Винит. ед. жен. мѣстоим. 3 л.: *ge.*

—Прошедшее сложное сокращенное; *trzimala, gabal.*

1396.

1 Познанская рота (ibid.).

Правописание.

— Не отличие твердых слогов от мягких: swathczimi, swim, opękadlnikiem, bñ.

— I=i, y: iaco, iest, iey—yeu.

— Ж=s: mφzem; Grizinski, ize.

— K=k, c: iako—iaco, poznanskim, Grizinski, opękadlnikiem.

— T=t, th: iest, burzmistrzem, swathczimi.

— Ц=cz: Cosczanskim.

— Ч=cz: swathczimi, cztirzi.

Язык.

— Из носовых ж выговаривается, как on, л, как an: mφzem, Sφdziwoem, wzal.

— Р имѣет только посредственное смягчение, даже там, гдѣ нынѣ оно не употребляется: burzmistrzem=нынѣ burmistrzem, — cztirzi = cztery.

— Прошедшее сложное сокращенное: poznal, wzal, bil.

1397.

2 Великопольскія роты (Познанская и Пыздрекская, ibid.).

Правописание.

— Отличение твердых слогов от мягких не выдержано: poczantkem, kedy, rosnemogl, rokem; но—swyaticimi, myal, sye.

— I=i, y: ranil, Marcin, ani, postawicz, — pomozy, Sφtoczsky, gy, y: yse.

— J=i, y, g: iego, iako, — sye, — gy.

— B=α, v, w: postawicz, Jacubowi, prawota.

— Ж=s: yse=иже.

— З=z, s: pomozy, rosnemogl sye.

— K=k, c: iako, krolowe; rokem, — Jacubowi.

— Ч=cz, c: poczantkem, swyaticimi.

— Ц=cz, c: czo, postawicz, Marcin.

— Ш=s. Bartos.

Язык.

— *Носовые* выговариваются, как *on* и *an* (Sótozski, poczantkem), а на концѣ слов, как *a* и *e* (на *prawota, sye*).

— *P* имѣет смягченіе посредственное: *dobrze, przet*.

— Из форм склоненій, замѣчательны: *gy, (ji, ego, внн. п.)* на *kroleve drodze*.

— Прошедшее сложное сокращенное: *ranil, myal, rosnemogl sye, umarl*.

2 Орловскія роты (Мас., Hist. praw. Slav. VI, 8).

Правописаніе.

— Не отличеніе *твердых* слогов от *мягких*: *swathcza, oczczistim, obliczne*.

— *Носовые*=*a, o*: *swathij, swathcza, przyol*.

— *И*=*i, ij, y*: *uszithca, scarbnik, —ij, zassadzijl, —any, my, pomoszuy, wlozyl*.

— *J*=*y*: *yaco, yegosz, przyol*.

— *Ж*=*z, sz*: *wlozyl, uszithca, isze, yegosz, crzisz*.

— *З*=*z, sz*: *zassadzijl, zapust, —pomoszuy*.

— *K*=*k, c*: *Katharzina, czlowekem, scarbnik, yaco, taco, uszithca, crzisz, scarbnicowi*.

C=*s, ss*: *stala, swathij, zassadzijl*.

T=*t, th*: *Katharzina, uszithca, swathcza, thijm, ne stala, swatij*.

— *Ц*=*cz*: *oczczistim*.

Язык.

— *О* выговорѣ *носовых* трудно судить по правописанію; можно только допустить, что в корнях слов *л* выговаривался, как *an* (*swathij=swanty*) и что в концѣ слов и перед *л* носовые переходили в чистые *a* и *o* (*swathcza=świadcza* вм. *świadcza*, — *przyol* ⇐ *przijoł* вм. *przyoł*).

Д и *р* смягчаются посредственно: *zassadzijl, Katharzina, crzisz, przyol*.

— *Б* переголосуется в *ы*: *thijm czlowekem*.

—Прошедшее сложное в сокращенной формѣ: *stala, zassadzijl, wlozyl, prziyol.*

—Повелительное наклонение на *i*: *pomoszy.*

2 Краковскія роты (Нубе 3).

Правописаніе.

—Твердые слоги не отличаются от мягких: *prave, wedzan, swaczan, w rokitne, szwaczimi, dzalem, sze, zene.*

—И=*i*, *y*, *ij*: *i—ij—y* (союз), *pani, ludzi, silan, przedanym.*

—J=*i*, *ij*, *y*, *g*: *iaco, —yaco, geij, —gey, yest.*

—B=*u*, *v*, *w*: *prave, —prave, Dombrouicza, wedzan i swaczan, wemy, i swaczimi, Swantochne.*

—Ж=*z*, *sz*: *zene, esze—esz, dzerszi.*

—З=*z*, *sz*: *za, casznan.*

—K=*k*, *c*: *w rokitne, iaco, casznan, szedliszco.*

C=*s*, *sz*, *z*: *swaczan, poltorasta, silan, se, dostalo, szwaczimi, szutan, sze, szedlisko, —lozem.*

—Ц=*cz*: *Dombrouicza, Miloczina, za graniczan, mocza, czo.*

Язык.

—Носовые выговариваются, как *an—am* и 1 раз, как *om*: *wedzan i swaczan, za graniczan szutan, silan, nayman, Swantochne, —porambono, —Dombrouicza.* В словѣ *mocza* а вм. *an* (=eж).

—Д смягчается в *dz*: *wedzan, ludzi, dzalem, dzerszi* (но в „Rozprawaach” *derszi*).

—Р смягчается в *rz*: *przedanym, drzewa.*

—Е переголосуется в *и* и *о*: *przedanym=przedaniem, porambono=porąbiono* (но *żenie*, а не *żonie*).

—Двойственное число: *poltorasta drzewa.*

—Прошедшее сложное сокращенное: *sze dostalo.*

1398.

Два Пыздренскія роты (Przyb. 5).

Правописаніе.

—Твердые слоги не отличаются от мягких: *swadczimi, grziwni, penφdzi.*

— *H=i*, *y*: pomozi, Stachnina, vzitek, uma.

— *I=i*, *j*: iaco—jaco, Jacobowa.

— *U=u*, *v*: Jacobowa, vzitek,

— *Ж=z*: zyta, vzitek.

— *З=z*, *sz*: pomozi, szwól (wszól).

— *K=k*, *c*: tako, vzitek, iaco, Jacobowa.

— *Ц=c*, *cz*: Wósenecz, czternaczące, oczesa.

Язык.

Носовые произносились, как *оп*: Wósenecz, penódzi, szwól.

— *Посредственное смягчение* *p*: grzywni.

— *Перестановка звуков*: szwól=wszól (wziół).

— *Прилагательная неопределенная*: Stachnina (zyta), Jacobowa (oczesa=Jakubowego ojca).

— *3 л. ед. отъ имъли*—ума (=itа).

— *Повелит. накл. на i*: pomozi.

— *Прошедшее сложное сокращенное*: szwól=wziół, ne bral.

31 Краковская рота (29 у Губе, стр. 3—8,
и 2 Гельцеля 54).

Правописание.

— *Твердые слоги* отличаются отъ *мямль* въ слѣдующихъ словахъ: w trzymaniu 3¹⁾, maust (=myast) 8, sua 12, mijal (miał), nije uczinil, sija 12, zawolana 13, w zastawije 17, 25, sije 18, 19, 25, nije 22, dnyu, nije dajjal 23, wijazal, ssijal 25, po zastawije 27, wyano, placzył 31. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ этого отличенія нѣтъ: prauce wemi i szwaczimi, ne bil, dziedzini, nigdi 3, podswigani, w dziedzine 4, widzal 7, niwe 8, mała (=miała) 16, ijmena 20 i t. d. у Гельцеля: prawe wamy j szwatozimu, mesczkego 119, zawolana, krwe 121.

— *H=i*, *ij*, *y*, *j*: pomozi, uczinil 4, cupil 8 и т. д.;—

*) Цифры обозначаютъ NN. ротъ у Губе и Гельцеля.

anj, lankij 3, ij 7, stoj 17 и т. д.; —y 7; —Helcel: i—j, crzjach, jsze, obchodzil 119, j—y, pomoczy, jsze 121.

J=i, ij, y, gj: iaco 3, ienze 9, ieno 23, ijednal 18, ijasz 25, —prziwileyw 3, dwoye 6, —stogij 3, gije 16, ginego 23 и т. д.; —Helcel: jako 119, yest, nassey 121.

J=u, v, w: trzymaniu 3, podswiganu 4, umowijoni 23, —uczinił 12 —wczinił 4, 7, prziwileyw 3 и т. д.

—B=v, w, u: prawe wemij i swaczimi 3, 4, —w (=вѣ) 3, wanzal 10, Michalcowi—Michalcowi 12, Janowicze 13, Janowicz, Bencowicz 26 и т. д.—Helcel: swanty, prawe wemy j swaczimy, prawem, piwa 119, —zawolana 121.

—H=s, zh, sz, ss, sch: sluzebnik 8, niz 14, zidowskiego 19, s mazem 19; —szh 24, 28, 29=esz 16, 26=esz 7, 12, —sziwota 7, —thys—ijasz 25, dszerzi 30; Helcel: crzisch, jsze 119, 121.

—S=s, ss: pomozi 4, 5, keral, za, zawolanya 13, pozwal 14, zastawije 17, 25, —podswiganu 4, sginanl 11; Helcel: pomoczy 119, 121.

—K=k, c, ch: lankij 3, Prelank 4, Wlodek 7 и т. д.; —lanca, Dobco, iaco, taco 3, Jurzicowicz 4, eupil 8, Michalcowi, zacladu 12, cleynota 13 и т. д.; —Ijaschowa=Jaakowa 27, 12; —Helcel: crzisch, Passek, Podlesky 119, tako, jako, Dambek, krwe 121.

—C=s, ss, sz, ssz, ssch, z: gospodarzem 3, swego 7, aya 12, swaczca, ostala 16 и т. д.; —stasachca 12, sswathczimij 24, ssijal 25; —szwaczimi 3, sze 7, trzidzeszczi 10; —sszwanti 12, Staszak 30; Stasachek, Stasachca 12; —za zan (=за ца) 5; —Helcel: swanty, swaczimy, Passek, se 119, yest 121.

—T=t, th. stogij 3, taco 4, to, ot, sziwota 7 и т. д.; —Barthosz 24, czijr, soeth 25, kathussza 29 и т. д.; —Helcel: rofa, swanty, swaczimy, brath 119, 121.

—H=c, cz, czc: Marcin 12, rance 15, Hijpcowake 22, ranczica 5, czo 7, 8, gabacz 16, caso 29, nemecksko 11 и т. д.; —Helcel: meczkego, meczakym 119.

—Y=cz: szwaczimi 3, ranczicz 3, poczanl 7, cza(s)cz 3 и т. д.; Helcel: swaczimy 119.

—*Ш*=*s*, *ss*, *z*, *sz*, *ssz*, *sch*: *Sczeklin* 3, *scodij* 4, —*Jacuss* 12, *nass* 13, *wyssla* 14, *ssesczi* 17, —*czynz* 16, —*szkodi* 9, *szesczoro* 10, —*Marcisszowa*, *panossza* 24, *kathussza* 29; —*Helcel*: *nasz*, *schynkował* 119, *nassego*, *nassey* 121.

Язык.

Звуки.

—Оба носовые звука обыкновенно выговаривались, как *an*: *Dulan lanca*, *Dulan lankij* 3, *penandzi* 4, *Prandota de Prelank* 4, 5, *ranczic*, *za zan* (=с_л), *wszanl dwoye penandze za yednan dzeszandzinan* 6, *bronansze* 7, *szwanczan* = *świadcza* 8, *gospodan* 9, *wanzal* 10, *sginanl* 11, *rancogemstwo* 12, *rance ranczone penadze* 15, *ranczili pospolita ranka* и т. д. —*Helcel*: *swanty* 119, *Dambek* 121. На концѣ слов носовые выговаривались иногда, как чистые *a* и *e*: *bronan sze* 7, *niwa* (вин п.) 8, *szwancze* 7 — *swatcza* 16, *za zona* 16, *sije* (=с_л) 18, 19, *o glowa* 18, *dzecza* 20, *pospolita ranka* 21. — Иногда и въ срединѣ слов пишется *a* вм. *an* (*czaszcz*, *penadze* 15, *racoijmej* 16, *s mazem* 19 и т. д.; но нельзя допустить, чтобы такъ и произносились носовые въ данных случаях: это, по нашему мнѣнiю, черта правописанiя а не языка.

— Переголосованiе *e* (*ь*) в *o*: *gayoch* 5, *naprzod* 7, *Potr* 8, *szesczoro* 10, *Potruszczine* 15, *listoch* 28, *za zona* 16, *przynosla* 29.

— Переголосованiе *ь* в *u*: *tich* (*myast*) 8, *s tijm* 29 (но *przi tem* 7, 31).

— Переголосованiе *ы* в *e*: *tela lata* = *tyla lata* 31.

— *д* смягчается в *dz*: *dzedzini* 3, *podswiganu*, *penandzi* 4, *dzeszandzina* 6, *widzal* 7, *gdze* 12, *dzecza* 20, *chodзи* 27 и т. д.; —*Helcel*: *obchodzil* 119.

— *р* смягчается в *rz*: *gospodarzem*, *trzymaniu*, *prziwileyw* 3, *grziwen* 4, 5, 10, *Jurzicouicz* 4, *Przechod*, *przesz* 6, *przi tem* 7, *naprzod*, *rzeczi* 10, *przebral* 18; —*Helcel*: *crzisch* 110. Но в двух словах мы встрѣтили непереходное смягченiе *р*: *Prelank* 4, 5, *Prechodi* 6.

Формы.

— Прилагательныя неопредѣленныя: *niwa Przibcowa*

17, trawniki Hijncowske, ale nije *Bogunowij* 22, dziedzina dzieci *Andrzeiowich* maczerzista 21, na *Marcisszowa* dziedzina 24.

—Родит. ед. ч. отъ существ. жен. р. на *a* и *ь*, оканчивается на *e* и *ew*: *teij niwe* 8, *rasojmeij* 16;—*Helcel*: *nassey krwe* 121.

—Винит. одушевл. муж. сходен с имен.: на *sszwanti* *Marcin* 12, *za wtori mansz* 29.

—Двойств. ч.: *dwoye penandze* 6, *trzij lata wysla* 14, *we dwudzyestu*.

—Имен. мн. муж. р. на *e*: *glowne penadze* 15, *trzij kmecze* 30.

—Мужское склонение отличается от женскаго во множ. ч.: *w rolach*, *w gayoch*, *w lasach* (=łakach) 4, на *listoch* 28.

—Прошедшее сложное: *bilesm* 7, *iacosm bijl* 12, *jasosmi bijli* 31,—*bil ne popelnil*, *gdi bij nije wczinil* 12, *gdy bi gabala*, *tegdi bi ostala* 26; но чаще сокращенное: *widzal*, *porczanl*, *dal* 7, *poddal* 12 и т. д.;—*Helcel*: *ne przymowal*, *obchodzil*, *schynkowal* 119.

—Повелит. наклон. на *i*: *pomozi* 4, 5, 7, 8;—*Helcel*: *pomozzy* 119, 121.

42 *Сьрадзскія роты* (*Мас. Hist. praw. Słow. VI*, 8—15).

Правописаніе.

—Случаев отличенія твердых слогов от мягких мы насчитали только три: *szwiatczϕ* стр. 8, *Lheszek* 9 и *dziedzinpϕ* 11; въ остальных случаях твердые слоги смѣшиваются съ мягкими: *szwaczϕ*, *copi*, *bil*, *ti granicze* 9, *sbicacz* 11 и т. д.

—*I=i*, *ij*, *ijj*, *yj*: *szczci*, *uzithka*, *pomozi* 9 и т. д.;—*ij* 8, 10, 11, *ijma* 9, *anij* 9, 11, *nij* 11;—*mij* (=mi) 11;—*y* 9, 10, 11, 14, *yma* 9, *czlowyka* 11. *Iwan* 14.

—*J=i*, *j*, *ij*, *y*, *g*: *iako* 9, *iednϕ rzeczϕ* 11,—*jako* 10, 11,—*ijej* 9, 10, *ijednejnaczcze* 9, *ijego* 9,—*Yanow* 8,—*gim* 8, 9, *gi* 10, *przigϕl* 14.

—*V=u, v*: ukradł 9, nikomu 10, pokoju 13, zacladu 15, vszitka 9, uzithka 11, 14, umowe 13.

—*B=v, w*: Wislaus, vjednol—vjednal 9, wedzø, szwiathczø, Janow 8, wolø 9, wzol 10 n t. d.

—*K=z, sz: esse* 8, 9, 10, 11, uzithka, zalozon 9, zalowal 13, rszuj, vszitka 9, dzirszcz 12, crzisz 13, 14 n t. d.

—*S=z, sz: pomosi* 8, 13, zaklad, pokazaly zajol, zagoni 9, —wzol 11, wszøcz 13.

—*K=k, c: tako* 8, Sandko, ukradł—ucradł 9, cegdi 9, crzisz 14, kegdi 10, Bolek, Krokocice, Wola Zwasowska 9, copi 9—kopi 10, dokupicz 12 n t. d.

—*C=s, sz, sz: Sulimowski, Sadek—Szadek* 9, swanthi 14, dzeszacz 1, czøsczi 10, —szwiathczø 8, szø (da) 9, szø (=сжть) 10, 11, szwadecznostwo 14.

—*T=t, th: uzithka—vszitka* 9, rotha 9—rota 10, szwiathczø 8—szwathczø 9, laha 11, oth, tho 12 n t. d.

—*Ц=c, cz, czø, es, czsz: Krokocice, Pruszinowice, Marczoj, granicze* 9 n t. d.; —czø 9, 10 = czø 10 = cø 10, 11, 18, —niczsz 13.

—*Ш=s, ss, sz: Zawisius* 9, wisli = wysli 10, Potras 14, Janussius, Jacussius 10, Petrassii 14, —Wzeborius, wszitki 9, Ubiszko, Janusz 10 n t. d.

Язык.

Звуки.

—*Носовые обыкновенно выговаривались, как on: rzeczø, wedzø, szø (=ca), dobrø wolø, wø (=сжть) 9, wrøczal 10, na Dzirskowø gospodø, ranø, szødzil, polowiczø 11, wrøcz, penøcze 12, wszøcz 13 n t. d. Изрядка встречается выговор за an—am: Przeramb, Bodzantha, Dambrowa 8, Sandko 9, Dambrowka 11, swanthi, trzidezzamthi 13, dzeszancz 15. Иногда на конец слов и перед л носовые переходят в чистые a, e, o и даже yo: zajjal 9, wzol 10 = wzol 11, wjdzelil dzelnicze 11, swuto strzala 11, dzedzino, one (o niø) 13.*

—*E (n) переголосуетя в o и в u: zalozon 9, Potrowi, Kamonacz 10, naprzod 11, Potrkowie, na szodmø czøszcz 13, Potr, Potrasz 14, kradzona, wedzona 15; —dzirsi 11, dzirszcz 12, czlowyka 11.*

— *Д* смягчается в *dz*: *wedzō* 8, 9, *wjdzēlil*, *dzelnicze* 11, *dzeszacz*, *Chebde*, *dzirsi*, *dwudzesthu*, *szōdzil* 11 и т. д. Только в имени *Derslaus* 11 сохранилось непосредственное смягчение *д*.

— *Р* смягчается в *rz*: *Przeramb* 8, *rzeczō*, *trzi* 9, *Przech*, *Oprzamo*, *Trzebiczina*, *Panchorzewo* 10, *Przedwoy* 11 и т. д. Но в слѣдующих словах удержалось непосредственное смягчение *р*: *grīwen* (рядом с *grziwen*), *Przczslaus* 10, *Scarbimir* 11, *pres* 15.

Формы.

— Родит. ед. существ. жен. на *а* оканчив. на *е* и *ей* *Dzizek wjdzelil Mikolajowi Jaszkowej dzelnicze spelna polowiczō* 11, — *Steszek zajjal paneij Thomislavi trzi zagoni posagu ijej w Kozankach* 9.

— В существ. одушевл. муж. р. встрѣчается винит. ед. ч. сходный с именит. в выражении: *ne wiprawil Czeszan* (вм. *Cieszana*) 10.

— Отличение мужскаго склонения от женскаго во множ. ч.: *swimi potomczniki* 9.

— Прилагательныя неопредѣленныя: *Yanow dom* 8; *granicze prawe* 10, о *купнō dziedzinō* 11, *Januszowa dziedziņa*, с *рапа Spitkowa wolō* 12, *Bartholomeow dom* 15.

— Мѣстоименіе личное 3 л. имѣет слѣдующія формы в винт. ед. муж. *gi* 10, 11, и множест. жен. *ije* 10, — *one* = *o nje* 14.

— Повелит. накл. на *i*: *potozī* 8, 9, 11.

— В глаголь *имѣти* в наст. и прошедш. вр. удерживается начальное *и*: *ijma* — *ума* 9, 11, *ijmal*, *ijmala* 12, 13, 14.

— Прошедшее сложное: *jasom bil* 9, *ezem ijmal* 12, *iakosmij zalozili*, *iakosmij rozdzelili* 13, *tejsmij vidzeli* 14; но обычно в сокращенной формѣ: *ukradl* 9, *gōczil*, *wzol*, *rodal* 10, *ne mal* 11 и т. д.

Слова.

— *nedzela* = *недѣля*, вм. *tydzień* 13.

— *reż* вм. *żyto*: *Mасоу ne ukradl ijednejnaczcze copī rszij* 9.

— *rota* = *juramentum* (см. выше) 9, 10, 11.

— *rucho* = *suknia* 13.

1399.

3 *Пыздренскія роты* (Przyb. 8).

Правописание.

— *Твердые* слоги не отличаются от *мяких*: *swadczi mi*, *Vawrzincz*, *ne*, *sze*, (сл), *sledze*, *prawim dzalem*, *cone*, *tedi* и т. д.

— *И* = *i*, *y*: *przeproszil*, *mi*, *stali*; — *гум*, *гуч*.

— *І* = *i*, *j*, *y*, *g*: *iaco*, *Jana*, — *opytay*, *sōdzey*, — *gum*, *guch*.

— *В* = *v*, *w*: *Vawrzincz*, *prawim*, *sive*, *Winczenczow* — *Vōczenczow*.

— *Ж* = *z*: *zaluge*.

— *К* = *k*, *c*: *tako* — *taco*, *iaco*, *rok*, *rzek*, *cone*, *tenōli*.

— *С* = *s*, *sz*: *swadczi mi*, *dostalo*, *sledze*, *swe*, *poprzisōdz*, *stali*, — *przeproszil*, *sze* (=сл).

— *Ц* = *c*, *cz*, *czs*, *szcz*: *Winczenczow percza*, *czy mescziczi*, *czso*, *sczo*.

Язык.

— *Несовые* выговариваются, как *он*: *penōczmi*, *poprzisōdz*, *sōdzey*, *Vōczenczow* (рядом с *Winczenczow*).

— *Р* и *δ* имѣют только переходное смягчение: *sledze*, *dzalem*, *sōdzey*, — *Wawrzincz*, *przeproszil*, *poprzisōdz*.

— *Имен. множ. муж. р.* оканчивается на *i*: *mescziczi*.

— *Винит. мн.* в тѣх-же существит. на *e*: *swe cone*.

— *Огличение мужск. склон.* от *женск. во множ. ч.*: *groszmi*, *zemskimi penōczmi*.

— *Nan* = на него.

— *Прошедшее сложное сокращенное*: *przeprzoszil*, *sze dostalo*, *rzek(1)*, *meli*, *stali*, *tenōli*, *poziwali*.

43 *Краковскія роты* (42 у *Губе*, стр. 8—14, 1 — у *Гельцеля* N 465, стр. 90).

Правописание.

— *Мякие* слоги часто отличаются от *твердых*: *s puęy* 36, *sswyathczimi* 37, — *szwyathczimi* 44, *dzerszeni ja* 37,

mijala, odzenija, anije, sija 39, nije bila 49, mijal, przijaczijelom 42, ssije 42, 57, kmijecza 48, kaznija, wijejon 52, Drwijena, w dzerszeniju 53, obrambijona, mijedzi 54, przibijezaw 55, wsijami 54, wijozl 57, wzijala 57, pijancz, proznija 59, namyastka 61, o nua 64, wyemi 68, 70, 73, kmyeczem, wyanzanyye, dobrowolnye 69, dzijeczi, wwyanzali sye, ymyal, zastawy 73. Но чаще такое отличие не соблюдается: Maczek, w yednanu 32, dersza dziedzina 34, rani 35, obwanzala sije 39, szcodi 42, meczowa, penandzi 44 и т. д.

—*H=i, ij, y*: ranczil 32, dziedzina 34, pomoczniki 35, pani 39 и т. д., *ij* (союз) 34 и др., *czij* 38, ne bijl (nie bił) 44, zabijl (zabił) 51, ysczini 60, *y* 69 и т. д.

—*J=i, j, ij, y, g*: iest 33, iego 53, jaco 32 и слѣд. и у Гельц., Jangroth 46, Janowye 68; — *dalejij* 34, dobrowolnej 35, paneij 40, zassije, przijaczijelom, na wijednanije 42 и т. д.; — w yednanu 32, Lenartowey 44, rankoyma 72): — *ginego* 39, *gij* 59, 61.

—*V=u, v*: Miculaijowi 33, poszwu 34, lanu 38, pusczicz 42 и т. д.; — *vczinijono* 32, *v* (=y) 32, 48, 61, 67, umowila 48, uyednal sye 69 и т. д.

—*B=w, u*: w (=wъ) 32, 42, Wanczslawa 32, wina 33, praw 35, wwyanzali sye, grziwni, zastawy 73 и т. д.; — *Sbitowich* 35, *Borcoui* 36, *Opathowich* 54, *Jelowicz* 65.

—*H=z, zh, sz*: ez, 36, 37, 41, 46, 51, niz 41, blizej 47, narozna 54, przibijezaw 55, proznija 55, eze 71, 72, 73, и т. д.; — *ezh* 42, *dzerzheniju* 62; — *proszno* 32, *Xansz* 52, *esze* 68, *nagemsze* 73 и т. д.

—*S=z, sz, s*: za 32, zadal 35, kazala 58, zastrzelijl, zabijl 51, poszwu 34, — *oczczisna* 40, *Swerzinecz* 43, *wsijala* 57; — у Гельцеля: *zamerzilem*, *zawirczal*, *pomosz(i)*.

—*K=k, c, ch*: kon 33, pomoczniki 35, *Passek* 36, *convencekego* 37, *parobku* 55, *korzistna* 56 и т. д.; — *iaco* 32 и слѣд., *Miculaijowi* 33, *szcodi* 42, *crwawe* 4т, *s po-coijem* 60 и т. д.; — *schodi* 50, *Pascho* 52, *Jaschowu* 55, — *Helcek: tacó, iaco*.

—*C=s, ss, z, sz, ssz*: s pokojem 34, gospodarzmi 37,

ijest 39, sluga 45, stoija 45 и т. д.; — *ssamostrzal* 33, *Passek* 36, *ss* (=сь) 69, *sswathczimi* 70 и т. д.; — *gozpoda* 55, — *szwyathczimi* 44, — *Passzek*. — *Helcel*: *s* prawem.

— *T=t*, *th*: *tego* 33, *brat* 53, *tika* 54, *Swantoslaus* 60 и т. д.; — *szcihnik* 34, *Sbiluthovicz* 35, *oth* 37, 53, 62, *opathowego* 37, *tho* 42, 62, *poczanthkem* 55, *nikh* 62, *brath* 71 и т. д.

— *Ц=c*, *cz*, *czs*: *szescidzessanth* 37, *wrocijla* 39; — *Maczek* 32, *czij* 37, *granicza* 54, *w noci* 57, *wiprawicz* 57, *zaplaczil* 59, *kmyeczem* 69; — *czso* 32, 32, 55, *czso-koli* 72. — *Helcel*: *czo*.

— *Ч=cz*, *ch*: *ranczil* 32, *sswyathczimi* 37, *Owczari* 41, *czloweka* 56 и т. д.; — *Grabouich* 43.

— *Ш=s*, *ss*, *sz*, *sch*: *schodi* 50 = *szkodi* 59, *Stassek* 62, *szescdzessanth* 57, *przishedw* 71, *wschitko* 72.

Язык.

Звуки.

— *Носовые* выговариваются, как *an* — *am*: *ranczil* 32, *szescidzessanth* (lat) 37, *Wantrobca* 39, *Wantrobczina* 39, *obwanzala sija* 39, *Prandotha* 42, *ranczicz* 42, *penandzi* 44, *wzani* 46, *xandcz* 47, *wzancz* 48, *stranczac* 48, *xansz* 52, *wirambili*, *pyandzessanth* 52, *obrambijona* 54, *ijansz* (=жже) 58, *rijancz* 59, *ijanl* 66, *Trambek* 68. Но на концъ слов и перед *л* носовые выговаривались иногда, как чистые *a*, *e*, *o*: *wina* 33, *dzedzina* 34, *sija* 39, 50, *ssije* 42, *yo* (=ж) 43, *meczowo glowicza* 44, *kaznija* 45, 52, *stoija* 45, *wzal* 45, 49, *maiija* 47, *wzala* 48, *swa* 49, *syla* 52, *ranka*, *druga* 55, *na umyo* 67, *sye* 69, *wolo*, *wzol* 71.

— *E* (=е и ѣ) переголосуется в *o*: *vczinijono* 32, *wije-zon* 52, *obrambijona* 54, *wijozl* 56, *Pijotraszowi* 64, *naprzod* 65, *Krolowicz* 73, но *Petrow* 45, *wedl* 71 и *przija-cijelom* 42.

— *Д* смягчается в *dz*: *dzedzina* 34, 36, 37, *gdze* 35, *wychodzil* 36, *dzedziczi* 37, *dzerszenija* 37, *odzenija* 39, *dzalo* 55, *widzenije* 58, *dzessancz* 59, *grodzono* 68 и т. д. Остатки непосредственнаго смягченія: *dersza* 34, *Derszco* 39 (но и *Derszco* 57), *Derslaus* 69.

—*P* смягчается в *rz*: *gospodarzmi* 37, *Jurziouicz* 51, *Neprzyszna*, *przijacijelom* 42, *Swerzinecz* 43, *przitem* 43, *trzi grziwni* 45, *Kazimirz* 47, *Przibco Przibislaucz* 48 и т. д.

Формы:

—Родит. ед. ч. от сущ. женск. р. на *e*, *ei*: *czij dzedziczi ani Borek bijli gospodarzmi dzedzinije* 37, *ne wzal chysse* (=чыže) *Dzechnini* 49, *dzedzina nije bila paneij oczczisna* 40, *paneij kaznija (kaznia)* 45, *kaznija Nedomineij* 52.

—Винит. одушвл. муж. р. ед. ч. сходен с именит.: *dano Miculaijlowi wina* (=вина) *o kon* 33, *wzol kon Krczopow* 71.

—Имен. множ. ч. муж. р. оканчивается на *e* и *i*: *ijeij ludze wirambili pyandzessanth woz chrosta* 52, *czij dzedziczi ani Borek bijli gospodarzmi dzedzinije* 37.

—Двойственное число: *na dwu lanu* 38, *dwo ssto* (=dwu stu) 70.

—Отличение мужского склонения от женского во множ. ч.: *s pomoczniki* 35, *gospodarzmi* 37, *przijacijelom* 42.

—Прилагательная неопределенная: *Petrowu synu* 45, *chysse Dzechnini* 49, *wsijami Borkowymi* 54, *parobku Jaschouu* 56, *Andrzeowa czloweka* 66, *brat Janow*, *kon Krczopow*, *Sulkowi dzijeczci* 73.

—Личное местоимение 3 л. в винит. ед. муж. р. имѣет форму: *ji* 61=*gi* 66.

—Двойственное число в глаголах: *Franczco et Prandotha matha na du (u) lanu polijednejnaczcze grziwni* 38, (*Oland i Prandotha*) *mata C. marcas szcodzi* 42, *jacoswa byla* 50, 57, *jacoswa widzala* 56.

—В глаголь *имѣти* отбрасывается начальное *u* (*mata*, *mijal*, *mijala*); но в 73 р. он *утуал*.

—Прошедшее сложное: *jacosm bijli* 35, 43, *jacosm ne wzala* 48 (двойств. ч. выше); *szot zamertil*, *zamertilem*, *Helc*; но обыкновенно употребляется сокращенная форма: *przedal*, *wychodzil* 86, *wrocijla* 39, *bila* 42, *dal*, *krwawil* 43 и т. д.

— Причастіе дѣйств. въ наст. вр. имѣет форму на *а*, а в прошедш. на *о*: *sluga v rocze stojja dal trzi rani 45, brath Janow przischedw wzol kon 71.*

— Повел. накл. на *и*: *pomoszy Helc.*

Слова: *oczecz 46, oczczisna 40, uszczina (капитал) 50.*

Сведем к общему итогу сказанное нами о правописаніи и языкѣ польских рот 1386—1390 г.

Правописаніе 1).

— Твердые слоги не отличались от мягких. Исключеній немного: Вп. р. 1397—8, Мп. 1398—9.

— *И*=*i, ij, y*, рѣдко *j* (Мп. 1398); в Сѣр. 1398=*ij*.

— *Ј*=*i, y, g*, рѣдко *j* (Вп. 1391, 1394, 1398, Мп. 1399) и еще рѣже *ij* (Мп. 1397—8).

У=*u*, рѣдко *v* (Вп. 1391, 1394, 1398, Мп. 1398) и еще рѣже *w* (Сѣр. 1386, Крак. 1398).

— *В*=*w*, рѣдко *v* (Вп. 1390, 1393, 1397, 1399, Мп. 1399) и *u* (Вп. 1393, 1397, Мп. 1397—8).

— *Ж*=*z, sz*, рѣдко *s* (Сѣр. 1386, Вп. 1395, 1397), еще рѣже *ss* (Сѣр. 1386, Крак. 1398) и *sch* (Сѣр. 1386, Крак. 1398) и весьма рѣдко *zh* (Крак. 1398—9).

— *З*=*z, sz*, рѣдко *s* (Сѣр. 1386, Вп. 1397)

— *К*=*k, c*, а в Крак. р. 1398—9=*ch*.

— *С*=*s, sz* рѣдко *ss* (Сѣр. 1386, Позн. 1387 и 1391, Орл. 1397) и весьма рѣдко *sch* (Сѣр. 1386), *ssch* (Кр. 1398) и *ssz* (Сѣр. и Кр. 1398).

— *Т*=*t, th*, безразлично и одинаково обычно.

— *Ц*=*cz*. рѣдко *c* (Сѣр. 1386, Вп. 1397—8), *czs* (Сѣр. 1386, Позн. 1391, Крак. 1398—9, Вп. 1399) и *czsz* (Сѣр. 1390, 1398) и только в Сѣр. 1398=*cs*.

— *Ч*=*cz* и весьма рѣдко *c* (Вп. 1397), *czs* (Сѣр. 1386) и *ch* (Крак. 1399).

1) Сокращенія *Вп.*—Великопольскія, *Мп.*—Малопольскія роты; цифры обозначают годы.

Ш=*s, sz, ss*, рѣдко *sch* (Крак. 1398—9) и только в Крак. 1397=*ssz* и *z*.

Язык.

Звуки.

—Носовые в Малопольских ротах выговариваются, как *an, at*, а в Великопольских обыкновенно, как *on (ot)*, рѣдко как *an*, и то почти всегда там, гдѣ въ Старославянском языкѣ употреблялся *л*. На концѣ слов носовые иногда переходят в чистые *a, e, o* и даже *yo* (Сѣр. 1398). Тоже бывает иногда перед *л* в окончаніи прич. прош. дѣйств.

—*E* (= *e, ѣ*) переголосуетъ в *и—ы* и в *о*.

—Переголосованіа *о* в *у* нѣтъ ни одного примѣра.

—Переголосованіе *и* и *ы* в *e* встрѣчается в Сѣрадзских ротах 1386 и 1390—1 г.

—*Д* и *р* смягчаются в *dz* и *rz*; но встрѣчаются еще остатки непосредственнаго смягченія (Сѣр. 1390—1, 1398, Крак. 1398—9).

—Замѣчательно смягченіе *г* в *дж* в Познанск. р. 1391: *uczandzał=uciądżał*.

—Перестановка звуков: *swąnto=wziąto*, Позн. 1393; *szwół=wziół*, Пыздр. 1398.

Формы.

—Двойственное число встрѣчается еще в именах существительных, числительных, и в глаголах (Крак. 1397, 1398 и 1399).

—Мужское склоненіе отличается от женскаго в Д. Тв. и Пр. множ. ч. (Сѣр. 1390 и 1398, Вп. 1399, Крак. 1398—9).

—Род. ед. от существ. жен. р. на *a* и *ь* оканчивается на *e* и *ei* (Сѣр. 1398, Крак. 1398—9).

—В именах муж. рода одушевл. винит. единст. числа сходен с именит. (*ibid.*).

—Имен. множ. ч. муж. рода оканчивается на *e* и *и* (Сѣр. 1391, Крак. 1398—9, Вп. 1399).

—Прилагательныя неопредѣленныя отличаются от опре-

дѣленных (Позн. 1391, Сѣр. 1398, Вп. 1398, Крак. 1398—9).

—Прошедших простых нѣт. Они замѣнились прошедшими сложными (с *юсмь* и *быхъ*), которыя при том употребляются большею частію в формѣ сокращенной.

—Повелительное наклоненіе сохраняет еще иногда окончаніе *и* (Вп. 1391, 1394, 1398, Мп. 1398).

—Причастіе дѣйств. наст. вр. оканчивается еще изрѣдка на *а*, а прошедш. на *въ*.

—Глагол *имѣти* сохраняет иногда начальное *и* (Вп. 1398, Мп. 1399).

В. Макушев.

(Продолженіе слѣдует).

ЭТИМОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

Мелюс.

„Будем ми до байраків, до мелюсів добігати,
І будем ми тернове віття, верхи стинати,
І будем тобі, найменшому брату, пішій пішаниці, на
[признаку покидати.....

Далі з байраків, из мелюсів вибігали,
І нестало ні байраків, ні мелюсів ставати,
І тільки поле лиліє,
На ёму трава зеленіє.

(Ольшана, Харьк. г., Богодух. у. Дума о побѣгѣ трех братьев из Азовской неволи, запис. М. В. Нѣговскій, Ант. и Др. I, 108). Слово это считается непонятным (Костом. Историч. поэзія. В. Евр. 1874, XII, 574). Ср. п. *mielerz*, *stos z drzewa*, на kształt stogu porządnie ułożony, z którego węgle kurzą (Linde, s. v. ссылка на *Siennika M. Herbarz*, 1568 г.); ч. *milř*, id, нѣм. *meiler* id (стар. +*miler*). Конечное *s* в *mr.* = поль. *z* = *rz* и служит указаніем на заимствованіе именно из польскаго, от Мазуров. В *mr.* думѣ это слово могло находиться с самого ея сложенія между концем XV и нач. XVII в. (Ант. и Др. I. 133). Значеніе этого слова в думѣ не может быть то, что в п., ч., нѣм., ибо в степи по направленію от Азова к верховьям притоков Самары и Муравскому шляху нѣкому, нѣ-из-чего и нѣ для чего было жечь угля. Я думаю, что старшіе братья намѣчали свой путь не только свѣжесрубленными терновыми вѣтками, но и сухими, которыя они брали с костров, а что это были за костры, отвѣтом служит обычай, о древности, распространенности и значеніи коего см. Котлярев.

О погреб. обр. 93—6: бросать на могилу похороненнаго у дороги вѣтки и т. п. Я сам видѣл выросшую таким образом порядочную кучу, если память необманывает, именно близъ Ольшаны. Попятно, что эти кучи кончались там, гдѣ и байраки и терны: нестало байраков, нестало и мелюсов. Тогда братья стали рвать платье и оставлять „на признаку.“ Но пѣвцу эта связь тернов и мелюсов была неясна и он дошел до их отождественія:

„Видно, їх (братьев) Азовська орда доганяла, І посикла порубала, Мене найменшого брата, пішу пішаницю, у тернах, у мелюсах (стало быть в чем то, в чем можно скрыть-ся) на спочинку минала“ (Ант. и Др. I, 110); „Вовки сіроманці набігали, кості по байраках, по мелюсах розношала“ (ib. 111).

— „Поле леміє“ І. с., блестят, т. е. виднѣется. Ср. в моем соч. Сл. о П. Иг. 96—7.

„*Опрáні* кулбаки, дóбич из коней зкидайте“ (вариант той же думы, запис. П. А. Кулішом, З. о Ю. Р. I, 37, Ант. и Др. I, 114). Пѣвец замѣтил: „кто ёго знае, що то було таке?“ Издатель перевел вольно: „дорогія сѣдла,“ а впрочем вѣрно, ибо здѣсь — *kulbaki, oprawne w zebro albo złoto*. Именно только в этих тяжелых сѣдлах, да в зеленых жупанах, подбитых красною и желтою китайкою, да в оружіи могла состоять „добич,“ „добро турецьке“ (ib. стр. 24, 83, 171—2, 202), а вьюков могло и небыть.

Китиці, кити. В той же думѣ (Ант. и Др. I, 108): І ну (читай *нум*) думати гадати, З під червоного каптана чорні китиці видерати, Своему брату... на признаву покидати.“ Но зачѣм „китиці“ (кисти) *под* каптаном? Под вліяніем такого сомнѣнія, пѣвец дальше сказал „коло своїх каптанів чорні китиці видирати (109, ст. 76). Думаю, что *китиці* появилось здѣсь как замѣна менѣе понятнаго *кити*: „один на собі каптан має, Та з від того жовті та чорні *кити* видирає“ (ib. 121, ст. 56, а дальше, ст. 60 — *китиці*), а *кити* есть искаженное *китай*. *Китай*, п. *kitaj*, бумажная ткань, есть первообразное общеизвѣстнаго и употребленнаго в других вариантах той же думы *китайка*; в мр

прилагательное образовано от этого первообразного: *кита́е-ский*, а не *китайко́вый* (хотя есть и это, и *китайча́ний*) и на оборот, *калама́йко́вый* пояс, а не **калама́евый*.

Обітріє (мр.). В варіантѣ той же думы:

...Стала їх темна нічка обіймати,

Став брат старший до середульшого промовляти:

„Станьмо, братіку, тута, коні попасімо:

„Тут могили великі,

„Трава хороша

„І вода погожа;

„Станьмо тутечка, подождімо,

„Поки сонце обітріє,

Чи неприбуде ік нам наш піший піхотинець.

П. А. Кулиш (Исторія возсоединенія Руси, I, 341) замѣчает об этом мѣстѣ: „Перепечатывая думу эту из моего сборника, издатели „Истор. пѣсень мр. нар.“... напечатали *обиріє*. Нѣтъ, *обітріє* значит *обвѣтріє*; но двѣ согласныя губныя не позволяет украинская фонетика произнести, и потому кобзарь Архип Никоненко пѣл так, как у меня напечатано“ (т. е. в Зап. Ю. Р. I, 40, гдѣ—вольный перевод „обождем здѣсь до свѣта.“ На вопрос о значеніи этого слова Н. отвѣчал: „Се як вітром перейде нід час исходу сонця, от сонце и обітріє.“

На это скажу: такого *украинскаго* закона, чтобы из *бе* перед гласною выходило *в*, как извѣстно, нѣтъ. Был нѣкогда общерусскій и общеславянскій, теперь нарушаемый в пользу этимологической ясности. О не позволительности форм, как *обвѣзати*, *обвѣдити*, не может быть рѣчи. Ф. *обітріє* из *обе-*, конечно возможна, но несмотря на объясненіе кобзаря она не дает удовлетворительнаго смысла.

Обітріє = *обвѣтрієть*, с *і* из *у*, как в *огірок*, *діврова*. Менѣе вѣроятно, что основная ф. есть *ютро* откуда *і* как в чеш. Ср. „щей сонце негаразд *обвѣтріє*, кожне йде в степ.“ (из над Десны. Основа 1862, VI, 58). *Утро*, (кор. *vas*, откуда *овсень*, *усень*, лит. *dėna ausz-ta*, день разсвѣтает, *auszga*, денница) несовсѣм ясно относительно предполагае-

емой основной ф. (+аустара-, с суф. -тар, или аус-т-ра- с т вставным и суф. -р-, как лит. *auszga*, при чем в обоих свойство свистящаго зв. составляет вопрос) и условіи исчезновенія с перед *m*; но кажется нѣтъ возраженій против сходства с латыш. *austras* восточный, др. вн. *ôstar*, adv. восточно (Fick; Mikl. Gr. II, 174; ср. устры ризы, ib. 85, Lex. s. v.) и само *утро* имѣет и знач. востока, как страны свѣта. Особенность значенія глагола средняго с об- и наличным подлежащим видна из сходных: совр. „мы обвечерѣем там-то,“ т. е. будем находиться вечером или вечер нас застанет, „обнимет“ там-то (ср. обечеритиса, *vespere deprehendi*, Mikl. Lex); „и съступишася трижды и *омеркоша* бьющеся,“ П. С. Р. Л. I, 254, а также Mikl. Lex. s. v.; в том же см. *освѣнжити*, серб. осванути: *јеси ли мирно освануо?*, а о свѣтилѣ м. б. просто появиться, взойти рано: „освану звезда на ведром небу;“ ср. без предлога „свенувъ же Авраамъ за утра,“ Быт. 19, 27, Горск и Невостр. Опис. С. б. Отд. 1 14. Таким же образом „обутрѣвъ же Гедионъ за утра, Суд. 6, 37, Макар. Мин. I, 73; обутрѣвъ Ааронъ наутріа, Бусл. Хр. 165.

И так „сонце *обітріе*“ можно объяснить так, как серб. „када сване (разсвѣтет, безлично) и *огране* сунце:“ с. появится на востокѣ.

Кално-фойскій, фамилія южнорусскаго писателя XVII в., объясняется вліяніем извѣстнаго польскаго звукового явленія: *wiejski* (из *wieśski*), *miejski* (= ⁺*mieścki*), *Zamojski* (= ⁺*moścki*), однороднаго со случаями *dojrzec* (= *doźrzec*), *skojca* (*skośca*, род. при *skocięc*, мѣлкая монета), *grójca* (*grodzca*). Стало быть: ⁺*Кально-хвостьскій*. Упомянутое стремленіе или еще несуществовало, или было весьма ограничено в XIV—XV вѣкѣ (Ср. Бод. де Курт. О древнем. п. яз. § 26). До появленія его можно предполагать нѣчто напоминающее *ш* из *ш-ш*, *ждж* из *ж-ж* (ижденж и т. п.), стар. поль. *šcedł* (Bibl. Zof. *zczedł*, 16 = съшьдль), *ždžęł* (Bibl. Zof. *szdžęł*, 69 = жжегль = съжьгль) и вост.

мр. формы *крашчій* (= +крашшій), *дужчій* (—+дужшій), Зам. о мр. нар. 85. Именно, я думаю, что основныя сочетанія -ш(ь)ск- могли, по крайней мѣрѣ в нѣкоторых случаях, давать -ц'к-, через посредство *с-ск-*, +*сцк-*. Что до перехода *с-с* в *сц*, то, кромѣ вышеприведеннаго, ср. мр. *сцати*, *сце* из *с-сати*, *с-се* (съсати). Затруднительно только объясненіе перехода +*сц'к-* в *ц'к-*. Предположеніем этой послѣдней ф. можно объяснить русс. (Ип. л.) и мр. *лядьскый*, которое вовсе не необходимо предполагает *ляда* (ср. Nehring. Ueber den namen für Polen u. Lechen. Arch. f. Sl. Ph. III, 468), ибо могло возникнуть из +*ляцьскый*, а это из *ляшьск-*, минуя предполагаемое нѣкоторыми +*ляд-*. Сюда же

Mazowiecki, при коем — Мазовешьскый, Мазовешь (Ип. 185), *Mazowsze*. Мое предположеніе по поводу послѣдняго слова, коего объясненіе мнѣ не встрѣчалось, находится в связи со слѣдующим:

Считается признанным, что нѣкоторыя из слав. *л* = основ *а*, т. е. вѣроятно *ā*: *блль*, латыш. *bāls*, лит. *balu*, *balti*, Mikl. Altslov. Lautl.³, 55; *млль*, *creta*, латыш. *māls* глина, лит. *molis*, id.; *млль* (ст. сл., мр.), *мѣлок*, кор. мар., сродно с *желю* и *мал*; *вѣлко* глаза, скрини, лит. *woka*; *рѣна*, лит. *garé*, латин. *gara*. Можно думать, что здѣсь *л* из *ai* возникшаго на слав. почвѣ. Сюда присоединю:

Цльвь. Вр. обл. *чывье* (Арх. „у палок чывья отламались,“ т. е. рукояти; „в чывьях конья поламались,“ Кир. П. IV. 11, 15) предполагает общерусс. *цльвь*; но на начальное *ск* указывает *щевье*: „стрѣла (лети, оборотись) щевеем (стволом, древком) во древо, перо (стрѣлы) во птицу, а птица—в небо, клей во рыбу, а рыба в море, желѣзо—во свою мать желѣзную“ (Заговор на оружіе, Майков, Вр. заклин. N 331). Осн. тема +*скав-и*, кор. *ску*, который ср. с одной стороны со *ска*, *ia*, *iaj* в *sko-wropek*, вр. *ще-врѣнок*, *жа-воронок*, мр. *жайворонок*, и *гайворон* = срб. *гавран*, а с другой с скр. *ку* = *ку звучать*. *Цльвь* (из +*кави-*, +*каи-*

ви-) могло значить *свирль*, затѣм—переход от цѣви, цѣвниці, какъ музыкальнаго инструмента, къ знач. тонкаго ствола вообще (мр. *цѣвка*), стержня, дровка, берцовой кости и пр., какъ в *пищаль*, цоль. *piszczel*.

Миклошичь, *Altstl. Lautl.*³ 288—9, обращаетъ вниманіе на начальное слав. *сѣ* при *цѣ*. Ц часть предполагаетъ *сѣ* (*цѣдѣти*, лит. *skėdu, skėsti*, разжижать; *цѣстити* *purgare* при *чист*, *чистѣти* и лит. *skīstas*, жидкій, чистый (о жидкости, в противоположность с *tirsztas*, густой = сл. *тѣлѣть*, *цѣпѣти* *findere* при *сѣпѣти*), частью, повидимому — нѣтъ, какъ в *сѣпна* при *цѣна*, др. бактр. *каѣна*, *strafe*, лит. (по Микуц. в Шавель. у), *кайна*, *сѣпль* при *цѣль*, гот. *hails*.

Относительно *цѣна*: б. м. при объясненіи этимологій этого слова нужно будетъ принять в расчетъ особенность его значенія: мр. молоко хороше і в *цѣни*“ (харьк.), т. е. дешево, противоположно обычному „в *цѣнль*“, т. е. дорого; „що-ж там на Донѣ коні *поцѣнно?*“, Купала на Йвана, 16, = дешево; хорут. сѣп дешево, серб. *цѣјене* дешево, сравнит. ст. *цѣјене*; в этомъ же смыслѣ вр. „нужда цѣны неждет“ т. е. малой, низкой. По этому можно бы думать о скр. *канјаса* младшій, *кан-ја-са* мизинец, *кан-ѣјанс*, *кан-ишта*, меньшій, малѣйшій, при чемъ ѣ в слав. было бы из а, а *дорогъ* — *драгъ*, *тагпн pretii*, сближаемое с *дѣржати*, могло бы быть сближено с ⁺*дарѣна*, *дѣль*. Ср. щедрующіе просятъ: „Дайте намъ дохид *довгити*“, хотя под этимъ, конечно, могутъ разумѣть и долгую колбасу.

Ст. сл. *сѣпль* при *цѣль*, хотя и неподтверждено достаточными примѣрами, даетъ одну изъ вѣроятностей, м. б. наибольшую, при объясненіи мр. *сѣпльнѣк*, сот, „пастѣнокъ меду“ (Павловскій, Малор. грам. 60): ⁺*цѣпльнѣк*? В восточ. укр., именно у Квитки, изрѣдка встрѣчается *сѣ*. вм. ст. (*госци* = *гості*, *гости*), но мало вѣроятности, чтобы это спорадическое явленіе могло встрѣтиться в началѣ слова и стать в этомъ словѣ исключительнымъ, такъ чтобы можно предположить ф. ⁺*стѣпльнѣк* в см. наслоенія, пласта, или *стѣпльнѣк* (ср. выше „пастѣнокъ“) с ѣ вм. и', какъ мѣстами в вр. *сѣпльнѣк*, в мр. *мѣпльнѣк* палець, *Mikl. Altal. L.*³ 58. На-

конец тоже сомнительно, что ⁺цѣль—из ⁺скаил—, ⁺скаир=⁺скѣр=кѣр в лит. *koris* (⁺kárjas), сом, латыш. во мн. ч. *kâri* id., гр. *κηρ-τον* id., *κηρ-ος* воск, лат. *cēra* (Fick '351), откуда б. м. *цѣрь*, *сѣра*.

Цѣста, *platea*, хорут. *césta*, ч. *cesta*. Человѣкъ рвет на ходу землю, а жук, неоставляющій слѣда „идет—земли недерет“ (Сак. Ск. Р. Н. I, 2, 94). Вр. *цѣльмь* есть не только земля нетронутая плугом или сохою, но и неѣзженная, нетореная, и в послѣднем смыслѣ—противоположность дороги. На оборот, нѣкоторыя названія дороги, тропы могут быть сближены со словами означающими рвать, бить и т. п. Вят. *косма*, колея на дорогѣ, ср. серб. *кас* рысь, *касати* бѣжать рысью, мр. *чесати*, *чухрати* бѣжать, лит. *kasti* рыть, *kasiti*, скребницей чистить коня, чесаться в головѣ, почесываться (мр. *чухатись*), царапать.

Срб. *прт*, ж.-ина слѣд на снѣгу, ч. *prť*, слов. *purť*, у подгалаян *perc*, мр. (галиц.) *перть*, лѣсная, горная тропа, ср. *прати*, *conculcare*, лит. *spirti*, между прочим, бить землю ногами, о конѣ. *Трона* и серб. *трап*: „кола на широки, узани—, воз с широким, узким ходом, т. е. слѣдом; ср. вр. *трѣпать* топать, стучать ногами, тяжело ходить. Б. м. *дорога*, *драга*, *via*, *vallis* (серб.), *vestigium* (в. луж.), слово оставляемое без сближенія Миклошичем,—в связи с *дергать*—рвать, *дернуть*—, быстро побѣжать, а серб. *траг*, слѣд, с *тѣрати*. Согласно с этим в *цѣста* можно видѣть или к. *скид*, скр. *чид*, лат. *scid* в *scindo* и пр., или *скад*, скр. *скѣд*, оба почти одинаковаго значенія: ломать, колоть. Микл. Лех. к *цѣста* относит и *цѣшта*, ради, ссылаясь на аналогію с нѣм. *wegen*; но с этим несогласно серб. *цијсћ*, *цјећ*, *цић* ради, в коем *ћ* указывает на *т*, а не на *ст*. Можно думать о *скаит*—в лит. *skaititi* считать, читать.

Если нѣкоторые слав. *ль* возникли (через *ai*) из основнаго *а*, при том, судя по *бѣль* независимо от перехода *ј* суффикса, что, кажется, нѣкоторые предполагают для *цѣль* (⁺калја); то а *ргіогі* возможно, что при *ль*, может встрѣтиться этимологически равносильное ему *а*. *Мльз* в *мльзинь*, мал, *мльзиньць*,=лит. *maž-as*, мал. Почему хорут. *тази*—

нес должно предполагать *ь* в *мъз* (Mikl. Altsl. L.³ 58)? Допустивши, что *а* здѣсь основное, получим вѣроятность, что *Mazo-wsze* = *Мазо-вьсьѣ* (как *wsze* = все-) = Мало-весье. Если бы не нашлось историко-географическаго объясненія старинному употребленію этого имени во мн. ч. („do Mazowsz“, Linde), то можно бы найти объясненіе в производных значеніях множественнаго числа, о чем при другом случаѣ.

Ви-ти, мать, и сродныя, — по поводу замѣчанія Ак. И. И. Срезневскаго: „подвойскій, кажется, другого происхожденія“, чѣм *войскій*, военный (Замѣчанія о книгѣ С. А. Гедеонова „Варяги и Русь“, Отч. о 20-м присуд. наград гр. Уварова. Прил. к XXXIII т. З. А. Н. 681).

+*Вити*, +*вь-ѣж* в значеніи *мать* предполагается, аналогично с *лѣти*, *лѣж*, на основаніи литовскаго *węji*, *witi*, гнать, преслѣдовать, серб. *нѣвити*, *нѣвијем*, као накнавити, сопrensare, вознаградить (как рус. *нагонять* наवरстывать), *дѣвити* се, *дѣвијем* се чему, домыслити се, догадаться (ср. *улюнка* сметливость и др. аналогич. случаи)¹⁾, *вијати*, *вијам*, тјерати. В скр. *ви*, *вѣти*, ити, гнать, зенд. *viditi*, гр. *For* в *οἶσω* (см. Fick). Давичич, смѣшивающій это *ви*, с *вити*, *viere*, относит сюда серб. *вила* (Kogieni 207). Я думаю теперь, что это слово в серб. и вообще южнославянс. значеніи (не в руск. *вила*, *юла*), слѣдует отнести к *ви* гнать, п. ч. *вила* *сноняетъ* облака (нисам *вила*“ говорит дѣвица, „да збијам облаке“, н. п.), как и волкодлакъ (см. *влько-длакъ*, Mikl. Lex.), или потому что она носится по воздуху (мр. „*ганяе*“; ср. лит. *wajoti*, herumjagen).

Думаю, что в нынѣшнем рус. (вр. и мр.) „солдаты (москалів) *понали* на войну“ неслѣдует видѣть критическаго отношенія к явленію. Оно употребляется без мысли о принудительности и насиліи и в этом смыслѣ есть, кажется, остаток глубокой старины. Ср.

¹⁾ Серб. *довија*, монастырская кухня, и производныя — от греч. *δοχῆιον*, (странно)примница Matzenauer 145.

Польс. *wić*, напр. *wiści wojenne na rosopolite ruszenie*“, зн. соб. *полюнь* (повелѣніе, приглашеніе) *на войну*. Сущест- вующія объясненія смѣшиваютъ с *wić*, гибкая вѣтка и пр. Бѣльскій: „*listy królewskie na wojnę, że dawniej (будьто бы) do wiści przywiązane były i na wiściach je noszono, wi- ciami dziś jeszcze zowią*“. Чауцкій: *wiści były (?)ognie zapalo- ne (маяки, фигуры) któremi uwiadamieli siebie naczelnicy o obrocie nieprzyjaciół, i te sznury, restes, w smole obwi- nięte mogły służyć za dawane znaki. Po obwieszczeniach na piśmie, to imię zostało jako pamiątka dawnego zwy- czaju (Linde).*

Гнати имѣло юридическое значеніе: ч. *rohñati, roho- niñi, rohñěti* k soudu, ku pravu, na soud, do soudu, позы- вать, требовать к суду; *rohñon, rohñani*, obesłani ku pravu, citatio in jus, accusatio (прямо судьей или через коморника или кмета); *rohñěci, rohñěci*, komorník, executor, qui discus- sam causam executioni mandat (Jungm.). Предполагая подобное значеніе в *вити*, думаю что *вить* значило также приглашеніе к суду, а

Витьскій, возный, судебный пристав и т. п.; „присла король угорскій *вицькаго*, река: „поими дщерь ми за сы- на своего Лва“, Ип. 185 (под 1250 г.).

Польс. *zawity rok*, послѣдній, конечный судебный срок, наступающій послѣ сообщенія сторонамъ всѣхъ трехъ вѣтей, termin na którém strona pozwana koniecznie stanąć musi: „*wszak nie zawity rok, będziec to jeszcze w czas*“, Rej; *zawicie stanąć, bezodzownie, bez apelacyi*; „на роць [на] пред- реченымъ сторонамъ въ Медыцъ въ недѣлю на вутрей светого Луки ев. *завитль* и конецъ вложенымъ.. осудили есмы.. (Правая червонорус. гр. 1404, А. Ю. и З. Р. I, N. 9).

Повѣтъ, п. *powiat* (podział wojewódstwa w którém wady ziemskie bywają) на основаніи *wić*, можетъ объяснять- ся не только какъ судебный, но и какъ военный уѣзд, округ.

+*Вой* какъ пом. actionis, могло имѣть значеніе какъ судеб- наго такъ и военнаго „погнанья“ (ч. *rohñani*), но в п. *wojski*, можно предполагать лишь послѣднее (wojskich powinność by-

Ja przestrzegać bezpieczeństwa w swoich ziemiach, skoro szlachta wyciągnie na pospolite ruszenie, Linde), a в *podwojski*, woźny miejski—лишь первое. Кажется подобное значение и в русс.: „под городом застрѣлиша Олдана подвойскаго“ Новг. I, 48, (под 1231 г.). Ср. *вильский*. Т. е. *подвойскый* не предполагает значенія *вой*, *воинъ* (т. е. войинъ; у Микл. в кр. строкъ *воинъ*) *войско*, *воевати* (в вр. п. „кто со мной (bis) на вой воевать идетъ, кто со мной?“), но принадлежит с ними к одному семейству. *Вой* как пош. *agensis* могло значить „погоня“, как древняя колядка идеализует войну в видѣ погони (Ант. и Дрог. Ист. п, I, 31 сл.) и как в козацкія времена война с татарами преимущественно было погоней.

Мр. *личман*: „воиц (дѣти, жінка) на сім світі такіж госьці (sic) як ти и усякий чоловік, чи царь, чи пан, чи архерей, чи салдат, чи *личман*“, Квітка; „перш жадала поповичів, далі спустила на писарів з ратуші, забажала послі вже й хлібороба, так ба! й *личман* недивитця“ id.—чоловѣк низшаго состоянія. Невидно связи с польск. *liczman*, счетная марка. Ср. Нѣм. *abgaben dienste, robot* (=роботу, панщину) *leisten* отбывать панщину и пр. Стало бытъ—*list mann*? Относительно *st*, или б. м. *št*=ч, ср. мр. *квач*, помазокъ, преимущественно дегтярный, хорут. *кваш*, вѣхоть соломы, нѣм. *quast*; при этом сближеніе *квачъ* с скр. *куса*, трава вообще, в частности род травы из коей вьют веревки (Гильферд. в Матер. для сравн. слов. I. 317) излишне. Сюда ли отмѣченное у Даля нвр. *личман* старшій чабанъ, смотритель над овчарами, или, как думает Даль, к *личить*, и ч. считает, повѣряет?

Вопрос о нѣмецких словах в малорусском распадается на два: а) о заимствованіях через польскій на пр. *бавовна* (*bawełna, baumwolle*) *бікус* (бигос, соб. *соус, beguss*), *бляха, броварь, ваи, вірша, галуи* (квасц), *гантувати, геть-*

ман, голдувати, груба, гунство („бранное на ребят слово: густвѣньска душа, собачья, Павл. Мр. грам.—hundsfoft), *кѣнок*, у Павл. во мн. ч. *кѣнки*, крыльцо (*gang*), *кнѣпецъ* (короткій нож у сапожников, *kneif*) *кнѣт*, *драбина*, *дѣкувати*, *дзиклик*, *жартувати*, *карбувати*, *кажля*, *коштувати*, *крам*, *кужоль*, *кушнѣр*, *купервас* (купорос), *ляда*, *лѣх*, *лихтарь*, *люби-сток*, *малювати*, *мандрувати*, *мѣркувати* (*mercken*), *мож-дѣр-муцѣр* (*mörser*), *мордувати*, *муровати*, *мусити*, *набор-нѣбр* (*na-borg, borgen*), *обцѣньки* (*hufzange*), *орчик*—*ort-scheit*, *пѣля* (*pfahl*), *пѣля* (удар линейкой), *панѣвка* (*pfan-ne*), *паньчоха* (чулокъ, *bundszuh*), *парахвѣя*, *плѣндровати*, *пляшка*, *прас* (утюгъ, Павловск. грам.), *ратувати*, *ражувати-ражуба*, *рѣмарь*, *рѣнѣва*, *рѣштуванѣя*, *саквы*, *смак*, *смѣлецъ*, *спѣж* (бронза, *glockenspreise*), *спѣс*, *стѣльмах*, *стусан*, *ухналь*, большой гвоздь (*hufnagel*), *шинок*, *шкѣда*, *шляхъ*, *шма-рувати*, *шорувати*, *шпарувати*, *шпѣкувати* (*spicken*), *цѣм-рина* и др.

а) О заимствованіяхъ помимо польскаго языка. Тут возможны опять заимствованія черезъ Словаков со стороны Угорщины, и заимствованія непосредственныя отъ Нѣмцевъ, селившихся на Руси изстари. Ср. в Ип. л., под 1259: „Данило..нача призывати (в Холм) прихожаѣ Нѣмцѣ и Русь“ (Ип. 1196); под 1268: въ Володимери „Марколтъ.. Нѣмечинъ (=Нѣмчинъ) зва къ собѣ всѣ князѣ на обѣдъ: Василка, Лѣва, Воишелка, и начаша обѣдати пити и веселитися“ (ib. 204); под 1287: созва бояры Володимерьскыя... и мѣстичѣ Русци и Нѣмцѣ“ (ib. 216), под 1288: по Володимерь Васильковичѣ плакали: „все множество Володимерцевъ, мужи, и жены и дѣти, Нѣмци и Сурожичѣ, и Новгородци и Жидове плакахуся яко во взятѣ Иерусалиму, егда ведяхуть я во полонъ Вавилонскій“ (ib. 220). Пока можно указать на нѣсколько словъ, которыхъ у Линде нѣтъ, хотя, конечно, нельзя ручаться, что они заимствованы именно непосредственно: *бѣрма*, пѣна на вскипяченом меду, вареньи, нѣм. *barme* (*bärme*) fet; пѣна всплывающая на верхъ и осадокъ (Grimm Wb.); *бендюи*, дроги, роспуски (*bindwagen?*), *рептух*, (*reiftuch?*); *рундѣк* (крыльцо, *gip-*

dung, от полукруглой формы); *швидко*, образованное, как *прудко*, *хутко*, от *g'schwind* (напрасно, думаю, Гейтлеръ, Rad. XLIV, 133, считая мр. слово туземным, сближает его с лит. *swėdža*, *swėsti*, хлестать); *линтварь*, овчина (*linde waage?*); *чмиръ*, табачный сок в трубкѣ (*schmiege*, мазь, коломазь); *ширѣтвас*, кадка, перерѣзъ (*schrotfass*).

Мр. *бѣшкет*, слово на востокѣ обще извѣстное: „А що нам суча баба з серця утнеть який бѣшкет, так і того треба боятись,“ Квітка; „розкажу тобі, який мени бешкет зробили у Безверхім хуторі,“ id. (именно „гарбуза піднесли,“ отказали); тільки великим грішникам часто і даром проходить, а маленьким—такого завдають бѣшкету, що і на старість буде в пам'ятку,“ Котлярев. В послѣднем значеніе неопредѣленно, в родѣ „задать жару, чосу и т. п., в 1-х—пакость, стыд. Линде поль. *biszkunt* объясняет: *psi figiel, psota*: „*psich pelen biszkuntów, kradzieżą niewskógawazy, udał się do buntów*“ (XVIII вѣка). Это единственный приведенный у Л. примѣр; слово, значит, в польском весьма мало извѣстнос. Невѣроятно, чтобы в мр. оно было заимствовано из поль., тѣм болѣе, что в послѣднем оно и в звуковом отношеніи кажется болѣе искаженным, чѣм в мр. Оно перешло или из др. верхне нѣм. в то время, когда в нем основное *sk* (*sk*) перед *i* еще неизмѣнилось в *sh* (*sch*), а *t* (*t*) еще неперешло в *z*, или — из одного из герм. нарѣчій и в болѣе позднее время сохранявших эти звуки. Ср. др. вн. *piscigan*, срвн. *bescizen*, агс. *bescitan* (герм. ф. корня—*skit*, сканд. глаг. *skita*, *skeiit*), нов. вн. *bescheiszen*, а) *concasare*; б) *inquinare*; в) *impudenter decipere*; нов. вн. *beschiss*, *fraus*: *list und beschiss*; *on hintergang*, *on allen beschiss*, *lug trug und b.*; *mit beschiss*, *dolose* (Grimm Wb.). Замѣчательно, что в мр. сохранилось значеніе предполагаемое нѣмецким, именно пакости, дѣйствія постыднаго для того, кто ему подвергается (ср. русс.: „его в таком-то журналѣ, как водится, обо...“), между тѣм, как производнаго значенія (*fraus*) невидно. О первообразной формѣ (*skid-*) нѣмец. *bescheid* нельзя думать, по несходству значеній.

Мр. *не до шмиги*, синоним мр. не до діла, не до ума (индик спечений не до ума), не до смаку, не до соли: „що ни óзьме, до чого ні кинетця, усе не так, усе не до шмиги“, Квитка, неладно. В брусс. *недошмиги* (Слов. Носовича) вошло с тѣм же значеніем из мр., на что указывает ы из и. Собств. значеніе: не по угольнику, стало быть не по мѣрѣ, неточно: поль. *szmiga*, нѣм. *schmiege*, *węgielnica z bokami składanemi, dla naznaczenia różnej ukosności; ztąd „przyrznać na szmige, t. j. na ukos; robić со на węgielnice i szmige“* (Linde). Отлично от этого Поль. *szmigać*, ч. *švihati*.

Мр. *ченчиковати*, *чимчиковати*, ити, плестись, брести. В звуковом отношеніи можно бы ср. *чѣнчик* (= чернич; ср. мр. *чернѣць*, род. *ченція*, мн. *ченці* (у Квитки и *чѣнци*), но оставалось бы сомнительным объясненіе „брести, какъ странствующій монах, каких было много в XVI—XVII в.,“ если бы не слѣдующая аналогія: „Первые благочестивые царіе христіанские пішо въ пустыню *драбантовали*“ т. е. шли. Іоанн из Вишни, в транскрипціи П. А. Кулиша, *Исторія возсоединенія Руси I, 297.*

— Мр. „*Вершля*: хоч шклянку розбиває, Та штуку з криці вигинає,“ Гребенка, — так тяжкій млат, Дробя стекло, кует булат, Пушк.. Нѣм. *verschlag-hammer* — у мѣдников (*die starken bläche dünn zu schlagen*) и *vorschlag-hammer des vorschlägers*, у кузнецов. В словарь Л. нѣт.

— Мр. *хіморода* и пр. Запорожец, показывавшій фокусы, „то він *хімородю хімородив*. Сказано — каверзники.“ З. о Ю. Р. I, 79. Попытка объяснить это сл. в моем соч. „О нѣкоторых симв. Харьк. 1869, 35, сближеніем с зима, неудачна. Как и нѣкоторыя другія сл. названія знахарей и знахарства (хорвт. *сѣргѣя*, *сѣргник*, при др. вн. *зоураг*; мр. *характерник* при *характѣр*, п. ч. он защищает себя или других от пули, сабли и т. п. посредством амулетов, таинственных письмен и т. п.; ср. серб. (тур.) *амалиѣя*, Кар. Рјеч.; хорв. *grabancijaš*, см. Jagić, *Volkssage von dem Gra-*

bancijaš dijak Arch. f. sl. Ph. II, 437 сл.: словац. *bosorka*, вѣдьма и нѣкр. др.) это слово м. б. заимствовано. Именно в *хим*- может заключаться нѣм. *geheim* (как в *швидко*—*g'schwind*), а в *род*—нѣм. *rath*. В связи с этим может находиться вр. *химостать*, ворожить, кудесить; врать; м. б. и *схимистить* стянуть, украсть, предполагающія ⁺*химость* в коем можно до болѣе удовлетворительнаго объясненія подозревать нѣм. *geheime kunst*. Это послѣднее слово, известное чуть ли не во всѣх слав. нар. кромѣ болг. и серб. (между прочим в мр. *кунит*, рисунок, гравюра, *кунитик*, *id*=*kunst stück*), могло зайти в русс.—в другой диалектической формѣ: *konst*, *chōst* (в Аппенцелѣ), *kūst*, *kust*; *kunst*, др. вв. *chunst*, собств. *scientia*, *doctrina*, *disciplina*, и само по себѣ, без эпитета, имѣло значеніе сокровеннаго знанія, волшебства, как и сред. вим. *kūnnen* („*sie kan so vil*“=она знает, т. е. она вѣдьма, „вона не проста“): „*mit künsten oder mit kräutern*“—чарами: *kunstabuch*—чорная, волшебная книга, „*das geheime künste lehrt*“ (Grimm, Wb.).

По поводу предположенія, что *хим*- из *g'heim*. (*g'him*-) ср. также вр. *шиматься*, таитья, скрытничать.

— Мр. *чаклувати*, колдовать; „дѣ-що мішати та варити на чаклуванья“ (Квитка) м. б. из ⁺*шакловати* (ср. прозвище *Шакловитый*, думный дякъ, казненный при Петрѣ). Ср. связь между мороченьем, *blendwerk*, *gauckelwerk*, обманом, шутовством и колдовством, на пр. в серб. чаратан (Каралж. Рјечн.), чаратаникъ, *чарлатан* (Jagić Arch. II, 454—5) *шарлатан*, и затѣм ср. нѣм. *schäcker*, *der schäckert*, *scherz treibt*, *schalk*; *einem etwas abschäckern*,” „*einen mit etwas beschäckern*“—*betrügen*. Далѣе отстоит по знач. *schächer* и *schäcker*, *räuber*, *übelthäter*, *bösewicht*, *schelm*, *armer schelm*.

А. Потебня.

СЛАВЯНСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Лекціи профессора В. Ив. Григоровича, читанныя в 1867/8 году в Новороссійском Университетѣ, составлены слушателем его А. Смирновым.

От составителя лекцій.

Почти всѣ издаваемые теперь лекціи составлены мною со слов покойнаго Виктора Ивановича, который не имѣлъ обыкновенія читать по запискам. Лишь двѣ, три лекціи составлены не со слов его, а по пособиям, которыя впрочемъ были указаны им самим. В 1869 году я перечиталъ с ним свои записки и сдѣлалъ в них исправленія. Викт. Ивановичъ одобрительно отозвался о составленіи и взялъ один экземпляръ для себя, чтобы послѣ новаго пересмотра и сокращеній отпечатать его. Но через годъ я увидѣлъ у него взятый экземпляръ не в цѣлости, — нѣсколько тетрадей было уже затеряно. Между тѣмъ, моимъ экземпляромъ пользовались послѣдующіе слушатели покойника почти до самой его смерти. Разсматривая возвращенныя мнѣ записки, я замѣтилъ в них нѣсколько поправокъ и приписокъ, сдѣланныхъ рукою Григоровича. По нимъ видно, что онъ перечиталъ всѣ записки и желалъ, чтобы онѣ болѣе или менѣе были исправны.

Печатаемая в настоящее время лекція дорогаго мнѣ профессора, я исполняю лежащій на мнѣ долгъ — сдѣлать для всѣхъ извѣстнымъ то, что желательно было самому покойнику. С другой стороны изданіемъ этимъ я удовлетворяю желанію многихъ почитателей его памяти, которые с удовольствіемъ встрѣтятъ в печати слова любимаго своего профессора. Кромѣ того, обнародованіе взглядовъ В. Ив. устранитъ уже начинающіяся появляться в печати не-

совсѣмъ вѣрныя сужденія о личности покойнаго, о его симпатіяхъ и антипатіяхъ въ тѣмъ или другомъ научномъ вопросѣ и направленіяхъ. Если я ранѣе не выполнилъ лежащаго на мнѣ долга, то это произошло по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ.

А. Смирновъ.

Одесса
27 Янв. 1879 г.

Не смотря на недостаточную обработку этихъ лекцій,— какъ съ внѣшней такъ и съ внутренней стороны,— мы даемъ имъ охотно мѣсто въ нашемъ изданіи: полагаемъ, что каково бы ни было научное ихъ значеніе, онѣ не могутъ не представить интереса для читателей, какъ фактъ профессорской дѣятельности извѣстнаго ученаго, долго и съ честью занимавшаго университетскую кафедру славянской филологіи.

Ред.

СЛАВЯНСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Наука славянских древностей возникла постепенно. Сначала она предлагала разные индивидуальные воззрѣнія, — ученые представляли множество предположеній и гипотез. В настоящее время почти всѣ они потеряли свое значеніе.

Мнѣнія и предположенія, какія дѣлали ученые касательно происхожденія Славян, были слѣдующія: 1) *Венелин* прямо считал *Гунов* и *Аваров* — Славянами. 2) *Скифов*, которые занимали когда то нынѣшнія славянскія поселенія, тоже считали Славянами. Но дѣйствительно ли Скифы были предками Славян — вопрос весьма сомнительный. 3) *Сарматов* в старину тоже считали Славянами. Для этого прибѣгали к необыкновенным коверканьям слов (*Зарамати*) (откуда ваша мати? — за Рамати). *Шафарик* тоже дал повод к мнѣнію о славянствѣ Сарматов, но послѣ отказался от него. По Шафарику, Сарматы были арійскаго племени, с примѣсью финскаго. 4) Долго сомнѣвались ученые, кто были *Фракійцы* и *Иллирійцы*? Геродот уже упоминает о громадности их. Нестор тоже говорит об Иллирикѣ, как родинѣ Славян. Теперь доказано, что Фракійцы и Иллирійцы были старожилами на Балканском полуостровѣ и вовсе не принадлежали к Славянскому племени.

Разставшись с утопіями, что Скифы, Сарматы и Иллирійцы были Славянами, мы примем за несомнѣнный фактъ только, что на юг от Балтійскаго моря — собственно у Карпатских гор — около 79 по Р. Х. жили Славяне. Были ли они туземцы, или пришлые — в этом ученые расходятся. Одни ученые (*Добровскій*) говорят, что они переселились сюда в 6 ст. Другіе, — на основаніи слов Тацита: „*Nic Sueviae finis, Peucinoꝝ Venedoꝝumque et Fennoroꝝ nationes*

Germanis an Sarmatis adscribam, dubito,—“ говорят, что они были коренными жителями.

Кромѣ разъясненія историческихъ данныхъ о мѣстѣ жительства Славянъ, нѣкоторые ученые занялись вопросомъ о значеніи Славянъ в исторіи другихъ народовъ. *Вельтман* написалъ цѣлое сочиненіе о Сайванахъ, какъ шли они изъ Индіи и дѣлались Славянами. *Морошкин* старался доказать, что они единственные аборигены Европы. *Иван Коляр* (в 40 году Cesta po Italii), перебирая надписи итальянскія, вздумалъ доказывать, что и Италия была когда-то славянскою. *Лукашевич* в своемъ Чаромѣтѣ доказывалъ, что от насъ выродились все народы черезъ грѣхопаденіе. *Солярич*, Сербъ, писалъ о Римлянахъ славянствовавшихъ. *Данковскій* старался показать, что и Гомеръ писалъ по славянски, если только читать его по золическому діалекту.

В славянскомъ племени иные даже находили культуру всего индо-европейскаго племени. Говорили, что в славянскихъ племенахъ сохранились самыя древнія мифы. Теперь наука отрезвилась, но и теперь систематизировать все свѣдѣнія о Славянахъ — дѣло весьма трудное. Ограничимся только достовѣрнымъ содержаніемъ в нашихъ древностяхъ.

Задачею нашею будетъ — показать: а) существованіе Славянъ на данной мѣстности в Европѣ; б) время осѣлости и бытовья отношенія къ сосѣднимъ народамъ (финскія племена, мы замѣчаемъ, находились в сильной борьбѣ с славянскими). Чѣмъ ближе къ временамъ христіанства, тѣмъ болѣе выдѣляются Славяне. В 5 и 6 ст. начинается уже достовѣрная исторія объ нихъ. Наука же древностей должна еще опредѣлить эпоху отдѣленія ихъ отъ другихъ народныхъ группъ. Когда свѣдѣнія сдѣлаются разнообразнѣе, наука древностей должна будетъ выяснитъ бытовья условія жизни, отношенія къ землѣ, отношенія семейныя и народныя и степени сознанія государственнаго единства. Наука должна остановить вниманіе на появленіи идеи христіанства и потребности одолѣть этой идеей язычество.

Объем древностей. С 5-го стол. до Р. Хр. до 6 ст. по Р. время мало озаренное свѣтом исторіи; по всей вѣроятности это было время родового прозябанія Славян. С 6-го в. замѣчается стремленіе Славян к самостоятельности, — семьи собираются в общины, а общины в государство; тогда черты бытовья дѣлаются ярче. 14-й вѣк—это вѣк, когда кончилась борьба Славян с восточными народами; на нем древности славянскія и прекращаются.

Наука древностей в настоящее время должна получить особенное значеніе. В бытовой прошедшей жизни нашей есть задатки взаимности. Наука должна раскрыть поводы к этой взаимности. Отсюда новая задача науки славянских древностей—убѣдить в существованіи взаимности как между славянскими племенами, так славянских племен с другими народами. Взаимность эта уже оправдана исторіей. Теперь на совѣсти нашей лежит только малое знакомство с греческою жизнію. Сближеніем с греческим народом и начинается время самостоятельности нашей.

Систематизированіе свѣдѣній о древности дѣло очень трудное. Наука наших древностей не создавалась вѣками, а явилась недавно. Мы стоим теперь в бореніи с массою свѣдѣній, и наше дѣло будет только соглашаться, или не соглашаться с ними. Избѣгая предположеній и гипотез, нельзя однако отказаться от нѣкоторых убѣжденій, хотя еще и недоказанных.

Жизнь Славян с 6-го стол. носит характер общины. Люди разных сословій сходились между собою и заключали союзы. Наша община развилась из семейной жизни, которая не исключала личной свободы. Община служила средством к одолѣнію чужих племен. Мы были в постоянной враждѣ с азіатскими народами, но мы не уступили им ни в обычаях, ни в языкѣ. Кромѣ того, община служила задатком исторической жизни.

Славяне уже давно потеряли память о пантеизмѣ, уже издавна у них было сознаніе одного высшаго отвлеченнаго начала. Как и у Зендов было множество суевѣрій при

сознаніи одного начала, так и у Славян — разным вѣрованіям придавался один общій смысл.

При наклонности к обобщенію в дѣлѣ вѣры они легко принимали ученіе христіанское. Идеи христіанства извѣстны им были уже в отдаленное время. Память об этом осталась в их языкѣ, в котором удобно было подкладывать понятія христіанскія под языческія слова. Отсюда, вмѣстѣ с проповѣдью христіанства явилась потребность и в славянском единствѣ,—выразившемся первоначально в общем славянском богослуженіи.

Пособія и источники для славянских древностей.

Пособіями и источниками, конечно, должны служить всѣ историческія памятники, потом пѣсни, преданія, повѣрья, юридическіе акты. Но главнѣйшими будут *два пособія*:

1) *Этимологія*. Она покажет нам, какія слова у нас свои, какія нами заимствованы (нпр. боярин, гридня) и какія спорныя (нпр. *плу*). Исторія языка есть исторія и умственного развитія, как это показал исторіей нѣмецкаго языка *Гримм*. Для историка языка важным пособіем служат рукописи. Они часто могут доставить матеріал гораздо достовѣрнѣйшій, чѣм этимологія; нпр. в сербском языкѣ себр означает не совершенно свободнаго челоуѣка. Шафарик показал его сродство с польским — *жебрак* — нищій, русским *сябр* — сосѣд. Но из перевода Номоканова увидѣли совсѣм иное, — там читается: тако свободен, яко себр. Слѣдовательно быт славянскій легко выясняется из старых памятников.

2) Настоящія реформы обратили наше вниманіе на то, в чем состояла жизнь крестьян. Вслѣдствіе этого начались изученія мысли и идей крѣпостных, которые, конечно, имѣли свои понятія о землѣ и об отношеніи своем к ней. На этих понятіях они и основывали свое существованіе. Свѣдѣнія об этом могут служить важным пособіем для настоящих юристов. На изученіе юридическаго быта указали нам

иностранцы. Путешественник по Россіи Гагетхаузен (1843) первый замѣтил, что у Славян сохранились воспомина- нія об общинном бытѣ. Так вторым пособіем будет *изуче- ние современнаго народнаго быта.*

Источники можно разсматривать в двух періодах; пер- вый—это до 6-го в. по Р. Хр., гдѣ мы идем почти в по- темках. Шафарик признал Славян исконными обитателями Европы.

1) Слѣдя за названіями прежних обитателей настоя- щих наших поселеній, легко провести эти названія по столѣтіям. Но названіе собственно Славян открывается в 1-м ст. по Р. Хр. У других народов они были извѣст- ны под названіем Виндов, Вепстов, Генетов. У Финнов мы назывались Wene, у Скандинавов Wani, у Нѣмцев Win- den, Windisch. Корень этого слова не славянскій,—он, вѣ- роятно, германскаго происхожденія. Мы можем здѣсь толь- ко сказать, что с тѣх пор, как явилось слово Wend, мож- но доказать существованіе Славян в Европѣ. (Еще около Чернаго моря упоминаются Синды,—стали доказывать уче- ные, что и это были Славяне).

2) Кромѣ свидѣтельств письменных, ученые обратились к другому источнику, из котораго можно бы почерпнуть свѣдѣнія о давнем присутствіи Славян в Европѣ—это к бы- товым признакам. Среди кочевников звѣроловов и рыболо- вов, ученые находят упоминанія у древних писателей и о хлѣбопашцах. А это без сомнѣнія были Славяне.

3) Разныя мифическія преданія, оставшіяся и до на- стоящаго времени от отдаленнѣйшей древности, притом свя- занныя с мѣстностію, нынѣ занимаемою Славянами, дают возможность предположить, что Славяне были в Европѣ и до Р. Хр.

Из исторических источников замѣчательны особен- но два:

1) *Геродот* (444 г. до Р.). Он говорит, что по сосѣд- ству со Скифами у Будинов и Невров люди обращаются в волков (сага эта перешла и на запад,—у Нѣмцев распро-

странена сказка об оборотничествѣ; у Сербов тоже есть сказка о волкодлаках). Преданіе об этом живѣ теперь у Сѣверян и Кривичей ильменских, именно там, куда Геродот приурочивает его.

Геродот говорит, что и Невры выселялись на сѣвер к Будивам, потому что змѣи гнали их. Сага эта требуетъ объясненія, какъ указывающая на дѣйствительный факт. Жители около Кіева до Минской губерніи и теперь рассказывают, что у них господствовали змѣи. Наши преданія о змѣѣ горынычѣ указываютъ тоже на эту сагу. Из этого видно, что чужіе народы знали кромѣ Скифов на нашемъ поселеніи и другихъ народов.

Шафарикъ ставитъ источникомъ для исторіи Славян 4-ю книгу Геродота. Здѣсь кромѣ Скифовъ перечисляются и другіе народы; изъ нихъ — Агафирсы, Будины и Невры, по всей вѣроятности — славянскаго племени. Слова *Wen* у Геродота не встрѣчается; но мы думаем, что Геродотъ зналъ Вендовъ въ формѣ *Будиновъ* (первый объяснилъ такъ *Оссолинскій*) — (ен=оу). По отношенію къ *Неврамъ*, можно сказать, что это были Нуры (слово славянское). У западнаго Буга есть область, и доселѣ называемая нурскою землею. Что касается *Гелюновъ*, то онъ прямо говоритъ, что мѣстности и города населены Геленами, т. е. Еллинами смѣшавшимися со Скифами. По Геродоту мы замѣчаемъ, что сѣвер отъ Карпатъ былъ исконнымъ достояніемъ Славянъ.

2-й источникъ—это разные географы, описывавшіе пути до Балтійскаго моря, и преимущественно Питеасъ (320). Шафарикъ основываетъ на немъ мысль, что западные народы знали Славянъ, потому что на земляхъ славянскихъ выродились саги о рѣкѣ Эриданѣ (Зап. Двина) Гезіода (9 в. до Р. Х.). У Питеаса рассказывается о торговлѣ электромъ. Ясно, что это янтарь, который въ литовскомъ зовется линтаросъ. Нашъ легендарный бѣл горюч камень—*алатырь*—тоже самое; легенда объ этомъ существуетъ и на западѣ. (Слѣдовательно преданія западныя и наши сходятся здѣсь).—Это источники до Р. Хр.

Послѣ Р. Хр. Греки и Римляне представляют болѣе подробныя свѣдѣнія о Славянах. В перечнѣ народов *Плинія* (79 по Р. Хр.) между Балтійском морем и Карпатами являются уже *Wenedi*; Плиній приурочивает их к землям прежних Будинов и Невров, около Балтійскаго моря. За Плиніем *Птоломей* (161 или 175—182 по Р. Хр.) опредѣляет мѣста жительства Славян и отдѣляет их от Сарматов. Далѣе *Тацит* (100 по Р. Хр.) останавливается на Венетах, не называя их ни Германами, ни Сарматами. У Тацита Венеды живут в сосѣдствѣ с Германцами. На картѣ Птолемея в восточной Европѣ кромѣ Венетов встрѣчаются и такія названія: у Днѣпра упоминаются Бастарны, Певки и др.

Как на болѣе близкаго к 6-у ст., должно указать на писателя много знавшаго о Славянах, который впрочем, едва мог опредѣлять мѣста их. Это *Аміан Марцеллин* (390 г., жил во времена Гуннов и описывал припонтійскія земли). Описывая Гуннов, он сообщает нѣсколько матеріалов для заключенія, что кромѣ Гуннов были в восточной Европѣ, народы упоминаемые и Геродотом.

Основываясь на этих источниках, выводы свои мы должны доказать и этимологически; именно, что Славяне жили в Европѣ, что они знали Финнов, Готов и Кельтов.

Большим пособіем может служить для древностей *собраніе вещественныхъ памятников* до 6 в. На основаніи их мы узнаем, что по сѣверному берегу Чернаго моря распространен был культ: Геркулеса, Ахиллеса, Артемиды, Діониса, Цереры. Это вліяніе греческое, которое, может быть, ученые откроют и в обрядах наших, что очень должно бы быть естественно. Здѣсь были греческія колоніи и, разумѣется, не оставались без вліянія на туземных жителей. Мы знаем, что нѣкоторые Скифы соблюдали греческіе культы (Анахарсис).

Кромѣ культа греческаго, мы имѣем остатки культа азіатскаго—поклоненіе солнцу. На таманском полуостровѣ находим памятники, посвященныя Астартѣ (бабы).

По отношенію к вещественным памятникам важны внѣшности памятников. Курганы могли выдти и из Малой Азіи (по сродет. с персидск. кур-солнце) и из Сибири, от Алтая. Для разрѣшенія вопроса — откуда они вышли, нужно изучить и мало-азійскую и средне-азіатскую культуру.

У историков нѣтъ прямых указаній на вліяніе Евреев. Но есть предположеніе, что и оно было. Когда отдѣлились 10 колѣн, неизвѣстно куда они дѣлись; предполагают, что они поселились у Чернаго моря и были родоначальниками караймов. Вліяніе их выразилось у нас в юридическом бытѣ (Фиркович; кабала=заповѣдь, свидѣтельство).

Для этого періода лучшія пособія: 1. Шафарик; 2. Риттер; (у Риттера можно найти все, что дает фантазія для предположенія о доисторическом періодѣ народонаселенія берегов Чернаго моря).

С 6-го стол. кромѣ Wenedi упоминаются еще Славяне и Анты. *Прокопій* говорит, что Славяне и Анты прежде назывались *Στοροι Σποραμι* (Сърбами—Добровск. и Шафарик). Антов помѣщает около Чернаго моря, на лѣвом берегу Дуная, а *Юрнанд* до *lacus Musianus*, до Вислы и Днѣпра; но все еще говорят они о цѣлом славянском народѣ. И только с 7-го вѣка Славяне группируются в отдѣльныя племена. С 7-го в. появились Словѣне, Каринтіяцы, Хорваты, Сербы, Чехи, Поляки, Русскіе. Матеріалы с 6-го вѣка дѣлаются разнообразнѣе. Самые важные источники для этого времени.

1) *Прокопій*, ум. п. 562 г., современник Юстиніана, историк, секретарь Велисарія. Он родился в Кессаріи, был чело-вѣкъ образованный и дипломат. Прокопій рассказывает об отношеніи Славян к Готам, говорит о религіи Славян и их разсѣпанной жизни. Прокопій оставил важное для нас сочиненіе (*περὶ τῶν κτισμάτων*) о крѣпостях построенных Юстиніаном по Черному морю от Алушты до Малой Азіи. Хотя Прокопій не называет Юстиніана Славянином, ни

Греком, ни Римлянином; но об родителях его говорит, что они родом из Дарданіи и называет ихъ славянскими именами. (Гиббон в примѣчаніи к главѣ XV: *Сабаціус* и *Витланція*, отец и мать Юстиніана, на родинѣ своей в дарданской области (в Болгаріи) назывались *Исток* и *Бльница*, а сам Юстиніан *Управда*). Прокопій служит лучшим источником для выясненія отношеній Византіи его времени к сосѣдним сѣверным народам. Извѣстія Прокопія послужили основаніем для Шафарика.

2) Современником Прокопія был готскій писатель на латинском языкѣ *Иорнад* (ум. 552 г.). Молодость свою он провел на Дунаѣ, при готском королѣ.

Свою исторію Готов он написал по сказаніям и преданіям. Он показал могущество Готов в 3 и 4 стол., особенно при кор. Эрманарикѣ (332—350); он первый произнес, что *Winidagum patio populosa*. Исторія Иорнада оказывается теперь недостаточною; он был мало образован, и исторія его не сочиненіе, а компиляція; открыт теперь и источник ея. Еще в 4 в. Кассіодор, писал исторію Готов. Кассіодора Иорнад и компилировал. Свѣдѣнія об современности прибавил как очевидец. Вот два важных сочиненія о Славянах.

Далѣе слѣдует ряд писателей, указывающих только на частные вопросы.

Агатіас (род. в 536 г. в Мал. Азіи) написал продолженіе Прокопія.

Менандер (594) продолжил Агатіаса. Он упоминает о королѣ славянском Лавритасѣ.

Важным источником может служить сочиненіе *Импер. Маврикія* жившаго в концѣ 6-го ст. (+602 г.). Он оставил тактику своего войска (другая тактика Льва VI, 911). В тактикѣ Маврикія есть глава о том, как надобно сражаться с Славянами и Антами; он описывает здѣсь и внутреннее состояніе народа. Народы славянскіе, говорит он, свободны, долготерпѣливы и без начальства. Если бы соединились они между собою, то Византія трепетала бы их.

Далѣ говорит о преданности жен их и пр. Отрывок этот припечатан к Древностям Шафарика.

В 7 в. (650 г.) сообщает свѣдѣнія о Славянах гальскій историк в Бургундіи *Фредегарій* схоластик. Он описывает войны с Аварами и говорит, что Славяне не могли выдержать натиска Аваров, п. ч. были раздѣлены. Потом он говорит, что негоціант *Сам* из Белгіи соединил славянскія племена в Краинѣ и Богеміи (между Лабой и Салой) и образовал государство. Фредегарь описывает народы в военном отношеніи. При поясненіи его, оказывается, что Славяне в 5 ст. дѣлали колоніи с ъвера в Бельгію и Англій; славянскіе торговые люди достигали даже Испаніи. *Лажанскій* привел множество слѣдов сношеній Славян, сношеній торговых и военных с разными народами. *Сам* из Славян и дал им примѣр перваго союза.

С 7-го столѣтія Славяне выступают в видѣ группы. С 678 г. у византійских хронографов появляются Болгары. Первый сообщившій свѣдѣнія о Болгарах, как они явились к Славянам и образовали государство,—это *Феофилакт Самокатскій* (629 г.), родившійся в Александріи и жившій в Локридѣ. У него о Славянах говорится под названіем — Болгар. Остались послѣ него письма и описанія, гдѣ он подробно описывает, что, когда Болгары явились, то Славяне были около Балкана.

Источником для этого времени служат еще разнаго рода легенды и преданія. Вопрос о приходѣ Болгар из легенд дѣлается яснѣе, особенно в легендѣ о *Димитріѣ Солунском*. В ней упоминается, что он был защитником Солуны (вѣр. она составл. в 7 вѣкѣ, рук. 12-го), когда Болгарам удалось захватить Солунь; в ней же упоминается и о народах славянских, которые дѣлятся на поколѣнія — Славян, Дреговичей, Берзитов. Далѣе говорится, что войти в сношенія с Греками, во время осады болгарской, можно было посредством славянскаго, болгарскаго и латинскаго языков.

Другой источник византійской и славянской исторіи

этого времени—это описаніе дѣяній *Импер. Ираклія* (710), когда Авары дѣлали послѣднія усилія господствовать на востокъ, а преемники Магомета основывали калифат. Сочинитель этого описанія — монах *Феофан Омологитис* (исповѣдник). Его повѣствованіе озаглавляется: описаніе осады Константинополя с помощью Славян; в нем описываются дѣянія болгарскихъ царей, господствовавшихъ в Мизіи и Фракіи.

Итакъ с 7 в. свѣдѣнія о Славянахъ увеличиваются, когда они начали сходиться в группы. Предѣлы, гдѣ Славяне находились в 7 в., подробно опредѣляются в исторіи Карловингов. Над Русью господствовали тогда Хазары; Сербы и Хорваты с галичскихъ земель переходят за Дунай. В это же время цивилизуются и Болгары; они дѣлаются союзниками императора византійскаго. В самомъ началѣ иконоборства господствовал Юстиніан II; онъ былъ низверженъ, но поддержанъ болгарскимъ царемъ; потомъ, когда Болгары жаловались на это, онъ снова пал и ушелъ в Херсон. Здѣсь легенды тоже представляютъ новые комментаріи.

Историки—продолжатели Феофана—это лѣтописцы, хронографы. *Георгій Сиккел* (800) и *Патріархъ Никифор* (828): Хроногр., идутъ до 10 в.

Мы такъ обр. познакомились со взглядами, почти всѣхъ историковъ того времени; всѣ они упоминаютъ о Славянахъ, но слово это еще неопредѣленно. Византійскіе географы не знали куда примѣнить извѣстное названіе народа; Македонію нпр., мѣшали с Фракіей. Уже в 8 и 9 ст. Македонія и Фракія заселены были Славянами, а Византійцы и теперь не хотѣли оставить прежняго своего дѣленія военнаго. Легіонъ обыкновенно назывался по провинціи, откуда онъ былъ набранъ, и мѣсто стоянія его получало тоже названіе. От этого естественно было произойти непроходимой путаницѣ.

В 9 в., во время споровъ Фотія с Папою Іоанномъ VIII, писалъ *Анастасій бібліотечарь*, (886). Онъ перевелъ Феофана и другихъ лѣтописцевъ греческихъ; при этомъ свои замѣчанія

довел до своего времени. Он сообщил свѣдѣнія и крещеніи Болгар и упоминает о своей дружбѣ с св. Кирилом.

Важнѣйшим источником для 10 ст. служат сочиненія императ. *Константина Багрянороднаго* (р. 905, ум. 959 г.). Он собрал в молодости огромное количество историческаго матеріала, а во время императорства разработал его. Это энциклопедія разнаго рода. В сочиненіи *de caerimoniis* есть извѣстія о Славянах. Но важнѣйшее для нас это сочиненіе его *De thematibus* (о лагерях), хотя оно вообще компиляція из Герокла *συνηδημος* 5 в. (485), но свѣдѣнія о Славянах Константин вписал, как современник и очевидец. В сочиненіи *De imperio administrando*, кромѣ выписок из Феофана Исповѣдника, есть и свои свѣдѣнія о Сербях, Хорватах, Болгарах и друг. Славянах. Здѣсь описан путь от Кіева до устья Днѣпра, о колоніях таврических и Херсонѣ. Рассказывает о Печенѣгах, что они, вступая в политическій союз, стремились и к родственному. Касается и внутренней исторіи Славян, упоминает о Готах, Моравах и запад. Славянах.

Комментаріем здѣсь служат тоже легенды греческія, как *Жизнь Іоанникія из Олимпна азіатскаго*, который жил 100 лѣтъ, видѣл нападенія Болгар и первые набѣги Русских; здѣсь упоминается Игарь, Болгары называются сродниками Угров. Источники эти дополняют и латинскіе лѣтописцы: из исторіи Меровингов и из западных легенд часто можно почерпнуть самыя любопытныя свѣдѣнія о событіях и происшествіях того времени.

За Константином слѣдует *Георгій Амартол* (грѣшник), из котораго черпал свои свѣдѣнія наш лѣтописец. Переводы Амартола были извѣстны у Сербов и Болгар. Кромѣ хроники свѣта, Георгій описал событія, какія он слышал, обращая вниманіе преимущественно на церковныя происшествія.

Малала в хроникѣ своей старался рассказать об обычаях разных народов и внес сюда нѣсколько свѣдѣній о Славянах. Замѣчательно, что он внес свѣдѣнія о Славянах

вслѣд за извѣстіями о персидской войнѣ и Александрѣ В. Хроника эта любопытна не столько в оригиналѣ, сколько в переводѣ, в который разныя свѣдѣнія внесены Славянами.

Для характеристики этого времени могут служить также *легенды*, напр. Дмитрія Солунскаго и др., в которых упоминаются вообще славянскія племена.

В настоящее время открывается новый источник для древностей. Теперь догадались, что византийскіе хроникеры—компиляторы. Говорят, что сочиненія свои они представляли в софійскую школу, гдѣ налагалась на них рецензія, и гдѣ придавали им декламаторскій характер. Здѣсь то вот и происходило смѣшеніе названій мѣстностей, о котором уже было говорено. Извѣстно, что в Македоніи уже давно были Славяне, но она всетаки слыла под названіем страны Мизов. Из разсмотрѣнія этого обстоятельства и оказалось, что кодекс Юстиніана был понятим только в городах Имперіи, а народ вовсе не был знаком с администраціею,—ему давалось собственное управленіе, что излагалось в новеллах. Многія *новеллы* потеряны, но нѣкоторыя отрывки их уцѣлѣли. Это тѣ, которыя служили дополненіем кодекса, когда он в 9-м вѣкѣ передѣлывался. В настоящем столѣтіи, с 58 г., в Геттингенѣ Захарія, стал издавать новеллы. При разсмотрѣніи их оказалось, что рядом с ними были другіе законы т. назв. *Leges barbarorum*. Собраніе законов новелл привело к важным результатам. Обзорѣніе их сдѣлал Француз Мортрель. Из этого обзорѣнія видно, что Греки знали законы, какія находятся в Рус. Правдѣ. Из них же видно, что Византийцы заботились только о финансах.

В 1100 г. жил еще один писатель византиец—*Аталіот*, который сознается, что Болгарами нельзя управлять, а возможно только собирать с них подать натурою.

Таким образом, *Leges barbarorum* и неизданные *новеллы* могут сообщить нам свѣдѣнія о том, как Византийцы управлялись с сосѣдними народами.

В числѣ историков XII в. (1108 г.) важен для нас *Зонара*, который обращал вниманіе на обычай народныя, в правленіе Комненов.

Из латинских историков до конца 6-го вѣка, важен извѣстный *Фредегарій*, который говорил о союзѣ Славян под предводительством Сама. Кроме того на западѣ есть много хороших *Annales*, в коих кое что упоминается и о землях, гдѣ жили тогда Славяне.

Из латинских лѣтописцев замѣтим: 1) *Павла Діакона* (Ломбардца, жившаго в 8 в. и писавшаго исторію Ломбардіи), 2) *Видукинда* (966 — 980), писавшаго исторію Саксоніи, 3) еще историка универсала — *Исидора Сивильскаю* в 7 в.

Хронографы эти писали хроники свои на богословском основаніи, — на видѣніи Данила о четырех царствах. Тотже порядок замѣчается и в наших хронографах. Еще важен здѣсь *Григорій Турскій* с своею исторіею франкской церкви. Извѣстно, что с 8 ст. Меровинги падают и возвышаются Пипины. У Григорія есть намек на их претензіи относительно сосѣдей, — на Далмацію. Далѣе *Эйнард* в *Vita Caroli* указывает на всѣ народы, и на Славян под вліяніем Карла.

Еще источник западный—это также легенды. Историки замѣчают, что когда восточная и западная церковь начали расходиться, легенды на западѣ появились в большом числѣ, особенно о первоапостолах наших Константинѣ и Мефодіѣ. *Первая біографія Кирилла и Мефодія* принадлежит Гавдерику (XI в.); она показывает, что Кир. и Меф. принадлежали западной церкви.

Анонимус Зальцбургскій показывает, что церковная исторія входила тогда и в императорскую политику. Он доказывает, что, когда Кирилл был епископом в Моравіи, часть моравскаго государства принадлежала к зальцбургской архіепископіи, и что Греки оттянули эту область в 10 в. Он доказывает также, что до 9 в. *litterae Latinae* господствовали в Панноніи, пока какой то Мефодій не внес туда гречеодія буквы. (Еще в 8 в. западная и восточная церкви спорили на

за Иллирика. Но, когда папа Николай объявил права свои на Болгарію, тогда загорѣлась непримиримая вражда изъ за всѣхъ югозападныхъ Славян).

В началѣ 18 ст. (1715), іезуитъ *Ричинутти* предложилъ издать легенды, но это предложеніе осталось безъ исполненія, и уже только в 1775 г. *Фарлатти* предпринялъ изданіе подъ заглавіемъ *Illyricum sacrum* (до 1818 г. напечатано 8 томов). В этомъ сборникѣ собраны документы историческіе только в пользу западной церкви.

Не смотря на то, онъ послужилъ важнымъ пособіемъ для разъясненія церковныхъ событій в Иллирикѣ. Для древностей славянскихъ не мѣшаетъ и имъ воспользоваться.

Вотъ всѣ источники до конца 10 вѣка.

Послѣ 10 ст., до 12 и 13, Славяне обособились в государства, которыя были в борьбѣ с германскимъ міромъ, отстаивая свои обычаи и права. Об этомъ свидѣтельствуетъ *Дитмар Мерзебургскій* (1018), историкъ. Онъ упоминаетъ о Славянахъ Полабскихъ, Полякахъ, Кіевѣ. О полабскихъ Славянахъ говоритъ *Гельмольдъ* священникъ босовскій в Вагріи (1168 г. *Chronicon Slavorum*).

Его хроника замѣчательна тѣмъ, что в ней говорится о тщетныхъ усиліяхъ Нѣмцевъ обратить полабскихъ Славянъ в христіанство. Здѣсь онъ представляетъ картину славянской мифологіи, и его можно сопоставить с Прокопіемъ. Далѣе о язычествѣ Славянъ говоритъ *Титмаръ*.

Кромѣ того есть еще два источника: *скандинавскія саги* и восточные историки.

1) *Саги* скандинавскія достигаютъ 6-го в. по Р.; изъ нихъ видно, что мы были в сношеніяхъ с Скандинавами, и что Скандинавы выводили своихъ боговъ изъ земли Азовъ или Асовъ, которая полагалась на восточномъ берегу Танаиса; в Астарѣ царствовалъ Одинъ, около Кавказскихъ горъ. Походы туда естественно должны были привести къ столкновенію со Славянами. Скандинавы знали и божества славянскія (впр. Freia — Vanadis). В 8 и 9 ст. у Асовъ славяне мудрецъ Квасиръ; были славянскіе жрецы и 12 святыхъ мужей — оруженосцы Одина. Составленіе сагъ относится къ 11 и 12 в.,

(Семундова 1090, Сноррова 1241, Саксона Грамм. Датск. сказ. 1203); что же в них по содержанию относится к 10 вѣку, то составляет дорогое достояніе наше. При помощи филологіи разобраны в них многія бытовья слова. Оказывается, что все лучшее перешло в Скандинавію с востока от Славян или Финнов.

Династія Рюрика жила около Славян и знакома была совершенно с языческою жизнію Славян.

2) С сагами впрочем нужно обходиться осторожно. Еще опаснѣе обращаться с восточными источниками напр. *Иби-Фоцланом*, *Массуди* и др. В настоящее время оказывается, что и они всѣ компиляторы. Из них полезно знать то, что вытянуто Френем.

Далѣе могут служить источниками *географіи*. Они служили пособіями Шафаріку.

Короля *Альфреда* (900) составлена по какому то старинному источнику, но в ней важно то, что Альфред о сѣверѣ помѣстил здѣсь свои собственныя извѣстія, заимствованныя им из рассказов современников его. Есть тут свѣдѣнія и о Славянах.

Найденная в Баваріи, в Мюнхенѣ, рукопись 9 в. принадлежит неизвѣстному. Под названіем *описанія славянскихъ городов* она издана Гр. Буа. Автор знает в 9 стол. у нас многіе города и говорит много о городах славянскихъ. Издал Шафар. в Др. Славян.

Сказавши об источниках, нужно указать, на *пособія*, которыя бы показали, как нужно пользоваться ими. В 18 столѣтіи возникла мысль, выштрудировать всѣх византійцев и сдѣлать из них извлеченія, касающіяся сѣвера. Но это тогда было еще не возможно в совершеніи. У нас в 18 ст. это дѣло поручено было *Стриттеру*, и он издал 4 т. *Метогіае роріологит*, в коем исторія Славян доведена была до послѣдняго времени, какого также достигают лѣтописцы визант. Но тогда много лѣтописцев еще не было открыто (нпр. Менандра, Льва діакона). Кромѣ того здѣсь нѣтъ параллельных мѣст. Кромѣ Стриттера имѣем еще превосходный труд, современный труду Шафаріка, — *Цейса*

(1837 года, München), баварскаго ученаго. Книга Цейса драгоценна тѣм, что представляет вышлифованный текст. 3-я доля его сочиненія посвящена Славянам или Виздам. Здѣсь указаны извѣстія византійскія, западныя и восточныя.

Славянскіе источники.

Они должны служить центральными источниками; только нужно пользоваться ими со вниманіем, потому что в них много забыто и пренебрежено по вліянію византійской цивилизаціи.

Еще и до лѣтописцев, вѣроятно, были у нас какія нибудь преданія. С тѣх пор как явилась у нас письменность (а она явилась в 9 в.), было уже стараніе замѣчать прошедшее. Самая потребность объяснить свое состояніе при помощи переводов заставляла допытываться до состоянія других народов. В переводах замѣчаем и собственныя вставки переводчиков. Мысль эта недавняя. Шафарик говорит, что в рукописях много еще можно найти вставок. Тоже говорит и Горскій, и он дѣйствительно нашел: в рукописи перевода Григорія Богослова говорится о присягѣ, и тут же переводчик прибавляет полный обряд присяги у Славян. Горскій нашел тоже слѣды престолонаслѣдія у Хазаров и у Славян. Поэтому справедливо сказал Копитар, что еслибы мы знали всѣ свои рукописи, были бы *fortunati*—счастливыми. Итак вся наша старая письменность *есть источник славянских древностей*. Возможны ли были у нас еще лѣтописцы, кромѣ извѣстных?

Возможны, но нельзя сказать, чтобы они были чисто-славянскіе. Кажется, что, когда к 9 вѣку образовалось царство болгарское, потребность переводить пробуждается (Малала, Амартол). Кромѣ того в письмах *патріарха Николая к болгарскому царю Самеоку* говорится: *ты сам вникай в исторію*.

В началѣ письменность была под вліяніем Греков, и свой преданія естественно должны были уничтожиться при

величавости греческих, римских и библейских. Собственно болгарских летописей, кроме переводов, не найдено. Впрочем есть и об них предание. Когда в XIII в. один из Асфонов (Калоян) стал сноситься с папою Иннокентіем III, он говорил, что желая короны, он желал бы доказать, что он потомок Римлян (Romani): *inquisivi antiquorum postrogum scripturas et libros...*

Если же это он пишет, то тѣм указывает на документы до 10 в. Папа говорит, что царь Симеон был в сношеніи с папами и на это были документы. Другое преданіе тоже вѣроятно XIII в., — в болгарском номоканонѣ говорится: „каждо рече, икоже рече Іоаннъ Асень царь, иже въ летописци написано“. В переводѣ *Манасіи* для болгарскаго царя Александра, говорится и о походѣ Руссов.

В *Синодикахъ* еще сохранились списки царей болгарских и патріархов. Потом еще есть два—три документа, и только.

Но есть надежда открыть летописцев — в Молдавіи и Валахіи.

Когда болгарское царство уничтожено было султаном, боярство болгар уходило в Молдавію и Валахію и навѣрное захватывало с собою рукописи. Там по Карпатам и теперь много монастырей, которые богаты грамотами, и разными документами и книгами. В XV и XVI ст. все славянское стало пренебрегаться в пользу румынства. Поэтому вѣроятно, что памятники болгарскіе переложены на молдавскій текст. Есть еще предположеніе, что Молдавы и Валахи владѣют свѣдѣніями о славянствѣ. Они находились между разными народами и испытывали разныя вліянія. Так что, может быть, есть у них документы, касающіеся и нас. Так есть у них летопись Манасіи, переведенная с греческаго у нас в 14, а у них в 16 вѣкѣ с славян., со вставками, гдѣ Славяне названы Шкіяу; есть вставки и об исторіи болгарской.

Обратим вниманіе на перевод Малалы (Малала жил при Юстиніанѣ). Цѣль его хроники представить в связи событія династій до Юстиніана. Так как эта лето-

пись служила болѣе комментариемъ для Библии, то она сдѣлалась книгою необходимою для изучающихъ св. писаніе, — называлась палеею. По образцу ея у насъ явились лѣтописи-палеи, и эти палеи были энциклопедіею для Славянъ. Тамъ кромѣ библейскаго повѣствованія о происхожденіи міра, приведены мнѣнія о томъ же и языческихъ философовъ, къ чему Славяне, вѣрно, не были равнодушны. В палееѣ есть свѣдѣнія и объ насъ, которыми воспользовался Несторъ. (Сочинитель палеи, передавая свѣдѣнія объ Александрѣ и Троѣ, въ концѣ этого повѣствованія говоритъ о Скифахъ.) Палеею нужно дорожить. Но если греческій текстъ изданъ неправильно, что же желать отъ славянскаго? (Князь Оболенскій о палееѣ въ предисловіи къ переславо-суздальск. лѣтописцу).

Кромѣ преданій, кромѣ переводовъ лѣтописцевъ, Болгары имѣютъ въ послѣднихъ вставки, гдѣ стали они отыскивать событія до временъ христіанства — это богатый источникъ для бытовой исторіи.

По отношенію къ *Сербамъ* болѣе открыто свѣдѣній, чѣмъ по отношенію къ Болгарамъ; впрочемъ документы ихъ относятся къ болѣе историческому времени. Есть одна, довольно загадочная лѣтопись, вѣроятно, относящаяся къ 12 в. Эта лѣтопись принадлежитъ неизвѣстному *Дуклянскому священнику, обыкновенно называемому: Anonymus presbyter Diocleati* (1161). (Далмація долго помнила о Діоклитіанѣ, — онъ построилъ здѣсь *Palatium*, изъ котораго сдѣлался городъ *Spaletum*; построилъ онъ также городъ Діоклею, теперь село Подгорица. Здѣсь то вотъ и группировались славянскія преданія. Цари сербскіе Нѣманичи вышли изъ Діоклеи (Дукля), и здѣсь же какой то понъ написалъ свою хронику по глагольски. В 15 вѣкѣ Дубровчане (въ Далмаціи) имѣли эту хронику, и вотъ Марко *Марулич* (1510), писатель далматинскій перевелъ ее съ глаголицы на латинскій языкъ; но переводъ его былъ причиною потери подлинника. В 16 в. она была переведена на хорватскій языкъ, и съ тѣхъ поръ служила пособіемъ для историковъ, особенно для *Мавро Орбини*. Lucius собралъ лѣтописи далматинскія.

И такъ, Сербы имѣютъ свою лѣтопись далматинскую или

дуклянскую. Обращаясь к этому документу, как историческому труду, ученые доказывают, что, во времена составителя летописи, романская цивилизация подавила славянскія преданія. В ней повѣствуется о событіях с 4 в. по конец 10 в. Здѣсь видно раздѣленіе Славян на общины, но автор не различает народностей, смѣшивает готскую исторію с славянской, отчего он и Готов считает Славянами. Хронологія сбивчива, так что не возможно было узнать времени правленія королей. Впрочем, хорошо и то, что мы по крайней мѣрѣ знаем по ней имена разных королей сербских. Гильфердинг добыл и по ней указаніе на раздѣленіе серб.-хорв. племени на жупы.

Кромѣ этой летописи всѣ остальные познѣйшія. Но и в этих летописях есть кое что касающееся древняго времени. Дошли до нас также маленькія летописи, и они теперь издаются. Сербы имѣли еще *официальныя летописи*. С воцареніем Нѣманичей явилась потребность писать государственныя летописи, которыя состояли в панегириках. Они назывались *родословниками*, или цароставниками. Эти цароставники были образцом и для наших степенных книг, возникших в 14—15 ст. от святителей, пришедших к нам из Болгаріи и Сербіи (Григорій Цамблак). В них, конечно, нельзя искать исторіи народа, но были бы они полезны, еслибы издать их (рукоп. в Карловцах).

Далѣ замѣчательны: жизнь царя Симеона, сочиненіе *Св. Саввы*, сына его (1210 г.) и черноризца *Дометіана* (1264) житіе св. Симеона и Саввы. Оба эти сочиненія—лучшіе источники для бытовой исторіи Славян.

Затѣм могут служить источниками—разныя *біографіи* и *житія*, входящія в цароставники: онѣ раскрывают борьбу удѣльныя и стремленіе к государственному единству.

Сербы кромѣ того имѣют еще документы, так называемыя *записи*, вѣроятно, *церковныя*. Они достойны замѣчанія. Гильфердинг открыл по ним, что до царей Нѣманичей, борьба с западом и богомилъская ересь здѣсь разстраивали бытъ народный.

Русскіе источники должны бы занять первое мѣсто по многочисленности племени. Но лѣтописаніе в Россіи началось с половины 11 ст. Нѣкоторыя преданія, внесенныя сюда, основывались впрочем на записках.

Проникнутый византійским духом, *Нестор* всетаки рассказал нам кое что о бытѣ всѣх Славян; до 11 вѣка он сохранил характер общеславянскаго лѣтописца, и таким образом он первый универсальный историк. Хотя *Нестор* сказал болѣе о бытѣ славянском, чѣм другіе, однако нельзя довѣрять ему во всем, — он слишком отдѣлил себя от народа. У него были общіе с византійцами взгляды на урядицу Славян, иноземных князей (земля наша велика... прійдите), он выражается одипаково с западным лѣтописцем, повѣствующем о призваніи Бриттами Англоv и Саксов. Здѣсь тот и другой становятся на византійскую почву, уважая византійскій принцип государства; от того они и неупоминают о борьбѣ Славян с государственностію. Таков взгляд Куника. И так, мы смотрим на *Нестора* как на пересказывателя взглядов византійских и римских. Впрочем, еслибы мы имѣли не столь позаніе списки лѣтописи то, может быть, нашли бы в ней болѣе подробностей о славянском бытѣ, которыя постепенно сгладились к 14 вѣку.

Пока не найдено древнѣйшей рукописи, можно думать, что *Нестор* о народной жизни говорил подробнѣе. Преданіе об Андрѣ Первозванном херсонское; значит, он пользовался и греческими источниками, апокрифами; *Нестор* указывал на отношеніе Славян к кельтическим народам и азіатским, как же не знать ему подробнѣе быта своего народа?

Изданій 3: 1 Тимковскаго — Суздальск. спис. Лаврентіевскій 1816 г. 2 Мяклошича, текст издан по сличеніи всѣх вариантов. 3. Археографической Комисіи.

Кромѣ *Нестора*, историк может пользоваться многими источниками: азбуковниками, приписками к книгам и пр.

Чехи и Поляки, находясь в связи с Европою, должны

бы много знать, но кромѣ преданій устных они менѣе дали нам свѣдѣній о древнем бытѣ.

Чехи. Не смотря на поэтическія памятники, которые уже были у них в 14 ст., у них ходило множество преданій, которых однакож ученые не могли оцѣнить, встрѣчая препятствіе в классическом культѣ. Лѣтопись Чехи имѣют от *Косьмы Пражскаго* (1045—1125). Его культура была высокая, и хотя он повторяет много саг, но не вѣрит им. Начиная с 6 в. всѣм свѣдѣніям он придает мало вѣроятія. С 9 в. он излагает быт достовѣрный. На бѣду он принадлежал к одной партіи, которая была против Папы Григорія VII. И хотя он был приверженцем многих православных обрядов, все таки он пользовался взглядами общими с средневѣковыми западными историками. Засматриваясь на общеевропейскія событія, он оставил мало свѣдѣній о Славянах. Так он не довѣрял преданіям, а их у Чехов было много — в слѣдствіе борьбы с нѣмцами. Чешскіе короли покровительствовали нѣмцам, держали их при дворѣ. Чехам это не нравилось, и вот они в стихотвореніях выражали ненависть свою к нѣмцам. Мотив этой ненависти выражен в Крадедворской Рукописи, составленіе которой относится к 12 и 13 ст., и в Судѣ Любуши.

Кромѣ того у них есть теперь и разные другіе памятники: *Легенды* о Кириллѣ и Мефодіи, *Вячеславъ* (10 вѣка); св. *Людмила* и о св. *Прокопѣ* (1030 г.), защитникъ славянскаго богослуженія. Здѣсь тоже есть кое что, указывающее на славянскій быт.

В 14 ст. был историк, увлекаемый борьбою с рыцарями, *Далимил* (1310). Он написал хронику чешскую в стихах. Как Чех, он защищал Славян от нѣмцев. Он, по преданію, рассказывает про борьбу их, начиная с 6-го вѣка. Много украшивает, повѣствуя о какой то борьбѣ дѣвиц; говоря о борьбѣ родов чешских, придерживается нѣмецкаго престолонаслѣдія.

Далимил представляет нам комментаріи на Нестора и Константина, рассказывая, что Чехи вышли с востока из Сербіи. Это поясняет преданіе Нестора о жилищѣ Сербов

в западной Россіи. А что были у Чехов сношенія с русскими, видно из буллы Григорія VII епископам чешским, которою запрещаются сношенія с Русью.

Поляки. Польскій народ возникал незамѣтно. Достоверная исторія его начинается уже с 10 вѣка с Мячеслава. До сего же времени судьба его связана была с Чехами и Полабами. С Мячеслава господствует здѣсь западная виѣшняя культура.

Преданія польскія упоминают о сношеніях с Галліей. Виножник лѣтописи польской *Викентій Кадлубек* (1220). Он описал польскія событія до 1203 г. Здѣсь он поглотил еще древнѣйшаго *Матвья герба Холъва*. Они исторію начали с Александра Великаго, потом повѣствовали о Лешках и наконец перешли к дѣйствительным событіям. Они, рассказывая о борьбах Славян с Галлами, прирочивают эти событія только к Полякам. Слѣдовательно в них нельзя найти исторической подлинности. Только изслѣдованія Лелевеля и Шафарика, при помощи Нестора, проясняют нам взгляд на них. Но ним вообще всѣ Славяне помнили о сношеніях своих с Кельтами; Матвѣй Холъва знаком был с Юстином, сократителем Трога Помпея, и всѣ свѣдѣнія его о Славянах приурочил к Полякам. Мацѣвскій доказал, что когда то полабскій язык соединился с польским (?) и многія саги полабскія сосредоточивались в Польшѣ: о Кракѣ, Попелѣ, Вандѣ. Таким образом исторія их сложилась из латинских и из славянских преданій.

Поляки имѣют еще историка не поляка в *Мартинъ Галль* (Gallus) (1110). Разказы свои он преимущественно посвятил современным событіям при Болеславѣ Храбром; выяснил борьбу сословную и отношенія к другим племенам.

Кромѣ этих, можно упомянуть кратких лѣтописцев: нпр. *Боуцвала*, еписк. краков. (1255), *Дзержсу* (1296 г.); описывая современное, они знали кое что и древнее. Сюда же относятся и русскіе источники и преимущественно легенда нпр. о *Моисель Уринь*, жившем при дворѣ Болеслава. Легенда эта хорошо характеризует тогдашній польскій быт придворный. До какой степени Поляки пользовались нашими

источниками, это видно из *Длугоша* (1415—1480), у которого все достоверное взято из Нестора.

Поморскими и *полабскими* летописцами мы мало можем пользоваться, но мы имѣем проверенные документы 12, 13 и 14 ст., нпр. открытые недавно *документы Лейпцига* дают кое что для выясненія давняго быта Славян, когда то обитавших там.

За недостатком подлинных исторических свидѣтельств, мы должны при изученіи обращаться к юридическим памятникам.

Юридическія источники.

Законодательства славянскія состоятъ из сбора собственных законов и обычаев, вмѣстѣ с повліявшими на них чужеземными обычаями. Это вліяніе между прочим, указывает на взаимность нашу с другими народами. Мы знаем, что сами византійцы желали управлять своими провинціями, собирая туземныя обычаи и примѣняясь к ним. С новеллами открыты были и новыя постановленія, которыя указывают на бытъ Славян; когда открыты были лонгобарскіе законы и готскіе, стали предполагать, что были законы и у других народов, подвластных Византіи. *Константин* прямо говорит, что Сербы управлялись законом и обычаями. *Михаил Аталіот* (11 в.) говорит, что, когда были покорены Болгары, нужно было сообразоваться с их обычаями. У *Свидаса* есть извѣстія с 9 и 10 вв. касательно законодательства Болгар, словарь его сдѣлан из разных комментаріев, и вот здѣсь упоминается о *Крумусѣ*, который был законодателем Болгар. Собирают обычаи и поздніе, в которых тоже много важнаго. Из этих собраній видно, что чужое стоит изолировано, свое же комментируется, объясняется законами других племен. Правда Русская объясняется во многом сербским законом, напр. постанов. о сводѣ. Преданія о 12 мужах поясняются сербскими и чешскими законодательствами. Законник убѣждает нас в существованіи тогда потребности славянской взаимности. Таким образом в тѣх законах встрѣ-

чаем остатки общих старых обычаев, которые были уже и в Правдѣ.

Таким образом законодательства наши указывают на стар. сборники, Законы Душана комментируют Русскую Правду. Мацѣвскій предполагает, что Венгры и Нѣмцы в своем правѣ многое заимствовали от Славян. Что Венгры подвержены были вліянію Славян — это правда. Жупное право сохранилось у них дольше, чѣм у Славян. Мацѣвскій говорит, что и *Магдебургское право* и *Зерцало Саксонское* пропитаны славянскими законами; тоже в обычаях *Гамбурга* и *Любека*, так как эти города возникли на почвѣ славянской. Все, касающееся повинностей, было славянскаго характера, так как Славяне были здѣсь подчиненным классом. На этом то Мацѣвскій основывает свое объясненіе — почему так рано нѣмецкіе законы (магдебургское право) проникли даже до Пскова, и почему Новгородцы легко принимали законы ганзейскія.

Болгары. Мы не знаем основательно администраціи древних Болгар. Они не приводили в порядок законов своих. Мы знаем только, что при обычном правѣ у них сильно распространены были законы византійскіе. Первые собиратели своих законов это *Русскіе* и *Сербы*.

Первая редакція *Рус. Правды 11-го в.* По Р. Пр. мы оцѣниваем другія славянскія законодательства. Правда, что в Рус. Пр. находится много германских элементов; но замѣчают, что этот упрек можно сдѣлать и другим законодательствам, потому что всѣ народы в первоначальных потребностях сходны между собою.

Собственно славянскіе законы в Рус. Пр. в настоящее время почти выяснены *Калачевым*.

По отношенію к *Сербам*, знаем, что и у них были в 12 и 13 в. попытки собранія; в 14 вѣкѣ при *Стефанѣ Душанѣ* (1356), явился полный сборник. Он примѣчателен по своей гуманности (?). Он указывает на племенные различія,

чрезвычайно подробно говорит о повинностях и обязанностях.

Замѣтно, что законник Душана был под разными вліяніями, и между прочим под вліяніем феодальных учрежденій, которыя явились здѣсь в славянской передѣлкѣ. В законникѣ упоминаются провіары, т. е. низшіе вассалы, меропхи — крестьяне.

Думают, что у Славян распространилось феодальное право послѣ взятія Константинополя 1204 Латинами.

Законник не обнимает всѣх обычаев сербских, да он и не мог объять всего сербскаго права. Это главный его недостаток. По этому он нуждается в комментаріях. В *грамотах* сербских болѣе законов, постановленій и обычаев, чѣм у Душана.

Мы не будем говорить о Славянах, принадлежащих к системѣ других государств. Так нпр. *Кроаты* в 11 в., присоединились к Венгріи, и их обычаи вошли в венгерское законодательство. *На югѣ* нѣтъ кодексов, но за то там открывается много *статутов отдѣльных общин*. Они подтверждают предположеніе, что, Славяне хотя соединялись с другими государствами, удерживали однакож права общин. Этому предположенію дало повод коммунальное право городов в Далмаціи и Кроаціи. Они всегда стремились к независимости. *Спалатро* всегда имѣл свое коммунальное право. В нем между прочим видны слѣды муниципій римских, и это доказывает борьбу элементов славянских с римскими. Открыты также законы других общин и сел, между прочим Винодольской долины около Фиуме (Рѣки) в Кроаціи. Здѣсь много отдѣльных общин. Они сами постановляют себѣ права касательно мести, суда и расправы. Всѣ их законы составили цѣлый законник *Винодольскій*. Наконец открыты законы одной общины, которая существовала под названіем *великаго княжества Полицкаго* в горах Далмаціи повыше Зары. Это великое княжество было присоединено к Венеціи до 1807 г., а в 1807 г. полицкій князь заключил договор с русским правитель-

ством против Франціи, и это было причиною паленія его. Княжество управлялось извѣстными законами, отличающимися символичкой. Характер правленія был полуристократическій и полудемократическій. Высшее сословіе считало себя венеціанскими дворянами, а низшее—Славянами. Старшины выбирали великаго князя, который управлял на основаніи законов 14 в., писанных буквицей. Всѣ эти права общин составят важный комментарий для древностей.

Чехи первые пробудились к составленію законодательства. Замѣтно, что у них были свои старыя постановленія, но они слабѣли от давленія римскаго права. Законодательство, сдѣланое в 11 в. представляет смѣсь, но Чехи писали к этому законодательству комментарий, гдѣ больше славянскаго, чѣм в законах, собранных в 14 в. *Андреем из Дубы*: „Объясненіе к чешскому праву“. Здѣсь мы видим объясненія на римское право и на Законник Душана. Кроме того есть у Чехов менѣе обширные юридическіе документы. Они имѣют свое феодальное право. Чехи имѣют своих комментаторов, толкующих свои обычаи.

В *Польшь* уже рано являются законы, но они смѣсь своего с чужим. В 1450 г. Поляки вздумали перевести на польскій язык законник *Казимира Великаго*. Но он, кажется, в родствѣ с законодательством западных госуларств. Польскіе законы всегда находились под вліяніем римскаго и германскаго права, и потому они не могут служить источником для славянских древностей, исключая развѣ чисто славянскаго элемента. Поляки усвоили и терминологию римскаго права, так что ученым трудно разобрать, что в них славянскаго.

Правда, доказывают, что и у них были славянскіе обычаи и права, но все это подавлено римским правом и тевтонским.

Литовскіе законы тоже в нѣкотором смыслѣ могут служить источником для древностей наших.

Раскрыть и изучить документы эти и права—вот пер-

вая задача послѣ языка для познанія быта Славян. За 25 лѣтъ мало было извѣстно обо всем этом. В настоящее же время есть довольно полныя собранія в этом родѣ. В 1841 году православный священник проник в *архив рагузинскій*. Там с 11 до 15 ст. Рагузинцы переписывали кирилловскими буквами *грамоты*; их найдено до 100. Грамоты на Аѳонѣ открыл Порфирій. Мы имѣем полныя *собранія их*. Лучшія: *Миклошича* 1859 г. *Monumenta Serbica*. Новѣйшіе путешественники и доселѣ открывают и печатают их в *Гласникъ*. Они очень обогатили нас теперь своими находками.

У Болгар первое изданіе было в Одесѣ, Априлова; оно не много обнимает документовъ, но и по ним можно уже судить о византійском вліяніи.

У Чехов и *Мораван* лучшія изданія: *Бочка* (с 9-го вѣка до позднѣйшихъ времен), *Палацкаго* („Архив чешскій“), Эрбена и Эмлера.

У Поляков самое знаменитое изданіе графа *Рачинскаго*.

У Русскихъ: изданіе *Археологической комиссіи*. Но до сих пор не было отдѣльных изданій с филологическими и юридическими комментаріями; за то имѣем множество диссертаций. В 57 г. найдены в Ригѣ и изданы *договорныя грамоты Новгорода* и *Пскова* с ганзейскими городами. Наконец в Одесѣ издана псковская судная грамота Мурашевичем. Энгелман сличил её с Русскою Правдою. (В судной грамотѣ есть много загадочнаго).

Мы болѣе гадаем о бытѣ Славян, чѣм представляем его достовѣрную исторію. Наука славянскихъ древностей служитъ только приготовленіемъ к ней. Но уже с 34 г. стали появляться довольно важныя руководства, толкующія бытъ славян; напримѣр *Мацьевскаго* Исторія законодательства славянскаго. Здѣсь есть указанія на всѣ древности; но у него много утопій, произшедшихъ отъ излишняго патріотизма и от рамок, которыя онъ напередъ построилъ. Сверхъ того онъ внесъ сюда много личнаго; в филологическихъ толкованіяхъ его много натяжекъ. Нпр. община по польски

называется *gmina*, — он толкует что это слово от славянского *kmen*.

К источникам древностей можно отнести еще: *преданя, пьски, пословицы и сказки*.

Что касается *пословиц*, то их раздѣляют на юридическія, семейныя и историческія. Раздѣлив по предметам, *Челяковскій* издал их в 1849. Истолкованіе и изъясненіе их сдѣлано *Сильверевым*. Но это изъясненіе не удовлетворительно. Первую попытку изъяснить пословицы в бытовом отношеніи сдѣлал *Буслаев*. Каждый народ славянской собирал свои пословицы — у Сербов В. Ст. *Караджич*, у нас — *Даль*, у Чехов *Ганка* и *Челяковскій*.

Пьсней собрали много. Собирали: у Болгар, — *Веркович*, у Сербов *Караджич*, у Чехов *Эрбен*, у Поляков *Кольбер*, Южнорусскія — *Головацкій*, Великорусскія — *Рыбников*.

При изученіи пьсен в бытовом отношеніи оказывается, что наши обряды служили источником для них. При изъясненіи отношенія их к быту, к мифологіи, к гражданской дѣятельности, изслѣдователю нужно имѣть много смѣтливости.

Лучшее толкованіе пьсен в бытовом отношеніи *Срезневскаго* и *Афанасьева* (о зооморфических божествах у Славян), который издал теперь свои бытовые изслѣдованія. В колядках и субботках — кромѣ мифическаго обряда, выступает драматическая форма. По этим пьсням можно узнать наше распредѣленіе времени в житейском отношеніи. Все это обратило на себя вниманіе ученых и изучается. Замѣчательно изслѣдованіе *Эрбена* об исчисленіи времени у Славян, здѣсь между прочим говорится и об обрядах соединенных с ним.

Изученіе *сказок* и *повѣстей* обратило на себя вниманіе и раскрыло вліяніе на них западных идей и ученій религиозных, через пропаганду христіанских миссіонеров. Сверх того в сказках и повѣстях есть свидѣтельства о бытовых и социальных отношеніях наших. Звѣри сказочные характеризуют здѣсь людей. Таким образом в цѣлой литературѣ повѣстей отражается быт наш. Кромѣ того у нас есть цѣ-

лыя повѣсти из эпохи крестовых походов, которыя, вѣроятно, пришли к нам из Сербіи (Бова королевич).

Но сказки и повѣсти тогда бы с пользою мы могли изучать, когда бы извѣстны были нам их оригиналы. *Пыпин* сдѣлал обзорніе их, но и до него был ученый, который старался систематизировать их (*Макаров*). *Пыпин*, доискиваясь источников сказок, указал на матеріал, который представляют нам индійскія сказки „панча татра.“

Из сказок мы видим, что народы общались между собою, в них мы находим и указанія на характеры народов. Есть сказки, гдѣ народы называются именами звѣрей. Есть также преданія об религіозных отношеніях народов. По сказкам мы можем собирать свѣдѣнія этнографическія и мифологическія.

Обработку наших сказок представляют *Афанасьев* и *Худяков*. Кромѣ нас и каждый народ имѣет свои сказки и изъяснителей их. Таков *Эрбен*, сопоставившій сто славянских сказок. Читая сказки, мы сомнѣваемся, чтобы нам не извѣстны были преданія других народов; видно, что взгляды и понятія разных народов поподнялись одни другими. Таким образом сказки теперь служат не для сказок, а для собранія матеріалов по быту Славян. Воспользовался ими *Гануш* для мифологіи. Но он не мог различить истиннаго от подложнаго т. е. того, что вносилось издателями в тексты. Сдѣлавши общее обзорніе их, он представил взгляд свой на историческое движеніе мифологіи.

(Продолженіе будет).

БІБЛОГРАФІЯ.

Филологическія Записки. Журнал, посвященный изслѣдованіям и разработкѣ разныхъ вопросовъ по языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіям. Изд. А. Хованскимъ. Годъ семнадцатый. 1878. Воронеж. Вып. I—VI.

Много конечно нужно было имѣть энергіи, преданности и любви к дѣлу, чтобы начать и вести научное филологическое изданіе в провинціальном и при том не университетскомъ городѣ в теченіи семнадцати лѣтъ. Просматривая погодно Филологическія Записки за все время их существованія, с 1862 по настоящій год, легко замѣтить, что будущность этого изданія долго не опредѣлялась. Положеніе ихъ в 60-хъ годахъ было видимо шаткимъ, колеблющимся. Толщія книжки, малое количество серьезно научныхъ статей, недодача NN, иногда соединеніе двухъ выпускомъ в одинъ—все это свидѣтельствовало о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя на своемъ пути должна была преодолѣвать редакція. С каждымъ годомъ однако силы изданія крѣпли, и мало по малу стойкая редакція обезпечила своему журналу прочное существованіе. Нельзя не порадоваться тому и не пожелать почтенной редакціи Ф. З. все большихъ и большихъ успѣховъ. Г. Хованскій своимъ изданіемъ принесъ не малую пользу русской наукѣ. В его журналѣ находили себѣ пріютъ научные труды многихъ лицъ, начинавшихъ свою ученую дѣятельность, и—время от времени—появлялись статьи ученыхъ с болѣе или менѣе авторитетными именами ¹⁾.

¹⁾ Изъ извѣстныхъ нашихъ ученыхъ особенно много вкладовъ в Ф. З. сдѣлалъ А. А. Потебня, напечатавшій в этомъ изданіи значительную часть всего написаннаго имъ. Такъ в Ф. З. между прочимъ

Сверх того, наше образованное общество не может не быть благодарно г. Хованскому за то, что в журналъ его были помѣщены переводы нѣкоторых замѣчательных лингвистических трудов западно-европейской литературы. Очень жаль, что за послѣдніе годы стѣна переводов почти совсѣм устранин из Фил. Зап. Нечего успокаиваться на той мысли, что имѣющіе потребность в знакомствѣ с специальными произведеніями запада, прочтут их в подлинникѣ. Великій народ должен заботиться об усвоеніи своей литературы всего лучшаго, являющагося в литературах других народов. У нас много знающих иностранные языки, но не особенно много знающих эти языки на столько, чтобы читать безразлично поэта или ученаго в подлинникѣ или в переводѣ на свой язык. Переводы замѣчательных специальных сочиненій, без всякаго сомнѣнія, много и сильно содѣйствуют к возвышенію уровня образованія и развитія читающей части общества. Весьма и весьма немногіе даже из серьезно образованных людей читали — хотябы и частію только — напр. *Geschichte der Deutsche Sprache* Гримма, или его *Deutsche Mythologie*; еще меньше таких, которые хотя бы заглядывали только, напр., в *Compendium Шлейхера* ¹⁾; между тѣм будь эти сочиненія переведены на русскій язык, с ними ознакомились бы относительно многіе.

он помѣстил слѣдующія болѣе или менѣе цѣнныя и важныя статьи свои: О полногласіи (1864), О звуковых особенностях русских нарѣчій (1865), Замѣтки о малорусском нарѣчій (1870), Из записок по русской грамматикѣ Ч. I. Введеніе (1878), К исторіи звуков русскаго языка (1875), Замѣчанія на Слово о полку Игоревѣ 1877—8.

¹⁾ И Исторія нѣмецкаго языка Гримма и *Compendium Шлейхера* Ф. З. начали было переводить, но почему то перевод остановился на первых страницах этих трудов. Слѣдовало бы продолжать. И теперь не поздно. Мы полагаем, что продолженіем и окончаніем перевода названных трудов редакція Ф. З. принесла бы болѣе пользы нашей наукѣ и ближе подошла бы к своим цѣлям и задачам, чѣм предпріятым ею изданіем Сборника классических иностранных произведеній.

Конечно, число читателей лингвистических трудов и тогда было бы не велико, но важно уже и то, что оно было бы больше чѣм в настоящее время. А перевести слѣдовало бы многое: IV том Сравнительной Грамматики славянских языков (Синтаксис) Миклошича, его же Lautlehre der alt-slawischen Sprache в новом (3-м) изданіи, нѣкоторыя статьи из Archiv'a Ягича, Zur Geschichte des Indogermanischen Vocalismus II. 1875, Шмидта, Abriss der Sprachwissenschaft Штейнталя, Die Sprachwissenschaft, Wytnei's Vorlesungen и пр. и пр. Объем переводимаго труда не должно отпугивать от него переводчика и редакцію. Не бѣда если перевод затянется и на нѣсколько лѣт. Увеличеніе капитальнаго научнаго иноземнаго труда своей родной литературѣ — заслуга, повторям, важная; и такъ как в программу Ф. З. входят переводы, то желательно чтобы они по примѣру прежних лѣт, появлялись в них¹⁾.

В восточном 1878 году в Ф. З. напечатано лишь нѣсколько переводных страниц (продолженіе біографіи Андерсена, в приложеніи къ I вып.); в теченіи всего года, слѣд. печаталось статьи оригинальныя. Между ними важнѣйшія — это статьи о Словѣ о полку Игоревѣ А. А. Петсони и А. И. Смирнова и Чтенія о старо-чешской письменности В. В.

¹⁾ В объявленіи об изданіи журнала в 1879 г. редакція оповѣщает читателей, что онъ полученъ и будет напечатанъ перевод Громова „Сравнительной Грамматики церковно-славянскаго языка“ Шлейхера, с пополненіями и объясненіями переводчика. Под „Сравни. грам. ц. сл. яз.“ здѣсь, конечно, слѣдуетъ разумѣть Formenlehre der alt-kirchenslawischen Sprache. Давно пора этому прекрасному труду появиться на русскомъ языкѣ. Перевод его будет несомнѣнно полезенъ многимъ, в особенности преподавателямъ старо-слав. языка в нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Что до пополненій и объясненій переводчика къ названному труду Шлейхера, то они, конечно, могутъ быть нужны и ненужны, полезны и бесполезны, смотря по ихъ качеству; но, каковы бы они ни были, необходимо, чтобы они стояли отдѣльно отъ текста перевода, а не вносились в него, какъ когда то пополненія и объясненія г. Лавронка къ Псалмъ о языкѣ Макса Мюллера. (Ф. З. 1866).

Макушева. Статьи эти начаты печатаніем в 1877 г., а в 1878 закончены и выпущены отдѣльными книгами. Отъѣзду их отлагаем до слѣдующаго №.

М. К.

Archiv für Slawische Philologie unter mitwirkung von A. Leskien und W. Nehring herausgegeben von V. Jagić. — 3-er Band., 1-es und 2-es Hefte.—Berlin. 1878.

Жаль, что это столь цѣнное и важное для славянской науки изданіе предпринято г. Ягичем не тогда, когда он был профессором Новороссійскаго Университета, а тогда, когда он занял кафедру в Берлинском; т. е. жаль, что Архив издается на нѣмецком, а не на русском языкѣ. Это наше сожалѣніе раздѣлят впрочем далеко не все русскіе ученые. Есть между ними не мало таких, которые даже предпочтут нѣмецкій спеціальнй орган такому же русскому. Нам приходилось не раз слышать, что писать исключительно по русски значит осуждать себя на безвѣстность. Так говорят одни, не скрывая тѣх побужденій, которыя заставляют их печатать свои труды на иностранных языках. Другіе приводят иное основаніе для оправданія нѣмецких и французских изданій на русскія средства, нѣмецких и французских книг, составленных русскими силами: эти языки имѣют де мировое значеніе; книги, написанныя по нѣмецки или по французски, доступны всем, не исключая и образованных русских; строго спеціальныя труды назначаются не для русских только, а для всего міра; ergo, они должны печататься на одном из важнѣйших языков запада, а не на русском, который для западных ученых доступен лишь в рѣдких, исключительных случаях.

Нам такая забота об удобствах ученых запада кажется, по меньшей мѣрѣ, наивною. По нашему мнѣнію, мы имѣем не только право, но и обязанность заботиться в подобных случаях прежде всего о себѣ самих. Что русскій язык не имѣет мирового значенія, как языки французскій и нѣмецкій—это вѣрно; но вѣрным считаем и то, что он мо-

жет и должен получить такое значеніе. Одно из условій к тому мы уже имѣем — это наша политическая сила; но это условіе, само по себѣ, никогда не будет достаточным для того, чтобы поставить русскій языкъ в рядъ міровыхъ языковъ: на міровое значеніе можетъ разсчитывать, само собою разумѣется, лишь тотъ языкъ, на которомъ создалась богатая литература вообще, научная в частности. Очень понятно, что сосредоточеніе наукъ в кругу немногихъ—двухъ-трехъ языковъ—можетъ облегчить развитіе обще-человѣческаго знанія, какъ и наоборотъ—разбросанность научныхъ трудовъ по разнымъ языкамъ и нарѣчіямъ является тормазомъ этого развитія. Но великій по своему политическому значенію народъ, главный представитель одной изъ многочисленнѣйшихъ расъ индо-европейскаго племени, — русскій народъ не можетъ и не долженъ поступиться значеніемъ своего языка для удобствъ и выгодъ другихъ націй.

Что до тѣхъ ученыхъ (по преимуществу математики, медики и естествоиспытатели), которые думаютъ скорѣе добыть себѣ безсмертіе, печатаясь по французски или по нѣмецки, и боятся остаться непонятыми и неоцѣненными, издавая свои труды по русски, то едва ли ихъ мнѣнія стоятъ серьезнаго опроверженія. Наука запада не спитъ, и ея представители слѣдятъ зорко за всѣмъ, что является замѣчательнаго в какой бы то ни было странѣ, на какомъ бы то ни было языкѣ. Можно быть увѣреннымъ, что важный научный трудъ — будь онъ изданъ не только на русскомъ, но хотя бы то на черемисскомъ языкѣ,—замѣтятъ и оцѣнятъ на западѣ. Можетъ быть не такъ скоро, какъ бы то желалось иному славолюбивому автору, но все таки замѣтятъ и оцѣнятъ.

Сторонники изданія на иностранныхъ языкахъ русскихъ и славянскихъ специальныхъ трудовъ, могутъ в свою пользу приводить лишь одинъ серьезный доводъ: это сомнѣніе в томъ, что специальное изданіе на русскомъ языкѣ разоидется в необходимомъ количествѣ экземпляровъ. В самомъ дѣлѣ: вознаградились ли бы издержки столь специальнаго изданія, какъ Архивъ Ягича, если бы изданіе это выходило на русскомъ языкѣ? С увѣренностью отвѣтить на этотъ вопросъ — утверди-

тельно или отрицательно—можно, конечно, только на основании опыта ¹⁾).

Итак, считаем ненормальным издание на немецком языке журнала, посвященного разработкѣ славянской филологіи. Но если обстоятельства сложились так, что журнал этот должен был или издаваться на немецком языке, или не издаваться вовсе; то нужно только порадоваться тому, что он издается, и пожелать ему полных успѣхов и долгаго существованія: за трехлѣтній промежуток времени Архив Ягича успѣлъ сдѣлать уже не мало цѣнных вкладов в славянскую науку.

Журнал издается томами, по три выпуска в каждом. Третьяго тома (1878 г.) вышло пока только два выпуска ²⁾ Представляем здѣсь краткій обзор их содержанія.

Anecdota paleopolonica (С. 1 — 56) *Калины* (*Kalina*).

¹⁾ Частію к разрѣшенію этого вопроса может послужить и наш личный опыт. Хотя в Р. Ф. В. введен, как приложение, и педагогическій отдѣлъ; хотя слѣд. журнал этот и не является на столько исключительно специальным, как Архив Ягича; тѣм не менѣе узкая программа главной части его — научнаго отдѣла—повидимому не всѣми одобряется. Так тифлисская газета „Обзор,“ говоря о нашем изданіи, замѣтила, что ограничивать задачу журнала разработкою вопросов славянской филологіи „значит заниматься гробокопательством“ (!). Так, может быть, думают и многіе. Таже газета замѣчает, что, ограничив свою программу кругом славянской филологіи, мы осуждаем себя на незначительное количество подписчиков. Без всякаго сомнѣнія, чѣм шире программа журнала, тѣм шире может быть круг его читателей. Тѣм не менѣе, в видах пользы дѣла, мы желали бы не выходить за черту отмежеванной нами для себя области знанія.

²⁾ По крайней мѣрѣ в Варшавѣ получено пока только два, что еще не служит, впрочем, ручательством за то, что не вышел и третій. Не смотря на то, что до границы из Варшавы, что называется „рукой подать,“—научныя новости запада нередко дѣлаются здѣсь известными прежде, чѣм, напр., в Харьковѣ и даже Казани.

Под этим общим заглавіем автор намѣренъ представить рядъ сватей о старинныхъ неизданныхъ польскихъ рукописяхъ, опредѣляя правописаніе ихъ и характеризуя языкъ ихъ со стороны звуковъ, формъ, синтаксиса и лексикона. Первая статья изъ этого ряда занята разсмотрѣніемъ рукописи о мученіяхъ Христа, относящейся къ 1544 г. и хранящейся въ петербургской публичной библиотекѣ. Авторъ считаетъ эту рукопись спискомъ, копіей, оригиналъ которой относится къ болѣе раннему времени. Сдѣлавъ общія замѣчанія о памятникѣ и опредѣливъ употребленіе въ немъ буквъ, авторъ переходитъ къ подробному описанію его съ указанныхъ сторонъ. Въ описаніе это входитъ рядъ пояснительныхъ замѣчаній. Данныя памятника сопоставляются съ соответствующими данными другихъ старо-польскихъ памятниковъ, иногда съ явленіями ново-польскаго, а изрѣдка привлекается къ сравненію и старо-славянское нарѣчіе. Статья г. Калины можетъ быть во многихъ отношеніяхъ полезна для изучающихъ старо-польскій языкъ, хотя новыхъ чертъ языка она почти не представляетъ. Какъ ни исключительно новую можно указать лишь на одну черту: окончаніе *my* вм. *m* въ 1 лицѣ ед. ч., чаще всего имѣющее мѣсто въ формахъ глагола *быти*: *увету* (Joseph) *w grob kroy polozilem go* (Christum)... *oycze któres my dal nie-strasciłemtu sspnychъ pyeiednego* и т. п. Эти формы напоминаютъ старинное русское *есми*. Интересенъ, какъ матеріалъ для историческаго словаря польскаго языка, перечень замѣчательныхъ по образованію и употребленію словъ и глоссы переписчиковъ рукописи къ словамъ подлинника (С. 5, 44—66).

Uber das polnische part. praet. act. auf—szy (67—76) *Вилата* (Pilat). Рѣчь въ статьѣ идетъ о формахъ прич. дѣйств. прошедш. вр., подобныхъ *rzeklsely*, *spadlszy* и т. п. Малецкій (Gram. jez. polskiego С. 143) объяснял ихъ черезъ смѣну *w* на *l* изъ формъ *spadwszy* и т. п. Последнія формы, — хотя онѣ въ нѣкоторыхъ старинныхъ памятникахъ изрѣдка и встрѣчаются, — какъ и первыя, неорганичны и условлены ложною аналогіей (*spadwszy* и *spadlszy* вм. *spadszy* = съпадши). Авторъ названной статьи отмѣчаетъ даже (изъ живаго не литературнаго польскаго языка) формы: *zrobiłszy*,

uscinił-szy, как фактъ воздѣйствія грамматической рефлексии на развитіе языка. Формы на -łszy, вм. -szy, не встрѣчаются, как доказываетъ автор, ни в рукописяхъ ни в печатныхъ польскихъ книгахъ до половины XVII ст. и только около половины XVIII ст. начинаютъ онѣ вытѣснять старинныя органическія формы, устанавливаясь окончательно в концѣ XVIII и началѣ XIX в.

Etimologie von Žďár (76—78) Gebauera (Gebauer). Часто встрѣчающееся в чешскомъ языкѣ мѣстное названіе Žďár авторъ объясняетъ изъ z-žag (Brand, incendium), понимая первую часть этого сложнаго слова, какъ видоизмѣненіе старославянскаго предлога съ или изъ. Возможность перехода z-ž (з-ж) въ ž-d (ж-д) доказывается аналогическими случаями изъ старославянскаго и чешскаго: старославянское ижденъ вм. изженъ, чеш. rožďi вм. rožďi (rozha, старославянское раждіе вм. разжіе разга), mižďiti вм. mizžiti (mizha, ст. сл. мѣзга), možďenice вм. mozženice (mozh, ст. сл. мозгъ), ст. чеш. zabřežděníe вм. zabřežžení (dilu-culum, ст. сл. брѣзгъ), Draždany (Дрезден) вм. Drazžany (ст. сл. дрезга—silwa) и т. п. Производство žďár изъ z-žag доказывается весьма вѣроятно и со стороны значенія этого слова, по аналогіи съ словомъ пасѣка (па-сѣка). Пасѣка отъ посѣшти, посѣкати означаетъ собственно вырубленный лѣсъ. Хотя со временемъ на мѣстѣ вырубленныхъ деревьевъ появляется новая, молодая растительность, но имя пасѣки остается и за нею. Разчистка лѣсныхъ пространствъ производилась не только топоромъ, но и огнемъ: лѣсъ не только рубали, но и выжигали. Выжженное мѣсто получало названіе z-žag, которое за нимъ оставалось и впоследствии, какъ имя пасѣка за мѣстомъ, гдѣ былъ вырубленъ лѣсъ ⁽¹⁾. *Zur Kritik der kürzeren Legende (vom h. Clemens (79—83) Leskiena (Leskien).* Есть два греческія житія св. Климента: одно — пространное издано Миклошичемъ, другое — краткое

¹⁾ Ср. замѣчанія того же автора о словѣ Žďár в ж. Listy filologické a paedagogické 1877 г. Стр. 307—9 и замѣтку о томъ же Орта (Orth) в томъ же изданіи 1878. Стр. 217—18.

В. И. Григоровичем, который извлек ее из найденнаго им в Охридѣ пролога (синаксарь) (XIII—XIV в.). Последнее напечатано было в Ж. Мин. Нар. Пр. 1847. N. 1. В нем замѣчательно слѣдующее мѣсто о св. Климентѣ: ἐσοφίσατο δε καὶ, χαρακτήρας ἐτέροισι γραμμάτων πρὸς τὸ σαφέστερον ἢ διὰ ἐξῆραν ὁ σοφὸς Κυρίλλος (придумая другія начертанія письмен для большей ясности, чѣм тѣ, которыя изобрѣлъ мудрый Кирилл). Это мѣсто краткаго житія дало, какъ извѣстно, повод нѣкоторымъ ученымъ, а между ними знаменитому Шафарыку, утверждать, что Кирилл изобрѣлъ глагольское письмо, а Климент то, которое называется кириловскимъ. Принять такое мнѣніе можно было бы, разумѣется, лишь в томъ случаѣ, если бы было несомнѣнно доказано, что краткое житіе составлено раньше обширнаго. Но сравнивая эти два житія, Лескин справедливо приходитъ къ выводу прямо обратному. Замѣтимъ, что сравненія житій и вывод изъ этого сравненія в пользу большей древности пространнаго житія были уже дѣлаемы и раньше Лескина (не только Гильфердингомъ, о которомъ упоминаетъ Лескин, но раньше—болѣе полно и обстоятельно—Викторовымъ, статья котораго (Лѣтописи русской литературы и древностей Тихонравова 1859. Кн. IV) ему, по видимому, была неизвѣстна).

Bemerkungen zur Svarabhaktifrage. 186 — 94) Лескина. Сварабакти—терминъ индѣйскихъ грамматиковъ. Шмидтъ примѣняетъ его къ тому часто замѣчаемому в русскомъ языкѣ (и предполагаемому этимъ ученымъ для древней поры и в другихъ славянскихъ) случаю, когда за плавнымъ звукомъ (р, л), стоящимъ передъ согласнымъ, возникаетъ гласный, равный гласному, предшествующему плавному (съльньце изъ съльньце, голова изъ голва и т. п.). Свое пониманіе этихъ случаевъ Шмидтъ развилъ во II части замѣчательнаго труда, издавнаго имъ в 1875 г.: *Zur Geschichte des Indogermanischen Vocalismus*. Положенія этой книги нашли себѣ не мало и сторонниковъ и противниковъ. Рядъ замѣчаній на теорію Шмидта былъ уже представленъ Ягичемъ в его Архивѣ (1-er B. 3-я H. 1876: *Über einige Erscheinungen des Slavischen Vocalismus*. Ср. отвѣтъ Шмидта на эту статью, по-

мѣщенный в *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* Kuhn'a. В. XXIII, 5-es Heft. 1877). Лескин в вышеназванной статье, не входя в разбор и оценку положеній Шмидта, указывает на два явленія—одно из области русскаго, другое лужицкаго нарѣчя,—не согласныя с теоріей, развитою Шмидтом.—1) Шмидт думает, что русскіе итеративные глаголы, имѣющіе в корнѣ *оро*, *оле*, правильно писать через *ора*, *ола*, как во 2-й так и в 1-й их степени: хоранить, а не хоронить; полашанить, а не полашать и т. д. Но допускаемая Шмидтом форма хоранить вызывает предположеніе о параллельной ей формѣ *берьгати*. Шмидт дѣйствительно принимает существованіе такой формы, думая, что между *брѣгж* и *брѣгаж* первоначально, по отношенію к коренному гласному звуку, существовало тоже различіе, что между *грѣж* и *грѣблю*, т. е. что *рѣ* в *брѣгж* возникло чисто механическим путем из *ере*, *ер*, а *рѣ* в *берьгаж* явилось через возвышеніе *ере* (*берегу*, не *берьгаю*). Но если в *ь* возвышается *оторе* в формы *ере* (и в *а* второе о формы *оро*), то значит измѣненію подвергается главный вторичный, относительно послѣдній. Но это значило бы, что *эварабати* утвердилось в языкѣ раньше образованія форм итеративных глаголов 1 степени. Возможности этого Лескин не допускает. Самыя формы с *ора* и пр. вмѣсто *оро* и *ир*. в таких глаголах он отрицает. Отрицаніе свое он основывает на слѣдующем. При образованіи итеративных глаголов 1-й степени коренной гласный звук возвышается лишь в том случаѣ, когда корень оканчивается на один согласный: *ноу-ити*—*ноуш-ати*; если же корень заканчивается на два согласных, то возвышенія или протяженія кореннаго гласнаго не бывает: старославянское *длѣб*—*длѣбати*, *врѣг*—*врѣгати*, рус. *долг*—*долгати*, *толн(нуть)*—*толкати* и т. д. Тоже в итеративных 2-й степени. Если русскій язык в этих послѣдних имѣет *а* не только в случаях как *обнащивать* (*нес*—*нос*), но и в случаях, как *выдѣлблывать* (*дѣлб*—*долб*—), то *а* в этих послѣдних случаях может объясняться только аналогіей с первыми. Это спеціально-русское явленіе, относящееся к тому времени, когда в гла-

гольных корней уравнился с *o*: дѣлбить — долбить — выдалб- ливать, как носить — вынашивать. Так и полашивать, хора- нивать по аналогіи с говаривать. Но полашать (корень с двумя конечными согласными — полх), согласно с ска- занномъ выше, невозможно; как дѣлбить, дѣлбать, долбить — долбать, так и полошить — полошать. Польскія глагольные формы, как *wtgasac* объясняет Лескин также дѣйствіем ана- логіи.—2) В области лужицкаго нарѣчія Лескин останав- ливается на слѣдующемъ явленіи. В верхне-лужицкомъ, по- слѣ *k, t, p* перед небными гласными *r* переходит в *ř*, произносимый как *š* или — послѣ *t* — как *vj*; послѣ других согласных *r'* (пишется *r* или *ry*) остается: *křičeć* (кричать), но *britej* (бритва) и т. п. Но и послѣ *k, t, p, r* в соче- таніи *re* остается неизмѣннымъ, если это сочетаніе возникло из первоначальнаго *er*: *prědni* (передній), *trěs* и *trzeć* (тереть) и т. п. В нижне-лужицкомъ, послѣ *k, t, p*, обра- щается *r* в *ř* перед *сьми* гласными, но лишь в том случаѣ, когда *r* изначально слѣдовал за согласным; когда же соче- таніе — согл. + *r* + гл. образовалось из сочетаній — согл. + гл. + *r, r* остается неизмѣннымъ: *kšaj* (край), *kšet* (=крѣть) *ršawu* (правый); *ršowo* (просо) и т. п., но — *krōwa* (корова) *prog* (порог), *prjedny* (первый) и т. д. Почему же слова, в ко- торых *r* первоначально слѣдовал за гласным не измѣняют *r*? Шмидт объясняет лужицкое *re, ro* из *ere, oro*. Можно бы, опираясь на это мнѣніе, утверждать, что именно глас- ный звук, нѣкогда находившійся между начальными в сло- вах *k, t, p* и *r*, устранял необходимость смягченія послѣд- няго. Но такое утверженіе равнялось бы признанію того, что отпаденіе перваго *e* или *o* в сочетаніях *ere, oro* со- вершилось в нижне лужицкомъ позже измѣненія в *š* зв. *r*, стоявшаго изначально непосредственно за согласным; т. е. это утверженіе предполагало бы, что в ниж. луж., напри- мѣр, *ršowus* (спрашивать) уже существовало, когда *rogowe* еще не превратилось в *rgowe*. Против этого предположенія говорит исторія лужицкаго нарѣчія, на сколько она извѣст- ная: в Новом Завѣтѣ Якубица ¹⁾ находим *rogus, prawu* —

¹⁾ 1548 г. См. Archiv 1-er B. 2-es H.

с одной стороны, *proch, strona*—с другой. Слѣд. современныя н. лужиц. формы как *ršocus, ršawu* принадлежат к относительно позднему времени. Смягченіе *r* в *ršocus* и под. и несмягченіе его в *ršose* и под. Лескин объясняет неодинакою качественностью *r* в тѣх и других случаях. В заключеніе он высказывает предположеніе, что при разсмотрѣніи явленій, относящихся к так называемой сварабакти, быть может, слѣдует остановиться на вопросѣ: не разнилось ли вообще *p* (*r*), стоявшее между гласным и согласным в корнѣ, от того *p* (*r*), которое изначально слѣдовало в корнѣ за согласным.

Über eine Berührungspunkt des altslovenischen mit dem litauischen Vocalismus (95—107). В Ягича (*V. Jagić*). Как извѣстно, в старо-слав. *ь* может быть или ослабленіем *e*, слѣд. звуком категоріи *a*, или ослабленіем *u*, слѣдовательно звуком категоріи *u*. Такому двоякому значенію старо-слав. *ь*, Ягич показывает соотвѣтствіе в ближайше родственном славянскому языку литовском: как *ь* в слав. так краткое *i* в литовском принадлежат и категоріи *i* и категоріи *a*, являясь ослабленіем *e*. Такой переход *e* в *i* часто замѣчается в формах литовских глаголов, которые в наст. вр. сохраняют *e*, а в прошедшем имѣют *i*: *bredu*, но *bridau*. В старо-слав. немного прямо соотвѣтствующих этому явленію, но однако оно встрѣчается: лит. *weŭku-wiŭkau* слав. *влѣкъ* (из *велкъ*)—*извьлькъ*, *облькъ*, *свьлькъше*, *обльченъ*. Соотвѣтствіе слав. *ь* литовскому *i* имѣет мѣсто и в тѣх случаях, когда *ь* стоит при плавных — *p, k*; в большинствѣ случаев в литовском находим *ir, iŭ*, гдѣ в ст. сл. *рь, ль*: *wirbas-врѣба, wirszus-врѣхъ, girnas-жръны, pirnas-пръвый; wilgints-влъгъкъ, pilnas-плънъ* и. т. п. Такія формы литовскаго и славянскаго указывают на общія им первичныя формы с *er* (*ep*), *eŭ* (*eŭ*). И так, как литовское краткое *i* так и славянское *ь* во мпогих случаях являются результатом конечнаго ослабленія основнаго *a*. Близкое соотвѣтствіе представляют литовскія звуковыя формы славянским и в том случаѣ, когда при литовских является в славянском не глухой, а чистый гласный: *wagnas-ворон-*

вранъ, wartai-ворота-врата, gardas-город-градъ, galwa-голова-глава и т. д. Это соотвѣтствіе Ягич понимает так: литовскому *ar* соотвѣтствует в славянском *or*, из котораго в русском *oro*, в ст. сл., вслѣдствіе перестановки, *ra*. Гдѣ нѣтъ перестановки (случай, когда за *or* слѣдует гласный звук), там и в слав. сохраняется *or*: *ardau-ardyt* — орить, раз-орить. Так и *er*, *eĭ*, когда нѣтъ перестановки, сохраняются; при перестановках же дают в ст. сл. *rĕ*, *lĕ*: *elnis*-елень, *erszketis*-ерошка, но *wersme*-врѣло. И так на мѣстѣ литовских *ar*, *aĭ* находим в славянском или *or*, *ol*, или *ra*-оро, *la*-оло (ст. сл. и рус.); на мѣстѣ литовских *ir*, *iĭ* слѣдует в слав. ожидать, как выше и сказано, *rĕ* (*ѣр*), *lĕ* (*ѣл*). Однако такого постоянного соотвѣтствія литовским крайним ослабленіям основных *ar*, *aĭ* славянскіе языки не представляют. В старо-сл. памятниках встрѣчается на ряду и *rĕ* и *рь*, и *lĕ* и *ль*. В русском при *r* и *o*==*ъ* и *e*==*ь*, но при *l* по преимуществу *o*==*ъ*, слѣд. *ol*==*ѣл*. Ягич для древнѣйшей поры слав. яз. принимает во всѣх случаях формы с *rĕ* (*ѣр*), *lĕ* (*ѣл*), в соотвѣтствіе с литовскими *ir*, *iĭ*; формы же с *rĕ* (*ѣр*) и *lĕ* (*ѣл*) объясняет через измѣненіе, совершившееся в нѣкоторых случаях уже в отдаленной древности, *ь* на *ѣ*. Вѣрность этого послѣдняго предположенія нам кажется весьма сомнительною. Сам г. Ягич признает, что не легко указать на тѣ причины, которыя способствовали к превращенію *ь* в *ѣ* (106). Ничем не доказано, что славянскій язык начал свое отдѣльное существованіе с глухими звуками, хотя и вѣроятно, что глухіе появились в нем уже в праславянскую эпоху. Возможно, что была в этой эпохѣ и такая пора, когда существовали в языкѣ *or*, *ol*, *er*, *el*, из которых затѣм развились *ѣр*, *ѣл*, *ѣр*, *ѣл*. Несомнѣнно, что литовскому *ir* соотвѣтствует славянское *ѣр*; но возможно, что в то время как литовское *ar* через ступень *er* выработало только *ir*, в слав. основное *ar*, через ступени *or* и *er* дало и *ѣр* и *ѣр*. Г. Ягич предполагает, что при перестановкѣ славянскіе *or*, *ol*, *er*, *el* дали *ra* (*оро*), *la* (*оло*), *rĕ* (*ере*), *lĕ* (*еле*) и что гдѣ не было причин к перестановкѣ *or*, *er*, *ol*, *el* удержались. Но если *or* и *pr*. при перестановкѣ превращались в *ra* и

пр., то почему при той же перестановкѣ (вѣдь нельзя же на *рз* и пр. вм. *эр* и пр. смотрѣть только как на факт графики) не произошло возвышенія или протяженія глухих? С другой стороны, не всегда, при отсутствіи перестановки, в слав. *ор*, *ол*, — возможны и *ар*, *ал*: плама=поломя, но палить а не полить, хотя за плавным и слѣдует гласный звук. Возможно поэтому что в древнѣйшую пору праславянского языка в нем были сочетанія не только *ор* и пр., из которых развились *эр* и пр.; но и *ар* и пр., из которых развились *ра* и пр.

Spuren der stammabstufenden Declination im Slavischen und Litauischen (108—111) Лескина. Слова *день* и *елень*, относимыя обыкновенно к темъ на *i*, принадлежали по мнѣнію автора первоначально к согласной темѣ: в старинныхъ памятникахъ род. ед. этихъ словъ имѣетъ окончаніе *е*: *дьне*, *елене*. И. Миклошичъ разсматриваетъ эти слова в отдѣлѣ согласнаго склоненія (при образцѣ *камы*), но не выясняетъ ихъ форм (Vergl. Gr. III. 52—3). Лескинъ для объясненія этихъ форм допускаетъ существованіе в слав. яз. слабого согл. склоненія, которое от полнаго различалось тѣмъ, что в суфиксѣ, образующемъ слово, выпадалъ гласный звукъ. Суф. слова *день*, по мнѣнію Лескина не *нь* (какъ думаетъ Миклошичъ. Vergl. Stammbildungslehre. 119), а *ан*. Корень див + *ан*=диван=дивы=двы. Род. п. *двѣне* (а не *двѣне*), откуда *дѣне*. Изъ имен. *двы* явилось *дѣнь* по аналогіи съ косвенными падежами. Если корень этого слова не *див*, а *ди*, то *ди*+*ан*=диан=дыа, род. *дѣне* (а не *дѣне*). Слабое согласное склоненіе Лескинъ допускаетъ и в именахъ темы на *р*: формы *братъ* (*братръ*) и *сестра* вм. *братеръ*, *сесера* (*сестра*=*сес-т-ра*: *т* вставное, какъ в *ос-т-р*, *с-т-руя*) предполагаютъ формы согласнаго склоненія не—*братере*, *сесере*, а *братре*, *сестре*.

Die Fälschungen in den Mater verborum der Prager Codex (112—123) В. Яшча. Статья написана по поводу изслѣдованія о *Mater Verborum* А. Пачеры (Рус. Ф. В. 143—8). Авторъ признаетъ, что глоссы поддѣланы в близкое к намъ время. Поддѣльщикъ, по его мнѣнію, владелъ

грамматическими свидѣніями в славянских языках; должен был быть филологом—не в родѣ Добровскаго, а в родѣ Ганки.

Über Legjan grad der Serbischen Volks-poesie (124—130) Ст. Новаковича (St. Nowakowić). В сербской народной поэзии встрѣчается иногда собственное имя legjan, ledjan, леѣан то как названіе города, то как имя короля. Над происхожденіем этого слова и опредѣленіем дѣйствительной мѣстности, им обозначаемой, останавливались уже не раз ученые. Г. Новакович доказывает, что Legjan, Ledjan означает Поляка. Поляк по мадьярски lengyel. Сербы узнали Поляков при посредствѣ Мадьяр. Король польскій и венгерскій Владислав, убитый при Варнѣ 1444 года, называется одним из сербских хронистов „Ledjanin“ (конечно, при посредствѣ мадьярскаго обозначенія національности Владислава *Lengyel* (=Legjanin, т. е. Поляк). Борьба Владислава с Турками и его смерть в бою с ними, конечно, должны были сдѣлать его имя популярным между Сербами. Но впоследствии, когда память о нем и о связанных с его именем событіях затемнилась в средѣ сербскаго народа, явились неопредѣленные представленія о королѣ или банѣ Леджанѣ или даже о городѣ того же имени.

Über die Natur einiger Laute im Russischen (138—151) Грота. Ср. „Замѣтки о сущности нѣкоторых звуков русскаго языка“ его же в XXXI т. кн. II Записок Академіи Наук.

Das Böhmische: kluku klukowska, chlape borowa, ty vole volska, to je kún léniva u. ö (134—138) Прусика (Fr. Prusik). Несогласованіе в таких случаях прилагательнаго с существительным автор признает лишь кажущимся. Эти прилагат. на а он объясняет фонетически, допуская, что у (ы) превратилось в *ay=aj*, а *j* этого сочетанія с теченіем времени отпало. Объясненіе это, конечно, может признать вѣроятным лишь тот, кто признает возможность превращенія у (ы) в *aj*.

о же зна
чима!

Всѣ означенные здѣсь статьи (и—сверх того—ряд мелких замѣток и рецензій) принадлежат первому вы-

пуску Архива. Не менѣе если не болѣе, богат содержанием и 2-ой вып. этого изданія. В нем помѣщены слѣдующіе статьи: Zur Lehre von den sprachlichen Neubildungen im Litauischen. *Брикнера* (*Dr. A. Brückner*) (233—311 неокончена); Wie lautete ж bei den alten Bulgaren (312—357) *Яшица*. Über einige Erscheinungsarten des slawischen Palatalismus (358—371 неокончена) *А. Потебни* ¹⁾. Ein weiterer Beitrag zur Betonung im kleinrussischen. *Верхратскаго* (381—413) ²⁾. Die serbische Volkslieder über die Kossowo-Schlacht *Новаковица* (413—462) ³⁾. Über die Namen für Polen und Lechen. *Неринга* (*W. Nehring*) (463—479). Das Wort kry, krew im altpolnischen. *Его же* (479—484). Обзор этих статей отлагаем, по недостатку мѣста, до слѣдующаго № Вѣстника ⁴⁾.

¹⁾ Эта статья напечатана в Archiv'ѣ в сокращеніи; в полном видѣ она появится въ нашем изданіи.

²⁾ Раньше о том же предметѣ была помѣщена в Archiv'ѣ статья *Ганкевича* (*Hankiewicz*). Archiv II В. 1 Н.

³⁾ Ср. сочиненіе того же автора Српске народне пјесме о боју на Коссову, у Београду, 1878, 8^о, - С. 177.

⁴⁾ По той же причинѣ до слѣдующаго N отлагается обзор статей, по языку и литературѣ, помѣщенных в 1878 году, и в других періодических изданіях—русских и иностранных.

Разныя извѣстія и замѣтки.

Весною нынѣшняго года предполагается отпраздновать юбилей 50 лѣтней ученой дѣятельности нашего знаменитаго слависта Измаила Ивановича Срезневскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что празднество это будет встрѣчено с глубоким сочувствіем среди образованных людей всего славянскаго міра и даже за предѣлами его: будущій юбиляр давно уже приобрѣл себѣ европейскую извѣстность своими многочисленными и важными научными трудами. Полный список этих трудов (составленіе котораго ко дню юбилея было бы весьма желательно) должен представить собою краснорѣчивѣйшее свидѣтельство неуспяной и многообъемлющей дѣятельности почтеннаго академика.

А. А. Потебня изготвил уже вчераѣ сочиненіе „О видах русскаго глагола.“ Быть может, этот новый и — без сомнѣнія — важный труд почтеннаго ученаго появится на страницах нашего изданія.

Проживающій в Россіи воспитанник пражскаго Университета, Чех Свобода, нашел в имѣніи князя Горчакова пергаменный отрывок евангельских чтеній, писанных в XIII ст. в Перемышлѣ. Краткое извѣстіе об этом памятникѣ г. Свобода уже сообщил в Московских Вѣдомостях и чешской газетѣ Рокрок; подробное описаніе памятника обѣщано им для нашего изданія.

Печатавшееся, в теченіи нѣскольких лѣт, в Филолог. Зап. сочиненіе А. Смирнова „О словѣ о полку Игоревѣ“ издано отдѣльно в 2 выпусках: I. Литература Слова со времени открытія его до 1876 г., II. Пересмотр нѣкоторых вопросов. Этот труд представлен автором в Новороссійскій Университет, как магистерская диссертация.

Печатавшіяся в этом же изданіи в 1877—8 г. статьи В. В. Макушева, изданы также отдѣльною книжкою под заглавіем „Из чтеній о старо-чешской письменности“ I—IV (стр. 84 + XVIII. — Цѣпа 1 р.). В книжкѣ этой разсмотрѣны: Пражскіе глагольскіе отрывки, Згорѣльскіе отрывки Евангелія от Іоанна, „так называемая“ Зеленогорская рукопись и чешскія глоссы к *Mater verborum*. Древнѣйшим из этих памятников автор признает отрывки Ев. от Іоанна, относимые им к XIII ст.; пражскіе глагольскіе отрывки он отчисляет к XIV в., в Глоссах же и в Зеленогорской рукописи (Суд Любуши) видит поддѣлку нынѣшняго столѣтія.

Как на поддѣлку, совершенную при том Ганкой, смотрит на чешскіе глоссы в *Mater verborum* и пр. Ламанскій. Такое свое мнѣніе о них он развивает и доказывает в статьях, печатаемых им в текущем году в Журн. Мин. Нар. Просв. Напечатано уже три статьи (№№ 1, 2 и 3). Онѣ представляют собою введеніе, в изслѣдованіе и разбор глосс. Как отнесется пр. Ламанскій к вопросу о степени подлинности к древности других старо-чешских памятников — Зеленогорской и Креледворской рукописи — в своих послѣдующих статьях, можно догадываться теперь уже, по самому заголовку, который он дал своему изслѣдованію: „*Новѣйшіе* памятники древне-чешскаго языка.“

Не держатся у нас изданія, посвященныя библіографіи: в началѣ текущаго года прекратилось изданіе Указателя по дѣлам печати. Он существовал всего только два года. С половины февраля явился однако новый библіографическій журнал: „Россійская Библіографія“ (см. программу в отдѣлѣ объявленій). Совѣтуем редакціи этого изданія 1) обратить болѣе вниманіе на отдѣл рецензій, отзыовов о новых, болѣе важных книгах; 2) печатать постоянно, как то дѣлалось „Указателем,“ перечень статей, помѣщаемых в періодических русских изданіях. Сильное развитіе у нас

журнальной литературы обязывает библиографическое издание неустанно слѣдить за ней.

В 30-х и 40 годах наши журналы отличались особенно полною отдѣлов критики и библиографіи. Рѣдкое явление — как бы оно ни было малозначительно — ускользало тогда от обозрѣвателя текущей литературы. С 50-х годов начинается упадок этих отдѣлов в русской журналистикѣ. Не только маловажныя, но и болѣе или менѣе крупныя литературныя и научныя явленія ею часто не замѣчаются и не отмѣчаются. Поэтому потребность в изданіи специально посвященном критикѣ и библиографіи чувствовалось давно уже. Нельзя не привѣтствовать с особенным удовольствіем появленія „Критическаго Обзорія,“ с начала текущего года издаваемаго в Москвѣ проф. В. Миллером и М. Ковалевским. Изданіе это посвящено исключительно оцѣнкѣ сочиненій, относящихся к области наук историко-юридических, философских и лингвистических. Журнал выходит 2 раза в мѣсяц выпусками от 2 до 4 листов. При таком объемѣ журнала, его программа является, по нашему мнѣнію, через чур обширною. Болѣе двадцати наук введено издателями в программу Кр. Обзор. (см. отдѣл объявленій 1 № Р. Ф. В.). Едва ли возможно будет на 60—70 листах дать сколько нибудь обстоятельныя отзывы о всѣх тѣх, стоящих вниманія, трудах, которые в теченіи года могут явиться по каждой из наук, входящих в программу „Обзорія.“

(Г. Гильтебранту).

Во 2 № журнала „Древняя и новая Россія,“ в отдѣлѣ „Замѣтки и новости,“ помѣщена, между прочим, статья, озаглавленная „По поводу изгнанія буквы ѣ.“ Автор этой статьи, г. Петр Гильтебрант, очевидно, писал ее не в спокойном состояніи духа. Он и сердится, негодует, и пытается острить, и на что то намекает, и вызывает

к „великим умам“ (К. Аксакову и Гильфердингу) и—искажает факты.

По мнѣнію г. Гильтебранта я отнесся к вопросу о ѣ „с удивительною легкостью.“ „Для Варшавскаго профессора (для меня, т. е.), говорит он, дѣло это (изгнаніе конечнаго ѣ) кажется простым: *устраняется из алфавита буква давным давно (?!) потерявшая (!) всякой смысл и значеніе (!).*“ Подчеркнутыя слова принадлежат мнѣ, а в скобках стоящіе вопросительные и восклицательные знаки—г. Гильтебранту. Эти знаки, очевидно, назначаются к тому, чтобы изобразить его крайнее удивленіе по поводу приводимых им моих слов. Не мудрено, что г. Гильтебрант удивляется: как видно, он от меня впервые узнал, что ѣ *давным давно* потерял в нашем алфавитѣ всякое значеніе; узнал и не повѣрил. Для г. Гильтебранта является неожиданною новостью та извѣстная всѣм гимназистам истина, что ѣ, *никогда* выражавшій самостоятельный гласный глухой звук, потерял эту гласность *уже несколько столѣтій* тому назад, в одних случаях замѣнившись чистым гласным, в других исчезнув без слѣда. По его мнѣнію, ѣ и ѣ и теперь „играют роль неполных звуков (что бы это такое значило?!), глухих (это в наше то время!), которые при извѣстных условіях могут перейти в полные звуки, могут огласиться.“ В этих словах столько наивнаго невѣжества, что всякіе комментаріи к ним излишни. Поучать здѣсь г. Гильтебранта было бы неумѣстно. Замѣчу только ему, что если его дѣйствительно интересует вопрос о ѣ, то, для уясненія себѣ исторіи его, пусть он обратится к трудам Востокова, Срезневскаго, Буслаева, Грота, Потемни, Миклошича, Ягича и других. От каждаго из этих ученых, он может узнать, что ѣ *был когда то* извѣстною звуковою величиною, теперь же = 0. Вольно же было г. Гильтебранту вообразить себѣ, что алфа и омега славянскаго филологіи—это сочиненія К. Аксакова и Гильфердинга. Да и эти то сочиненія мой оппонент читал, как видно, без подобающаго разумѣнія их...

И человекъ с таким то пониманіем звуков русскаго языка, авторитетно замѣчает мнѣ, что я „не вник в вопрос

о происхожденіи твердости и мягкости звука.“ Признаюсь, „вникнуть“ в этот вопрос с точки зрѣнія г. Гильтебранта я отказываюсь; но если г. Гильтебрант сумѣет вникнуть в него с моей точки зрѣнія, (которая—смѣю увѣрить его — есть точка зрѣнія *всѣх* людей, понимающих дѣло) ¹⁾, то он не увидит в моей замѣткѣ о ѣ никакой „путаницы“ и поймет без труда, что можно не писать *конечнаго ѣ*, оставляя этот значек в *серединѣ* слов и удерживая ѣ во *всѣх* случаях.

По поводу моих слов: „не сохраняем же мы из уваженія к преданію букв *з, ѣ, ѳ* и пр.“ г. Гильтебрант спрашивает меня: „да развѣ вы, г. Колосов, не знаете, что у нас двѣ азбуки—гражданская и церковная?“ Как не знать. А знает ли г. Гильтебрант, что гражданская азбука выродилась из церковной, что первая введена только в XVIII ст., что в ней употреблялись и *з* и *ѣ*, что *ѳ* и *ѵ* можно и теперь найти в любом букварѣ *гражданской* печати? Если бы при преобразованіи церковной азбуки ѣ был изгнан, как и нѣкоторыя другія лишнія буквы (как напр. *и* и *г* в 1708 г.), г. Гильтебранту, без сомнѣнія, и в голову не пришло бы утверждать бессмыслицу, что ѣ есть „полузвук, в извѣстных случаях способный огласиться.“

В своей замѣткѣ о ѣ, я указал между прочим на то, что его бесполезность признана давно уже и что за изгнаніе его высказывались многіе авторитетные ученые. Приведен был ряд имен. Из этого ряда г. Гильтебрант выхватывает одно только имя — Александра Гумбольдта и замѣчает: „Во первых это Александр Гумбольдт, а не Вильгельм

¹⁾ Г. Гильтебрант жестоко ошибается, если думает, что ученые, несогласяющіеся со мною касательно изгнанія конечнаго ѣ, иначе чѣм я смотрят на его роль в современном русском алфавитѣ. Необходимости ѣ, как буквы, *никто* из них не станет доказывать; тѣм болѣе *никто* из них не станет утверждать, что ѣ есть *полузвук*. Тѣ ученые, которые находят нужным сохранять ѣ в концѣ слов, не желают только нарушать *тип* русскаго письма. В этом лишь смыслъ мнѣ и дѣлали возраженія.

(языковѣд). Это раз (уже сказано *во первых*, к чему же еще *это раз?*). Но если бы и сам Вильгельм Гумбольд (это *два?*), то что же из этого? И мудрец может сболтнуть.“ Конечно, может; но в данном случаѣ не мудрец сболтнул, а г. Петр Гильтебрант вздор болтает и при том болтает недобросовѣстно. „Мало ли что, спрашивает он, может посоветовать *иноземцу?*“ Во первых, г. Гильтебрант, в вопросах такого рода, как настоящий, національность лица, высказывающаго свое мнѣніе, не может имѣть никакого значенія; во вторых, почему же вы из нѣскольких названных мною ученых остановились именно на Александрѣ Гумбольдтѣ? Кромѣ него, я ссылаюсь на Востокова, Грота, Бетлинга, Ягича, наконец на мнѣніе членов II отдѣленія Академіи Наук. Вѣдь это не *иноземцы* и при том люди в языковзнаніи несомнѣнно компетентные. Но потому то, конечно, г. Гильтебрант и умолчал о них. Такой приѣм полемики нельзя одобрить. Как сотрудник серьезнаго историческаго изданія, г. Гильтебрант, должен бы выработать себѣ болѣе уваженія к истинѣ, и в научном спорѣ не подобало бы ему,—как, впрочем, и всякому другому,—по произволу выдергивать и передегивать данныя...

М. Колосов.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛ
РУССКАГО ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА

1879 года.

№ 2-й.

ОТ РЕДАКЦІИ.

Редакція предлагает авторам учебных книг и пособій по русскому и церковно-славянскому языкам, теоріи словесности и исторіи русской литературы — высылать ей по одному экземпляру своих трудов. В ближайшем № журнала будет дан отзыв о каждом доставленном редакціи сочиненіи, и там же, сверх того, может быть бесплатно напечатано объявленіе о нем.

ЛѢТОПИСЬ НЕСТОРА.

(Классное чтеніе и разбор).

Между памятниками древне-русской литературы, изучаемыми в гимназіях, лѣтопись Нестора должна занять одно из первых мѣст. Как со стороны содержанія так и со стороны языка, она представляет множество интересных данных, на которых, при классном чтеніи ея, преподаватель должен остановить вниманіе учащихся.

Нижепомѣщенные отрывки из лѣтописи коментированы лишь частію со стороны представляемаго ими содержанія; по преимуществу в объясненіях обращено вниманіе на язык памятника. На ряду с объясненіями предлагаются вопросы, предполагающіе, что учащіеся владѣют необходимыми свѣдѣніями по старо-славянской грамматикѣ.

Отрывки напечатаны согласно 2-му изданію Лаврентьевскаго списка лѣтописи; с тою однако разностью от этого изданія, что нѣкоторыя формы, отнесенныя издателем в примѣчанія, введены в текст ¹⁾.

ЛѢТОПИСНЫЯ ПРАДАНІЯ ²⁾.

1.

Об Апостолѣ Андрѣ ³⁾.

Ондрѣю учащу въ Синопии и пришедшу ему в Корсунь, увидѣль, яко ис Корсуни близъ устьѣ Днѣпръ-

¹⁾ Эти разности от 2 изд. Л. л. отмѣчены в текстѣ печатаемых отрывков курсивом.

²⁾ О праданіях в лѣтописи Нестора см. Сухомлинова, „О древне-русской лѣтописи, как памятникѣ литературном“ (Уч. Зап. Ан. Наук, книга III, 1856) и его же статью в Основѣ (1861 N 4).

³⁾ Об этой легендѣ см. статью Голубинскаго в Жур. М. Н. Пр. 1875.

- ское, въсхотѣ поити в Римъ, и проиде въ вустье Днѣпрское; оттоле поиде по Днѣпру горѣ, и по при-
5. ключаю приде и ста подъ горами на березѣ. Заутра въставъ и рече к сущимъ съ нимъ ученикомъ: „видите ли горы сия? яко на сихъ горахъ восияетъ благодать Божья, имать градъ великъ быти, и церкви многи Богъ въздвигнути имать.“ Въшедъ на горы сия, благослови
10. я, постави крестъ, и помоливъся Богу, и сълѣзъ съ горы сея, идеже послѣже бысть Киевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ Словѣни, идеже нынѣ Новгородъ; и видѣ ту люди сушая, како есть обычаи имъ, и какъ ся мыють, хвощаются, и удивися имъ. Иде въ
15. Варяги и приде в Римъ, исповѣда, елико научи и елико виде, и рече имъ: „дивно видѣхъ *Словенскую землю*, идучи ми сѣмо, видѣхъ бани древены, и пережгутъ ѣ рамяно, совлокутся и будутъ нази, и облѣются квасомъ *уснильнымъ*, и возмутъ на ся прутье
20. младое, бьются сами и того ся добьютъ, егда *вльзуть* ли живи, и облѣются водою студеною, тако *ожжоутъ*; и то творять по вся дни немучими никимже, но сами ся мучать, и то творять мовенье собѣ, а не мученье.“ *Ты слышаще* дивляхуся.

— 1. *Ондръю*: ъ — неорганическая вставка љ неправильно: греч. Ανδρεος; *О* вм. *А*: в древне-русском начальное *а* часто смѣнялось на *о*: Олександръ, Онтон, олтареъ. Так и теперъ в сѣверно-великорусском нарѣчїи.

— *учащю*: так по русски; как по старо-славянски?

— *пришедшю*: в чем русизм этой формы? Какой главный звук опущен в ней?

— 2. *увидѣ* вм. *увѣдѣ* (как в Соф. 1 л. П. С. Р. Л. V): и вм. љ.

— *близъ*: нарѣчїе — близко.

— 3. *в вустье*: *в* придыхательное.

— *горь*: дат. суц. в смыслѣ нарѣчїя — вверх

— 4-5. *приключаю*: приключай — случай (ср. приключенїе, приключиться; в ст. сл. и без предлога: ключати сѧ, ключити сѧ — convenire).

— 6. *рече к ... ученикомъ*: речи (=решти) не кому а к кому. Ср.: рече Святославъ к матери своей. Возможно однако и *речи кому*: ср. ниже—*рече имъ*.

— 7. *восияеть*: вм. възсияеть: ассимиляция *з с с*

— 8. *имать... быти*: будет ¹⁾

— *градъ*: вм. *городъ*, но выше—*берегъ* (на *березъ*), а не *брьгъ*: старо-сл. звуковыя формы в этом памятникѣ чередуются с русскими.

— *църкви*: ст. сл. *цръкви*, им. ед. *цръкн*—с греческаго *χωρῆκον*.

— *многи*: как по старо-слав.?

— 11. *Киевъ*: вм. *Кыевъ*: и вм. *ы* первые случаи сочетанія гортанных *с и* вм. *ы* в русском языкѣ относятся к XI—XII ст.

— 12. *въ Словѣни*: имя народа вм. имени страны обыкновенно в древне-русском: путь из *Варягъ* в *Греки* и т. п.

— 14. *моють*: позднѣйшее *моют*: *ы* в этом и подобных глаголах не смѣняется на *о* и по настоящее время в бѣлорус. и малорус. нар.

— *хвоцються*: хвостать—хлестать, сѣчь; парить в банѣ вѣнником (Т. Сл. Далая); хвостацьца — париться в банѣ (Бѣлор. Сл. Носовича).

— 15. *в Варяги*: ср. выше—в Словѣни.

— 16. *виде*: неправильно вм. *видѣ*. (Какую форму неопр. накл. (вм. *видѣ-ти*) слѣдовало бы допустить, если б можно было признать, что *виде* не ошибка?)

— *дивно... землю*: особенность сочетанія слов сравнительно с соврем. русским языком,

— 17. *дрезеньи*: вм. *древѣни*: суф. *пн*.

— 18. *е*: через перегласованіе из *я (и)*—*я*

— *рамляно*: сильно, крѣпко.

— *совлокуться*: вм. *соволокутъся* = *сѣволокутъся* = ст. сл. *сѣвлѣкжтъся*: вм. ст. сл. *мь* в русском *оло* (ср. *млѣко*—молоко) и *еле* (пелена, пеленки=ст. сл. *плѣна*)

¹⁾ О различных формах составнаго будущаго см. Исслѣдованіе А. Потебни Из Записок по русской грамматикѣ, II.

— 19. *облѣются*: правильно: в ст. сл. при неопр. облѣются наст. вр. облѣжса.

— *квасомъ: уснѣлымъ*. Ср. русское: *квасища, квасы*— закваска из пшеничных отрубей и овсяной муки с солью для выдѣлки овчин; квасцевые растворы для кож (Сл. Дала). „Квасом уснѣлым — не квасом ли от выдѣлки кож?“ (ibid.).— *оусниинъ, оусниитъ*—кожаный от *услие*—кожа. Вм. *оусние*, с тѣм же значеніем находим в старинных памятниках *оусмие, оусма, оусмъ* — *indumentum, оусмарь* — *tabernaculi fabricator, оусмошьвьць* — *sutor* (Lex. Mikl.). (Вм. *квасомъ уснѣлымъ*—в Ип. сп. *мытелью*, в Соф. 1 л. *квасомъ кислымъ*).

— 20. *егда*: в Ип. сп. *одва*, в Соф. л. *едва*.

— *вльзуть*: вм. *вльзуть*, как в Ип. сп. Ср. в Соф. л. *изльзуть*.

— *ли*: вм. *ль*: *лѣ живи*—полу,—едва, чуть живы. ~~ли живи~~

— *ожюуть*: опущено *в* перед *у*, что встрѣчается не раз в Лавр. сп.

2.

О Кіѣ.

- Быша 3 брата, единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Съдѣаше Кий на горѣ, *идже нынѣ увозъ Боричевъ*, а Щекъ съдѣаше на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Щековина, а Хоривъ на
5. третьей горѣ, от него же прозвася Хоревина; и створиша градъ, во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Киевъ. Быше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь; бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся Поляне, *отъ нихже есть Поляне*
10. не в Киевѣ и до сего дне. Ини же не свѣдуше рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ; у Киева бо быше перевозъ тогда с оной стороны Днѣпра, тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Киевъ. Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кий княжа-
15. ше въ родѣ своемъ; приходившю ему ко царю, якоже скажутъ, яко велику честь прїять отъ царя, при же

торомъ приходивъ цари. Идущю же ему *опять*, придетъ Дунаеви, вѣлюбилъ мѣсто и срубилъ градокъ малъ, хотяше сѣсти с родомъ своимъ и не даша ему ту близъ живущи; еже и донынѣ наричють Дунайци городище Киевецъ. Киеви же пришедшю въ свой градъ Киевъ, ту животь свой сконча; а братъ его Шекъ и Хоривъ и сестра ихъ Лыбель ту скончашася.

— 1. *3 братья*: в.м. *3 братим*. Отъ братъ мн. ч. им. п. долженъ бы быть *брати* (какъ отъ Богъ—Бози, рабъ—раби и т. п.), но въ такой формѣ онъ въ памятникахъ не встрѣчается: в.м. *брати* въ нихъ собираютъ. *братим*. В.м. *братим* иногда *братрим*, какъ в.м. *братъ* болѣе древняя форма *братръ*. (Ср. лат. *frater*).

— 3. *увозъ*: ст. сл. *жвозъ*—долина, польское *wąwoz*—ущелье, проходъ.

— 7-8. *льсь и боръ*: лѣсъ состоитъ изъ лиственныхъ деревьевъ, *боръ*—изъ хвойныхъ.

— *бязу ловаща*: ошибочно: причастіе въ данномъ случаѣ должно имѣть на концѣ не *а* (а какой звук?) ¹⁾.

— 12. *тльмъ*: творитъ. причины—*потому*.

— 14. *Царюгороду*: дат. мѣсто.

— *се*: в.м. *сь*—сей.

— 16. *пріалъ*: опущено *есмь*. Опущеніе вспомогательнаго глагола въ 3 л. при причастіи на *-лъ* встрѣчается впервые уже въ XI ст.

— *якоже сказють*: какъ говорятъ, рассказываютъ, повѣствуютъ: *сказати*—*скажаю*, какъ *читати*—*читаю* и т. п.

— 17. *опять*: назадъ, вспять; корень *ял*=*па*, откуда *пята*, *пятиться*.

— 20. *живущи*: ошибочно; какъ должно быть?

¹⁾ О формахъ прошедшихъ временъ, составленныхъ изъ *ѣсмь*, *быхъ*, *бѣхъ*+прич. дѣйств. зал. наст. и прош. времени—см. вышеупомянутое изслѣдованіе А. Потебни. Едва ли однако будетъ своевременно выяснять учащимся при чтеніи Нестора (въ V кн.) тонкое различіе этихъ формъ прошедшаго отъ соответствующихъ имъ формъ аориста и преходящаго.

3.

Об Обрах.

Обръ воеваху на Словѣнѣхъ и примучиша Дулѣбы, сущая Словѣны, и насилье творяху женамъ Дулѣнскимъ: аще поѣхати будяше Обърину, не дадыше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 5. ли, 5 ли женъ въ телѣгу и повести Обърѣна; тако мучаху Дулѣбы. Быша бо Обърѣ тѣломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я, помроша вси, и не остася ни единъ Объринъ; есть притѣча в Руси и до сего дне: погибоша аки Обрѣ; ихже нѣсть племени, ни на- 10. слѣдѣка.

— 1. *Обръ*: в м. Обре: им. мн. не от Обръ, а от Обринъ. Ср. барин—баре и т. п.

— *воеваху на Словѣнѣхъ*: воевать на ком, а не с кѣм.

— 2. *Дулѣнскимъ*: переход б в п указывает на то, что ъ суфикса ѡск уже изчез в этом словѣ в то время, когда писана была Лавр. рукопись (третья четверть XIV ст.).

— 3. *аще поѣхати будяше*: если (когда) случилось (приходилось) поѣхать. — *будяше* — переходящее образованное от *буду* (бжд-ж). Хотя эта послѣдняя форма в памятниках встрѣчается лишь в значеніи будущаго, но нѣкогда она должна была имѣть значеніе настоящаго времени.

— 5. *повести*: с в м. з: звучный перед отзвучным обратился в отзвучный.

— *Обърѣна*: ѣ в м. и, а быть может в м. е (Обрен в м. Обрин, как — мѣстами в великорусском — барен, воен в м. барин, воин); вѣроятнѣй первое, так как ниже—Обринъ.

— 8. *притѣча*: пословица; корень, *тѣк* откуда *ткать*.

4.

О Козарах и Полянах.

...быша (Поляне) обидимы Древлѣми, инѣми околнѣми, и наидоша я Козарѣ, сѣдящая на горахъ сихъ в лѣсѣхъ, и рѣша Козари: „платите намъ дань.“ Съдумавше Поляне и вдаша отъ дыма мечь, и несоша Ко-

5. зари ко князю своему и къ старѣйшимъ, и рѣша имъ: „се налѣзохомъ дань нооу.“ Они же рѣша имъ: „откуда?“ Они же рѣша: „въ лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпрскою.“ Они же рѣша: „что еуть въдали?“ они же показаша мечь. Рѣша старци Козарьсти:
10. „недобра дань, княже! мы ся доискахомъ оружьемъ одною стороною, рекше саблями, а сяхъ оружье обоиду остро, рекше мечь; си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ.“ Се же сбыся все; не от своая воля рекоша, но отъ Божья повелѣнья.
- 1. *обидимы*: смѣшеніе ованчаній в им. п. мн. ч. муж. р. с женским.
- *Древлями*: указывает на имен. собирательнаго значенія Древля (из Древни). (Об именахъ этого образованія см. Миклошича Vergl. Gram. III, 173 и сл.).
- *иньми*: инѣхъ и пр., какъ тѣхъ и пр.
- 2. *Козарь*: ср. выше Обръ.
- 4. *отъ дыма*: от очага, от двора, от дома.
- 5. *старѣйшимъ*: ы ошибочно вмѣсто а; і послѣ р в м. л: в Ип. и Соф. старѣйшинамъ. (Старѣйшина = ста + р + ѣйш + ин — а. Объяснить составныя части).
- 6. *налѣзохомъ*: налѣзти — найти.
- *нооу*: в м. нову. Ср. выше жиоуще.
- *рѣша*: различіе в образованіи рѣхъ и рѣкохъ; с рѣхъ ср. чисъ, нѣсѣ и под.
- 8. *рѣкою Днѣпрскою*: прилагательное в м. существительнаго — приложенія.
- 10. *доискахомъ ся*: доискати ся — находить, приобретать, наживать, добывать.
- *одиною стороною*: об одной сторонѣ, имѣющей одну сторону: творительный опредѣленія.
- 11. *рекше*: то есть.
- 12. *обоиду*: в м. обожду, ст. сл. обождоу (рѣдкій в русскомъ языкѣ случай превращенія ю (йу) в и).
- 13. *имуть имати*: станутъ брать.

5.

Об Аскольдѣ и Дирѣ.

И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо, и узрѣста на горѣ градокъ и упрашаста, рѣста: чий се градокъ?“ они же рѣша: „была суть 3 братья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокъ, и изгибоша, и мы сѣдимъ

5. платяче дань родомъ ихъ Козаромъ.“ Асколдъ же и Диръ остаа въ градѣ семь, и многи Варяги *скуписта*, и начаста владѣти Польскою землею.

— 1. *и идуче*: причастіе связано с предшествующим глаголом союзом *и*.

— 2. *упрашаста*: вм. *впрашаста*: *у* вм. *в*.

— 3. *была... братья*: *была*—мн. ч. ср. р.; слѣд. форма *братья* (=братии) есть им. мн. ср. р. Она предполагает им. ед. *братіе*. Измѣняться это слово должно так:

ед. ч. И. братіе	мн. ч. братии
Р. братии	братии
Д. братію	братіємъ
Т. братіємъ	братии
М. братии	братіихъ

— 5. *платяче*: в чем руссизм этой формы?

— *родомъ ихъ*: в нѣкоторых списках эти слова опущены; в *Ип.* *роды ихъ*.

— 7. *Польскою*: принадлежащею *Полям* (от соб. *Поля*), т. е. *Полянам*.

6.

Об Олегѣ.

Придоста къ горамъ хъ Киевскимъ, и *увидѣ* Олегъ, яко Осколдъ и Диръ княжита, похорони вои в лодьяхъ, а другія назади остави а самъ приде нося Игоря дѣтска. И приплу подъ Угорское, похоронивъ вои своя,

5. и *присла* ко Асколду и Дирови глаголя: „яко гость есмь, идемъ въ Греки отъ Олга и отъ Игоря княжича, да придѣта к намъ к родомъ своимъ.“ Асколдъ же и Диръ придоста; *выскакае же* вси прочіи изъ лодья,

- и рече Олегъ Асколду и Дирови: „вы нѣста князя, ни
10. рода княжа, но азъ есмь роду княжа,“ вынесоша Иго-
ря, „и се есть сынъ Рюриков.“ И убиша Асколда и
Дира, несоша на гору, и погребоша и на горѣ, еже
ся нынѣ зоветь Угорьское, где ныне Ольминъ дворъ;
на той могилѣ поставилъ церковь святаго Николу; а
15. Дирова могила за святою Ориною.

- Въ лѣто 6415. Иде Олегъ на Грѣкы... на конѣхъ
и на кораблѣхъ, и бѣ числомъ кораблѣй 2000. И при-
де къ Царюграду, и Грѣци замкоша Судъ, а городъ за-
твориша. И вылѣзе Олегъ на берегъ, и повелѣ воемъ
20. изъволочити корабля на берегъ, и новоева около го-
рода, и много убійство створи Грекомъ, и полаты мно-
гы разбиша; а цркви пожьгоша; а ихъже имяху по-
лоняники, овѣхъ посѣкаху, другыя же мучаху, иныя
же растрѣляху, а другыя в море вметаша, и ина мно-
25. га зла творяху Русь Грѣком; елико же ратнии творять.
И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и
въставити корабля на колеса; и бывшию покосну вѣтру,
успяша прѣ с поля, и идяше къ городу. Видѣвше же
Грець убояшася и рокоща, выславше ко Ольгови: „не
30. погубляй городъ, имемъся по дань, якоже хоцещи.“

- Царь же Леонъ с Олександромъ миръ створиша съ
Ольгомъ, имѣшася по дань и ротѣ заходивше межн
собою, цѣловавше сами крестъ, а Ольга водиша и му-
жий его на роту; по Русскому закону кляшася оружьемъ
35. своимъ и Перуномъ богомъ своимъ, и Волосом скотымъ
богомъ, и утвердиша миръ. И рече Олегъ: „ишійте пре
павлочыты Руси, а „Словѣномъ кропинныя,“ и бысть
такъ; и повѣсиша щиты своя въ вратѣхъ, показаше
побѣду и поиде отъ Царяграда. И въспяша Русь пре
40. павлочытыѣ, а Словѣнѣ кропинныя, и раздра я вѣтръ;
и ркоща Словѣнѣ: „имемъся своимъ толъстинамъ, не
„даны суть Словѣномъ пре кропинныя.“ И приде Олегъ
къ Кіеву, неся золото, и паволокы, и овощи, и вина,
и всяко узорчье; и прозваша Ольга вѣщій: бяху бо
45. людіе погани и невѣголось.

- И живяше Олегъ миръ имѣя къ всѣмъ странамъ, княжа въ Киевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити, не веѣдати на нь. Бѣ бо преже въпрошалъ волъхвовъ кудесникъ:
50. „отъ чего ми есть умърети?“ И рече ему одинъ кудесникъ: „княже! конь, его же любиши и ѣдиши на немъ, отъ того ти умрети.“ Олегъ же, примѣ въ умѣ, си рече: „николи же всяду на конь, ни вижу его болѣ того;“ и повелѣ кормити и не водити его къ не-
55. му, и пребывъ нѣколко лѣтъ не дѣя его, дондеже и на Грѣкъ иде. И пришедшю ему къ Киеву, и пребысть 4 лѣта, на 5 лѣто помяну конь свой, отъ него же бяху рекъли волъстви умрети Ольгови, и призва старѣйшину конохомъ, река: „где есть конь мой, его
60. же бѣхъ поставилъ кормити и блюсти его?“ Онъ же рече: „умерлъ есть.“ Олегъ же посмѣяся и укори кудесника, река: „то тѣ неправо молвятъ волъсви, но все то лъжа есть; конь умерлъ, а яз живъ.“ И повелѣ оседлати конь: „да тѣ вижу кости его.“ И прѣѣха
65. на мѣсто, идеже бяху лежаще кости его голы и лобъ голъ; и слѣзъ с коня, посмеяся река: „отъ сего ли лъба смерть мнѣ взяти?“ и вступи ногою на лобъ; и выникнучи змѣя, и уклюну и в ногу, и с того разболѣвся умре. И плакашася по немъ вси людѣ пла-
70. чемъ великомъ, и несоша и, и погребоша и на горѣ, иже глаголетъся Щеговица, есть же могила его до сего дни, словеть могила Олгова ¹⁾.

— 1. *прѣдоста*: неправильно: рѣчь идетъ об одном лицѣ—об Олегѣ, или о многих—об Олегѣ и его воинах.

— *х киевскимъ*: диссимиляція: *х* к *вм.* *к к.*

— 2. *лодьязъ*: лодья *вм.* ладья: ср. алѣдин.

— 3. *дѣтська*: дѣтскъ—ребенок, малолѣтній.

— 4. *приплу*: от приплути, позднѣйшее приплыть.

— *Угорское*: *вм.* угрское: *о* вставлено вслѣдствіе потери *ь*, какъ звука,—в данномъ словѣ *ь* есть только знакъ мяг-

¹⁾ Строки 46—72 напечатаны по Ипатьевскому списку.

кости предшествующаго ему *p*.—Угрьское от Угръ, ст. сл. Жгръ; форма Венгры—с польскаго Węgry.

— 5. *гость*: купец; ср. гостинный двор, ряд.

— 6. *княжича*: сына князя—суф. *ичь*, тот же, что в именах отчества: Ивановичъ и т. п.

— 8. *изъ лодья*: ст. сл. изъ ладия; окончаніе *и* в именах ж. р. мягкаго склоненія явилось в род. п. лишь по аналогіи *ы* твердаго: души, земли по аналогіи с жены, воды и т. п. Это окончаніе (*и*) утверждается не раньше XIII в.

— 13. *ныне*: смѣна *ь* на *е*.

— 14. *церковь святаго Николу*: т. е. во имя Св. Николая; св. Николу есть приложеніе к слову церковь.

— 15. *за святою Ориною*: т. е. за церковью Св. Орины; опущеніе слова церковь при относящемся к нему приложеніи замѣчается часто в древне-русскихъ памятникахъ.

— 16-17. *на коньѣхъ и въ корабльѣхъ*: неправильно; какъ должно быть?

— 18. *Судъ*: Золотой рог, залив Босфора.

— 20. *изъволочити корабля*: какъ по ст. сл.?

— 22. *церкви*: *ь* лишь знакъ мягкости *p*; древнее *ь* этого слова замѣнилось на *е*: цер..вм. цър..., ст. сл. цръ...

— *ихъ же*: от *иже*—который.

— 25. *творяху Русь*: сказуемое во мн. ч. при подлежащемъ собир. значенія.

— 26. *колеса*: от коло, род. ед. колесе (какъ небо—небесе)—слово согласнаго склоненія; колесо—форма позднѣйшая, в которой им. п. ед. ч. получил суф. *ес* по аналогіи с косвенными. (Коло склонялось и по гласному склоненію темы на *a*: коло, кола и т. д.).

— 27. *бывшию... вътру*: дательный самостоятельный, часто встрѣчающійся в языкѣ лѣтописей.

— *покоску*: покосный—благопріятный, попутный.

— 28. *успяща*: вм. вепяща: *у* вм. *е*; корень *пл* (=пльн).

— *пръ*: вм. пьри=ст. сл. пьря; им. ед. пьри—парус.

— 32. *имъшеся по дань*: ятися (ст. сл. ѣтисл) во дань—взяться за дань, обязаться платить дань.

— *ротъ заходивше межи собою*: межи собою — между

собою, взаимно; заходить ротъ—присягать, клясться; рота — присяга, клятва. В сходном значеніи употребляются слова *ротаться*, *роченье*, рота, *ротьба* и теперь в вост. Россіи, особенно в Сибири (см. Т. Сл. Даля); *ротить* в вл. г. значит теперь ругать, бранить.

— 35. *Перуномъ*: Пер-унъ отпър(-а-ти), бог громовник; у Поляков *riogun* и теперь молнія, гром, громовой удар.

— *Волосомъ*: другая звуковая форма этого слова *Велесъ*. Он не только „скотій бог,“ но и бог покровитель искусства: пѣвец Боян в Сл. о п. Иг. назван *внуком Велеса*. Мѣсто Перуна заступил в народных представленіях Св. Илья Пророк, мѣсто Велеса, как „скотья бога,“ Св. Власій; первая замѣна условлена сходством представлений об образах Перуна и Ильи, вторая—звуковым случайным сходством имен Волос и Власій.

— *скотымъ*: несмягченіе *m* в скотии показывает, что суф. этого слова не тождествен с суф. слов, подобных *вельбжиди*, *отъчи* и пр.: первое *и* этих слов явилось из *изъ*, чего нельзя утверждать о первом *и* слова скотии.

— 36. *ишиите*: вл. *изшиите*: полная ассимиляція и выпаденіе.

— *ире*: ср. выше *пръ*; сопоставленіе этих двух форм показывает, что писец употреблял *ь* вл. *e*.

— 37. *паволочиты*: паволока, ст. сл. павлака,—собств. покров, от корня *влѣк*, но употребляется с значеніем шелковой матеріи.

— *кропилья*: вл. *крѣпилья*, от *крѣпа*—ткань (Lex. Mikl.).

— 38. *щиты*: щит, ст. сл. *штить* вл. *считать*: ср. лат. *scutum*; у (*и*) этого слова в латинском показывает, что *и* (*i*) слова щит есть видоизмѣненіе *ы*: щит из *счит*, а это из *скыитъ*.

— 41. *имемъся... толъстинамъ*: ятися *челму*—взяться за что.—толъстина (*ъ* послѣ *л* неорганическая вставка)—обычная, толстая, простая ткань, употребляемая для парусов; не та—дорогая, но непрочная, — которую дал Славянам Олег.

- 42. *не даны*: в смысл — неподходящи, непригодны.
- 44. *узорочье*: украшеніе (ср. в Сл. о п. Иг.: и всякими узорочьи...).
- 45. *невѣдомость*: ст. сл. невѣгласи — невѣжды, неопытные, простые, глупые.
- 46. *миръ имѣя к...*: имѣть миръ к кому, к чему вм. быть в мирѣ с кѣм.
- 47. *приспѣ*: настала, наступила.
- *помяну*: вспомнил.
- 48. *постави*: поставить — поставить, опредѣлить, рѣшить.
- 49. *вольхвовъ*: вм. вѣлх...=вѣлхв...
- *кудесникъ*: „кудесник — кто кудесит;“ *кудесать* — волхвовать, колдовать; *куд-бѣс*; чернокнижіе; *кудь* — волхвованіе; *кудесныи*, *кудеса* и пр. (см. Т. Сл. Даля); *ес* в *кудесън(ик)* указывает на *кудо* — *кудесе*, как *ес* в *чудесън* — на *чудо* — *чудесе*.
- 50. *от чего ми есть умрети*: *есть* при н. н. не опущено. (См. о сходных построениях рѣчи Потебни Из Зап. II, 329 и слѣд.).
- 51. *конь...* *умрети*: особенность в сочетаніях предложеній.
- 53. *николи же всяду*: отсутствіе двойнаго отрицанія.
- 55. *не дѣя*: не дѣяти — оставлять; забывать, не вспоминать.
- *дондеже*: пока.
- 59. *конюхомъ*: дательный принадлежности, который может быть выражен род. существ. или прилаг., согласованным с сущ. к которому оно относится.
- 61. *умерлъ*: опущеніе *л* в этом (умер) и подобных случаях (нес и пр.) условлено исчезновеніем конечнаго *ъ*.
- 63. *лѣжа*: тема на *а* вм. темы *и*.
- *то ть*: вм. *то ти*: энклитическая форма мѣстоименія, неупотребляемая в современном великор. нар.
- *да ть*: в Соф. *л. а ть*: чтобы, пусть, да.
- 66. *посмеяся*: *е* вм. *ь*, как выше в *оседлати*.
- 68. *выиникнуци*: прич. от *выиникнути* — *вылѣзть*.

- *змья*: в.м. змиш.
- *уклюну*: влю-ну-ти (от влю, влю-а-ть)—укусить, уязвить.
- 70. *великомъ*: великъмъ: краткая форма прилаг.
- 72. *словеть*: от слоути—называться, быть известным.

7.

Об убійствѣ Игоря Древланами.

- Въ лѣто 6453. Въ се же лѣто рекоша дружина Игоревы: „отроці Свѣнльжл изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази; поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы.“ Послуша ихъ Игорь, иде в Древа в дань, и примыщяше къ первой дани, насилыше имъ, и мужи его; воземавъ дань, поиде въ градъ свой. *Идуще* же ему въспяты, размысливъ рече дружинѣ своей: „идѣте съ данью домови, а я възвращюся, похожу и еще.“ Пусты дружину свою домови, съ маломъ же дружины възвратися, желая больша имѣнья. Слышавше же Древлане, яко опять идеть, судмавшы со княземъ своимъ Маломъ: „аще ся въвадитъ волкъ в овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьютъ его; тако и се, аще не убьемъ его, то все ны погубить.“
5. послаша к нему глаголюще: „почто идеши опять? поималъ еси всю дань.“ И не послуша ихъ Игорь, и вышедше из града Изъкорьстѣня Древлане убиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь; есть могила его у Искорьстѣня града въ
10. Деревѣхъ и до сего дне.

— 2. *отроци*: слово отрок имѣло различныя значенія—малолѣтній, плѣнник, раб, слуга; происхождение слова темно: допускаемое нѣкоторыми учеными (Миклошич) производство от корня *рек* сомнительно: еслибы *от* было в этом словѣ предлогомъ, то не могло бы не встрѣтиться написанія *отъ-рокъ*. (В Соф. лѣт. в.м. отроци—бояре).

— *свѣнльжл*: прилаг. притяж. с суф. *лъжл*.

— 3. *порты*: от портъ, ст. сл. прѣтъ — платье, откуда портной (порт-н-ый).

- *в дань*: по дань, за данью.
- 4-5. *Дерева*: собир.; ср. выше *Поля*.
- 5. *примышляше*: измышляя, придумывал.
- 6. *мужи*: ст. сл. мжжь, корень мьн=ма, откуда мьн-ѣ-ти.
- 7. *идуце же ему*: не вѣрно — в. идущу: дательн. самостоятельный.
- 10. *с малом*: подразумевается числом.
- 11. *Деревляне*: им. мн. от Деревлянинъ=Дерев-Янинъ.
- 12. *ся съзвать*: поводится.
- 14. *все*: в. всѣ, ст. сл. всѣа.

(Продолженіе будет).

ЗАМѢТКИ

о русском правописаніи.

Под этой рубрикой, время от времени, будут помещаемы статьи разных авторов, касающіяся неясных и спорных вопросов нашей орфографіи.

Что орфографія эта не отличается послѣдовательностью, что многое в ней представляется сомнительным, невѣрным—давно извѣстная истина.

Один из почтеннѣйших наших ученых, Я. К. Грот написал цѣлую книгу о спорных вопросах русскаго правописанія. Книга эта (2-й том Филологических Разысканій) должна быть руководящею, настольною по орфографическим вопросам—как для преподавателей русскаго языка в частности, так и вообще для всѣх тѣх лиц, которыя умѣнье грамотно писать не считают излишним. Труд уважаемаго академика не привел однако к одному знаменателю существовавших в нашем письмѣ разностей. В силу привычки—одни, незнанія—другіе, личных убѣжденій и взглядов—третьи—пишут и теперь, как и прежде писали,—неодинаково.

Привыкшим к извѣстнаго рода неправильностям письма можно только посовѣтовать отвыкнуть от них; ошибающимся от незнанія можно только посовѣтовать узнать и поучиться ¹⁾; но с особенностями письма, условленными личными убѣжденіями и взглядами, надо считаться, противопоставляя убѣжденію—убѣжденіе, доводу—довод. Во многих случаях разность в правописаніи условливается разностью

¹⁾ Многие образованные люди до сих пор пишут и печатают: свѣденіе, лекарь, коплька и т. п., хотя давно уже доказано самым положительным образом неправильность такого написанія. Что это—сила привычки, или слѣдствіе незнанія?

в пониманіи явленій языка, на которых оно основывается. Сойтись в пониманіи этих явленій—значит сойтись и в орфографіи.

Есть не мало, сверх того, случаев разности правописанія, зависящих от столкновенія двух принципов правописанія — историческаго и фонетическаго. В этих случаях вопрос о правильности того или другаго написанія слова рѣшается через разрѣшеніе вопроса о большем или меньшем правѣ примѣненія в данном случаѣ того или другаго из двух названных принципов.

Так как в послѣдующем мы будем касаться не того, что в нашем правописаніи должно быть признано абсолютно невѣрным, а тѣх сторон его, которыя могут подлежать спору, отрицаясь с одной точки зрѣнія и утверждаясь с другою, — то находим и возможным и необходимым оставлять затрогиваемые ниже вопросы открытыми, вводя в одну рубрику мнѣнія и pro и contra относительно извѣстных фактов русской орфографіи.

1.

Нелюблю или не люблю?

Т. е. писать ли *не* слитно с глаголами, или раздѣльно от них?

Еще лѣтъ 50 тому назад, Каченовскій писал *неслѣдует* и т. п. (Ф. Р. II, 211). Правописаніе это не привилось. Не будучи доказано, оно не нашло себѣ послѣдователей.

Но вот в послѣдніе годы в пользу такого письма слышался голос ученаго, справедливо считающагося одним из лучших знатоков нашего языка в его прошлом и настоящем. Приблизительно с 70 года пр. Потебня стал писать *не* слитно с глаголами. В VI вып. Ф. З. за 1875 г. он помѣстил по этому поводу небольшую замѣтку, в которой оправдывает эту особенность своей орфографіи. По вопросу об употребленіи *не* г. Потебня в этой замѣткѣ ссылается на Синтаксис Миклошича и на свою книгу Из записок по русской грамматикѣ.

Миклошич об употребленіи *не* говорит между прочим слѣдующее: *не*, сливающееся с глаголом в одно слово, служит не к отрицанію понятія, а к превращенію его в противоположное ему: ст. сл. велѣти — *ἐπιτασσειν*, *jubere*, не-велѣти — не *non jubere*, но *vetare*; серб. стати — *entstehen*, нестати — не *nicht entstehen*, но *verschwinden*. Такое слияніе *не* с глаголом имѣет мѣсто лишь при извѣстных глаголах; в подобных случаях цѣлесообразно писать *не* как одно слово с глаголом (Vergl. Syntax der sl. Spr. 173). Из этих слов Миклошича видно, что, по его мнѣнію, *не* слѣдует писать слитно с глаголами не во всѣх, а лишь в извѣстных случаях; так как не всегда *не* при глаголѣ теряет свое самостоятельное значеніе отрицанія и сливается с глаголом органически в одно слово. Допуская по этому правописаніе: *невелѣл* (*vetuit*) ходить поздно вечером, *недостать*, *недоставаѣтъ* (*deesse*), можно бы стоять за правописаніе: *не хочу ѣсть*, *не пьет вина*, *не играет в карты*. Но есть одно явленіе в языкѣ, которое указывает на внутреннее слитіе *не* с глаголом и тогда, когда послѣдній не получает от соединенія с *не* значенія противоположнаго его обычному. Извѣстно, что дѣйствительные глаголы с отрицаніем *не* требуют не вин., а род. падежа. Миклошич видит в этом родительном родительный части (Vergl. Synt. 498—9). Также думают и многіе другіе ученые (ссылки — *ibidem*). Но не так понимает это явленіе г. Потебня: он считает ошибочным самое выраженіе: „дѣйствительный залог с отрицаніем требует родительнаго,“ так как оно „заключает в себѣ противорѣчіе, ибо дѣйствительный глагол есть такой, который допускает при себѣ прямой объект в винительном, именно и недопускаемый (если не брать во вниманіе отклоненій от правила) глаголом с отрицаніем, которое, проникая все заложное значеніе глагола дѣйствительнаго, разрушает его прежнюю связь с объектом. Дѣйствительный глагол с отрицаніем, не есть уже дѣйствительный и потому ставится языком на одну доску с средними, снабженными отрицаніем“ (Из Записок и пр. II, 253). Кто, как мы, признает это объясненіе вѣрным, тот должен признать

правильным и употребленіе *не* слитно с глаголами в случаях, подобных слѣдующим: он непьет вина, ты незнаешь урока и т. п.

2.

не — нль.

Сомнительна правильность другой особенности письма того же ученаго: употребленіе *нль* вм. *не* в случаях как *нлькуда* идти, *нльды* взять, *нльчего* ѣсть и т. п. Такой способ письма А. А. Потенія основывает на том предположеніи (или—вѣрнѣе—убѣжденіи), что *нль* в таких случаях = *не е*, т. е. *не есть*. Выраженіе Ип. лѣт. „не кто ни конь доведа, ни стяга донеса,“ по его мнѣнію слѣдует читать нѣ (из не ю, не юсть) кто доведа, донеса, т. е. нѣкому довести. Главное предположеніе есть *нль* (Из Записок II, 101). Весьма вѣроятно, что в данном случаѣ так. Но вѣрно ли слѣдующее: „*ль* в *нльчего* ѣсть и т. п. оправдывается как старо-славянским (см. Mikl. Lex. *нль*) так и малорусским: обычное здѣсь *е*, (не-чего) может быть совмѣщено только с полным отреченіем от этимологическаго правописанія“ (ibid. 380)? Малор. *і* в *нічого* їсти может предполагать и *е*; в большой части примѣров из старинных памятников, приведенных Миклошичем под *нль*, это послѣднее имѣет значеніе *circa*. Если *не* в нечего ѣсть = *нль* и образовалось из *не е* (=не есть) чего ѣсть, а нѣкуда пойти из не е (есть) куда найти, то спрашивается: почему в этих и подобных случаях *есть* = *е* по всей области великорусскаго нарѣчія, тогда как лишь часть его знает употребленіе *е* вм. *есть*? Если некуда пойти предполагает не есть куда найти, нечего дѣлать—не есть чего дѣлать и т. п., то не естественнѣе ли объяснять формы некуда, нечего через *опущеніе* *есть*?

Практическое неудобство употребленія *нль* вм. *не* в вышепоказанных случаях заключается в том, что оно в школах может повести к путаницѣ, к смѣщенію *нль* из (предполагаемаго) *не е* и *нль* имѣющаго значеніе *circa*, значеніе приблизительнаго опредѣленія количества: нѣсколько, нѣкто.

нѣкоторый, нѣ во стѣ дружины и т. п. Каково бы ни было происхожденіе этого *нль*, мало вѣроятно его производство из *не вль*, принимаемое Миклошичем, и из *не ѳе*, допускаемое г. Потемной (Из Зап. 381—2). Не понятно, почему отпало *е* в *не* и *е* в *вль*, если *нль* = *не вль*. С другой стороны неясно, как чистое отрицаніе *не* в *не ѳе*, обратившись, вълѣдствіе звуковыхъ причин, в *нль*, могло получить значеніе неопредѣленности, приблизительности.

3.

аю — *ою*.

Какъ писать: *святаго* или *святого*? Т. е. какъ вообще оканчивать род. ед. ч. прилаг. муж. р. имѣющихъ в имен. ед. *ой* вм. *ый*? Правописаніе образованныхъ и ученыхъ людей в этомъ случаѣ колеблется.

Я. К. Гротъ высказывается за — *ою*. Дѣйствительно, такое написаніе можетъ быть подкрѣплено данными не только современнаго русскаго но и древне-русскаго языка: малор. и. хотя и не смѣняетъ *ый* на *ой*, но род. прил. в ед. ч. м. р. оканчивается на *ою*; то же окончаніе является преобладающимъ и в сѣв. великор., независимо отъ того, будетъ ли в им. падежѣ — *ый* или — *ой*; нѣкоторые древніе памятники представляютъ *ою* уже в XII ст. Тѣмъ не менѣе было бы, думаемъ, согласнѣе с общимъ характеромъ нашего правописанія, в которомъ принципы этимологическій и историческій преобладаютъ надъ фонетическимъ, писать во всѣхъ случаяхъ в род. ед. пр. м. р. *аю*: окончаніе *ою* есть признакъ мѣстоименнаго склоненія: *такой* — *такого* нельзя сопоставлять с *святой* — *святою*: форма род. в первомъ изъ этихъ словъ указываетъ на именительный *так(ъ)*, какъ *сякого* — на *сяк(ъ)*, иного на *ин(ъ)*.

Формы: *такой*, *сякой*, *иной* и подобныя -- по образованію поздніи; древности онѣ не свойственны. Тѣ мѣстоименія, которыя и в древности имѣли в имен. ед. прилагательную форму *ый*, имѣли и род., какъ прилагательныя, на *аю*: *какой* — *какою*.

4.

Намек или намльк?

Я. К. Грот пишет намёк (Филологическій указатель при II т. Ф. Р. 440), и такое написаніе, конечно, вѣрно; как *намекать*, так и *смекать* (ib. 453). Но если смекать имѣет *e* то, по нашему мнѣнію, не слѣдовало бы и смѣтливый писать через *ь*. Оправдывая употребленіе *ь* в этом словѣ, Я. К. Грот сопоставляет его с *примѣтить* (ibid.) ¹⁾ и *смѣта* (в текстѣ книги. 313). Но *смѣтливый* не тот, кто *примѣчает*, а тот, кто *смекает*, кто *имѣет сметку*. Коренные же звуки в смекать без сомнѣнія тѣже, что и в *намекать* — *мек*. Не того же ли корня эти слова, что *мечта*, ст. ед. *мч-ьт-а?*

М. К.

Замѣтки о преподаваніи словообразованія ²⁾.

Ученіе о составѣ слов входит теперь в число обязательных упражненій при изученіи русскаго языка в средних учебных заведеніях. Еще не так давно польза этого рода занятій считалась весьма сомнительною, что видно между прочим и из того, что проф. Буслаев в своей „Исторической Грамматикѣ русскаго языка“ нашел нужным указать тѣ практическія цѣли, к каким может привести знаніе состава и образованія слов.

К сказанному им нужно прибавить, что ученіе об образованіи слов, преподаваемое с умѣнем, служит наилучшею практическою школою мышленія. Ни один род школьных упражненій не дает такого здороваго и посильнаго матеріала

¹⁾ Гейтлер *намек*, *намекать*, *мѣтить*, *примѣтить* сводит к корню *мет*. О *ragaz. gutur.*⁸ (Rad. XLIV).

²⁾ Статья эта печатается с значительными сокращеніями. *Ред.*

для сличенія, сравненія и различенія—этих элементарных логических процессов, к которым сводится вся дѣятельность нашего сознанія, или разсудка. Извѣстно, что без языка не было бы мышленія, но и язык может оказывать вредное вліяніе на направленіе мыслительной дѣятельности, обнаруживаемое даже в практической жизни, коль-скоро запас слов неравномѣрно соотвѣтствует количеству накопившихся в душѣ ясно сознаныхъ понятій. Потому уясненіе понятій, обозначаемаыхъ словами, при помощи сличенія, сравненія и различенія слов и соединяемыхъ с ними мыслей, есть главнѣйшая обязанность преподавателя роднаго языка. Ученіе о составѣ и образованіи слов имѣет особенную важность в тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ учащіеся принадлежатъ к племенамъ иноязычнымъ. Слѣдя за тѣмъ, какъ одно слово образовалось изъ другаго и какъ мысль, выражаемая этими словами, переходила отъ одного понятія къ другому по разнообразнымъ логическимъ категоріямъ, учащійся втягивается мало помалу в склад народнаго ума, создавшаго языкъ, усволяетъ себѣ точку зрѣнія на вещи того народа, языкъ котораго изучаетъ, и безсознательно проникается тѣмъ, что нѣсколько неопредѣленно называютъ *духомъ* языка.

Впрочемъ помимо этихъ отдаленныхъ цѣлей, школа имѣетъ свои ближайшіе задачи, разрѣшеніе которыхъ сопряжено с огромными трудностями, какъ кажется, потому, что при изученіи языка до сихъ поръ мало обращалось вниманія на словопроизводство и словообразованіе. Возьмемъ хоть правописаніе. Не каждый, пройдя восьмилѣтній гимназическій курсъ, одолѣваетъ эту нехитрую, повидимому, науку; а между тѣмъ наше правописаніе не настолько прихотливо и сложно, чтобъ в восьмилѣтній періодъ ученія трудно было усвоить его вполнѣ. В самомъ веденіи дѣла должна быть ошибка: опуская изъ виду составъ словъ, учитель лишаетъ науку орфографіи надежнаго фундамента и дѣлаетъ правила ея весьма щаткими в сознаніи учащихся.

Не имѣя притязанія кого либо поучать и восполнять пробѣлы в методикѣ преподаванія русскаго языка, я намѣренъ изложить здѣсь то, что добыто мною путемъ личнаго

опыта, подкрѣпляя собственные выводы ссылками на авторитеты, насколько то позволят мнѣ мои средства.

Навык в словопроизводствѣ и в различеніи состава слов пріобрѣтается только долговременным упражненіем; поэтому чѣм раньше начать упражнять в нем дѣтей, тѣм лучше. До известной степени упражненія эти возможны даже в начальной школѣ и приготовительных классах гимназій. Дѣти, поступаая в школу, умѣют говорить и понимают друг друга, но в своей рѣчи они вовсе не различают слов, не говоря уже о слогах и звуках.

Поэтому коль скоро дѣти научились читать и писать, т. е. разлагать живое цѣлое на отдѣльные члены, они уже приготовлены в нѣкоторой степени к упражненію в словопроизводствѣ. Ушинскій, авторитет котораго в дѣлѣ начального обученія никѣм серьезно не был поколеблен, *полагает начинать* эти упражненія на третьем году обученія параллельно с прохожденіем элементарной грамматики (Родное слово. Год третій. Стр. 13). На этой ступени обученія упражненія в словопроизводствѣ состоятъ в том, что в нѣскольких близких по значенію и хорошо известных им словах дѣти отыскивают общую всѣм им часть, придающую главный смысл цѣлому ряду слов. При этом необходимо соблюдать слѣдующія условія: 1) всѣ производимыя слова должны быть совершенно известны дѣтям; 2) они должны быть близки по значенію и обозначать предметы конкретные, так чтоб дѣтям ясно было их родство, напр. *стар-ый, стар-ик, стар-уха, стар-оста, — стар-шій, — стар-шина, — стар-иться*, и т. п.; 3) коренныя буквы во всѣх производных словах должны быть на первых порах те же, потому лучше выбирать для словопроизводства лишь такія слова, корни которых кончаются на плавную (л, м, н, р.) или губную (б, в, п.), напр. *бл-ый, лом-кій, см-ій, вор-ѣть, люб-ить, лов-ить, стуж-ать*, и т. п. Нѣтъ никакой надобности непременно доискиваться настоящаго корня слова; за таковой могут быть принимаемы тѣ звуки, которые повторяются в известных дѣтям и родственных по значенію словах; напр. учитель, ученик, учить, ученье —

корень будет *уч*, т. е. не — *уч*. 4) На этой ступени обученія *корнем* слова слѣдует считать не бессмысленную группу звуков, а непременно цѣлое короткое слово, выражающее известное понятіе, напр. бѣдный, бѣднѣть, бѣдность и т. п., от корня *бѣда*; свѣтить, свѣтлый, свѣтскій—от корня *свѣт* и т. п.

Дидактическая постепенность и здѣсь должна быть строго соблюдаема, при чем ход занятій может быть приблизительно слѣдующій. Сперва учитель заставляет дѣтей находить в нѣскольких прочитанных или написанных словах общую всем им часть и указывает самое короткое слово, от котораго данные слова происходят; затѣм заставляет самих дѣтей приискивать производныя слова, помогая им при этом наводящими вопросами. Напр. встрѣтилось слово *чернила*. Учитель показывает чернильницу. Как это называется?—*Чернильница*. Как называют орѣшек, из котораго дѣлают чернила?—*Чернильный*. Как называются ягоды, от которых, если их поѣсть, зубы и губы долго остаются черными?—*Черника*. А монаха, что в черной одеждѣ ходит, как зовут иначе?—*Чернец*. Вот ты сейчас написал слово, и чернила блѣдны;—а высохнут—что с ними дѣлается?—*Почернѣют*. Какія буквы повторяются во всех этих словах?—*Черн*. Самое короткое слово?—*Черный*.

Изучая склоненія и спряженія, дѣти практически знакомятся с законами измѣненія звуков и по мѣрѣ ознакомленія их с этими законами им дѣлается доступною болѣе обширная область словопроизводства. Ни в каком случаѣ не слѣдует давать дѣтям наперед заучать таблицу измѣненія букв или же стараться поскорѣе пройти ее всю. Явленія перехода звуков, наблюдаемая при склоненіях и спряженіях, дѣти *сами* (конечно в нужных случаях не без указаній учителя) должны примѣнять к словопроизводству; таким образом они с самаго начала привыкнут пользоваться могучим орудіем языкознанія — аналогіей. В это же время обращается вниманіе учеников на средства, которыми пользуется язык для образованія новых слов, т. е. на образующія окончанія или суффиксы.

Изучая спряженія и склоненія, дѣти сперва знакомятся с законами измѣненія согласных, дѣйствующими в современном русском языкѣ: *двигать*—*движу*, *плакать*—*плачу*, *махать*—*машу*, *видѣть*—*вижу*, *вертѣть*—*верчу*, *мазать*—*мажу*, *писать*—*пишу*. В склоненіях: *друг*—*другья*, *отецъ*—*отче*. Остальныя измѣненія узнаются лишь из словообразованія. Родство гласных и переход их друг в друга, равно и бѣглость *о*, *е* усвоится также сперва в словоизмѣненіи, а потом в словопроизводствѣ: *нить*—*ню*—*ней*, *быть*—*буду*, *мыть*—*мою*, *кую*—*ковать*, *часть*—*частію*—*частей*, *шапка*—*шапокъ*, *кулекъ*—*кулька*, *книжка*—*книжекъ* и т. п. (Ист. Гр. § 30). На каждый случай измѣненія дѣти замѣчают обязательно по одному примѣру и ссылаются на него при каждом аналогическом явленіи, встрѣтившемся во время разбора слов. Впослѣдствіи они приписывают собственные примѣры.

Одновременно с изученіем фонетики по концентрическому способу обращается вниманіе дѣтей на суффиксы, при чем также каждый случай такого или другаго суффикса закрѣпляется в сознаніи дѣтей многочисленными примѣрами тождественных явленій в других словах. Первый круг преподаванія завершается умѣньем разлагать данныя слова на их составныя части, без доказательств исторической и логической возможности происхожденія производных от первообразных. Под логическими доказательствами слѣдует разумѣть не устраненіе всяких объясненій того, как одно слово *могло* произойти от другаго, а подведеніе даннаго производства под извѣстныя логическія категоріи разных ассоціацій представленій и возникшіе отсюда риторическіе тропы, как то: метафору, метонимію и пр. Такія доказательства не всегда возможны не только на этой ступени знанія, но и вообще. За то объясненія производства этимологическія и психологическія должны быть обязательны для учеников, т. е. ученики должны не только доказать на основаніи аналогій и законов фонетики, что данное слово происходит от такого-то слова или производит от себя такія-то слова, но и объяснить психологическое вза-

имное родство представлений, обозначаемых производными словами. Напр. дан, положим, глагол *писать*; от него произведены *писец*, *писарь*, *писатель*; ученики должны не только уметь доказать примѣрами, что *ец*, *арь*, *тель* — суффиксы, но и объяснить, что *писец*, *писарь*, *писатель* называются так потому, что *пишут*, или умеют *писать*. Последнее условіе очень важно: оно предохранит дѣтей от ломанья головы над такими словами, как напр. *злость* и *кость*, или: *кость* и *пакость*.

Чутье психологическаго родства между представленими гораздо сильнѣе у дѣтей, чѣм мы обыкновенно думаем. Оно часто вводит их в ошибки и заблужденія, но нерѣдко оказывает им дѣйствительную и незамѣнимую помощь в усвоеніи и уясненіи знаній.

И. Соломоновскій.

Далѣе автор приводит ряд этимологических сопоставленій и сближеній, которыя, по его мнѣнію, могут и должны дѣлать ученики средних классов гимназій. Многое в этих сопоставленіях не вѣрно. Соглашаясь с автором в том, что упражненія в словообразованіи возможны даже в низших классах гимназій, считаем нужным замѣтить, что упражненія эти слѣдует производить с величайшею осторожностью. В средних же классах гимназій этимологическія сближенія и сопоставленія должны быть основаны исключительно на звуковых законах языка, по скольку они извѣстны учащимся. Увлеченія в этимологизированіи слѣдует признать для школы безусловно вредными. Каждое этимологическое сближеніе, допускаемое учеником, должно быть им строго доказано. Пусть лучше он не признает сходства корней в словах, дѣйствительно его представляющих, чѣм сблизит между собою мнимо тождественные корни, увлекаясь сопоставленіем слов, сходных по выражаемому ими смыслу или по их звуковой физиономіи. Ученикъ, который отождествит слово *зрѣть* (зрѣти) — *maturescere* и зрѣть (зрѣти) — *spectare, videre*, стоит на ложной дорогѣ, и преподаватель не только не должен поощрять таких сближеній, но напротив—должен преслѣдо-

вать их. — В примѣр того — что, по нашему мнѣнію, возможно и полезно, для упражненій в этимологійи учеников, прошедших курс старославянской грамматики, предлагаем нижеслѣдующіе вопросы:

- 1) От корней *вид*, *нес*, *гряз* найти производныя слова:
 - а) сохраняющія корень в чистом его видѣ,
 - б) представляющія измѣненія кореннаго гласн. звука,
 - в) представляющіе измѣненія кореннаго конечнаго согласнаго.

г) представляющіе измѣненіе кореннаго гласнаго и конечнаго кореннаго согласнаго.

2) В каком отношеніи коренные звуки слова *ров* находятся и коренным звукам слова *рыть*?

3) Доказать, что звук *ч* в словах *теченіе* и *течь* (н. накл. гл.) не одного происхожденія.

4) Опредѣлить старо-славянскую и древне-русскую звуковую форму слова *мякій*.

5) *х* : *жд*.. — *х* : *шд*..

Опредѣлить в этой пропорціи неизвѣстные члены (*х*). (*хх* — неизвѣстные члены пропорціи обозначают коренные звуки с несмягченными согласными).

6) Доказать, что в словѣ *шибкій* *и*, как в корнѣ так и в окончаніи, не есть изначальный звук.

7) Доказать, что в *сожнуть* и *шожнуть* звук *о* есть замѣна древняго *ѡ*.

8) Доказать, что в словѣ *могучій* — *у* есть замѣна *ж*, а *ч* явилось из *т*.

9) Найти нѣсколько слов, в которых звуки корня остались неизмѣнны, а согласные суффиксов измѣнились:

- а) гортанный в свистящій,
- б) гортанный в шипящій,
- в) свистящій в шипящій.

10) Доказать, что слова *голубь* и *медвѣдь* склонялись нѣкогда по темѣ на *и* (т. е. как напр. *путь*, а не как *конь*).

Рѣшеніе таких и подобных вопросов возможно для учеников, переходящих в V класс, если только стар.-слав. грамматика пройдена с ними в IV классѣ основательно. *Ред.*

БИБЛИОГРАФІЯ.

Филологическія Записки, 1878. Вып. I—VI.

Г. Хованскій своим изданіем принес не малую пользу не только русской наукѣ, но и русской педагогикѣ: в его журналѣ, с самаго его основанія, ежегодно, на ряду с научными статьями, появляются и педагогическія. Эти послѣднія до 70-х годов почти исключительно разрабатывали вопросы, относящіеся до преподаванія русскаго языка, теоріи словесности и исторіи руссой литературы; со времени установленія строго классическаго образованія в наших гимназіях, г. Хованскій ввел в свой журнал и педагогическія статьи по классическим языкам.

Из статей, относящихся до русскаго языка и имѣющих большее или меньшее значеніе для школы—для учащихся и учащихся, отмѣтим за 1878 г. в Ф. З. слѣдующія:

Некрайности в выраженіях, допускаемыя в современной печати.“ *Николича*. (Вып. I). Задача статьи ясно опредѣляется ея заглавіем. Замѣчанія г. Николича могут имѣть значеніе для школы (но едва ли для литераторов и журналистов, которые в наше время мало заботятся о чистотѣ и правильности языка), как замѣчанія предостерегающія от неточностей и неправильностей, так часто встрѣчающихся в наших періодических изданіях.

Выдержки из словаря Даля. Ею жв. (Вып. V). Начало этих „выдержек“ отнесется к предыдущим годам Ф. З. В настоящей (VI-й) статьѣ, как и в предшествующих, автор останавливается на нѣкоторых словах, вошедших в словарь Даля, дѣлая свои замѣчанія касательно правописанія одних, происхожденія других. Не со всеми замѣчаніями г. Николича можно согласиться. Так едва ли основательно заподозрѣвает он возможность формы *сарканить* (соверш. вид от арканить) и—конечно—невѣрно предполагает, что слово *обидной* (дѣс) есть „слово областное с своеобразным произношеніем для абодной в значеніи „ясный, свѣтлый.“

Такого „своеобразнаго произношенія,“ которое допустило бы смѣну о на и в великорусском нарѣчїи нигдѣ нѣтъ.

Замѣтка о грамматических терминах и опредѣленїях вообще Ф. Деларга. (В. I). Заглавіе общаетъ больше, чѣмъ статейка, в которой автор дѣлаетъ нѣсколько замѣчанїй о том, какъ выяснять учащимся различїе глаголовъ по залогамъ — дѣйств., среднему и возвратному.

Практическія замѣтки о русском синтаксисѣ. Дмитревскаго. (Вып. I, II, IV). Замѣтки эти были начаты в 1877, в 78 окончены. Сочиненїе г. Дмитревскаго написано живо, бойко, толково, ясно; в немъ есть весьма мѣткія замѣчанїя, и — без сомнѣнїя — многими своими частностями оно обратитъ на себя вниманїе преподавателей русскаго языка и в нѣкоторых отношенїях будетъ для нихъ не бесполезно. Признавая за этимъ сочиненїемъ извѣстныя достоинства, тѣмъ болѣе слѣдуетъ пожалѣть, что авторъ его, в своемъ стремленїи реформировать ученїе о предложенїи, увлекся не в мѣру. Отправляясь отъ признанїя главенства сказуемаго, какъ части предложенїя, г. Дмитревскїй доходитъ до убѣжденїя о второстепенности подлежащаго в предложенїи. Подлежащее, по его мнѣнїю, относится къ категорїи дополненїя. Развивъ и обставивъ подходящими — с его точки зрѣнїя — доказательствами это свое убѣжденїе, г. Дмитревскїй высказываетъ глубокую увѣренность в том, что его „взглядъ на подлежащее, какъ на придаточный членъ, долженъ непременно рано или поздно утвердиться в педагогикѣ“ (В. II. 70. пр.). Не думаемъ, что бы случилось такъ. Считаемъ болѣе вѣроятнымъ, что обстоятельный разборъ теорїи г. Дмитревскаго приведетъ его самаго къ отреченїю отъ нея.

Второстепенный ли членъ предложенїя подлежащее (замѣтки на замѣтки г. Дмитревскаго). *Миловидова.* (В. V). Это, на сколько намъ извѣстно, пока единственное возраженїе на мнѣнїе г. Дмитревскаго о значенїи подлежащаго в предложенїи. На замѣтку г. Миловидова можно смотрѣть какъ на начало той полемики, которую предстоитъ выдержать г. Дмитревскому. Первому по времени своему противнику онъ успѣшилъ отвѣтить статью —

Еще нѣсколько слов о второстепенности подлежащаго.
Статья эта доказывает, по нашему мнѣнію, не то, что г. Дмитревскій понялъ вѣрно роль подлежащаго в предложеніи, а лишь то, что он глубоко убѣжден в вѣрности своего пониманія ¹⁾.

Педагогическій Музей. Ежемѣсячное обзорѣніе періодической литературы учебных пособій и книг по педагогикѣ и училищевѣдѣнію, издаваемый под редакцію П. Рогова. С.-Петербург. 1878. №№ 1—12.

Каждый № журнала представляет два главных отдѣла: самостоятельныя статьи педагогическаго характера и библиографическіе обзоры педагогических книг и журналов. В теченіи прошлаго года в Пед. Муз. помѣщен был ряд статей (болѣе 20), касающихся воспитанія дѣтей и преподаванія различных учебных предметов: естественных наук, математики, космографіи, исторіи, теоріи словесности. Последнему предмету посвящена статья г. Мандельштама: „*К вопросу о преподаваніи так называемой теоріи словесности в гимназіи*“ (№№ 5 и 6). Уже слово „так называемой“ теоріи словесности обличают взгляд автора на значеніе этого предмета. „Ближайшая цѣль статьи, говорит он, показать неосновательность взгляда, по которому теоріи словесности возможна, как самостоятельный предмет“ (335). Много в статьѣ вызывает на возраженія, но спорить с автором пока считаем неумѣстным: статья почему то осталась неоконченной. Подождем конца (вѣдь, должен же он появиться?). Стоит особеннаго вниманія и серьезнаго обсуждения со стороны преподавателей русскаго языка и словесности, статья г. Воскресенскаго *Ученическія сочиненія* (№ 9). Опредѣлив разграниченіе различнаго рода письменных ученических упражненій на отдѣлы ²⁾, автор останавливается на

¹⁾ Оцѣнка мнѣній г. Дмитревскаго будет представлена в нашем изданіи. Ред.

²⁾ а) Письменная *работа* (предмет ея—буквальное воспро-

том видѣ их, за которым признается названіе *сочиненія*. В статьѣ высказано много дѣльных мыслей и замѣчаній, которыя тѣм болѣе должны обратить на себя вниманіи лиц заинтересованных в вопросах об учебнических сочиненіях, что этот—весьма важный—вопрос еще не достаточно обужден и разработан нашей педагогической литературою.—Статья г. Владимірскаго Буданова *Первая гимназія в Россіи* (ММ 1, 2 и 3) представляет интересныя данныя из исторіи русскаго просвѣщенія. Под первую гимназію разумѣется гимназія основанная при Академіи Наук в 1726 году. Очерк жизни этого заведенія доведен автором до времени Екатерины II.

2-й отдѣл—критика и библиографія—составляет весьма существенную и важную часть журнала. В теченіи года в Педагогическом Музеѣ разсмотрѣно болѣе 100 книг и брошюр и около 20 періодических изданій по педагогикѣ, из них болѣе половины иностранных, по преимуществу нѣмецких. Странно, что П. М. не обратил вовсе вниманія в своих обзорах текущей педагогической литературы—из русских изданій—на Филологическія записки, а из иностранных—на чешскій журнал „Listy filologické a paedagogické.“

изведеніе текста); б) письменная *задача* (виды: извлеченіе, переложеніе (стихов в прозу, древних памятников на современный литературный язык), изложеніе (прочитаннаго урока), компиляція, сравненіе (слов, произведеній или отдѣльных частей их); в) собственно *сочиненіе*.

Разныя извѣстія и замѣтки.

Обращаем вниманіе наших средних учебных заведеній на изданія Общества любителей древней письменности. Объявленіе об этих изданіях ниже помѣщается. Для большинства частных лиц эти изданія почти не доступны по высокой цѣнѣ их; но учебным заведеніям значительно облегчена возможность их пріобрѣтенія: вм. 200 рублей в год, им предоставляется вносить только 30. Общество за короткое время своего существованія издало уже не мало болѣе или менѣе цѣнных и важных памятников нашей древней письменности. Теперь печатается им один из драгоцѣннѣйших памятников—Сборник Святослава 1073 года. Многіе, конечно, были бы весьма благодарны Обществу, если бы оно нашло возможным пустить в отдѣльную продажу этот памятник. Неужели же ему суждено и послѣ изданія остаться недоступным для большинства тѣх лиц, которыя давно уже ждут этого изданія?

Многія ли из наших средних учебных заведеній пріобрѣтают академическія изданія, продаваемые по замѣчательно дешевой цѣнѣ? Послѣдній XXXIII том Записок Академіи Наук, заключающій в себѣ около 850 стр. убористаго шрифта, стоит 3 р. 80 к. (Весь этот том занят отчетами о 20 присужденіи наград Графа Уварова). В каждом томѣ Сборника II Отдѣленія Академіи Наук преподаватели языка, словесности и исторіи найдут не мало статей, имѣющих для них большій или меньшій интерес. Вышло 19 томов. Стоимость каждаго от 1 р. 50 к. до 2 р., при объемѣ от 35 до 50 листов.

Предпоследнее изданіе сочиненій В. А. Жуковскаго стоило 4 р.; новое стоит 9. Это новое (седьмое) изданіе, вышедшее (в шести томах) в прошлом году, сдѣлано кни-

гопродавцем Глазуновым, под редакціею Ефремова. Это изданіе как с внѣшней так и с внутренней стороны значительно превосходит все издававшееся до него. Оно отличается особенною полнотою, точностью. В каждом томѣ есть весьма обстоятельныя и цѣнныя библиографическія примѣчанія к сочиненіям знаменитаго поэта. При первом томѣ приложен хорошо исполненный портрет его. Для изучающих Жуковского изданіе это необходимо. В виду достоинств изданія цѣну его нельзя признать высокою ¹⁾).

Обращаем вниманіе преподавателей словесности на новыя сочиненія о Словѣ о полку Игоревѣ: Потебни, Смирнова, Во. Миллера и Огоновскаго (текст, малорусскій перевод и примѣчанія). Разбор этих сочиненій будет представлен б. м. в слѣдующем № „Вѣстника“.

Весьма цѣнная статья Ягича о славянской народной поэзіи, напечатанная в 1876 г. в изданіи юго-славянской (загребской) Академіи (Rad. XXXVII), переведена на русскій язык и помѣщена в Славянском ежегодникѣ за 1878 г., издаваемом в Кіевѣ Задерацким.

Нам доставлен „Общій курс словесности для V и VI классов гимназій и других средних учебных заведеній, составленный М. Калмыковым, преподавателем словесности в новочеркасской гимназіи“. — Новочеркасск. 1878. — 8°. — Стр. 220. — Цѣна 1 рубль. — Отзыв об этой книгѣ будет дан в слѣдующем №.

¹⁾ Нельзя однако не пожелать что бы на ряду с такими изданіями существовали у нас и дешевыя (как у Нѣмцов) изданія наших классиков, доступныя для людей с ограниченными средствами. Думаем, что книгопродавец, издавшій экономно, напр., сочиненія Пушкина и пустившій их в продажу за три рубля, не остался бы в убыткѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБ ИЗДАНІЯХ

ОБЩЕСТВА

ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Общество Любителей Древней Письменности имѣет цѣль издавать славяно - русскія рукописи, замѣчательныя в литературном, научном, художественном или бытовом отношеніи и перепечатывать книги, сдѣлавшіяся библиографическою рѣдкостію, без исправленій.

Памятники, изданіе которыхъ входит в кругъ занятій Общества, по своему содержанию образуютъ семь отдѣловъ:

1) Рукописи св. Писанія с лицевыми изображеніями и без оных, но лишь в точных снимках; отдѣльныя житія святых, пастырскія поученія, слова, бесѣды и другія статьи духовнаго содержанія.

2) Учебники стараго времени, как то: буквари, грамматикъ, цифирное искусство и проч.; теоретическія статьи по разным наукам и искусствам; трактаты по естествовѣдѣнію, астрономіи, медицинѣ, музыкѣ, военному искусству и т. п.

3) Рукописи географическаго содержанія: космографіи, описанія городов и монастырей, хожденія и путешествія, древніе карты, планы и рисунки.

4) Историческія сочиненія и переводы, лѣтописи с лицевыми изображеніями, хронографы, древніе русскіе переводы польскихъ лѣтописцев и т. д.

5) Рукописи, содержащія произведенія словесности, не

исключая и народной, как то: повѣсти, легенды, сборники пѣсен и басен, драматическія произведенія и т. п.

6) Кромѣ рукописей с лицевыми изображеніями по предыдущим отдѣлам, вообще рукописи с лицевыми изображеніями, но предназначаемыя для точнаго и роскошнаго их воспроизведенія.

7) Отдѣльные листы, воспроизводимые посредством свѣтописи или гравированія, по всѣм вышеупомянутым отдѣлам.

Изданія за 1877 год.

I. Краткое описаніе двадесят монастырей, обрѣтающіяся во Святой горѣ Афонской.—II. Собраніе гравированных изображеній икон Божіей матери с сказаніями о них. — III. Челобитная дьяка ямскаго приказа Вспохова.—IV. Житіе Алексѣя митрополита.—V. Римскія дѣянія, I-й выпуск: предисловіе и текст. — VI. Мудрость четвертая Мусика.—VII. Новгородскія грамоты. — VIII. Азбука гражданская с правоученіями правлена рукою Петра Великаго.—IX. Обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи в Емесѣ.—X. Слова Іоанна Златоустаго на Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи и о добрых и злых женах. — XI. Службы Іоанну Предтечи. — XII. Слово на Благовѣщеніе Іоанна Дамаскина.—XIII. Синодик Дѣдовской пустыни Тотемскаго уѣзда.—XIV. Азбука Словенскаго языка. — XV. Сборник с лицевыми изображеніями и с крюковыми помѣтами „На рѣках Вавилонских.“—XVI. Описаніе Антиоха Великаго о звѣрех нарицаемых Стефанита да Ихнилата, I-й выпуск: введеніе и текст.

Изданія за 1878 год.

XVII. Засѣданіе в книжной палатѣ 18 Февраля 1627 года по поводу исправленій катихизиса Лаврентія Зизанія.—XVIII. Философія Христофоровича.—XIX. Сказаніе о иконѣ Божіей Матери, писанной Лукою.—XX. Риторическая рука Стефана Яворскаго.—XXI. Житіе Іоанна Богослова по рукописи XV вѣка с греческим текстом по рукописи 1022 года.—XXII. Отдѣльные листы, содержащія: факсимиле гра-

вированных и рукописных рамок из древних рукописей; изображение суда царя Соломона; преподобнаго Евфимія; знамя гетмана Сапѣги и сказанія о морѣ и раѣ.—XXIII. Житіе Іоанна Богослова с лицевым изображеніями XVII в.—XXIV. Чин постриженія и погребенія иноков. Fac-simile пергаминаной рукописи XIII вѣка.—XXV. Закон Винодольскій 1288 г. и острова Крка (Veglia) 1388, пергаминаныя рукописи, писанныя хорватской глаголицей.—XXVI. Хронограф Георгія Амартола.—XXVII. Сказаніе Антіоха Великаго о звѣрех нарицаемых Стефанита да Ихнилата, 2-й и послѣдній выпуск: текст и примѣчанія.—XXVIII. Житіе Николая Чудотворца, с лицевыми изображеніями.—XXIX. Повѣсть о семи мудрецах.—XXX: Сказаніе о чудесах Владимірской иконы Божіей Матери.—XXXI. Описаніе всего свѣта земель и государств великих.—XXXII. Синодик Холмогорскій.—XXXIII. Римскія дѣянія, 2-й и послѣдній выпуск: текст и указатель.

Изданія на 1879 год.

XXXIV. Житіе Матвѣя Прозорливаго, с лицевыми изображеніями.—XXXV. Стефанит и Ихнилат, по рукописи Румянцевскаго музея, с признаками сербскаго происхожденія, XV в.—XXXVI. Житіе Дмитрія царевича с лицевыми изображеніями.—XXXVII. Житіе Василя и Теодора с лицевыми изображеніями.—XXXVIII. Шемякин суд, fac-simile текста и 12 гравюр.—XXXIX. Житіе Нифонта с лицевыми изображеніями.—XXXL. Fac-simile отрывка из Супрасльскаго, мартовскаго Четьи-Минеи.—XLI. Житіе Варлаама Хутынскаго, в двух редакціях.—XLII. Исторія о Мелюзинѣ королевнѣ и о чудных ея дѣтях и о городѣ Лозаннѣ.—XLIII. Арифметика.—XLIV. Устав княжества Подійскаго. Писан босанскою кириллицей.—XLV. Слово о явленіи иконы Теодоровскія.—XLVI. Житіе преподобнаго Филиппа Иранскаго, составлонное Германом.—XLVII. Житіе и завѣщаніе Патріарха Іоакима.—Магакатьяна и Чандапрадъота. Перевод Тибетскою редакціи „О свях царя Индѣйскаго.“

От имени общества, на средства Т. С. Морозова, издается „Изборник Святослава“ (рукопись XI вѣка, 1073 г., на пергаментѣ, в большой лист 532 страницы, хранящаяся в Московскои синодальной библиотекѣ).

Сверх того, общество издает отчет с приложеніями, в которыхъ номѣщаются: описаніе рукописей по всѣмъ отдѣламъ, хранящихся в общественныхъ и частныхъ библиотекахъ, протоколы и годовые отчеты комитета Общества, варианты, поясненія, исправленія и указатели к изданіямъ, напечатаннымъ Обществомъ в теченіе года, а также библиографическія свѣдѣнія об изслѣдованіяхъ старинныхъ текстовъ у насъ и на западѣ.

Эти приложенія к изданіямъ Общества, составляющія отчетный отдѣлъ, под именемъ „Памятниковъ древней письменности,“ на основаніи постановленія общаго собранія 10-го ноября 1877 г., издаются в числѣ 600 экземпляровъ.

Подписная цѣна за годовоі экземпляръ изданій общества 200 р.; библиотекамъ же высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній предоставляется пріобрѣтать не болѣе, какъ по одному экземпляру для каждой библиотеки, с платою по 30 р. в годъ.

В число изданій за 1878 годъ за вышеозначенный взносъ, входятъ:

„Отчетъ о дѣятельности Общества за 1877 годъ“ с 16 приложеніями и 5-ю фотолитографическими факсимиле.

„Протоколъ годоваго собранія 15-го апрѣля 1878 года“ с 3-мя приложеніями.

„Жизнь и Труды П. М. Строева“ сост. Н. П. Барсуков.

Памятники Древней Письменности (докладъ Комитета 16-го декабря 1878 г. с 11-ю приложеніями и 5-ю литографическими fac-simile).

Подписка, а равно и заявленія по дѣламъ Общества, принимаются по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, Фонтанка, домъ графа Шереметева.

Общество Любителей Древней Письменности, в видах распространения в средѣ публики свѣдѣній о письменных памятниках отечественной старины, признало полезным издавать в опредѣленные сроки приложенія к своим изданиям, под именем „Памятники Древней Письменности.“ В состав этих приложеній войдут монографіи о древнерусских памятниках, извлеченія из рукописей, небольшіе по объему тексты, факсимиле, лицевыя изображенія из старинных рукописей, описанія общественных и частных книгохранилищ, библиографическія свѣдѣнія и замѣтки о всем, что появляется у нас и на западѣ по части изданія старинных текстов.

„Памятники Древней Письменности“ выходят четыре раза в год: в Январѣ, Апрѣлѣ, Августѣ и Ноябрѣ, выпусками от 12—15 листов каждый, на веленовой бумагѣ.

Подписная цѣна на год с пересылкой и доставкой 15 р. Подписка принимается в книжном магазинѣ „Новаго Времени“ (Спб., Невскій, 60), Н. Фену и К^о. (Невскій, д. Армянской церкви), Риккера (Невскій, д. 14), а равно и у всѣх извѣстных столичных книгопродавцев.

Подписчики получают один из №№ изданій Общества за текущій год.

Желающіе ознакомиться с характером подобнаго изданія, могут приобрѣсти пробный том его.

Во всѣх извѣстных книжных магазинах С. Петербурга, под тѣм же заглавіем:

„ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ“

с 5-ю литографическими факсимиле.

Содержаніе этого тома: Архив славянской филологіи, изд. проф. Ягичем, князя П. П. Вяземскаго. — Біографія Юрія Крижанича, П. О. Морозова. — Историческія свидѣтельства о славянской народной поэзіи, Егo же. — О литературной исторіи „Физиолога“, князя П. П. Вяземскаго. — Сборник повѣстей скорописи XVII вѣка, Ф. И. Булгакова. — Сказаніе о страстях господних, Егo же. — Историческое развѣтїе русскаго искусства. — Литература средневѣковых ро-

манских текстов за 1875—76 гг. — Палеографическое собрание князя П. А. Путятина, А. Н. Виноградова. — Фотографическіе снимки с старинных вещей Ипатьевского монастыря. Цѣна 4 рубля.

Там же продаются: „Отчет о дѣятельности Общества Д. Др. Письменности за 1877 г.,“ содержащій в себѣ описанія 16-ти изданій Общества, 5 литографических снимков и, в видѣ прилож. к „Протоколу годового собранія,“ статьи князя П. П. Вяземскаго „О значеніи русских лцевых изображеній,“ „О древней музыкѣ“ и „Проект Бортиянскаго о введеніи в Россіи крѣпковаго пѣнія.“ Цѣна 3 рубля.

„Стефанит и Ихнилат,“ с предисловіем и примѣчаніями Ф. И. Булгакова. Цѣна 5 рублей.

С требованіями обращаться: к секретарю Общества Л. Др. Письм., Спб. Фурштатская, д. 42, кв. 31.

ОБ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„С Л О В О“

в 1879 году.

Научный, литературный и политическій журнал „СЛОВО“ будет издаваться в 1879 году в С.-Петербургѣ, без предварительной цензуры, по прежней программѣ и в прежнем объемѣ (от 20 до 30 листов большого формата).

В вышедших до сих пор книжках журнала были, между прочим, помѣщены слѣдующія статьи:

Не у дѣл. Сцены. П. Д. Боборыкина. — Записки лондонскаго врача для бѣдных. Ф. Шаля. — Кто во что горазд. Повѣсть П. Вологодина. — Страница романа. Роман Э. Золя. — Гражданка. Сцены А. И. Пальма. — Вогезскіе рассказы. Эркмана-Шатриана. — Идеалистка. Повѣсть Анны Стацевич. — Поѣздка во Фратешти. Е. Л. Ивановой. — Странные люди. Рассказ Златовратскаго. — Бѣшенная. Г. И. Богрова. — Первый блин комом. В-вой. — Забытые. Очерки Н. Максимова. — Сами по себѣ. Роман П. Д. Боборыкина. — Царская

шатрѣза. Роман Стендаля. — Историческое значеніе военнаго подбора. М. П. Чурилова. — Трудовое начало в народном обычном правѣ. А. Я. Ефименко. — Экономическая теорія Маркса. Н. И. Зиберя. — Новыя данныя об общинном землевладѣніи в Россіи. П. А. Соколовскаго. — Наука о языкѣ и ея отношенія к антропологии и социологии. Д. Н. Куликовскаго. — Общественно-экономическія отношенія в юговосточной Россіи. В. П. Гидяранскаго. — Культурные пioniры (этюд о религіозных сектах). Д. Н. Куликовскаго. — Фердинанд Ласаль сквозь очки Чичерина. Н. З. — Обезцѣненіе крестьянской собственности. Б. Ленскаго. — Происхожденіе и развитіе торговли и торговаго класса. М. Кулишера. — Старовѣріе. Юзова. — Лѣсное царство. П. Вологодина. — Борьба за существованіе и политическій строй. М. Кулишера. — Очерк исторіи обращенія с дѣтьми. М. Кулишера. — Родовое начало в древнем обществѣ. Д. А. Коропчевскаго. — Темная страна (отчет о путешествіи Стэнли). — Послѣднее слово буржуазной философіи. Б. Ленскаго. — Ученое невѣжество. А. А. Головачева. — Общества животных, как матеріал для социальной науки. И. Л—аго. — Вольтер. Жика. — Физиологическія основы поэзіи. Т—скаго. — Финансовое хозяйство Россіи. — А. С. — Британскіе интересы на Востокѣ. И. И. Янжула. — Временный застой. Вл. И. Жуковскаго. — О земских дѣлах и дѣятелях. — Обзорѣнія русской и иностранной журналистики. — Политическіе вопросы дня. И. Л. — Корреспонденціи из Италіи, Англіи, Парижа, Германіи и пр. — Научная хроника. — Библиографія русская и иностранная. — Театр в провинціи и проч.

В приложеніи: Исторія одного преступленія. Виктора Гюго. — Программа для собиранія свѣдѣній об общинном землевладѣніи. П. С. Ефименко.

Подписная цѣна журнала.

	На год.	На полгода.
Без доставки и пересылки	15 р. 50 к.	8 р. — к.
С доставкой в С.-Петербургъ	16 „ — „	8 „ 50 „
С пересылкою в другіе города	17 „ — „	9 „ — „
С пересылкою за границу	19 „ — „	10 „ 50 „

Подписка принимается: в С.-Петербургъ — в главной конторѣ редакціи, Гороховая, 9; в Москвѣ — у И. Г. Соловьева, Страстной бульвар, д. Алексѣева.

Гг. иногородные подписчики благоволят обращаться исключительно в редакцію журнала „Слово“, С.-Петербург, Гороховая, 9.

Разсрочка платежа подписной суммы допускается на слѣдующих условіях: при подпискѣ вносятся 7 р., к 1-му марта — 5 руб. и к 1-му мая 5 руб. Желающіе воспользоваться разсрочкою, обращаются непосредственно в редакцію.

20-го Января вышла и разслана подписчикам

ПЕРВАЯ КНИЖКА ЖУРНАЛА

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ

IV-й ГОДЪ.—1879 г.

Содержаніе: I. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, Народное образованіе в кievском учебном округѣ.—II. В. П. Коховскаго, Современная школа во Франціи.—III. Утомленіе дѣтей умственной работой.—IV. Педагогическая хроника: Об улучшеніи народноучительскаго персонала.—Помощь народным школам.—Народная аудиторія.—Курсы для взрослых.—Воскресно-ремесленные училища.—V. Свѣдѣнія о народном образованіи: в вѣдсоединенной части Бессарабіи; в Петербургской, Харьковской, Тверской, Новгородской и Тульской губерніях.—Народное образованіе в Швеціи.—VI. Библиографія: 24 Рецензій (Велишскаго, Быт Греков и Римлян; Зенгера, Нѣсколько поправок к тексту Горация, Вагнер, Die Entstehung des Herodotischen Geschichtswerkes; Prammer, Cornelii Taciti Germania; Rheinhardt, Julii Caesaris commentarii de bello gallico; Weil, Démosthène; Pierron, Homère, Piade chant X; Эрисман: Обще-доступная гигиена; Die Bewegungsspiele des Kindergartens; Guts-Muths, Spiele; Magister jovialis; Müller, Etymologisches Wörterbuch d. englischen Sprache; Корсак, Первоначальные уроки русской грамматики; Пыпина, Ис-

торія славянских литератур; Боппа, Таблица метрических мѣръ с текстом; Ишимовой, Сокращенная русская исторія; Овсянникова, Географическіе очерки и картины; Штрауха, Карта Европейской Россіи; Meinshausen, Flora ingrica. Дѣтскія книги: Чистякова, Бѣдныя Индусы; XXV дѣтских стихотвореній; Канаева, Замѣчательный работник Эдвард; Блинова, Жизнь Робинзона и Коровина, Двѣ капли (ки).—Обзор періодических изданій: Изданія общества любителей древней письменности за 1877 и 1878 гг.—VIII. Мнѣнія и отзывы: Отчет г. Сент-Илера о педагогическом отдѣлѣ парижской выставки.—IX. Вниманію земских управ: Мижуева, К вопросу об устройствѣ народных училищ.—X. Разныя извѣстія: Слѣта мин. народнаго просв. на 1879 г., испытаніе на званіе домашней учительницы; славянскія нарѣчія в итальяских университетах; антропологическій музей; антропологическая выставка; архив естествоиспытателей; премія минералогическаго общества за біографію Ломоносова; библиографическое общество; біографическій словарь и зоологическая экспедиція.—XI. Объявленія.

Подписка на „Педагогическій Музей“ (12 книгъ, 60 листов, не считая приложений) принимается в главной конторѣ редакціи при книжном магазинѣ „Новаго времени“ (Невскій, 60), в книжных магазинах Н. Фену и К^о, а равно и у всѣх извѣстных книгопродавцев, столичных и иногородных.

Цѣна на год без доставки 5 р. 50 к., на полгода 3 р. 50 к.; с пересылкой 6 р. и 4 р. Для годовых подписчиков допускается разсрочка: 2 р. при подпискѣ, 2 руб. в концѣ марта и 2 р. іюля. Народные учителя и школы пользуются уступкой на оба означенные срока в размѣрѣ 1 руб.

Желающіе приобрести полные экземпляры „Педагогическаго Музея“ за прежніе годы обращаются исключительно в редакцію (Фурштадская, 42). Пониженная цѣна за 1876 год 2 р. без пересылки; за 1877 и 1878 г. по 5 р. каждый. Для средних и низших учебных заведеній всѣ три года 10 руб. с пересылкой и доставкой.

За редактора: издатель П. Офросинов.

ЭМИЛЬ ГАРТЬЕ, КНИГОПРОДАВЕЦ-ИЗДАТЕЛЬ, КОММИССИОНЕР
по русской и иностранной книжной торговлѣ
С.-Петербург, Большая Конюшенная, д. № 6.

ГГ. ИЗДАТЕЛИ И АВТОРЫ

ученых, литературных и музыкальных произведеній, газет, журналов и періодических изданій, эстампов, фотографических снимков, предназначаемых к продажѣ, географических карт, учебных пособій, образовательных игр и т. п.

ПРИГЛАШАЮТСЯ ДОСТАВЛЯТЬ ПОСТОЯННО В КОНТОРУ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА:

„РОССИЙСКАЯ БИБЛОГРАФІЯ“

(еженедѣльный вѣстникъ книжной и музыкальной торговли, графических искусств, типографскаго дѣла, бумажнаго производства и вообще всѣх искусств, ремесл и промышленности, имѣющих отношеніе с торговлею произведеніями печати),

Большая Конюшенная, д. № 6.

подробныя названія или заглавія своих изданій, вышедших или имѣющих выйдти послѣ 1-го Января 1879 года, для того, чтобы таковыя могли быть своевременно включены в перечни новых книг, нот, карт и пр., поступивших в продажу, печатаемые в каждом номерѣ „Россійской Библиографіи“. Необходимо, чтобы при извѣщеніи о выходѣ в свѣтъ книг, нот и т. п., сообщались свѣдѣнія о их цѣнѣ, форматѣ, числѣ страниц и входящих в книгу рисунков или чертежей, а еще лучше, если гг. издатели будут доставлять в редакцію по одному экземпляру своих изданій, тотчас же по выходѣ их в продажу. В послѣднем случаѣ, названіе присланной книги, нот и т. п., непременно войдет: 1) В еженедѣльный алфавитный перечень ближайшаго номера журнала; 2) въ ежемѣсячные систематическіе каталоги и 3) в годовую алфавитный и систематическій каталоги. Каталоги эти будут прилагаться к журналу для гг. подписчиков бесплатно.

Доставленные в редакцію экземпляры изданій будут сохраняться в конторѣ ея, для возвращенія, по требованію, приславшим их лицам в теченіи трех мѣсяцев; не взятые же обратно в теченіи этого срока экземпляры будут сочтены присланными в дар редакціи „Россійской Библиографіи“.

Кромѣ того, в отдѣлѣ объявленій, гг. издатели могут помѣщать, извѣщенія о своих изданіях, с платою по слѣдующему разсчету:

За 1 страницу в $\frac{1}{8}$ долю листа)	10 р. — к.
„ $\frac{1}{2}$ страницы	6 р. — к.
„ $\frac{1}{4}$ страницы	3 р. — к.
За одну строку в 70 букв	— „ 25 к.

Цѣна годовому изданію „Россійской Библиографіи“ со всѣми приложеніями без доставки 6 р.; с дост. в С.-Петербургѣ 7 р.; с пересылкою 8 р.

Для гг. книгопродавцев и издателей существуют особыя условія подписки.

Желающим получить подробную программу изданія и 1-й номер журнала, таковыя будут высланы бесплатно, по первому требованію.

Эмиль Гартъе

Издатель „Россійской Библиографіи“.

Большая Конюшенная, № 6, в С.-Петербургѣ.

в 1879 году.

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“,

(ГОД ДЕВЯТЫЙ).

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

Домашняго и общественнаго воспитанія

издается по той-же программѣ, в тѣ-же же сроки и таком-же объемѣ, как и в 1878 году.

Полное годовое изданіе журнала состоит из двадцати двух книг и сорока номеров „Педагогической хроники“. Подписная цѣна на полный журнал с пересылкою 12 р.

Полное изданіе состоит из двух отдѣлов, на которые допускается также отдѣльная подписка.

I. Семейное чтеніе (отдѣл для дѣтскаго чтенія) выходит ежемѣсячно, т. е. 12 книг в год. Подписная цѣна с пересылкою 10 р.

II. Воспитаніе и обученіе (отдѣл для родителей и воспитателей) выходит в количествѣ 10 книг (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), с добавленіем „Педагогической хроники“, выходящей в количествѣ 40 номеров в год. Подписная цѣна с пересылкою 5 р.

Семейное чтеніе дает статьи религіозно-нравственнаго содержанія, рассказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, руководлія, мастерства и проч. матеріал для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Воспитаніе и обученіе с „Педагогической хроникой“ содержит в себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библіографію; біографическіе очерки педагогов и статьи по исторіи педагогій; отдѣл математическій (самостоятельныя изслѣдованія в области элементарной математики; разработка тѣх или других частей курса учебных заведеній на научно-педагогических основаніях, и т. п.). „Педагогическая хроника“ дает отчеты по текущим вопросам учебно-воспитательнаго дѣла как в Россіи, так и за границую и полную библіографію вновь выходящих по воспитанію и обученію книг.

Подписка принимается в конторѣ редакціи: С.-Пб. Васильевск. ост., 15-я линія, д. № 8, кв. № 20; или адресуется просто: В С.-Петербург в редакцію журнала „Семья и Школа“ (адрес почтамту извѣстен), — с сообщеніем подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газет и журналов.

Редактор-Издатель *К. Красович.*

PG 2003

R96

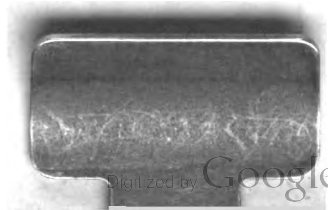
1879

PG 2003

R96

1879

3 0000 125 500 466